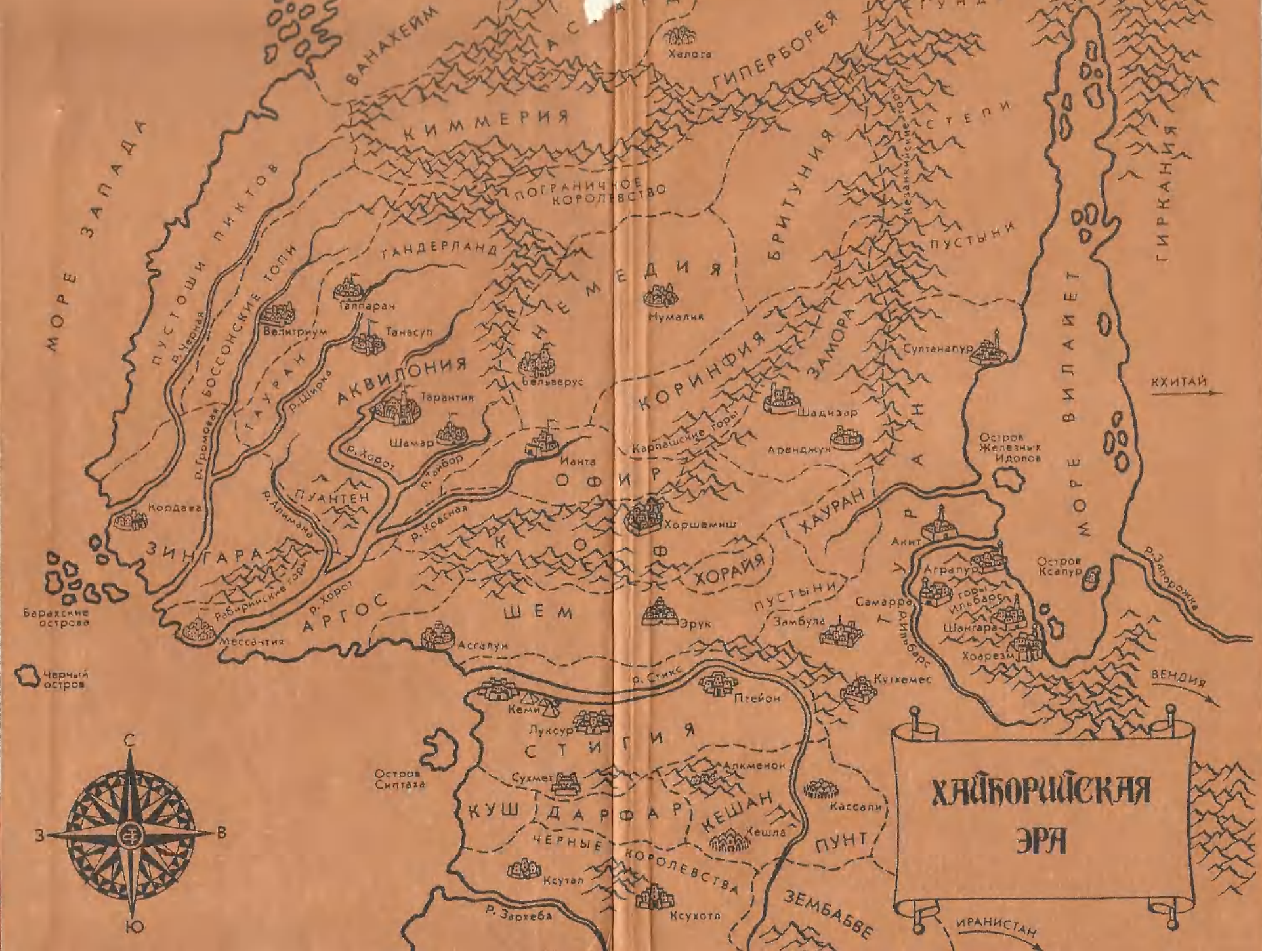

CONAN™

КОНАН И РАСКОЛОТЫЙ ИДОЛ

Северо-Восток®

© 1997 **КОМ**

КОНАН И РАСКОЛОТЫЙ ИДОЛ

Санкт-Петербург
"СЕВЕРО-ЗАПАД"
1997

ББК 84(7США)

К 64

УДК 820(73)

К 64 Конан и расколотый идол: Романы. — СПб., Северо-Запад, 1997. — 448 с.

ISBN 5-7906-0011-5

Авторские права защищены.

Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части, в любой форме, в средствах массовой информации. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

*В оформлении обложки использована работа Ken Kelly.
Публикуется с личного разрешения автора и его агентов.*

К 8200000000

© К. Kelly, обложка, 1994

© «Северо-Запад», составление и подготовка
текста, серийное оформление обложки и форзаца

Глава 1. Дым над водой

Седой, колдовской туман клубился над водами моря Вилайет. Могучие серые утрюмые волны с белыми барашками пены на гребнях неслись по глади моря, как стая гончих,— казалось, морщины набегают на чело неведомого морского божества,— и, взметаясь вверх под порывами ветра, сливались с клубами тумана, заботливо кутавшего мир в серое одеяло. Так что порой нельзя было понять, где верх, где низ, ибо вода была и вверху и внизу. Весь мир был водой, как когда-то в начале времен, когда во тьме Хаоса вдруг забил Родник Жизни — Хвергельмир, победивший Царство Мрака — Нифльхейм и Царство Огня — Муспелльхейм. И тогда отступил мрак вечного Хаоса, и от смешения Духов Огня и Воды зародилась жизнь — и огромная ледяная глыба, образовавшаяся из замерзшей воды, бившей из Хвергельмира, зашевелившись, поднялась ввысь и превратилась в великана Имира, первое живое существо в мире.

Во всяком случае, так утверждали ваниры, а их восточные соседи асиры эти слова только подтверждали. Ну, конечно, кому же еще быть первым существом в мире, как не верховному божеству их родного Нордхейма — страны Белого Безмолвия, где торосы на берегах фьордов ослепительно сияют, отражая сполохи северного сияния, а в сердце жестокой метели кружат хоровод веселые и безжалостные дочери Снежного Великана.

«Что ж, может, они и правы, эти потомки рыжих обезьян», — подумал рослый, с густой гривой вороных волос вар-

вар, угрюмо рассекавший веслом волны Вилайета, продвигая свой челн все дальше, — если только еще существовали где-то пространство и время, абсолютно неосязаемые в этом влажном и непроницаемом царстве воды.

«Может, и вправду первым существом был Ледяной Великан, а первым веществом в мире — вода...»

Странный варвар, пустившийся в плавание на утлом челне, всегда немного презирал жителей Нордхейма и, мягко говоря, недолюбливал их, — причем больше рыжих ваниров, чем златокудых асиров, с которыми ему случалось бок о бок сражаться в былые времена. Как бы то ни было, а не верить их сумрачным легендам и сагам он не мог, ибо сам столкнулся когда-то — в беспыльной, удалой юности — с коварным ираром Ледяной Девы и могуществом ее свирепого отца.

«А что, вполне возможно. Из чего-то же должен происходить мир — так почему бы и не из воды? Не так уж они и глупы, эти рыжие северяне, и дерутся знатно к тому же! Да и в Коринфе от мудрецов доводилось слышать, будто вода является этой... первичной, как ее... суп... суб... субстанцией. То же мне, умники! Называли меня варваром, а рассуждали точь-в-точь как ваниры, а уж те — клянусь Кромом — по варварству киммерийцам сто очков вперед дадут. Тоже мне — философы! Ишь чего выдумали. Субстанцию эту самую, Нергал ее деря...»

Конан-киммериец сплюнул и, оборвав свои рассуждения, стал еще ожесточеннее грести. Ему давно опротивело бесконечное блуждание по туманным просторам Вилайета. Он уже и не помнил, сколько дней прошло с тех пор, как покинул лазурные, теплые, ласковые воды Юга и без тени сомнений направил свое суденышко на сумрачный Север, куда опасались заплывать пираты, даже куда более отчаянные и свирепые, чем он, знаменитый Амра, Гроза Черного Побережья.

«Бывший», — напомнил себе Конан и горько усмехнулся. Перед глазами, на миг прорвав серую пелену тумана, вспыхнула яркая картина — южное, черное небо с месяцем, висящим рогами вверх, но не звезды и не месяц освещали

море, и не восходящее солнце. Нет, волны Вилайета были багрово-черными от зарева пылающего порта Джафар, цитадели вилайетских пиратов.

Да и к Эрлику бы весь этот город, полный всяких сухопутных крыс-торгашей, менял, жулья, трактирщиков, проституток! Самое страшное было другое: в бухте горел веселым и ровным пламенем — гудя и треща, как дрова в девяти адских печах, — весь флот пиратов славного Вилайетского Красного Братства. В довершение всех бед, на вершине холма, венчая вакханалию пожара, ярко пылал замок, с такой любовью и заботой отстроенный Конаном. Да, недолго пришлось ему править пиратской братией вольного Джафара из своего орлиного гнезда. И гнездо разорили, и птенцов сожрали. Неплохо его пощипали туранские ястребы!

Все изменилось, с тех пор как в Аграпуре скоростижно скончался старый добряк падишах Илдиз, смотревший, честно говоря, сквозь пальцы на проделки вилайетских пиратов. Не выдержал, конечно, один раз и он — послал на Джафар вельможу Артабана с войсками... да толку из этого не вышло. Заманили его Конановы орлы в глухие Колчанские горы. То-то было потехи! На этом борьба Илдиза с пиратством и закончилась. Уж больно не любил добрейший монарх заниматься государственными делами.

Да ведь и с самим Конаном они когда-то были добрыми знакомыми. Давно, еще когда молодой киммериец завербовался наемником в туранскую армию. Тогда-то он и привлек благосклонное внимание владыки своими подвигами, — убил мятежного сатрапа Яралета, когда вместе с белозубым Джумой-кушитом сражался в джунглях Вендии, а затем вызволил царскую дочь Созару из плена кровожадных правителей долины Меру. Потом Конан отправился в Кусан и сорвал заговор вельмож под руководством коварного Фенга, — если б не доблесть киммерийца, едва не сгинувшего у проклятого Монолита, не миновать бы Турану войны с Кхитаем... Больше того, Конан не раз выполнял задания шахского визиря Мишпрака, оказав множество услуг правящему дому Турана.

Да вот только мало что выгорело киммерийцу на службе у добряка Илдиза. Добрый был, на обещания не скупился, а вот в карманах у его вояк вошь на аркане прыгала.

Зато сам, говорят, в ванне из чистого золота купался, — сразу с тремя наложницами. Большая была ванна! Вот и нашли его однажды в этой самой ванне — владыка с головой лежал в водичке, настоящей на тридцати восьми благоговениях. Только пяточки наружу торчали синенькие. Что называется, почил в бозе. Всех трех наложниц, что обычно любили купаться со своим повелителем, конечно же, сразу, без разбирательств, бросили свирепым мастафам, — за то, что недоглядели за стареньким владыкой. А корону Турана водрузил на голову принц Ездигерд, давно уже мечтавший взять бразды правления в свои железные руки. Только вот с целой империей Ездигерд не унаследовал, к сожалению, даже и малую толику папашиного доброго нрава. А потому новый владыка Турана в золотых ваннах расслаивать не стал, а взялся за дело резко и с размахом.

...Привыкшие к вольготной, безнаказанной жизни, Красные Братья совсем не ожидали увидеть в одну прекрасную ночь у стен Джафара огромный флот туранских галер, который провели к Аетолианским островам подкупленные предатели — вожди Морских племен.

Исход битвы был предрешен. Подлая измена недавних союзников, сытое благодушие самих пиратов, как и всегда, сделали свое черное дело. Добрая половина грозных морских разбойников в ту роковую ночь кутила в многочисленных кабаках, а другая — дрыхла в обнимку со своими девками. И почти все они оказались порублены в мелкую капусту туранскими удалцами, которые лихо орудовали ятаганами и пускали по охваченному паникой городу тучи огненных стрел.

Конана беда застигла тоже в постели, где он, позабыв обо всем, нежился в объятьях своей любовницы Филиопы, которую не без тщеславия называл «королевой Джафара». Королем он, естественно, мнил себя самого. Но в ту ночь его короновали огнем и помазали на царствие кровью...

К счастью, у капитана Амры всегда под рукой был верный меч, который он, по старой привычке, клал в изголовье постели, — какие бы утехи ни ожидали его в ней. И когда в его спальню ворвались воюющие туранцы, Конан и его отважная подруга встретили их на ногах. Так же на ногах Филиопа встретила свою смерть от стилета, пущенного меткой рукой и вонзившегося ей прямо в горло.

Конан с лихвой отомстил за ее смерть, отправив вслед возлюбленной на Серые Равнины добрую дюжину врагов, но уже ясно было, что пришла пора прощаться с Джафаром, ставшим ему почти родным.

Отбиваясь от напавших туранцев, Конан добрался до задней стены и, нажав плечом на невидимую пружину, как призрак растворился в серых камнях, оставив солдат Ездигерда в полной уверенности, что проклятый Амра, за голову которого была обещана богатейшая награда, — истинный демон, каким они всегда его и считали.

Вот тогда-то Конан и возблагодарил Крома, собственную предусмотрительность и старого мудрого архитектора-кхитайца Чена, выстроившего по его заказу тайный туннель, выводящий из спальни замка прямо к подводному гроту, проплыв через который можно было очутиться в безлюдной, затерянной бухте на другом берегу острова. Там, среди скал, ждал своего часа небольшой ялик с запасом провизии. Конан знал, что в жизни бывают непредвиденные ситуации...

...И теперь лишь седой, колдовской туман окутывал утлое суденышко — все, что осталось от великолепной пиратской армады Грозы Кровавого Побережья. Этот проклятый туман стлался над водой как дым, напоминая Конану о сгоревшем Джафаре. И в дым превратились все его мечты и устремления, все его накопленные богатства и слава самого грозного воителя на Вилайте. Капитана Амры больше не было. Остался только дым. И вода. И полуголый варвар-киммериец, борющийся с этой равнодушной стихией.

Остались и горькие воспоминания — хотя обычно Конан был не из тех, кто тратит время на пустые сожаления. Ему не жаль было ни утраченной власти, ни золота. Но вот Филиопа...

«Ах, туранцы, ах, Сетово отродье! Такую женщину погубили!»

Конану не впервой было терять возлюбленную на поле боя. Тогда, в первый раз, это было во сто крат больнее. Зато теперь Филиопа, наверное, вознеслась на небо и стала валькирией — небесной воительницей. Подобно Белит, королеве Черного Побережья.

Так говорили ваниры и асиры — что девушки, погибшие в бою, становятся валькириями и незримо витают над полем сечи, и иногда помогают своим возлюбленным...

Конан полез в свой мешок с провизией, уже изрядно похудевший, и, пошарив по дну, извлек кувшин вина.

«Последний», — вздохнул он и решительным движением выплеснул половину содержимого за борт. Вино на мгновение окрасило воду, подобно алой крови, и исчезло в серых бурунах. А Конан, справивший молчаливую тризну по упедшей на Серые Равнины подруге, достал сухарь и стал медленно жевать его, запивая оставшимся вином. Мысли о прошлом перестали тревожить его. Покойников не вернешь, а жизнь продолжается. И он, Конан, жив, а это в данный момент — самое главное. Не в его правилах было долго убиваться, рыдать и рвать на себе волосы.

Он доел сухарь и, выпив вино, швырнул опустевший кувшин в море. В животе у него урчало. Зверь по имени Голод явно не был удовлетворен. Ругнувшись, он опять взялся за весло и стал неумоимо грести, стараясь не обращать внимания на назойливые мысли о субстанциях и супах и на туман, клубившийся над водой, как дым над пепелищем Джафара. Как пар над суповой кастрюлей. Дым над водой, — Нергал его напустил, что ли? Может быть, это туманное побережье, этот таинственный север Вилайета и есть преддверие Серых Равнин?

Как бы то ни было, а челн, направляемый не знающей устали рукой киммерийца, плыл и плыл по туманному морю. И дым, стлавшийся над водой, скрывал от Конана приближавшиеся берега неведомой земли...

Глава 2. Демон туманного побережья

Конана разбудил резкий крик чайки. Встрепенувшись, варвар схватился за весло и, открыв глаза, увидел, что клочья седого тумана стали постепенно расплываться, хотя все вокруг по-прежнему было подернуто сумрачной пеленой. Киммериец и не заметил, как задремал, а за это время что-то изменилось. В разрывах между клубами тумана мелькали пронзительно кричащие чайки. А это значило, что где-то рядом — земля.

Окажись на месте Конана человек менее опытный, он бы уже потерял голову от радости, но киммериец остался все так же угрюм и невозмутим. Лишь рука нащупала на поясе рукоять меча. Конан знал, что встреча с незнакомым побережьем сулит не так много радости, как это могло показаться на первый взгляд. Незвестность не пугала варвара, но он был готов к любому повороту событий.

И вот, наконец, туман начал рассеиваться, и перед Конаном предстала темная гряда утесов неизвестной земли. Угрюмые мрачные скалы возвышались подобно стенам крепости, построенной в незапамятные времена пращеловчатым народом, и эту титаническую цитадель беспрестанно, с хищным ревом, штурмовали legionны волн. Только теперь Конан позволил себе порадоваться — тому, что подплывает он к этим скалам не на настоящем морском судне, а всего лишь на утлом и юрком ялике, ибо любой большой корабль неминуемо нашел бы гибель у этих негостеприимных берегов, изобилующих подводными рифами, —

их мокрые верхушки торчали там и тут из воды, подобно акульным плавникам. Туман же, который, казалось, начал было рассеиваться, никуда не делся — он просто теперь не стелился так низко над водой, а поднявшись вверх, окутывал таинственные скалы.

Чайки, вившиеся над утесами, оказались не единственными местными обитателями. Конан еще издали разглядел на более или менее пологих уступах скал черные, лоснящиеся неповоротливые фигуры. А вскоре, сквозь шум прибоя, можно было уже различить нечленораздельный хриплый рев самцов-сивучей. Оказывается, побережье и все прибрежные воды кишели алпачами, морскими быками, каланами. Такого невероятного количества морского зверя Конану не приходилось встречать даже на необъятных песчаных пляжах побережья Западного моря, и он невольно пожалел, что под рукой у него нет хорошего гарпуна.

Тем не менее, он не стал унывать, а быстро нашел выход — выхватил из-за пояса острый, как игла, и в то же время очень прочный длинный стилет заморийской работы, который всегда носил в паре с мечом, и намертво прикрутил его своим кожаным ремнем к тонкому концу весла. Соорудив таким образом острогу, киммериец поудобнее перехватил ее и, заняв охотничью стойку, стал зорко вглядываться в волны, не мелькнет ли где блестящая спина алпача пожирнее. Инстинкт хищника полностью овладел варваром, и первая жертва не заставила себя долго ждать. Не очень крупных размеров, молодой и, по всей видимости, неопытный зверь подплыл слишком близко к ялику Конана, который отреагировал на это с быстротой молнии, — и вот уже трепещущая добыча поднята на остроге. Конан победно заулыбался — впервые за много дней. Наконец-то удача повернулась к нему лицом!

Киммериец быстро перерезал горло своей жертве и, бросив ее на дно суденышка, вновь занял исходную позицию. Хвала Крому, охота обещала быть удачной. Вода вокруг так и бурлила под лапами морских красавцев.

Наконец, высмотрев наиболее неосторожного из них, который подплыл почти к самому борту, Конан поднял

острогу и... Неожиданно огромная черная масса бесшумно вынырнула из воды и, блеснув гигантскими бивнями, вонзила их прямо в спину несчастного котика. Конан, собиравшийся ударить по той же мишени, со всего маху вогнал острогу в лоснящуюся спину неведомого зверя, который чуть было не опрокинул ялик в азарте погони за своей жертвой. Вода вокруг тотчас окрасилась кровью. Неизвестный хищник издал страшный рев и резко дернулся, увлекая за собой острогу. И если бы рука вовремя не разжалась, то вслед за острогой последовал бы и Конан.

Огромный зверь с острой в спине стремительно поплыл прочь от челна, издавая душераздирающие вопли, от которых у Конана заложило в ушах. Очевидно, кинжал сильно досаждал морскому чудовищу, ибо оно, выпрыгнув из воды, — на удивление легко, несмотря на изрядный вес, — сделало в воздухе двойное сальто, и варвар смог наконец рассмотреть своего конкурента по охоте. Это был огромный морской бык, шкура которого была покрыта черной короткой щетиной. Маленькие, налитые кровью глазки злобно сверкали, а бивни были столь велики, что вполне сравнились бы и со слоновьими.

Конан возблагодарил богов за то, что благоразумно разжал руку и дал зверюге утащить острогу. Правда, теперь он остался без весла и без стилета, но зато был жив. Проявив он хоть чуточку больше упрямства — и очутился бы в воде, где неминуемо погиб бы под ударами хвоста или от клыков взбесившегося быка.

«Странно, что этот бык охотится на алпачей. Не слышал я, чтоб они жрали кого-нибудь крупнее рыбы. Эдак он и меня бы слопал. Так что пусть плывет подобру-поздорову, Нергалово отродье...»

Морской бык, действительно, стремительно удалялся от ялика, продолжая издавать ужасные вопли. И неожиданно на его жалобы откликнулся кто-то — и от его рева задрожали все прибрежные скалы. На поверхность всплыли оглушенные рыбы, а сам Конан едва не свалился за борт.

Похоже, что мысль о Нергаловом отродье не зря пришла Конану в голову. Ибо загарпуненный бык — огром-

ный, размерами с матерого самца, — оказался всего лишь детенышем. Да, именно детенышем — и хоть и не самого Нергала, но существа явно близкого к нему.

Вода, примерно в полулиге от ялика Конана, внезапно забурлила и заклокотала, и на поверхности показалась чудовищная голова, размерами сравнимая с добрым утесом. Это была башка страшного монстра, выходяща из отдаленных эпох, когда природа играла с формами жизни и, одержимая безумием, порождала самые невероятные создания.

Киммерийцу доводилось слышать легенды гипербореев и ваниров, ходивших на своих судах далеко по Северному морю. По их словам, там еще можно было встретить подобных чудовищ, которым поклоняются дикие племена поедателей ворвани. Но киммериец во время своих странствий, хоть и забирался довольно далеко на север, ни разу не встречал подобных существ и потому считал истории о них пустыми байками. Так что здесь, на Вилайте, он ожидал увидеть что угодно, но только не колоссальную тушу, свирепо вращавшую огромными кровавыми глазами и ощерившую страшную пасть, в которой красовались целых шесть бивней, — самые большие толщиной, длиной и остротой не уступали носовому тарану боевой стигийской триремы, а маленькие были подобны бивням крупного зембабийского слона. И это необъятных размеров чудовище, рассекая толщу вод огромными лапами, которым позавидовал бы и кит, решительно направилось к челну Конана.

— Кром! — воскликнул ошеломленный варвар, непроизвольно хватаясь за меч. Однако уже в следующее мгновение он со всего маху сиганул за борт и поплыл к берегу что было мочи, благо что волны подогнали ялик довольно близко к суше. Пожалуй, это было наиболее здравым решением. Останься Конан в ялике — он был бы обречен. Вплавь же у него еще оставался шанс спастись. Оставалось лишь уповать на силу рук и ног.

Положение, однако, усугублялось тем, что чудовищный морской бык, который мог тягаться размерами со средней величины китом, в отличие от последнего, был вполне приспособлен к передвижению на суше.

Однако Конан не стал размышлять над этой проблемой и яростными гребками устремился к берегу. На мгновение оглянувшись, он увидел, как монстр со страшным ревом набросился на его несчастный ялик, круша его в щепы ужасными бивнями. Под конец он полностью потопил остатки суденышка ударом могучего хвоста. Огромная волна от чудовищного всплеска накрыла киммерийца с головой, но он, ослепленный и полузахлебнувшийся, продолжал отчаянно грести.

Расправа над яликом несколько задержала морского гиганта, и Конан получил выигрыш во времени. Вскоре его, отчаянно загребавшего руками и ногами, и подталкиваемого невольным союзником — прибоем, вынесло на скалистый берег. Его изрядно ободрало о камни, но, невзирая на это, киммериец встал и, жадно глотая воздух раскрытым ртом, пустился вскачь — вверх, по скалам, подобно козе в горах его заснеженной родины. Уже в который раз навыки опытного скалолаза, приобретенные еще в детстве, выручили его из беды.

Тем временем морской бык добрался до мелководья и стал огромными скачками выбираться на сушу. Вскоре он весь вышел из воды и полностью предстал перед изумленным взглядом киммерийца. Размеры этого чудовищного тела поистине впечатляли, — казалось, одна из многочисленных скал ожила и с ревом карабкается вверх, попирая своих неподвижных товарок. Конан успел заметить гигантские соски, болтавшиеся на груди чудовища, и понял, что прогневал любящую мать, случайно поранив ее здоровенное чад.

«Не хватало еще, чтобы к этой мамаше еще какой-нибудь папаша прискакал на подмогу. Если только это не сам Нергал», — зло подумал Конан, подтягиваясь на руках, чтобы добраться до очередного выступа в скале.

Тем временем чудовище, ничтоже сумняшеся, упорно двигалось вверх, вслед за Конаном, огромными скачками преодолевая большие расстояния. Громко шлепавшие ласты при каждом скачке безжалостно давили зазевавшихся алпачей, густо усеивавших путь наверх, — только кровь и камни брызгали во все стороны.

Конан уже чувствовал спиной зловонное дыхание жуткого зверя. И в этот момент, неожиданно, из расщелины в скале, вынырнула смуглая человеческая рука и устремилась к варвару, как бы предлагая: «Держись!» Конан, не раздумывая, ухватился за нее. Кто бы ни пришел ему на помощь, все было лучше, чем оказаться растерзанным монстром, который лязгал бивнями почти за самой спиной. В тот же миг к Конану протянулось еще несколько рук, которые ловко подняли его наверх и молниеносно втянули в щель, которую сам Конан впопыхах и не заметил бы.

Он не успел опомниться, как очутился в довольно большой пещере с узким входом, в окружении смуглых, суровых воинов в одеяниях из дубленых шкур, с черными, как смоль, волосами, заплетенными в косы. Киммериец еще не знал — считать ли ему себя в безопасности, но, во всяком случае, чудовищу теперь было не добраться до него. Он услышал ее возмущенный рев совсем рядом с потаенной пещерой и ухмыльнулся. Близок локоток, да не ухватишь! В тот же миг он увидел, как откуда-то сверху на голову чудовища посыпался град камней. Очевидно, другая группа воинов, заняв позиции на вершине скалы, решила обстрелять монстра. Обломки скал рушились сверху, смачно ударяясь о блестящую от воды шкуру.

Поначалу самка не обращала внимания на камнепад и продолжала карабкаться вверх, но людей, обстреливавших ее, было много, и они были упорны и метки. И вот, наконец, раздраженно ревя, исполинская тварь остановилась, попятилась и, грузно развернувшись, пошлепала назад. Добравшись до берега, чудовище шумно плюхнулось в воду и, продолжая сотрясать все вокруг недовольным ревом, погрузилось в морскую пучину...

Глава 3. Сыны морского льва

Наконец-то можно было перевести дух. Конан вытер пот со лба и внимательно огляделся. Он видел, что его со всех сторон окружают люди неизвестного племени, но в случае, если они задумали сделать его своим пленником, он вряд ли мог помешать им исполнить этот план, даже несмотря на свою богатырскую силу. Рука привычно потянулась к поясу и нащупала пустоту — увы, верный меч, похоже, канул на хранение в оружейные палаты подводных богов Вилайета...

Впрочем, похоже, что воины, так вовремя протянувшие ему руку помощи, не проявляли признаков враждебности и не посягали на свободу киммерийца. Они лишь с любопытством разглядывали Конана с ног до головы с откровенностью, свойственной дикарям. И в их колючих черных глазах можно было прочесть одобрение и даже восхищение внешностью могучего варвара. Конан не придал этому значения, — за годы своих странствий он редко встречал людей, которые могли бы сравниться с ним по росту, стати и силе. А изумление, которое он неминуемо вызывал своим появлением в незнакомых местах, порой даже надоедало.

«Хвала Крому, что здесь нет хотя бы баб, — подумалось Конану, — и что они все так пялятся на меня? В конце концов, отправлялись бы в Киммерию — там бы досыта нагляделись на таких, как я. А я бы показал дорогу, не боясь последствий. Все равно — как пришли бы — так и вернулись бы восвояси. Только уже далеко не все». На миг

Конану вспомнился штурм Венариума, когда он и его свирепые родичи задали перцу кичливым аквилонцам, закованным в стальные латы, и про себя ухмыльнулся.

Однако ухмылки ухмылками, а молчание явно затягивалось. И Конан, оставив при себе недобрые мысли, постарался улыбнуться как можно приветливее — насколько это позволяли ему скупые на мимику лицевые мускулы — воинам, продолжавшим рассматривать его как заморскую диковину. Он вытянул обе руки вперед, ладонями вверх, как бы показывая, что безоружен и не имеет дурных намерений, и, продолжая улыбаться, произнес несколько слов, которые еще помнил из грубого наречия тунгов и камбров.

Лет десять назад, еще до того как он стал наемником у Илдиза, Конан промышлял контрабандой на море Вилайет, войдя в долю с Красными Братьями из Султанапура. Один раз их корабль попал в шторм, и его выбросило на западный берег Вилайета, недалеко от северной границы Турана, где он и провел веселую зиму в обществе северных варваров, почти не отличавшихся от асиров и ваниров.

Однако Конан понимал, что теперь он находится гораздо севернее и намного дальше, чем заплывал когда-либо купеческий или пиратский корабль. Поэтому он не особенно огорчился, увидев недоумение на лицах дикарей. Предположения Конана оправдались — это племя было полностью изолировано от внешнего мира, — во всяком случае от того, который был ему известен.

Теперь туземцы решили взять инициативу на себя. Из группы воинов к Конану вышел пожилой мужчина. Его широкое бронзовое лицо было густо испещрено причудливой татуировкой, пополам с боевыми или ритуальными шрамами. Он положил правую руку на грудь и, обращаясь к Конану, произнес несколько слов на неизвестном, гортанном наречии, которое отдаленно напоминало гирканский язык. Это натолкнуло киммерийца на удачную мысль, и он заговорил на гирканском:

— Привет вам, отважные воины! Благодарю за помощь. Если бы не вы — вариться бы мне сейчас в желудке этой твари.

На этот раз речь киммерийца достигла цели. Пожилой воин оживленно закивал головой и перешел на гирканский язык, которым владел вполне свободно:

— Ты говоришь на языке ерканов, богатырь, но ты не похож на них. Откуда ты родом, чужеземец, и как добрался до Берега Великих Лежбиц? Еще ни разу на нашей памяти не приходил к нам чужак со стороны моря. Пару раз к нам являлись иноземцы со стороны заката, но они были грубы и жестоки, и нам пришлось снять с них кожу. Но в твоих глазах не видно злобы, и твои волосы оттенком напоминают наши, а не рыжую шерсть, как у тех, других. Так кто же ты такой?

«Ага, значит, кто-то из тунгов или камбров все же пытался сунуться сюда», — сообразил киммериец и, радуясь, что не похож на них, отвечал старику:

— Я — Конан из Киммерии, если вам только что-то говорит это название. Моя страна лежит далеко отсюда. А прибыл я сюда не по своей воле. Мне пришлось уходить от моих врагов. Я долго жил в южных странах и стал там... э-э... вождем. Но на меня напало враждебное племя. Врагов было гораздо больше, и они перебили моих людей. Ну а я скрылся от них и вот теперь нахожусь перед вами.

— Ты, верно, и впрямь был вождем, Конан, хотя я и не знаю, какие народы живут на юге. Мы всегда считали, что к югу и к западу от Берега Великих Лежбиц простирается бескрайнее море, доходящее до границ мира. Но я верю тебе, — заметил старик и одобрительно прибавил: — Только такой могучий и удачливый воин, как ты, смог бы стать вождем в чужом племени. И только такой человек смог одолеть морские волны и туман и приплыть сюда. Ты везучий человек, Конан, — тебе удалось спастись от клыков Великой Коровы.

— Это точно, — ухмыльнулся Конан, польщенный похвалой старика. — А откуда у вас развелись такие демоны? Что-то не похоже, чтоб вы особо любили их. Я встречал немало племен, которые поклонялись всяким чудовищам и считали их своими предками. Вы, я вижу, не из таких.

Старый воин улыбнулся:

— Наш народ некогда приносил жертвы этим животным из страха перед ними, пока ерканские купцы не принесли нам свет учения Эрлика и Вечного Неба. Теперь из наших старых богов мы поклоняемся лишь Морскому Льву. Морской Лев — наш покровитель и предок. А страшный зверь, который на тебя напал, — действительно демон, порождение темных сил. Это наш главный враг. Если Великие Быки появляются у Побережья — значит, исчезнут все алпачи и котики, и нас ждет голод. Чудовища страшно прожорливы. И их отпрыски также доставляют нам немало хлопот. Они пожирают всю живность и переворачивают наши каноэ, когда мы выходим на охоту в море.

— Это я успел заметить, — согласился с ним Конан. — Так ты говоришь, к вам наведываются гирканцы?

— Да, это единственные люди не из нашего племени, которых мы видим здесь. Они приходят с юго-востока и привозят с собой разные хорошие вещи. Вот только приезжают они редко — иногда раз в полгода, иногда — раз в год. Да и что им у нас взять? Мы — всего лишь охотники, и, кроме шкур и ворвани, у нас нет другого товара. Иногда, правда, удается убить детеныша Великого Быка, и тогда нам достаются его бивни — а за них купцы хорошо платят. Но такая удача выпадает редко. К тому же мы рискуем навлечь гнев чудовищ, которые жестоко мстят тому, кто причиняет вред их детенышам. Так что для купцов мы не так уж и интересны. Зато ерканы любят наведываться в страны, что лежат дальше, на северо-востоке.

— Кром! Я всегда думал, что на север от Вилайета лежат дикие, необитаемые земли. Тунги рассказывали мне, будто дальше их живут только снежные великаны и драконы. Ну а я так вообще считал, что там лежат Серые Равнины. Я так и думал, плывя сюда. Мне просто некуда было деваться.

— Я не знаю, кто такие тунги, и не знаю, о каких равнинах ты говоришь, — пожал плечами пожилой воин, — но тут у нас — везде плоскогорья, холмы, а дальше к востоку и к северу возвышаются горы, которые ерканы называют Рипами. Там живет грозный бог ветра, который насы-

ляет зимние вьюги и бураны. От его ледяного дыхания замерзает даже бурное море. И со склонов этих гор к морю течет великая река Рангха, устье которой лежит неподалеку от нас. У подножья Рип, вверх по течению Рангхи живут удивительные народы, есть там и страна великанов, встречаются и драконы. Вдоль горного хребта лежат степи и дремучая тайга. В степи и в горах лежит страна великих воинов. В этой стране много больших и малых городов, каменных и деревянных крепостей. Жители той страны богаты и счастливы — они добывают золото, серебро, медь и драгоценные металлы в недрах гор и выменивают их ерканским купцам, которые каждый год стремятся туда... Так, по крайней мере, сами торговцы поведали нам. Никто из нашего племени не забредал в такую даль. Возможно, все это лишь небылицы!

Конан только покачал головой. Воистину, велик белый свет, если даже здесь, на краю земли, в такой дикой глуши, где еще, вероятно, ни разу не ступала нога хайборийца, живут люди, — и даже есть, как выяснилось, вполне цивилизованные страны. Да еще и богатые золотом к тому же! Решительно, все эти сведения вдохнули в Конана отвагу. Пожалуй, здесь можно было начать жизнь заново, после всех постигших его бед и утрат.

Киммериец довольно потянулся и еще шире заулыбался людям Морского Льва и увидел ответные улыбки на темных лицах охотников. «А они неплохие ребята, — подумал он, — обычное варварское племя. Уж с ними-то у меня больше общего, чем с цивилизованными людьми».

— Слушайте, парни, — запросто обратился Конан к своим новым знакомым, — а как у вас насчет пожрать? Я был в пути много дней и за кусок мяса готов что угодно отдать. Только вот ничего у меня нету, уж вы не обессудьте!

— Пойдем с нами, чужеземец. — Пожилой воин похлопал его по плечу. — Наш народ чтит законы гостеприимства. Ты получишь пищу и кров, Конан из Киммерии. Ты можешь остаться с нами, — нам нужны такие здоровяки, как ты, но ты волен и уйти, когда захочешь, — мы покажем тебе дорогу. Ну а пока пойдем к нашим кострам.

Конан благодарно кивнул. Цивилизация опять исторгла его, поставила вне закона, низвела до положения изгоя, принудила к бегству, как дикого зверя, выкуренного охотниками из норы. И в который раз уже он находил приют у бесхитростных и прямодушных обитателей глуши. Они принимали его за своего, ибо он и был такой же варвар, который мог в случае необходимости спать на голых камнях и не погнушался бы разделить трапезу с дикарями, даже если пищей их было жирное и вонючее алпачье мясо...

* * *

Воины Морского Льва, возглавляемые пожилым охотником, — это был их вождь, по имени Акулан, — повели Конана в глубь пещеры, которая разветвлялась и делилась на многочисленные туннели. Казалось, все прибрежные скалы изрыты этими коридорами, как старое дерево червоточинами. И было непонятно, являются ли эти пещеры творением природы или делом рук человеческих. Конану все же думалось, что здесь потрудились люди. Решив проверить свою догадку, он спросил об этом у Акулана.

— Я не могу тебе дать точный ответ, Конан, — молвил старый вождь. — Когда наш народ пришел сюда несколько тысяч лет назад — в этих скалах уже существовали пещеры. А когда-то — давным-давно, в этих местах жил удивительный и загадочный Древний Народ. В те времена к югу от этих скал еще не плескались морские волны, а лежала обширная, плодородная равнина. Там-то как раз и располагалось государство Древних. В их стране были великие города, полные всевозможных чудес... говорят, там стены и башни были выложены драгоценными камнями, а сады сделаны из чистого золота. И даже статуи богов на площадях этих удивительных городов были изваяны из чистого золота и прозрачного горного хрусталя.

— И куда же девалось все это великолепие? — осведомился Конан. Ему уже не раз приходилось слышать за годы своих странствий легенды о неведомых пышных цивилизациях, которые поглотили разверзнувшиеся земные недра или бурные морские волны. В данном случае его

интересовало лишь золото и драгоценности сгинувших народов. Сейчас бы ему очень даже пригодилась хотя бы одна веточка из чудесных Золотых садов Древних.

— Увы, Конан, — вздохнул Акулан, — Древние прогневали грозных богов, ибо вели жизнь несправедливую и непотребную. Они погрязли в роскоши и разврате и проливали потоки крови не ради добывания пищи, а ради развлечения. Они нападали на окрестные племена и обращали их в рабство, а затем заставляли их сражаться друг с другом и с дикими зверями на аренах. Они свозили в свои города чудовищ со всех концов света. Говорят, что и этих чудовищных морских быков они привезли с севера и держали в огромных прудах. Они скармливали им пленных и считали, что делают это во славу своих богов. Но богам были неуютны их гнусные дела, и они прогневались, и тогда страну Древних поглотило море.

— Ну а тебе-то откуда все это известно? Клянусь Кромом, что ты ни разу в жизни не видел ни одного города, а уж тем более — арену, где рабов заставляют драться друг с другом и натравливают на них всяких чудищ! — Конан вспомнил мрачные казармы Халог и страшный Империй-Цирк в Луксуре и невольно вздрогнул. Богам было угодно тогда, чтобы он выжил в этих чудовищных мясорубках. Чего нельзя было сказать о сотнях и тысячах остальных — менее сильных и удачливых.

— А ты, Конан, считаешь, что наш народ всегда жил в норах и питался алпачьим мясом? — усмехнулся Акулан. — То, что ты видишь, — это только жалкие остатки некогда грозных и могущественных воителей. Наши племена — лишь осколки народов, у которых тоже были свои государства. Но Древние разгромили все державы вокруг — многие были перебиты, а остальные попали в рабство. Наше племя — потомки тех рабов, которые чудом сумели спастись бегством из страны проклятых нелюдей. Да, нелюдей, ибо людьми их назвать нельзя, столь уродлив был их облик. Хвала Вечному Небу за то, что уничтожило это нечестивое племя! Лишь немногие из наших предков — отважные, сильные воины — сумели бежать из этой жуткой

страны. Они-то и оставили нам предания обо всех ужасах, которые им довелось пережить.

Конан слушал старика с большим интересом. Ему и раньше приходилось слышать о том, что на дне моря Вилайет лежат затонувшие города и несметные сокровища. Он вспомнил о Сарпедоне — городе, покоящемся на дне и найденном его пиратами с помощью колдуна Кроталуса. Очевидно, Сарпедон был одним из тех городов Древних. Еще тогда Конан подозревал, что его погибшие жители не принадлежали к человеческому роду. Теперь эти подозрения полностью подтвердились.

— А затем,— продолжил свой рассказ Акулан,— страна Древних затонула, и горная цепь, отделявшая ее ранее от северных стран, превратилась в прибрежные утесы. Когда остатки нашего некогда великого народа переселились в эти края, в пещерах обитали лишь жалкие горстки Древних — те, что успели спастись от ярости потопа. Наши предки безжалостно истребили их, и с тех пор мы живем здесь, охотясь на алпачей и сражаясь с Великими Быками, которые вырвались на волю из зверинцев Древних во время катастрофы...

Конан и его спутники продолжили свой путь в молчании. Бесстрастные, смуглые воины, чьи далекие предки когда-то столкнулись с дочеловеческим народом, сжимали в руках факелы, горячим веществом которым служила ворвань. Яркие сполохи огня метались по мрачным, сырým сводам туннеля. И тут Конан сообразил, что вся эта система коридоров и ходов — не что иное, как заброшенная штольня. Именно здесь Древние добывали свои сказочные сокровища. Конан стал внимательно вглядываться в склизкие сырые стены, смутно надеясь, что где-нибудь блеснет прожилка золота или вкрапление изумрудов. Но увы, древние старатели потрудились на славу и выгребли из недр все подчистую.

Небольшой отряд продолжал свой путь по мрачному лабиринту. Кое-где на лицо Конана падал солнечный луч, и, поднимая голову, он видел над собой колодцы, выходившие на поверхность.

— Эти коридоры выходят не только наружу,— заметил Акулан. Как раз в этот момент перед ногами у них зачернел провал. Конан наклонился над ним и увидел колодец, уходящий далеко вниз, и вырубленные в скальной породе ступеньки, теряющиеся в темной бездне.

— Мы даже и не пытаемся спуститься по этим ступеням,— прошептал Акулан, опасливо обходя зияющую дыру, напоминавшую вход в преисподнюю Зандры.— Неведомые чудовища обитают там, в этой бездне. Иногда по ночам они поднимаются вверх и...— Тут пожилой воин замолчал.

Конан не стал допытываться у него, какие черные силы бродят по этим жутким коридорам, когда в них гаснут факелы и меркнет дневной свет, пробивающийся из дыр, ведущих наверх. Было очевидно, что древние нелюди добывали руду или драгоценные камни много веков подряд и проникли глубоко в земные недра. Возможно, они умели обуздывать нечисть, таившуюся в темной бездне, своим колдовством. В том, что они были колдунами, Конан не сомневался. Он по собственному опыту успел убедиться в том, что исчезнувшие дочеловеческие расы обладали секретами столь страшной магии, по сравнению с которой волшебба стигийских жрецов Черного Круга была детским лепетом.

Наконец перед путниками засияло яркое пятно света, и они оказались у входа в огромный, ярко освещенный зал. Конан обратил внимание на то, что в стенах этого зала зияют отверстия других коридоров, у каждого из которых стоял на часах воин. Вероятно, здесь был центр всего лабиринта.

На ровном, гладком каменном полу удивительного зала виднелись огромные, кое-где треснувшие плиты, позеленевшие от мха и древности, очень плотно пригнанные друг к другу. Было ясно, что благоустройством этого помещения занимались не дети Морского Льва.

Повсюду горели костры из сухих водорослей и плавника. У костров сидели полуголые женщины всех возрастов — от юных, довольно привлекательных девиц, до сморщенных старух, а также старики-ветераны, гревшие свои

простуженные морскими ветрами кости. К пришедшим воинам тут же кинулись веселые, чумазые, голые ребятишки. Они путались под ногами, что-то постоянно крича, и во все глаза разглядывали Конана. Огромный варвар явно произвел на них впечатление. Затем к ребятам присоединились женщины. Они подбегали к воинам и, громко тараторя, хлопали их по спине и тащили к кострам.

Конану с их стороны было так же уделено самое большое внимание. Женщины беззастенчиво ощупывали его мышцы и одобрительно кивали головой. Вскоре сбитый с толку, оглохший от гомона киммериец был усажен к костру. Вокруг него уже устроились другие воины, с довольными улыбками развалившиеся у огня, отбросив в сторону оружие — луки и топоры с медными лезвиями. Во главе сборища находился Акулан. Он приветливо кивнул Конану и пригласил его разделить с ними трапезу. Женщины, хлопотавшие вокруг мужчин, незамедлительно принесли еду — дымящееся мясо, мидий и съедобные водоросли.

Конан отдал должное трапезе, несмотря на то что мясо обладало не очень приятным запахом. Однако голод сделал варвара неприхотливым, да и выбирать было не из чего. К тому же не хотелось ударить лицом в грязь перед радушными хозяевами. Акулан был действительно щедр и даже выставил — специально для дорогого гостя — целый бурдюк гирканской араки, которая у племени была в большой цене и употреблялась нечасто.

Однако на этот раз хватило на всех. Хмельные пары сделали свое дело. Лица дикарей покраснелись, улыбки стали шире. Лишь на гиганта-киммерийца, казалось, спиртное не производило никакого действия, однако и его синие глаза блестели ярче обычного. Вскоре женщины, которым также досталось араки, пустились в пляс и с визгом завертели вокруг костра в удалом, беспашающем танце.

Несколько молоденьких девушек с озорным смехом подскочили к Конану и потащили его в круг. Варвар не стал особенно сопротивляться, — тем более, что мужчины не выражали недовольствия, а лишь поощрительно похо-

хатывали, глядя на то, как девки взяли киммерийца в оборот. Конан не стал смущаться и переминаться с ноги на ногу, а исторгнув из зычной глотки боевой киммерийский клич, гулко отдавшийся под сводами зала, начал неистово скакать по древним плитам. Затем он резко перешел с киммерийской пляски на стремительный шемитский танец, которому его научила когда-то Белит, а потом резко завертелся как волчок, отбивая чечетку, тряся торсом и сверкая белками глаз, подобно негру-кушиту.

Буйное веселье, охватившее Конана, передалось всему племени. И вот уже все, кто был способен держаться на ногах, с веселыми воплями завертели в безумном вихре дикарского танца. Пары араки, гулявшие в головах у всех, окончательно раскрепостили и без того не скованных условиями дикарей. Откровенная похоть проглядывала в этом безумном танце, — мужчины и женщины, юноши и девушки начали обнимать друг друга и попарно валиться наземь.

Конан не оказался исключением, на нем, зазывно сверкая черными раскосыми глазками, повисла стройная, гибкая молодая девушка. Продолжая плясать, она положила руки на плечи киммерийцу и стала все более настойчиво прижиматься к нему.

— Ты могучий воин, Конан из Киммерии, — шепнула она ему на ухо по-гиркански.

— Кто ты, красавица? — спросил Конан, уступая натиску дикарки и чувствуя, как нарастает его возбуждение.

Та рассмеялась и не ответила. Однако тут Конан уловил на себе взгляд старого вождя и догадался, что обнимается с его дочерью. Акулан, однако, тискавший какую-то полную матрону, лишь поощрительно кивнул головой молодым и даже озорно подмигнул киммерийцу.

«Этот старый вояка, похоже, не прочь занять меня в зятя», — мелькнуло в голове у Конана. Он несколько виновато улыбнулся вождю и, тут же забыв о нем, вновь занялся своей страстной партнершей по танцам.

— Зачем ты не сказала мне, что ты — дочь вождя? — осведомился Конан, крепче обхватывая улыбающуюся кра-

сотку за гибкую талию своими могучими лапами.— Так как же тебя все-таки зовут?

— Меня зовут Эйя,— смех ее звучал как перезвон хрустального кхитайского колокольчика,— да ты, я вижу, боишься моего отца! Не бойся, Конан, наше племя всегда гостеприимно к чужестранцам, приходящим к нам с миром, особенно женщины. Нам нужна свежая, горячая кровь, чтобы в нашем племени стало больше могучих воинов — таких, как ты! Ну же, Конан! Неужто в вашей Киммерии мужчины сделаны из льда?

— Ну нет, я — не Имир! — ухмыльнулся Конан и обжег Эйю огнедышащим поцелуем. Вокруг уже кипела первобытная оргия. Кровь ударила в голову киммерийцу, и он, всем телом ощущая горячую девичью плоть, понял, что растворяется в сладостном забытьи...

Глава 4. Порождения бездны

Лагерь племени Морского Льва был погружен во тьму. Разгульная оргия отняла у дикарей все силы, и теперь они спали вповалку меж едва тлевших костров глубоким, беспробудным сном. Даже часовые, напрочь позабывшие о своем долге и развлекавшиеся наравне со всеми, беспечно храпели вдалеке от зловеще темневших в полумраке отверстий туннелей. А в мрачной глубине этих туннелей и коридоров, едва иссякли последние источники света, пробивавшиеся снаружи, ожили и зашевелились странные, причудливые тени. Беспумные, как привидения, это были существа из плоти и крови,— во тьме зловеще горели алые глаза неведомых исчадий ада.

Беззвучно перебирая в крошечной темноте цепкими конечностями, существа одно за другим поднимались вверх по ступенькам, высеченным многие тысячелетия назад. Подземные твари выбирались из колодцев и, ведомые безошибочным инстинктом, устремлялись к залу, где беспечно спали во мраке забывшие об опасности люди.

Нападение было безжалостным и внезапным. Нечисть проникла в зал со всех входов разом — и меж спящими вповалку людьми замечались корявые тени монстров. Чудовищам нельзя было отказать в осторожности и сноровке: они беззвучно впивались в горло жертвы острыми, точно кинжал, зубами и, разом перекусив сонную артерию, бесшумно уползали во тьму, волоча следом истекающие кровью трупы.

...Конану снились родные киммерийские скалы. Отец Конана, кузнец Ниял, послал его к роднику за водой. Это был тот самый день, когда он выковал свой лучший меч и, для того чтобы закалить его, нужна была особая вода — из родника самого Крома. Мальчик только нагнулся над журчащим ключом, чтобы зачерпнуть в деревянную бадью прозрачной ледяной воды, как вдруг на дне, среди мелких камушков, возникло улыбающееся лицо Эйи. Конан от неожиданности выронил бадью — и ее лицо исказила гримаса ужаса. А над самым ухом киммерийца громовой голос prorokotal:

— Очнись, парены! Не время спать!

— Кром! — воскликнул Конан и... проснулся.

Прямо над ним склонялся темный уродливый силуэт какого-то существа, которое сверлило киммерийца горящим взглядом кровавых глаз и, лязгая чудовищными клыками, тянуло к нему искривленные руки с огромными когтями.

— Ах ты, Сетово отродье! — рыкнул Конан и, не раздумывая, за неимением лучшего оружия, выхватил из почти погасшего костра здоровый тлеющий сук, ткнув его прямо в оскалившуюся жуткую харю.

Монстр заверещал пронзительно и надрывно, завертел обожженной мордой. Красные глаза ослепленно моргали.

— Ха! — воскликнул обрадованный варвар. — Так тебе свет не нравится, блевотина Нергала?

Не мешкая, он схватил один из валявшихся на полу потухших факелов и, сунув его в тлеющий костер, раздул угли. Факел, пропитанный ворванью, затрещал и вспыхнул неровным, чадающим пламенем. По сводам зала заплескали отблески света, и перед киммерийцем открылась картина кровавой вакханалии, устроенной ночными пришельцами.

Вспыхнувшее пламя, пусть и неяркое, оказало на них убийственное действие — заскулив и опустив морды вниз, дабы не ослепнуть, порождения бездны бросились наутек, ища спасения от света в темных коридорах.

— Эйя! — в тревоге воскликнул Конан, но было поздно.

Место рядом с ним, где спала девушка, оказалось пустым. Дочь вождя пала жертвой ночных монстров.

Яростно взревев, Конан схватил лежавший на полу медный топор и, как дикий зверь, бросился вслед за монстрами, круша их склизкие, как у лягушек, тела ударами разящего металла и опаляя их пламенем факела. Вой тварей и крики Конана разбудили тех, кто еще продолжал спать, избежав гибели от зубов нечисти.

Очнувшиеся от крепкого сна воины мгновенно осознали, что происходит вокруг. К Конану присоединились десятки мужчин. Гнев сынов Морского Льва был страшен — они нещадно разили нелюдей, чьи острые клыки отправили немало душ их соплеменников на Серые Равнины. Вскоре пол был уже скользким от крови. И лишь несколькими монстрам все же удалось ускользнуть от топоров и факелов, найдя спасение в темноте туннелей.

В суматохе побоища Конан успел заметить Акулана. Вид вождя внушал ужас: седые волосы разметались по покрытым шрамами плечам, лицо исказила гримаса боли и ненависти.

— Где Эйя?! — вскричал он, увидев киммерийца.

— Ее утащили эти ублюдки, — зло буркнул Конан, работая топором, как мясник на шадизарских скотобойнях.

— О, горе мне! — возопил в отчаянии вождь и, размахивая топором, как безумный, бросился вдогонку монстрам и вскоре исчез в одном из коридоров.

«Похоже, старый вояка тронулся от горя, — мелькнуло в голове у Конана. — Жаль, конечно, девуку — но ее уже все равно не спасти, а вот папашу надо выручать, пока он к Нергалу в задницу не провалился». И киммериец бросился вдогонку за старым вождем...

...Далеко впереди — насколько хватало света факела — мелькали белесые, согбенные спины подземных жителей, бежавших от преследовавшего их Акулана. Однако неожиданно за одним из поворотов туннеля навстречу потерявшему всякую осторожность старику выпрыгнула новая тварь. Он метнулся в сторону, стараясь избежать столкновения, но было поздно. Чудовище, отличавшееся завидной реакцией, точно предугадывало любое его движение. И вот оно уже со смачным всхлипыванием вцепилось в горло

несчастному... А издалека раздался злорадный хохот подземных ублюдков, напоминавший отвратительное кваканье, вскоре стихший где-то в глубине подземелий. Монстр же, прикрывая отступление собратьев, принялся терзать тело воина.

Подбежав ближе, Конан понял, почему мерзкая тварь не боялась света — жуткие белые бельма незряче уставились на киммерийца. Многочисленные усики, густо усеивавшие продолговатое рыло отвратительного создания, напоминавшего чудовищную помесь гиены и крота, тревожно подрагивали. Как видно, чудовище прекрасно обходилось без глаз, благодаря развитым обонянию и слуху.

Ощерив окровавленные клыки, кротогиена безошибочным броском метнулась к киммерийцу, который едва успел ловко увернуться и рубанул топором по белому боку твари. Гадина, зашипев по-змеиному, отскочила назад, густая зеленоватая жижа сочилась из ее раны. Даже кровь этого существа была обесцвечена подземной жизнью... Создание вцепилось зубами в растерзанное тело Акулана, мощными, бесшумными скачками бросилось прочь по коридору и исчезло в колодце, уходящем в бездну.

Конан бросился следом. Здравый смысл подсказывал ему, что лучше прекратить бессмысленную погоню и вернуться к племени, однако яростный пламень гнева, разгоревшийся в сердце варвара, затуманил рассудок. Ему было плевать, что за порождения Тьмы поджидают его в кошмарных подземельях. Эти твари погубили девушку, которая подарила ему ночь любви, и ее отца, подарившего ему свою дружбу, — он твердо решил отомстить за обоих.

Подбежав к дыре, в которой скрылись чудовища, Конан зажал в зубах факел и, поудобнее укрепив топор за поясом, бесстрашно встал на первую ступень сотворенной нечеловеческими руками каменной лестницы, конец которой тонул во тьме...

Глава 5. В царстве ужаса

Страшен был путь, которым рискнул пойти варвар. Он упорно спускался вниз, и конца не было ступеням, с поразительным трудолюбием высеченным в стене этого адского колодца. Что двигало древними старателями?

Неутолимая жажда золота или нечеловеческое стремление познать тайны преисподней? Кто они были, эти наделенные разумом создания? Змеелюди, подобные тем, которых изгнал из древней Валузии великий правитель Кулл, или крылатые вампиры, с одним из которых Конану пришлось схлестнуться в заброшенном городе на реке Зархебе, где нашли смерть прекрасная Белит и команда «Тигрицы»? Каким образом они вырыли в неподатливой скальной породе весь этот причудливый лабиринт — использовали для этой цели рабов или принудили к непосильному труду могучих демонов из потусторонних миров, прирученных силой страшной магии?

Ответа не было, и крошечная тьма, которую едва пробивал свет факела, не собиралась открывать свои мрачные тайны непрошеному гостю. И Конан, торопливо спускаясь в неведомые глубины, старался не думать о том, каким долгим и мучительным окажется падение, если под ногой вдруг не окажется следующей ступеньки.

«Даже могилу копать не придется», — усмехнулся варвар, продолжая бесконечный спуск. Изредка на камнях мелькали какие-то загадочные, недоступные человеческому

пониманию символы, и мороз пробирал по коже при мысли о том, кто мог высечь их здесь многие тысячелетия назад...

Но вот наконец нога Конана, привычно опускаясь в поиске следующей ступеньки, уперлась во что-то твердое. Киммериец удовлетворенно хмыкнул, — уж он-то твердо знал, что у любой бездны непременно имеется дно. Тот факт, что под этим дном может таиться другая бездна, его не волновал. Все рассуждения о бесконечности он оставлял на долю мудрецов — и шел вперед, твердо уяснив одно: у жизни, дарованной ему суровым Кромом, было начало и обязательно будет конец... и потому не стоит его напрасно приближать. Так что истинному воину не оставалось ничего другого, как быть начеку — каждый миг этой совсем не легкой жизни...

Итак, под ногами Конана оказалась достаточно твердая поверхность, и предстояло теперь идти вперед, чтобы разобраться наконец, что за твари таятся в этом подземном царстве, упорно пытаясь навязать свои правила игры тем, кто наверху. Киммериец осторожно двинулся вперед, старательно запоминая путь. Ему отнюдь не улыбалось застрять в этом богами проклятом подземелье на веки вечные.

Конан шел вперед, крепко сжимая топор, надеясь, что вскоре наткнется на ту тварь, что загрызла Акулана. Но мерзкого гада и след простыл, должно быть, почуял за собой погоню. Может, окопался в какой-нибудь из неприметных нор по бокам тоннеля? Во всяком случае, туда Конан лезть не собирался. Свет факела плясал, худо-бедно освещая подземный путь, и киммериец старался не думать о том, что будет, когда он выгорит дотла.

Многочисленные детали, выхваченные цепким глазом, говорили о том, что под землей бурлила своя, особенная жизнь. Дно коридора было усеяно следами, — словно какой-то безумец испестрил его бредовыми иероглифами. И человеческие кости, то и дело хрустевшие под ногами, отнюдь не свидетельствовали о мягком нраве подземных жителей.

Конан начал было размышлять, что за существа могли еще обитать здесь — как вдруг странный звук, шедший от-

куда-то спереди, заставил его насторожиться. Этот звук напоминал одновременно стрекотание огромного сверчка и свист флейты, и в нем упорно повторялся какой-то навязчивый мотив... С топором на изготовку, подобравшись, как лев перед прыжком, варвар, крадучись, стал подбираться к источнику непонятных звуков.

Он шел вперед — а звук то удалялся и исчезал совсем, то вдруг начинал звучать с новой силой, заставляя сердце невольно сжиматься, — такая нечеловеческая, неземная тоска была в этих странных звуках. Неожиданно звуки раздались прямо за спиной. Конан повернулся рывком — но в тот же миг что-то склизкое и клейкое обволокло его сзади.

Он ощутил страшный ожог, будто сотня раскаленных игл впиалась в его плоть. Желтые звезды заплесали перед глазами. Киммериец непроизвольно дернулся всем телом и, напрягши все свои силы, вырвался из смертоносных объятий.

Превозмогая чудовищную боль, Конан развернулся. В первый миг он ничего не увидел. Взор с тревогой обшаривал тьму, рука с такой силой сжимала древко топора, что, казалось, готова была искрошить его в щепы, но противника не было видно... как вдруг киммериец узрел нечто столь мерзкое и отвратительное, что с трудом подавил приступ рвоты. На стене, намертво присосавшись к камням, распласталась тварь, подобной которой он не мог вообразить и в самых страшных кошмарах.

Нет, это не был огромный, ядовитый паук, и даже не сухопутный сородич медузы, который чуть не растворил Конана своей едкой кислотой у проклятого Монолита, к которому его завлек кусанский вельможа Фенг. Если бы!

На стене, переливаясь всеми цветами радуги — что отнюдь не придавало ему привлекательности — сидело какое-то огромное жирное пятно. Оно было похоже на плесень... но лишь на первый взгляд. Приглядевшись, варвар понял, что перед ним — некая колония получервей-полуслизняков, слившихся воедино.

Наружный край этого адского симбиоза составляли отвратительные, хаотично извивающиеся щупальца, с помощью которых, очевидно, колония передвигалась с места на место. Следующее кольцо составляли блестящие от переполнявшей их ядовитой слизи, отвратительные опарыши-улитки. Конан с содроганием увидел, что на мерзких маленьких головках чудовищных беспозвоночных блестят капли крови — его, Конана, крови!

Но самым страшным, самым невообразимым было то, что венчало это омерзительнейшее порождение Тьмы. В короне извивающихся слизняков восседал огромный, рыхлый, жирно блестящий иссиня-желтый мозг. Его поверхность пропахивали сотни борозд-извилин, то и дело вспыхивавших багровым светом.

Мозг питался кровью, переданной ему червями, с которыми он был связан сотнями и тысячами кровеносных сосудов. И этот мозг венчал круглый глаз, похожий на глаз осьминога — без век, без белка и зрачка.

Чудовищное око, пульсирующее, мутное, точно пузырь, заполненный грязью, зорко рассматривало Конана.

Киммериец почувствовал, как холодный пот покрывает все его тело, как подкатывает к горлу тошнота. Черви и мозг с глазом, связанные воедино! Это никак не укладывалось у него в голове. Тварь была разумна — ибо мозг ее напоминал человеческий... Конану не раз доводилось видеть мертвых с раздробленными черепами, и он прекрасно знал, как выглядит сей орган, который, по утверждениям некоторых мудрецов, является вместилищем сознания. Но как возможно такое? Что за чудовищная волшба могла создать такого монстра? Из каких потаенных уголков мировой Тьмы он выполз?

В ушах у варвара, сотрясаемого приступом рвоты, вновь зазвучала странная музыка, и Конан понял, что мерзкая тварь подает сигналы и воздействует на его сознание, пытаясь силой привлечь его к себе. Вскричав от отвращения, Конан усилием воли стряхнул липкие чары и стремительно ткнул факелом прямо в горящий ненавистью глаз чудовища.

В мозгу его послышался пронзительный крик такой силы, что, казалось, еще немного, и череп его взорвется мириадами острых осколков, не выдержав напряжения... Конан старался не смотреть на агонию твари, на то, как извиваются, чернея и тлея, опарыши, как шипит в огне раздавленный, источающий грязно-бурую слизь глаз... И этот невыносимый вой — казалось, ему не будет конца!

Но вот вопль оборвался, пламя выжгло разумную нечисть, оставив на ее месте черное пятно. Невыносимое зловоние ударило в нос киммерийцу, и он, сложившись пополам, едва не отдал душу Крому в новом приступе рвоты.

Придя в себя, Конан бросился бежать, все дальше и дальше от ужасного места. Он молил всех богов, каких только мог вспомнить — начиная Кромом и Митрой, кончая Сетом и Нергалом, — избавить его впредь от встреч с подобной гнусью.

И, похоже, Темные Боги услышали мольбу дерзкого варвара. Ибо Конану больше не довелось встретиться с разумными слизняками. Чуть дальше по коридору его ждала целая стая кротогиен, явно вознамерившихся не пускать пришельца дальше.

— Ах вы, мои хорошие! — Конан улыбнулся им чуть ли не как родным.

После ужаса недавней стычки слепые подземные хищники казались ему едва ли не милее ручных медвежат в зверинце немедийского нобилия. Да что там эти белесые гады! Ему сейчас змеелюди Валузии и вампиры Зархебы сошли бы за добрых собутыльников! Подняв топор, Конан с яростным смехом встретил натиск незрячих тварей.

Разрубив первую из них почти пополам, он опалил факелом морду второй. Лишившись своих усов, тварь утратила ориентацию в пространстве и с пронзительным визгом завертелась на одном месте. Третьей огромной гадине Конан, не церемонясь, просто снес голову, а четвертой — размозжил череп ударом мощного кулака. Пятая, почуяв неладное, пустилась наутек, и Конан не стал ее догонять. Он поймал себя на мысли, что давно уже сражение не доставляло ему такой радости.

«Впору умом тронуться,— с опаской подумал киммериец.— Эдак я скоро с этими гиенами обниматься стану!» Впрочем, первую свою задачу он, в общем-то, выполнил: отомстил кротогиенам за смерть Акулана. Оставалось лишь разделаться с теми монстрами, что убили Эйю и вырезали полплемени. А их-то как раз и не было видно. И Конан пошел дальше.

Он шел по проклятому коридору, настороже, точно боевой пес. Подземелье словно высасывало из него энергию, и Конан чувствовал, что силы его на пределе. Лишь дикарская, почти звериная натура варвара могла выдерживать подобное напряжение. Теперь он ожидал от этих проклятых подземелий чего угодно. И не ошибся в своих ожиданиях.

Легкое покалывание в районе икры привлекло его внимание и вскоре сменилось ощущением влажного поцелуя... подобного лобзанию упыря, суккуба, целующего страстно и долго — до тех пор, пока последняя капля крови не вытечет из жил ласкаемой жертвы. Конан взглянул вниз и содрогнулся.

К ноге прильнула, сотрясаемая судорогой алчного нетерпения, огромная, влажная, абсолютно белая жаба. Толстые пупырчатые лапы нежно обвивали икру Конана, а плоская башка впивалась в нее жирными плотоядными губами. Кровожадная жаба была альбиносом, как и большинство подземных тварей, но, в отличие от кротогиен, вполне зрячей, и ее огромные, выпуклые, как полусферы, глазищи горели хищным рубиновым огнем. На мгновение онемев, Конан с ужасом заметил, что тело мерзкого земноводного упыря постепенно набухает и приобретает зловещий багровый оттенок.

— О, Сет и Имир, сколько же их тут! — Конан, рискуя задеть ногу, рубанул топором по ужасной твари, мгновенно отделив толстое туловище от башки.

Тело жабы-вампира лопнуло как гнойный волдырь, брызнув в лицо Конану его же кровью, но голова, с отвратительным чмоканьем жадных губ, продолжала высасывать вожделенную красную влагу, лившуюся теперь прямо наземь.

Конан с трудом отодрал жуткую башку от раны и с наслаждением растоптал.

В тот же момент он успел заметить мелькнувшую в свете факела белесую тушу, которая мокрым шлепком приземлилась на могучее плечо варвара и, обернувшись другой жабой, впилась в него алчной пастью. Конан едва успел отодрать вампира и отшвырнуть прочь, как тут же подвергся новому нападению.

Жуткие твари висели по стенам, подобно гроздьям дьявольского винограда, крепко держась присосками за камни и терпеливо поджидая жертву. Горячая, красная кровь киммерийца была настоящим лакомством для подземных вурдалаков после белесой жижи обитателей подземелья.

Конан с яростными ругательствами отдираля упырей от своего тела, но все новые и новые твари устремлялись к нему, привлеченные запахом крови. Бежать было некуда. Твари были повсюду! Единственное, что могло спасти варвара, — это уничтожить врагов раньше, чем они сумеют к нему подобраться... и он перешел из обороны в наступление. Конан действовал так быстро, как только мог: одной рукой, с зажатым в ней топором, молниеносно сшибал белые гроздья с одной стороны туннеля, превращая их в склизкое крошево, а с другой стороны — жег их факелом, оставляя за собой черные, тлеющие и корчащиеся трупы отсосавших свое упырей.

Громадный киммериец работал как ветряная мельница, вращая могучими руками с такой скоростью, что больше ни одна гадина не успевала присосаться к нему, неминуемо попадая вместо этого под топор или факел. Грудь киммерийца вздымалась как кузнечные мехи, с тела его градом катил пот, но он ни на мгновение не сбавлял темпа. Лишь в скорости было его спасение.

Наконец ряды хищников стали редеть, и вскоре последний из них нашел свою смерть под топором неугоминого варвара.

Конан на мгновение остановился для того, чтобы отдышаться. Бойня отняла у него немало сил, а раны, нанесен-

ные вампирами, продолжали кровоточить. Будь на месте варвара человек не столь богатырского телосложения и не обладавший его выносливостью, он давно бы лишился чувств, ослабев от потери крови.

Конан боялся лишь того, что жабы могли оказаться ядовитыми — тогда его ждет верная смерть. Нельзя было терять ни мгновения! И, собрав весь свой запас мужества, силы и выносливости, варвар устремился вперед. Он должен был отомстить за Эйю ее убийцам — девушка стояла этого! Ненависть придала ему силы.

Глава 6. Ритуал нелюдей

Конан шел по подземной дороге, и временами ему казалось, что он провел здесь, в этой преисподней, всю жизнь. Будто и в помине не было тех удалых, развеселых лет, проведенных в Заморе, Туране, на Море Запада, Вилайте и в сотне других мест, куда заносила его прихотливая судьба. Где они, таверны и кабаки с засаленными дубовыми столами, в которых можно за раз оприходовать жареного барана и запить его целым бочонком доброго аквилонского или аргосского вина? А пышнотелые, улыбчивые потаскушки всех мыслимых национальностей, так и льнувшие к нему, — стоило бросить на стойку золотую монету? Где она, богатая добыча — золотые кубки, ожерелья, венцы, кольца, браслеты, резные ларцы? Где тюки, полные кхитайских шелков, вендийских благовоний, уттарских пряностей? А аквилонские двуручные мечи, вендийские трехгранные кинжалы, зингарские клинки с золотыми эфесами?.. Когда-то он попираал ногами все это великолепие, добытое им с верными соратниками — разбойниками, козаками, пиратами, контрабандистами, готовыми идти в огонь и в воду за отважным Амрой, твердо зная, что их ждет удача...

Все это теперь казалось Конану нереальным, — будто и не с ним все это было там, в другом мире, где ярко светит солнце, синее небо, зеленеют поля, белеют горы и плещут синие волны. Здесь же было темное, мрачное подземелье, кишящее всевозможными исчадиями ада, тварями, над со-

зданием которых словно потрудились извращенные умы демонов преисподних самого Зандры.

Здесь он не был ни наемником, ни гвардейцем, ни вором, ни контрабандистом, ни пиратом. Все его многочисленные обличья, маски, надетые на него цивилизацией, опали, как шелуха, и оказались бесполезны... и из-под них проступили подлинные черты Конана, неукротимого, отважного, в чьем сердце билось одно неистребимое желание: выжить любой ценой.

Неожиданно тьма начала рассеиваться, и где-то далеко впереди Конан увидел призрачное зеленоватое сияние. Киммериец прибавил шаг: чутье подсказывало ему, что цель близка. Теперь он шел быстро, но вдвое бесшумнее, в любой момент готовый припасть к стене и слиться с ней, чтобы остаться незамеченным. Возможно, впереди было обиталище подземных монстров, и Конан рисковал наткнуться на них. Правда, похоже, белесые выродки были не столь уж разумны, — иначе додумались бы выставить часовых. Или они настолько уверены в своей безопасности?

Как бы то ни было, а Конану удалось без помех подобраться почти вплотную к месту, откуда исходил зеленоватый, сумеречный свет. Подземный коридор оборвался, и Конан очутился у входа в огромный зал, чем-то напоминавший тот, где обитало племя Морского Льва, но раза в два обширнее. Очевидно, оба зала являлись делом рук одних и тех же строителей.

Путь Конана закончился. Он был у цели. Весь зал был битком набит чудовищами, — теми самыми, что убили Эйю и ее соплеменников. Погасив факел, но оставив его тлеть так, чтобы можно было раздуть заново в любой момент, Конан притаился у входа в подземный грот и стал наблюдать за своими врагами.

Вероятно, подземные монстры были все же наделены неким подобием разума. Ибо происходящее в пещере мало напоминало поведение животных. Странные уродцы с белесыми, искривленными, шишковатыми телами, похоже, отправляли некий причудливый и гнусный ритуал. В центре зала, где сгрудились нелюди, Конан узрел странный пред-

мет, который, похоже, и являлся объектом поклонения монстров. Именно от него исходило загадочное зеленоватое свечение, создававшее в пещере призрачный, мистический полумрак.

Привыкнув к тусклому освещению и разглядев странный предмет повнимательнее, Конан едва сдержал возглас удивления. Предмет, которому поклонялись чудовища, представлял собой нечто вроде саркофага, очень похожего на те, которые покоятся в стигийских гробницах, но только поставленный вертикально. Саркофаг был выполнен из полупрозрачного зеленоватого материала, излучавшего мертвенный свет, заливавший все вокруг, усиливая тем самым иллюзию полной нереальности происходящего.

Приглядевшись, Конан различил внутри саркофага очертания иссохшей мумии. На голове ее заманчиво светилась золотая, усыпанная самоцветами корона. При взгляде на нее у Конана сразу прибавилось бодрости. Но когда он перевел взгляд на подножие зеленого гроба — то и думать забыл о богатстве.

В изножии саркофага, приготовленные для принесения в жертву чудовищной мумии, лежали окровавленные человеческие останки. И среди них — тут ошибки быть не могло — покоилось тело Эйи, девушки, совсем недавно подарившей Конану радости любви.

Слепая, холодная волна ярости окатила мозг варвара. Раздув факел и воздев над головой топор, киммериец со страшным боевым кличем ринулся внутрь — в самый центр гнусного сборища.

* * *

...В мгновение ока Конан очутился в зале. Он застал монстров врасплох. Увлеченные церемонией, предвкушая кровавое пиршество, они не замечали ничего вокруг себя и стали превосходной мишенью для острого топора, который весело заплясал по их благоговейно склоненным спинам и головам. Брызнули потоки зеленоватой крови — и вот уже десятки чудищ были сметены яростью киммерийца. Нечеловеческие вопли ужаса раздались под сводами зала. Мон-

стры, прервав кровавый обряд, в панике обратились в бегство.

Конан возвышался над ними, подобный грозовому боже-ству мщения и гнева. Черты его исказились от ярости, черные волосы разметались по могучим плечам, глаза метали синие молнии.

Свет факела, нестерпимо яркий для привыкших к темноте подземных жителей, давал воину неоспоримое преимущество, без которого ему нечего было бы и надеяться совладать с такими ордами. А так победа казалась уже близка... Но вот, упоенный битвой, Конан сделал неверный шаг — под ногу ему попалось скользкое, изрубленное тело уродца, и, не удержавшись, варвар рухнул навзничь, ударившись затылком о камни. Факел выпал из его руки и, угодив прямо в лужу крови, растекающуюся под ногами Конана, затрещал, зашипел и... наступила тьма.

Мгновенно вскочив и кляня себя за неосторожность, киммериец увидел, как в объявшей его зеленоватой полутьме вспыхнули кровавым, торжествующим светом глаза монстров. Мрак был теперь на их стороне — и все его боги и демоны, воплощавшиеся в том первобытном ужасе, который всегда гнездится в потаенных уголках человеческой души. Извечном страхе перед темнотой и ее порождениями. Ужас шевельнулся в сердце Конана, но он подавил его и, взяв топор на изготовку, принялся ждать. Теперь он знал, что проиграл, — во мраке зажигались все новые и новые красные точки — порождения бездны лезли из каких-то неведомых дыр и лазов, и их становилось все больше.

Киммериец решил дорого продать свою жизнь. Не мешкая и не пытаясь оттянуть неизбежное, он отчаянно взмахнул топором, сразу потушив несколько зловещих угольков...

Битва шла в полном молчании, прерываемом лишь шумным дыханием киммерийца и короткими предсмертными воплями тварей. Но монстры все наступали, целые ряды их, как трава под косой, ложились под ноги Конана, но тьма извергала из своего чрева все новые отряды. Под их натиском Конан отступил прямо к саркофагу, — благо, теперь ему не надо было опасаться за тыл, а зеленый свет,

излучаемый прозрачными стенками таинственного гроба, облегчал схватку.

И все же силы Конана были на исходе. Киммериец ослабел от многочисленных ран, полученных им этой ночью. И в этот момент в разгоряченной голове варвара мелькнула новая мысль, и он ощерил белые зубы в недоброй волчьей усмешке. Что ж, пусть он погибнет в этой неравной битве, но напоследок он отомстит этим тварям. Да! Уничтожить самое дорогое, что у них есть, — это будет хорошая месть за Эйю, Акулана и за него самого! И, размахнувшись, Конан изо всех сил ударил топором по саркофагу.

Монстры возопили в отчаянии и, застыв на месте, в ужасе наблюдали, как киммериец продолжает наносить удар за ударом, безжалостно круша зеленую твердь их святыни. Казалось, страх парализовал их. Они даже не пытались помешать святотатцу.

Раздался звук, напоминающий звон битого стекла, — саркофаг разлетелся на куски, не выдержав бешеного натиска киммерийца. Но мумия, заключенная в нем, вместо того чтоб распасться в прах, неожиданно шевельнулась.

Новый вздох ужаса пронесся по рядам тварей. Скрюченный, иссохший труп медленно распрямлялся. Вот зашевелилась голова, увенчанная короной, сверкающей во тьме, и жуткий мертвец открыл глаза. На Конана глядели раскосые желтые глаза с неподвижным, вертикальным зрачком. Существо сделало несколько шагов вперед и очутилось рядом с варваром. Он не успел даже отпрянуть — как костлявая рука ожившего мертвеца протянулась к нему.

Внезапно обоих охватило облако красного света, столь ослепительно-яркого, что монстры, оторопело взиравшие на воскресение своего божества, взыв от боли, попадали ниц, тщетно пытаясь укрыться от обжигающего сияния. А когда пришли в себя, красное облако уже рассеялось, — но ни странного существа в короне, ни киммерийца в зале не было. И только осколки зеленого саркофага таинственно мерцали во тьме.

Глава 7. Воскресшая нежить

Конан открыл глаза. Красное облако, окружавшее его, рассеялось, и — о, чудо! — в лицо ему ударил сноп солнечного света. Он был на поверхности!

— Б-р-р-р,— киммериец затряс головой, убеждаясь, что это не сон и не наваждение.

Но нет, вокруг не было ни подземелий, ни мерзких тварей. Он находился на склоне холма, поросшего кустарником и соснами. Оглянувшись, Конан увидел далеко позади чернеющую гряду скал. Шум прибоя говорил, что именно в той стороне находится море Вилайет, по которому он прибыл в этот удивительный край. И туда, к морю, петляя меж бугрившимися тут и там холмами, текла неширокая, но бурная река.

«Рангхха-а» — неожиданно раздалось прямо в голове у Конана. Слово было каким-то странным, чужеродным, ползмейному шипящим...

Киммериец рывком обернулся. Перед ним стояло то самое странное существо, которое Конан, вольно или невольно, освободил из дремотных объятий зеленого саркофага. Едва подобная мысль мелькнула в голове Конана, как ожившая мумия откликнулась.

«Ты прав-ф-ф.— Слова, звучавшие прямо в мозгу, отдавались эхом, в котором улавливалось гадючье шипение.— Ты разбудил меня, воин! Разбудил от тысячелетнего с-сна-а-а...»

Конан еще раз оторопело мотнул головой, как бы стряхивая с себя морок:

— Да что же это за тварь такая?!

Стоявшее перед ним существо в общих чертах походило на обычного человека, разве что было на полголовы выше совсем не маленького киммерийца. На ожившей мумии не было и следа одежды — и лишь удивительно абсолютно лысый, причудливой формы череп венчала давешняя корона. Кожа незнакомца была лоснящейся, зеленовато-коричневого оттенка, тело поражало неестественной худобой. Но это не была худоба умирающего от голода нищего или вендийского отшельника-аскета, сознательно доведшего себя до такого состояния фанатичным самоистязанием. Это была скорее естественная поджарость хищного ящера, и в ней сквозила огромная, сверхчеловеческая сила.

Голова, в общих пропорциях также схожая с человеческой, все же во многом рознилась от нее. Ее отличали сильно развитые лобные доли, свидетельствовавшие о могучем интеллекте, слабо развитый затылок, плавно переходивший в длинную шею, и сильно выдвинутая вперед лицевая часть. Носа и ушей в человеческом понимании не было вовсе, вместо них имелись едва различимые щели; челюсти напоминали клюв или змеиную пасть. Из-под сильно выдающегося *козырька*, образованного гигантским лбом, начисто лишенным надбровных дуг, искрились желтым холодным светом большие раскосые немигающие глаза.

«Кром! — мелькнуло в голове у Конана.— Да это же человекозмей, из древней Валузии!»

«Да-а-а,— сразу же отозвалось змеиное шипение.— Я — змей! Так вы называете нас-с, теплокровные потомки обезьяны. Нас-с — рас-су наагов-ф-ф!»

Конану порядком надоел этот внутренний голос, без спросу вторгавшийся в его мысли, и он, выругавшись, обернулся к разумному ящеру:

— Слушай, как там тебя... нааг! Ты что, не можешь разговаривать со мной по-человечески? Или у тебя нет языка? Но что-то я ни разу в жизни не видел безъязыкой змеи!

«На каком языке с тобой говори-ить? — вновь раздалось в голове у варвара.— На наречии Ахерона, или предпочитаешь речь атлантов? А может, с тобой общаться на языке сгинувшей Лемурии?»

«Эге! — смекнул Конан. — Да этот Сетов родич, похоже, ни одного нынешнего языка не знает. Долго же он спал!» Впрочем, сие не слишком поразило варвара: ему знакомы были повадки удавов и питонов, которые, сожрав крупную добычу, могли дрыхнуть месяц, а то и все полгода. Этот, правда, заснул на добрые три тысячи лет в своем зеленом гробу, — но особой разницы киммериец тут не видел!

— Тебя, я вижу, трудно чем-то удивить, Конан из Киммерии, — вновь услышал варвар надоедливое шипение в мозгу. — Ну, не злис-сь, с-скоро я с-смогу говорить на твоём родном языке. В нём немало общего с атлантс-ским. Я понял это из твоих мыс-слей. Думать на родном языке похвально для человека, так долго с-странствовавшего в чужих краях.

— А за комплимент с-спасибо, человек... — Конан даже не сразу понял, что к нему наконец-то обратились вслух, и к тому же — на чистом киммерийском, без малейшего акцента. Голос говорившего, правда, звучал странно — сухой, шелестящий, с присвистом и пощелкиванием... но что возьмешь со змея?

— С-спасибо, Конан, — продолжал нааг, — что назвал меня родичем Отца С-сета. Большая чес-сть для меня... И с-судьбы наши похожи. С-святая плоть Великого Змея ныне пребывает в с-саркофаге, подобном моему, в потаенной пещере на болотах южной С-стигии. Его тело пленено там, а бессмертный дух витает вдали от нашего мира и лишь изредка может являться на землю. О, ес-если бы нашелся кто-нибудь, кто вызволил бы Отца С-сета из проклятых оков, — и тогда он вернулс-ся бы в наш мир! С-смею надеяться, что на этот с-святая саркофаг когда-нибудь наткнетс-ся богатырь, подобный тебе, Конан!

— По части комплиментов ты, конечно, мастак, — мрачно осклабился Конан. — Но лично я буду молить Крома, а в придачу Митру, Асуру, Бела и Иштар, чтобы ни один недоумок не напоролся на эту проклятую могилу!

Змей неожиданно рассмеялся шипящим смехом. Похоже, у змеелюдей, несмотря на их хладнокровие, с юмором было все в порядке.

— О, не надо с-столько огня, человек! Я знаю, какой ужас-с внушает вашей рас-се наш Влас-стелин, ес-если не с-считать с-стигийских жрецов. Да и те пока не ос-смелились и помыс-слить о том, чтобы пробудить с-свое божество. Ну, да я не с-сужу их с-строга! Ведь они вс-сего лишь люди, хотя и лучшие с-среди вас-с. Да и час-с Владыки пока не нас-стал! Ну, да забудем пока об этом. У наагов есть и иные проблемы...

— А что, остались и другие нааги, кроме тебя? — утрово осведомился Конан, уже не радуясь, что выбрался из подземелья с помощью волшбы проклятого нелюдя.

«И какого демона я, вообще, полез в эту дыру?» — мрачно подумал он.

— Не казни с-себя так, Конан. — Киммерийцу показалось, что разумный ящер ухмыляется. — Ес-если с-станешь и дальше рассуждать таким образом, то придешь к выводу, что лучше бы тебе не становиться пиратом и вообще, сидеть и поныне в родной Киммерии. А еще лучше — и вовсе не появляться на с-свет!

— Ну, положим, об этом я никогда не жалел. А вот в Киммерии, может, остался бы с удовольствием. Только один проклятый колдун спалил нашу деревню, и мне пришлось мальчишкой бежать к асирам. А потом угодил в рабство в Гиперборею!

— Ну, конечно! — Змей шелестяще засмеялся. — Дуум пос-старался! Он ведь тоже один из нас-с. Вот, кс-стати, я и ответил на твой вопрос-с. Нааги еще с-существуют в этом жестоком к ним мире. Но нас-с мало. Очень мало. Тыс-сячи лет вы, люди, вели войну против нас-с. А ведь когда-то мы правили вс-сем миром! Это было так давно, что ты со с-своим узеньким кругозором и предс-ставить не сможешь! О да! Сотни тысяч лет вся земля дрожала под могучей поступью гигантских ящеров. Но вс-се их могущество меркло перед нашим. Ибо чего стоила их с-слекая, тупая с-сила перед мощью нашего блестящего разума?! Грянули великие катастрофы — и вс-се гиганты вымерли, а на Земле рас-сплодился отродья крыс-с. Ваши предки, человек!

Но и мы, нааги, выжили в великих катаклизмах. Затем появились новые разумные рас-сы. Но влас-сть над миром оставалас-сь в наших руках! Мы! Ес-сли бы не с-существа, которых вы называете богами,— так было бы и посейчас! Но вы, возомнившие о себе крыс-синие отродья, решили, что мы уже отжили свое и боги, пришедшие с-со звезд в наш мир, поддерживали вас-с! Ибо эти проклятые с-существа, которых вы зовете Богами Света, обличьем были с-схожи с вами! И нас-с извели почти на нет, наших гордых богов и защитников, и с-самую рас-су наагов! Но я вот что с-скажу тебе, Конан! Ты с-силен и могуч, и ум твой — отнюдь не ум дикаря, хотя ты и дик обличьем! Ты — один из лучших с-среди с-своей расы! Но что с-стоите вы перед нашим умом, нашими способностями, нашими древними знаниями?

— Да будь ты хоть трижды мудр и сведущ в колдовстве,— воскликнул Конан, в гневе воздев свой иззубренный топор,— вся твоя волшба ничего не стоит перед силой моей руки и разящим металлом! Дуум узнал это! Перед смертью! — Взгляд его синих глаз не предвещал ничего хорошего. Будь перед ним хоть сам Сет — и это не остановило бы варвара, готового ринуться в бой.

Но змей, похоже, не собирался воевать с Конаном. Он примирительно поднял свою длинную, тонкую конечность, и киммериец заметил, что на его кисти всего три пальца.

— Ус-спокойся, Конан,— прошелестел нааг.— Я не желаю тебе зла. Вс-се это было давно. К чему вс-споминать прошлые обиды? Мы, нааги, теперь умирающая раса. Я признаю вашу победу над нами, люди. И не с-собираюсь воевать в одиночку против ваших множес-ств. А лично к тебе, о храбрый киммериец, я питаю лишь с-самые добрые чувства. Ведь это ты пробудил меня от оков магического с-сна! Твоя ус-слуга воис-стину не имеет цены! Я щедро вознагражу тебя, Конан, клянусь Сетом! Ибо я знаю прямой путь к нес-сметным с-сокровищам грифов, лежащим в великих Рипейских горах с допотопных времен!

Глава 1. Поцелуй волка

На самом отдаленном краю ойкумены высятся крутые угрюмые горы, именуемые Рипами. И где-то в этих серых неприступных вершинах, покрытых вечными льдами, берет исток река Джаих, зарождающаяся у самого обиталища сурового бога Борея — Аквилона. Бурным, пеннистым потоком несется Джаих по горным долинам и, наконец, на просторах обширного всхолмленного плато, по которому бродят стада диких зверей и кочуют неведомые хайборийцам народы, встречается он с полноводной Рангхой, и они несут свои воды вместе туда, где о дикие скалы бьется грозным зверем море Вилайет. К юго-востоку же от Джаиха тянутся необозримые просторы Гирканских степей...

...Старый седой волк Кокбуз, нора которого пряталась в камышах у восточного берега Джаиха, забрел далеко в степь в тот жаркий, пыльный день. Надо же! Ни сайгака, ни даже зайца! Ну хоть суслик бы высунул неосторожную голову из норы!

Охотничья удача явно изменила в тот день седому степному ветерану, чья шкура была изодрана в сотнях схваток. Изведала она и зубы других волков, и рога степных самцов-антилоп, и камчу удалых гирканцев, и удары тяжелых копыт их небольших, но прытких лошадей. Кокбуз невольно ощерил свои желтые клыки-ятаганы — немало глоток они перегрызли на своем веку! О, далеко не каждому гирканскому наезднику, осмеливавшемуся поднять на него свою

жгучую плетку, удавалось ускользнуть от мести страшных зубов Кокбуза. Не брезговал он и лошадьми, хотя мясо их было жестким и вонючим. Их хозяева были куда вкуснее. Им, откормленным бараниной и кумысом, не приходилось скакать на четырех ногах многие стрелыща по бескрайней степи...

Именно поэтому острые уши старого волка мгновенно напряглись, а зоркие глаза зажглись хищным огнем, когда на горизонте — там, где колышущийся, подобно волнам Вилайета, ковыль сливался с ярко-синим куполом Вечного Неба — в дрожащем знойном мареве вдруг показалась черная точка, вскоре оформившаяся во вполне различимый силуэт всадника.

Зверь судорожно сглотнул пенистую слюну, закапавшую с розового языка. Степной ветер донес до его чуткого, влажного носа запах конского пота, кислой овчины, резкий дух человека, смешанный с запахом стали. Кокбуз хорошо знал этот ненавистный запах. До сих пор в непогоду — особенно голодной, выжженной зимой — ноют его застарелые раны, как щенки угодившей в капкан волчицы. Ноют в память о жгучей ласке гирканских стрел с бронзовыми трехгранными наконечниками и о страстных поцелуях сабель, выкованных в Дамаске или Кхитае.

Сизая шерсть дыбом встала на мощном загривке волка. Кокбуз припал к земле и, слившись с лениво колышущимся ковылем, неотрывно следил за приближающимся всадником.

Волк знал, что путники, направляющиеся к Джайху, в этих местах держатся старой караванной тропы. Тропа эта пролегла в естественной ложбине, с юго-западной стороны которой степь поднималась, переходя в холмистую возвышенность. Похоже, некогда, многие тысячелетия назад, на месте тропы находилось древнее, давно иссохшее русло Джайха. Но это было так давно, что никто из гирканских купцов не догадывался о том, что их путь на северо-запад пролегает там, где в былые времена, еще до того как их предки заселили степи, плескались волны древней реки. Тропа, ведущая в сторону Рипейских гор, была для гиркан-

цев столь же древней, как Вечное Синее Небо, как солнце — светоч Огненного Бога, и многие поколения верблюдов и лошадей оставили на ней свои следы.

Одинокий всадник также двигался в этом направлении — было уже хорошо видно, как он неторопливо поигрывает камчой. Волк глухо зарычал от злобы и нетерпения и, как серая змея, заскользил к месту засады. Это было излюбленное убежище Кокбуза: часто он находил в знойные дни тень и прохладу у подножия древнего, высеченного из камня богатыря, сжимавшего в правой руке ритон и молчаливо взиравшего в степную даль. Дорога проходила как раз мимо старого кургана, на вершине которого и было установлено изваяние.

Кто и когда насыпал курган и установил идола, никто не знал, но гирканские купцы, проезжавшие мимо с караванами, обязательно оставляли подношения суровому каменному исполину. Порой то бывал кусок хорошей баранины или глиняный горшок с жирным, наваристым супом, нередко спасавшие Кокбуза от голода. Многие волки из округи пытались отбить у Кокбуза теплое местечко у кургана, но сами пошли в жертву древней статуе. Это было его, Кокбуза, место, с боем отбитое когда-то у старого седого бирюка, и он никому не собирался его уступать.

Но караванов почему-то давно не было видно, и, похоже, никто больше не собирался кормить Кокбуза бараниной и супом. А путник был одинок — и это было странно. Редкий человек мог рискнуть в одиночку странствовать по Гирканской степи. Волк, впрочем, не удивился тому, а лишь занял удобную позицию в тени идола и стал терпеливо ждать неосторожного путника, готовый преподать ему урок, как опасно ездить по степи без спутников. Последний урок в жизни глупца...

Наконец одинокий всадник поравнялся с каменным исполином. Ожидания коварного хищника сбылись: путник спешился и, взяв коня под узды, неторопливо направился к подножию кургана, намереваясь, очевидно, отдать дань уважения святыне. Собирался ли он помолиться или просто оставить свой дар, осталось неясным, ибо в тот са-

мый миг на грудь ему точным, стремительным броском кинулся матерый бирюк. Зловеще оскалив клыки, волк поверг наземь не ожидавшего нападения человека и теперь старался перегрызть ему горло. Конь в панике убежал далеко в степь, но Кокбуз не стал отвлекаться на него, уверенный, что и эта добыча не ускользнет от него.

Волк и человек покатались по склону кургана, сцепившись в отчаянной схватке. За поединком равнодушно наблюдали глаза древнего исполина.

Однако человек, видимо, не зря путешествовал один и мог за себя постоять. Клыки волка, пытавшегося добраться до мягкого человеческого горла, жадно клацающие в предвкушении горячей свежей крови, неожиданно натолкнулись на сталь глухого ворота кольчужной рубашки. Парень был явно не лыком шит! Кое-как вывернувшись, человек обхватил руками волчье тулово, прижимавшее его к земле.

Но попытка задушить матерого самца ни к чему не привела: Кокбуз, яростно захрипев, извернулся и вцепился зубами в руку человека, невзирая на то, что губы его в кровь раздирают кольца стальной рукавицы. Волк упорно пытался добраться до живой плоти, еще не понимая, что его карта — бита. А человек изменил тактику: позволив хищнику захватить зубами руку, стал пропихивать ее все глубже и глубже, раздирая страшную пасть и перекрывая доступ воздуху.

Наконец желтые волчьи глаза закатились и остекленели. Дух седого ветерана Кокбуза отлетел на небесные равнины, цветом походившие на его шкуру. Человек кое-как вытащил окровавленную руку из волчьего нутра и, отпихнув еще теплый труп зверя, с трудом поднялся на ноги.

Человек — а это был юноша лет двадцати — перевел дух и ухмыльнулся, разглядев повнимательнее поверженного врага.

— Здоровый, гад... — пробормотал он, поддев труп носком мягкого, сшитого из шкуры марала, сапога. Неожиданно парень болезненно поморщился и поднес руку к лицу. Перед смертью волк все же оставил ему свою метку: над губой багровел окровавленный рубец.

— О, Папай-громовержец! — воскликнул юноша, пытаясь унять кровь, струящуюся из раны. — Однако, каков подлец!

Видно было, что молодой человек долго находился в одиночестве, в результате чего приобрел привычку разговаривать сам с собой.

— Покойный учитель, пожалуй, нашел бы это забавным. Сказал бы, наверное, что волк поцеловал меня на память. Что ж, так оно и есть. След от поцелуя, похоже, мне суждено сохранить до самой смерти. И столько же я буду помнить эту схватку!

Собственная немудреная шутка так развеселила юношу, что он расхохотался от души. Его залиvistый, искренний смех разнесся далеко вокруг, спугнув сусликов-тарбаганов, которые только было высунули свои любопытные мордочки из нор. И лишь суровое каменное изваяние осталось безучастным к радости человека, выжившего в отчаянной схватке...

Глава 2. Изгнанник

Юноша, сразивший волка, наконец оправился от потрясения. Немного отдышавшись и уняв кровь, струящуюся из раны, он свистом подзвал напуганного коня и с трудом утихомирил нервно поведившее боками животное. Похлопав коня по лоснящейся гладкой шее, он стреножил его и снял с чересседельника объемистый хурджум. Затем бросил прямо на землю попону и на нее стал выкладывать содержимое сумы.

Очевидно, молодой человек решил устроить привал в этом месте, где едва не нашел свою гибель. Юноша достал из хурджума большой кусок соленого мяса: свежего он не мог себе позволить, в отличие от гирканских купцов, всегда гнавших с караваном десятков другой овец, ибо они не признавали никакого другого мяса, кроме парной баранины. Однако молодой человек не был столь прихотлив и, разрезав солонину надвое отличным кинжалом из дамастской стали, сразу же впился в больший кусок крепкими белыми зубами, а меньший высоко поднял в руке. Кое-как прожевав мясо, он обратился к каменному исполину:

— Прими мою жертву, древний герой! Твой дух, незримо витающий здесь, не допустил моей смерти от волчьих клыков. Хотя, может статься, этот волк и был твоим стражем? И в нем обитал твой дух? Но даже если и так — все равно благодарю тебя, богатырь! Ведь я одолел хищника, и эта победа сделала меня сильнее. И пусть теперь твой дух вселится в мою плоть и вдохнет в меня твой воинский пыл!

Молодой человек разгорячился, глаза его заблестели. Ему на самом деле показалось, что древняя статуя молчаливо соглашается с его словами. Он направился было к изваянию, дабы возложить к его ногам свой дар, но вдруг передумал:

— О, я глупец! Какая же это жертва — кусок солонины? Нет, это не пища для богатырей!

Юноша решительно подошел к мертвому волку, продолжавшему щерить клыки в вечном оскале, и, ловко орудуя кинжалом, стал свежевать его тушу. Сноровисто сняв шкуру со своего недавнего противника, он мгновение полюбился ее жестким седым мехом, лишь кое-где подпорченным проплешинами от шрамов:

— Из этого выйдет отличная накидка!

Затем он вырезал из дымящейся туши сердце и печень.

— Остальное — вам! — обратился он к стервятникам, которые уже начали кружиться в воздухе, чуя поживу.

Собрав в ладонь кровь, вытекавшую из волчьего сердца, он помазал ею каменный рот изваяния.

— Прими мою жертву, древний воин, — прошептал юноша. — Прими сей дар от изгнанного наследника Хрустального Престола Страны Городов. Прими как залог того, что свершится моя месть и тронный зал царского дворца в Аргаиме окрасится кровью предателей и изменников так же, как сейчас твои каменные уста!

Затем юный изгнанник, не поморщившись, съел волчье сердце и печень — как есть, дымящимися и сырыми. Запив этот ужин, достойный самого дикого из пиктов, несколькими глотками вина, юный принц, видимо, решил устраиваться на ночлег.

* * *

Солнце клонилось к западу, где, как слышал юный изгнанник, лежат неизвестные загадочные страны, населенные удивительными народами, где плещется о границы населенного мира Последнее из морей.

Молодой принц много слышал об этом, но никогда не видел своими глазами. А разве стоят чего-нибудь пустые

слова? Для юноши страны Запада всегда были красивой легендой. Большую часть жизни он провел в краю Восходящего Солнца — на берегах могучих желтых рек, несущих свои воды к Лемурийскому океану, где среди бамбуковых зарослей таятся чудесные города, за нефритовыми стенами которых тоненько звенят на ветру взметнувшиеся к самым облакам пагоды из хрусталя и фарфора.

Там, в этой удивительной стране, напоенной ароматами благовоний и терпкого чая, взрастил юного изгнанника великий кудесник и маг, учитель Тан У. Еще в молодости Тан У пошел в ученики к аколитах Алого Кольца. Вместе со своим сводным братом Це Чжоу они приняли постриг в Замке Голубых Орхидей и прошли в нем Семьдесят Семь Великих Испытаний. Выйдя из стен Замка через двадцать лет и получив звание Младших Алых Братьев, Це и Тан отправились в далекое путешествие на запад — через безводье пустыни Арим, через горные перевалы Талакмы, по Великому Пути Шелка и Нефрита. Туран и Замора, Шем и Стигия были целью их странствий.

Но разными были помыслы братьев. Тан У влекла жажда познания, и он, исколесив почти весь Запад, добрался до крайних пределов Хайбории, где в Тарантии, в подвалах королевской библиотеки, был допущен до лицезрения Великой Скрижали Митры. А Це Чжоу, добравшись до Стигии, надолго задержался в ней. Здесь — в Кеми, Луксуре и Птейоне, Городе Мертвых, — познал Це страшные тайны Учения Сета и в подземелье древнего храма, окутанный парами желтого лотоса, принял он посвящение в жрецы Черного Круга — прямо из рук зловещего Тот-Амона, чью благосклонность снискал своим неутомимым желанием приобщиться к Силам Тьмы.

Так что в Кхитай маги возвращались разными путями. Обоим было явлено знамение в пути. Проезжая через Хауранскую пустыню, Це Чжоу обнаружил брошенную в песках плачущую девочку, грудь которой украшал странный знак — алое пятно в форме полумесяца. Расценив этот знак как предзнаменование удачи на пути служения Мировому Злу, Це забрал девочку с собой в Пайканг, Град Пур-

пурных Пагод, где поселил ее в башне из слоновой кости, обучая самым страшным своим секретам.

Попался найденныш и на пути Тан У. В Кхитай он возвращался через море Вилайет, и корабль, на котором он плыл, угодил в страшный шторм. Прогневались ли боги морских пучин, или то была черная волшба коварного Це Чжоу, люто ненавидевшего своего сводного брата? Как бы то ни было, но с помощью заклинаний Тан У мореплавателям удалось уйти невредимыми от буйства стихий, и их корабль вынесло на дикий скалистый берег. И здесь, среди угрюмых скал, нашли они одичавшего ребенка, который жил среди диких зверей, вместе с ними охотился и ловил рыбу. Кхитайский маг сжалился над дитятей и взял его к себе. Он нарек мальчика Дуэн Ки, что означало *чудесное спасение*..

В Кхитае Тан У вырастил малолетнего Дуэн Ки, но когда найденнышу минуло пятнадцать весен и настала пора приобщить его к тайным знаниям старого кудесника, грянула беда. В сны волшебника прокрался злобный демон — тело его было соткано из зеленого огня, а глаза горели желтым адским пламенем. Тан У узнал эти глаза. Разве мог он забыть пронзительный взгляд бесноватого Це Чжоу?

Злой дух, посланный колдуном, каждую ночь высасывал из несчастного Тан У его жизненную энергию ци, и кудесник угасал с каждым днем. И в один мрачный вечер, когда штормовой ветер с Лемурийского океана бушевал в саду, срывая орхидеи и акации и заставляя замолкнуть сладкоголосых соловьев, маг подозвал воспитанника к своему золотому ложу, украшенному резными львами, и прошептал слабеющим голосом:

— Дуэн Ки, мальчик мой! Я скоро покину эту бrenную оболочку, и дух мой воспарит к фарфоровым садам Императора Неба в ожидании новых воплощений. Злой демон, посланный моим безумным братом, нынче ночью выпьет у меня последние капли ци, и я умру. Взглянув сегодня в зеркало Магической Яшмы, я увидел, что аура моя почти угасла. Но я собрал последние силы — и узрел главное. Зеркало показало мне твое прошлое и будущее. Знай, маль-

чик, ты не просто звериный выкормыш, хотя уже одно это говорит о том, что ты отмечен богами.

Твое подлинное имя — Таргитай, ты принадлежишь к царскому роду Анахарсидов. Ты был рожден наследником Хрустального Престола великой Страны Городов, лежащей далеко за Гирканской степью у подножия гор Юйли-Бо, называемых на западе Рипами. Там ты увидел свет и был уложен в золотую колыбель в царском дворце стольного града Аргаима Трехстенного, и твой гордый отец, правитель Колаксай, в радости обнимал твою мать, счастливую Самраю.

И на пиру, куда были приглашены братья правителя — Арпоксай и Липоксай, — правители союзных племен Иирков и Исседонов, провозгласил тебя отец наследником своей державы. Славен был правитель Колаксай, неисчислима его сокровищница, неисчислимы боевые колесницы и лихая конница его могучего воинства. Денно и ночью стерегла покой царской семьи гвардия Серебряных Грифов. Но измена все же прокралась в дом Анахарсидов. Бывший служитель Эрлика, сумевший стать верховным жрецом Аргаима, коварный Заркум, окутал паутиной заговора весь дворец. И пали от отравленного вина правитель Колаксай и братья его Липоксай и Арпоксай. Твою несчастную мать Самраю Заркум пытался сделать своей наложницей, но бросилась она с крепостной стены, предпochтя смерть позору.

Тебя же, мой мальчик, отдали палачам и приказали утопить в полноводном Джаихе. Но сжалились палачи, дрогнула рука, не поднялась на наследника Хрустального Трона. Положив тебя в ивовую колыбель, они пустили ее на волю волн. И почти у самого моря Вилайет прибило колыбель к прибрежным тростникам, где нашел тебя старый барс. Племя грозных барсов выкормило тебя, и ты жил с ними у берегов Вилайета, пока я не нашел тебя и не отбил у твоих хищных воспитателей. Я взрастил тебя, нарек тебя именем Дуэн Ки, хотя теперь ты знаешь свое настоящее имя. Но для меня ты всегда будешь Дуэн Ки, мальчиком с сердцем барса...

Да, хоть я и воспитал тебя, как подобает цивилизованному человеку, в душе ты все равно дикарь, барсов выкормыш. Но увы, это не спасет тебя от черной злобы Це Чжоу. Покинь Кхитай, Дуэн Ки, ибо ты не родной сын Срединной Страны. Ты здесь воспитывался, ты здесь вырос, но ты никогда не был добропорядочным кхитайцем. У тебя другая кровь — кровь твоих предков, степных гирканских номадов. И эта кровь вызывает к мести. Поезжай на запад, к гирканцам: там поймешь, что в душе ты — кочевник. И, набравшись опыта и сил, отправляйся в Янпай — Страну Городов. Отомсти за отца, за мать и родных. А мой дух всегда пребудет с тобой...

В ту же ночь старый кудесник умер: демон сделал свое черное дело. А Таргитай — Дуэн Ки на следующее утро отправился в долгий путь на запад, прочь из Кхитая, дав себе зарок когда-нибудь вернуться и отомстить проклятому колдуну.

Долгие пять лет странствовал Таргитай по Гирканской степи. Добравшись до Кангхи, Страны Крепостей, лежавшей к северу от Великого Пути Шелка и Нефрита, вступил он в дружину кагана Весака и участвовал в налетах на земли юга: на богатые торговые города Согарию, Бахрошу, Лакаш, Самрак, Бусару, Когир... За эти годы Таргитай возмужал, окреп и проникся степным духом.

Будто и не было череды неспешных лет жизни в Кхитае, прогулок в напоенных ароматом орхидей садах, где заливались на разные голоса соловьи, отдыха на расписных циновках в фарфоровом павильоне, где он, тогда еще мальчик Дуэн Ки, обратясь в слух, учтиво внимал неторопливым речам Учителя, покуривающего кальян, и терпеливо разбирал прихотливый узор иероглифов, тисненых на тончайшем шелке. Золотые драконы на крышах пагод, дамы в расшитых халатах, с разноцветными веерами, учтивые вельможи в паланкинах...

И в то же время — непосильный труд крестьян, захлебывающихся грязью на рисовых полях, под жгучим солнцем, от зари до зари. Невольничьи рынки, где доведенные до отчаяния нуждой, исхудавшие отцы продают семилет-

них девочек и мальчиков сластолюбивым князьям и деловитым, разжиревшим содержательницам публичных домов и опиумных притонов. Несчастные слуги, которых за ничтожную провинность наказывают сотней ударов палок по пяткам и животам. Скорчившиеся тела казенных преступников, насаженные на стволы бамбука, медленно прораставшие сквозь еще живую плоть...

Нет! У этого фарфорово-шелкового рая была страшная изнанка. А здесь, в Великой Степи, был бескрайний простор, зеленая трава и Вечное Синее Небо над головой. И никаких тебе вельмож и дам в шелках, никаких надутых чиновников, спешащих с императорскими указами и нещадно погоняющих хлыстами задыхающихся носильщиков. Здесь, в Гиркании, никто не ездил верхом на людях. Здесь были табуны коней, резвящихся на приволье. Аркань любого — и у тебя есть преданный друг, который домчит хоть до Последнего моря!

Были здесь, конечно же, и свои господа. Грозно щерились башни дворца кагана Вэсака, да и надутые бии, похвалившиеся своими неисчислимыми стадами, также считали своим долгом напомнить безродному чужаку, кто хозяин в степи. Но в Кхитаедохнуть свободно нельзя было от императорских и княжеских эдиктов и стражников с бамбуковыми палками.

А здесь — расхохотался в лицо едва не лопающегося от злости богача, стегнул коня — и вперед! Ошибались бии, называя себя хозяевами степи. Степь широка — любому даст приют. И хозяином своим признает любого отважного молодца, лишь бы крепко держался в седле и метко стрелял из лука. Лишь бы ценил волю пуще жизни, а не был скупцом, что боится спину разогнуть перед бием. А уж если этот удалец одновременно найденш, вскормленный барсами, воспитанник кхитайского мудреца и наследник престола — то тут и говорить не о чем!

Неуживчив и горд был Таргитай. Сухой степной ветер вмиг сдул с него золоченую шелуху кхитайской учтивости. Едва не зарубив в ярости нахального тысячника, Таргитай бросил под ноги туменбаши дружины кагана свой бунчук

сотника и уехал прочь из Кангхи. Примкнув в дикой степи к шайке разбойников-мунган, Таргитай пару лет щипал перышки купцам из той же Кангхи и других гирканских ханств и городов, промышлявших торговлей между рынками, лежащими на Великом Пути, и северными странами — Сакалибой.

Из Согарии, Дамаста, Самрака и других перевалочных центров торговли на Великом Пути купцы везли в Сакалибу железо, оружие, ткани, благовония, пряности, предметы роскоши, а с севера — золото, медь, драгоценные камни, моржовый клык, мамонтовую кость, меха соболей, горностаев, чернобурых лис, песцов, бурых и белых медведей. Неистощимы были сокровища загадочной Сакалибы. И Таргитай мог бы неслыханно разбогатеть и в конце концов сам создать небольшое разбойничье ханство на Северном Пути и, сидя на мешках с золотом, брать дань с купцов, поплеывая на недовольство Вэсака и других гирканских владык.

Но, на счастье Вэсака и злополучных негоциантов, в одну прекрасную ночь Таргिताю, которого в то время уже почтительно называли Беркутом Северного Пути, приснился странный сон. После чего Таргитай распрощался со своими разбойничками, оседлал коня и ускорил на север — в сторону Сакалибы. Только вот не стало после его отъезда удачи на Северном пути. Атаманство захватил некий ушлый бродяга Ольгерд, да только недолго правил он вольной братией. Вскоре кангхские войска вовсе выловили всех негодаев, мешавших торговать достопочтенным купцам. Говорят, один лишь Ольгерд и смог ускользнуть от вэсаковых ищеек. По слухам, он нашел приют на Запорожке, у козаков, а затем и вовсе подался далеко на юго-запад, в богатый Туран...

* * *

...Обо всем этом, конечно же, не мог знать Таргитай, спавший, завернувшись в волчью шкуру, у подножия каменного изваяния. А если бы и знал, то навряд ли стал сокрушаться о судьбе своих бывших сотоварищей. Он крепко

спал, и сон его оберегала миниатюрная, изящная статуэтка из слоновой кости, изображавшая Учителя Тан У и поражавшая воображение своим удивительным сходством с оригиналом. С этой статуэткой Таргитай не разлучался, с тех пор как схоронил Учителя, и всегда ставил ее у себя в изголовье. Он верил, что дух Тан У оберегает его сон. А иногда и навещает его.

Таргитай крепко спал, утомленный дальней дорогой и схваткой с Кокбузом. Он не мог видеть, как мерцают нефритовые глаза статуэтки волшебным зеленоватым светом, создавая магический треугольник между ней, каменным изваянием и юным принцем. А Таргитаю в это время снился удивительный сон.

Глава 3. Вещий сон

Снился Таргитаю сон — удивительный, волшебный. ...Когда-то давно — еще до того, как к западу от Великой Степи стали плескаться волны моря Вилайет, — пожар страшной войны полыхал в этих землях. Древние государства бились между собой не на живот, а на смерть. На западе легионы ахеронцев пытались поработить племена северных варваров — хайборийцев. На юге — на месте песков Иранистана и Шема — точили зубы на соседей воинственные правители Апура. А на просторах Гиркании племена гордых степняков-ашинов, первыми заселившие степи после падения Кхарийской империи, отстаивали свою свободу от последних из нелюдей.

Давно уж сгинули во мраке тысячелетий державы нагов и вампиров Куша, легендами стали даже первые человеческие империи — Валузия, Грондар, Верулия, Туле и другие, стаи рыб резвились в подводных руинах Атлантиды и Лемурии. Но здесь, на севере, нелюди выжили и укрепились на долгие века. И вновь, ощутив в себе древнюю мощь, козлоногие сатуры принялись покорять окрестные народы. Страшна была смерть от их рук, но еще ужасней была участь захваченных в плен. Невероятные пытки, издевательства, демонические жертвоприношения, непосильный труд в рудниках и шахтах ждали невольников в Стране Древних — Фавнии. Мало того, именно в здешних уделах — Пане, Золе, Эврисфее, Сарпедоне и Газуле — обрели пристанище змеелюди, древние враги человеческого рода.

Изгнанные из Валузии еще королем Куллоом, нашли они приют в отдаленных уголках земли — на юге, на крайнем западе и здесь, на севере, среди одичавших и выродившихся потомков другой прачеловеческой расы.

Нааги возродили мощь древнего племени сатуров — уродливых рогатых существ, с покрытыми шерстью телами, искривленными ногами с раздвоенными копытами и пообезьянью цепкими руками. Некогда сатуры обитали почти по всему Турийскому материку, но затем почти полностью вымерли. Небольшие осколки их расы сохранились в древних валузийских лесах и на окруженной со всех сторон горами равнине, названной Фавнией.

Отличительной чертой сатуров было их невероятное сластолюбие. Похоть козлоногих уродцев не знала предела, доходя до самых невероятных извращений. В чудовищных мистериях, посвященных богу Сету, сатуры предавались плотским утехам с самыми разнообразными существами и принуждали к тому же своих невольников.

Особенно надки были сатуры на женщин человеческого рода. Но свободолюбивые степняки-ашины не могли допустить, чтобы их жены, возлюбленные, сестры и дочери пали жертвой похотливых выроdkов. Однако руководимые мудрыми и коварными наагами, сатуры были непобедимы — и множество народов уже страдали в оковах унижительного рабства.

Та же участь ожидала и ашинов. Но во главе их воинства встали могучие богатыри — потомки древнего племени титанов, имя которых было Алпы. Некогда, еще до Великой Катастрофы, те правили всей Гирканской степью. Затем гиганты исчезли, — как гласили степные легенды, ушли далеко в северные горы. Но они оставили могучее потомство...

...Предводитель ашинского племени хаяров — могучий богатырь Алп-Манаш — попал в засаду, устроенную коварными сатурами в излучине Джайха. Все произошло слишком внезапно: из прибрежных камышей высыпали козлоногие, вооруженные ятаганами. Сатуры со злорадным квакающим смехом рассыпались цепью, окружая Алп-Ма-

наша и его оруженосца Абряу, отрезая им путь к отступлению.

Ашинский хан мысленно проклял свою беспечность. Нет, смерти он не боялся, было только жаль Абряу: всего семнадцать степных весен довелось увидеть тому. Но в глазах юноши он прочел решимость бороться до конца.

— Мой хан, я с радостью погибну за тебя! Мне не страшен никакой враг! — воскликнул пылкий юноша, выхватывая из-за набойного пояса с золотыми бляхами тяжелый чукмар — боевую палицу, увенчанную свинцовым шипастым шаром.

Алп-Манаш коротко кивнул ему и, встав на стременах, исторг из своей мощной груди ужасающий рев — полузабытый боевой клич древних Алпов. Злобные уродцы отпрянули назад, недовольно вереща.

— Эй, гнусные выроdkи! — обратился к ним Алп-Манаш. — Мои предки — Алпы душили вас голыми руками, как вонючих крыс. У вас на ногах копыта, а на башке рога, но любой баран из моих отар опрокинет вас в честном поединке. От вас воняет козлом, подлые ублюдки, ибо козел — ваш предок! Ну же, кто первым желает отправиться портить воздух к трону Эрлика?

Нелюди взвыли от негодования — видно, они хорошо понимали человеческую речь — и, выхватив кривые, острые, как бритва, ятаганы и зловеще сверкающие трезубцы, угрожающими скачками стали подбираться к степным воинам. Когда наиболее дерзкие вплотную приблизились к богатырям, в багровых лучах закатного солнца сверкнул меч хана и тускло блеснул чукмар Абряу. Раздался свист — сталь запела свою кровавую песню.

В яростном вихре завязавшейся схватки слышен был визг рассекаемых на части тварей, победные выкрики Абряу и тяжелое дыхание Алп-Манаша, предпочитавшего биться молча. Его могучая, закованная в бронзовые латы рука орудовала мечом-акинаком с невероятной быстротой — во все стороны летели из-под нее кровавые клочья. Абряу охватил азарт битвы, хотя он и был уже в плечах, ниже ростом и тоньше станом своего дюжего повелителя, но

тяжелый чукмар летал в его руках свинцовой птицей, круша рогатые черепа.

Сраженные сатуры один за другим падали на землю. Наконец, охваченные ужасом, уродцы отпрянули назад. Ни один из них не желал больше рисковать своей шкурой. И казалось, нет в мире такой силы, которая принудила бы их к этому.

Абруй облегченно вздохнул и даже расслабил руки, сжимавшие чукмар. Однако более опытный Алп-Манаш по-прежнему настороженно буравил монстров глазами, направив на них острие окровавленного акинака. Он был готов ко всякой неожиданности.

Раздавшийся в наступившей было тишине скрипучий шелестящий смех заставил монстров вздрогнуть и вновь вскинуть ятаганы. Похоже, сила, которая могла заставить сатуров вновь ринуться в бой, все же нашлась.

Ряды уродцев почтительно расступились, пропуская вперед страшную процессию. Во главе ее, верхом на неведомом чудище, ехал нааг. Зелено-коричневую чешую заботливо кутал густой серебристый мех гигантской рыси, а змеиную голову венчала золотая корона, усыпанная алмазами, рубинами и сапфирами. Сухая четырехпалая рука крепко сжимала поводья, оканчивающиеся удилами, которые были намертво впаяны в широкие ноздри чудовищного скакуна. Это был кротер — прямоходящая рептилия, прыть которой намного превосходила лошадиную, — один из тех, что тысячи лет назад ходил под седлом еще у древних Царей-Драконов ныне сгнившей Лемурии...

В другой руке нааг без видимых усилий удерживал тяжелую стальную цепь со звеньями в два пальца толщиной. Но даже мощь металла не помешала оставить на них отметины чудовищных зубов тому, кого удерживала эта цепь. Это был огромный, почти белоснежный волк. Налитые кровью глаза чудовища, называемого также даир-волком, хищно уставились на онемевших воителей, огромные челюсти с желтыми клыками-кинжалами клацали, с них хлопьями слетала пена. Мощные мускулы перекачивались под белоснежной шерстью на могучей шее, сияясь разорвать плен стального ошейника.

Следом за наагом выступали, грузно переваливаясь, уродливые, косолапые гиганты, сплошь заросшие жесткой рыжей шерстью. Крепкие лапы сжимали огромные дубины, маленькие обезьяньи глазки с рабской преданностью смотрели на своего надменного господина. То были полярные обезьянолюди, обитавшие в ледяной пустыне Севера — Патении.

Приблизившись к застывшим на месте хану и оруженосцу на расстояние трех десятков шагов, нааг остановил своего кротера — и вся демоническая свита замерла. Жуткая улыбка играла на безгубом и безносом синюшном лице человекозмея.

— Людиш-шки! — раздался вкрадчивый голос наага. — Я преклоняюсь перед вашей отвагой! Похвальное с-свойство многих теплокровных тварей — впрочем, с-совершенно бес-сплезное. У некоторых его даже в избытке, — к с-сожалению, в ущерб вс-сем другим. Предус-смотрительности, например... — Нааг хищно ощерился, раздвоенный язык замелькал в полураскрытой пасти, — видимо, это должно было изображать усмешку. — Кс-стати, прос-сти меня, прес-светлый хан, за то, что мои друзья прервали твою тайную поездку к Оракулу Арс-синой. Боюс-сь, теперь она будет с-совершенно бес-смыс-слека. Вот уже дес-сять дней, как Оракул в моей влас-сти. С-сама Арс-синой, к моему глубокому прис-скорбию, покончила с с-собой, а на ее алтаре пророчествуют жрецы Сета, гадая по внутреннос-стям принес-сенных в жертву людишек.

— Проклятый змей! — в ярости вскричал Алп-Манаш. — Так значит, давешнее послание, где Арсиной приглашала немедля прибыть к ней, было фальшивкой? Ты таки заманил меня в ловушку, подлый Кахха!

— Увы, мой теплокровный друг! — усмехнулся правитель Эврисфеи, города сатуров, лежавшего на границе с ашинскими кочевьями. — Прозорливость — то с-самое качес-ство, которое отс-сутствует у теплокровных и заменяетс-ся у них безрассудной отвагой. Иным, впрочем, недостает даже этого... — Кахха метнул презрительный взгляд раскосых желтых глаз на заметно приободрившихся в его присутствии сатуров.

— А лживость и предательство — это ваши черты, подлые нааги!

Змей недобро зашипел.

— Напротив, Алп-Манаш, я всегда держу с-слово, и с-сейчас ты убедишься в этом. Помнитс-ся, в пис-сьме тебе обещали предс-сказать с-судьбу твоего народа и ис-сход войны... Конечно, не мне тягаться с покойной Арс-синоей, но не надо быть с-семи пядей во лбу, чтобы показать тебе грядущее. Так с-слушай же. Война окончена. Ваши женщины и дети с-станут ус-сладой этих красавцев. — Он кивнул в сторону сатуров, в глазах которых зажглись похотливые огоньки. — Если они будут покорны, возможно, им повезет протянуть подольше...

А мужчины, те, что ос-станутся в живых, когда мы закончим с-с вами, — продолжил Кахха, явно наслаждавшийся своей речью, — ...пойдут на корм гигантским морским быкам в моем зверинце. Но не пугайс-ся, хан, эта учас-сть тебе не грозит. Ты умрешь куда раньше! А вот твоего мальчика я могу и пощадить — в знак особой милости. Он так хорош с-собой, так юн, что вполне может разделить с-судьбу женщин и детей. Думаю, мои добрые подданные великодушно закроют глаза на наличие у него мужс-ских дос-стоинств. Да и дело это поправимое... раз — и нету! Не так ли? — осведомился он у сатуров, которые сладострастно зачмокали губами в ответ.

— Ах ты, гадюка! — вскричал смертельно оскорбленный юноша, поднимая чукмар для удара. — Да я сам лишу тебя твоего змеино-го отростка, если он только у тебя вооб-ще есть! — Абруй в порыве безумной ярости пустил коня вскачь, стремясь раздробить башку проклятому змею.

— Стой! — вскричал было Алп-Манаш, пытаясь удержать горячего мальчишку, но было поздно.

Конь Абруя поднялся на дыбы, и юноша уже готов был обрушить чукмар на коронованного гада, не зная даже на скалящего зубы волка и бросившихся наперерез патенцев с дубинами, но Кахха остановил их повелительным жестом. В следующее мгновение рука его стремительно метнулась к Абрую, и между сухими пальцами вспыхнули сле-

пящие разряды. От руки Каххи отделился яркий белоглазый шар, который с силой ударился прямо в закованную в панцирь грудь юноши. Однако шар не отскочил от лат, а напротив, прожег их, как сухую деревяшку, и проник внутрь. Страшный вопль заживо горящего человека раздался окрест, и юноша свалился замертво, под ноги верховой рептилии, на которой восседал торжествующий убийца.

— Негодяй! — прохрипел Алп-Манаш. — Это тебе даром не пройдет!

Молниеносным движением он выхватил из-за голенища сапога нож и метнул его прямо в глотку наагу. Ни один человек не смог бы увернуться от такого броска, но Кахха стремительно отпрянул, и нож, свистнув у самого его виска, вонзился в горло одного из волосатых оруженосцев. Человек-обезьяна, закатив глаза, с хрипом повалился навзничь, а в грудь Алп-Манашу полетел следующий огненный шар.

Хан, ожидавший нападения, мгновенно поднял на дыбы своего коня. Шаровая молния прожгла несчастному животному внутренности, оно с истошным ржанием рухнуло оземь и задергалось в предсмертных конвульсиях, и хан едва успел выскочить из седла.

Кахха ощерил изогнутые зубы в демонической усмешке:

— Ты хотел отомс-стить мне, человечиска? За с-смерть своего мальчишки, не так ли? О да, вы, люди, так трепетно относитесь к долгу крови! Придетс-ся и мне уподобиться вам! С-смотри же, Алп-Манаш, и учис-сь, какой должна быть месь! С-сейчас твой мальчишка отомс-стит тебе же за дерзкое посягательс-тво на мою жизнь. Ибо душа его отныне принадлежит только мне! И даже когда я умру, его душа будет с-служить моей в потустороннем мире!

Глаза наага вспыхнули безумным светом, когда он обратился к еще дымящемуся труп Абруя:

— Вс-стань, ничтожество! Покарай дерзновенного, ос-селившегося поднять руку на влас-стелина! Во имя С-сета — приказываю тебе! Вос-стань!

С глухим стоном, мотая головой из стороны в сторону, мертвец начал подниматься. Огромная дыра с рваными

палеными краями зияла в его груди, глаза невидяще уставились на Алп-Манаша. Руки, белые как снег, медленно нащупывали чукмар.

— Подними свое оружие, падаль, и исполни мою волю! — повторил свой приказ Кахха, и зомби, подняв чукмар, бросился на своего бывшего господина.

Алп-Манаш с трудом увернулся от нападавшего на него труп. Он прекрасно понимал, что обычные раны не прикончат единой убитого. Ловко уворачиваясь от ударов, он, подняв акинак, принялся хладнокровно расчленять тело своего бывшего любимца. Лишь после того, как он изрубил труп Абура в кровавые лохмотья, атака мертвеца прекратилась.

И в этот момент его настиг новый шар, пущенный коварным Каххой. Но это был уже иной вид оружия. Ибо шар, едва коснувшись тела Алп-Манаша, неожиданно раскололся на сотни ледяных игл, впившихся в плоть. Хан почувствовал, как леденеет кровь в жилах и туманится разум.

— Ты с-станешь ледяной с-статуей, хан, — будто изда- лека услышал Алп-Манаш вкрадчивый голос змея, — и будешь оживать по моему приказанию и исполнять любые прихоти твоего повелителя. Прекрасное пополнение к моей коллекции!

— Не бывать тому, выродок! — враз осипшим голосом прошептал Алп-Манаш.

Немеющие руки с трудом нащупали амулет, с детства висевший у него на груди. Перед глазами встала на миг старая, сморщенная как печеное яблоко, седовласая ведьма Мэскэй. Ее костлявые, иссохшие руки повесили талисман на шею маленькому отпрыску хана, а беззубый рот, шамкая, приговаривал при этом:

Во имя белых ветров!
Во имя черных звезд!
Во имя Папая-громовержца!
Во имя Денгирмах-Инаньи!

Знай, Алп-Манаш, в сем священном амулете — высушенная и растертая в порошок кровь Эрлика! Коли окружают тебя враги и будет неоткуда ждать спасения, открой его и высыпь врагам в глаза чудесный порошок!..

Мысленно поблагодарив старую колдунью, Алп-Манаш, уже начавший замерзать, рванул талисман с шеи. Из порванной ветхой ткани на ладонь посыпались сухие и острые крупинки. Зажав в руке горсть порошка, Алп-Манаш собрал остаток сил, в отчаянном броске настиг ухмыляющегося змея и сыпанул ему прямо в глаза священное снадобье.

— Во имя белых ветров!

— Во имя черных звезд!

— Во имя Папая-громовержца!

— Во имя Денгирмах-Инаньи! — шептал немеющим языком Алп-Манаш.

Холод все больше сковывал его члены, но это не помешало ему увидеть, как перекосилась гнусная морда человекозмея и враз потухли его желтые глаза. Наг стал заваливаться в седле, и его рука безвольно выпустила цепь, с которой так яростно рвался на свободу даир-волк.

— Ну же, ну же, волчина! — поощрительно прошептал хан. — Давай, перегрызи мне глотку! Уж лучше душа моя вселится в волчье тело, чем станет вечно служить в преисподней духу проклятого гада!

Клыки сомкнулись на горле Алп-Манаша, и он благодарно сомкнул глаза.

...Толпа сатуров с горестными рыданиями удалялась с места кровавого побоища в сторону Эврисфеи, унося с собой недвижимое тело своего владыки. Кахха впал в летаргический сон, вызванный действием порошка, и никакое средство не могло его поднять. Тело спящего Каххи было заключено в зеленый саркофаг, помещено в храм Сета и торжественно провозглашено одной из главных святынь Фавнии.

...А на следующий день к месту кровавой драмы подошли войска апинов. Телу Алп-Манаша были возданы последние почести, а когда догорел погребальный костер, прах великого воителя поместили в бронзовую урну и на высоком берегу Джайха возвели над ней величественный курган. Искусный мастер вырезал из камня статую Алп-Манаша, которую водрузили на могильный холм.

Прошли годы, века, тысячелетия... Доблестные ашины отразили натиск козлоногих нелюдей, чью нечестивую страну постиг вскоре гнев богов. И на месте Пана, Зола, Эврисфеи, Сарпедона и Газула заплескалось море Вилайет.

Позже племена доблестных ашинов были разбиты новыми народами, вторгшимися в степь, и, смешавшись с победителями, они дали начало племени гирканцев. Пал Ашур, пал Ахерон, почти втрое уменьшились размеры Стигии, гирканцы вторглись в Туран и, смешавшись с его древним народом, породили новую нацию.

А в степи, там, где прежде тек Джаих, все так же глядела вдаль каменная фигура древнего хана. Курган его, размерами некогда тягавшийся со стигийской пирамидой, теперь оплыл и сгладился. Но по-прежнему приносили люди дары изваянию древнего богатыря. А порой — если приносящий дары приходил в одиночку — его настигала смерть. Ибо у кургана жил свирепый волк — и так было испокон веку.

...Образ Алп-Манаша исчез из сна Таргитая. Теперь перед его внутренним взором чередой проходили поколения волков. Он видел их жизнь как бы изнутри, глазами зверя, и в то же время познавал дух древнего воина, заключенный в тело хищника. Дух этот рвался на волю: слишком тесной ему была волчья плоть и слишком серой — волчья жизнь. Именно воля человека вынуждала волка кидаться на путников в смутной надежде, что найдется тот, кто одолеет его, дабы дух хана наконец слился с человеческой душой.

Великим счастливецом стал бы человек, победивший волка — стража изваяния. Но, увы... Проезжие купцы знали о существовании волков-стражей и потому никогда не подходили к каменному воину поодиночке. Другие же были слишком слабы и потому становились жертвой курганного волка.

Когда подходила пора стареть, стража кургана вызывал на поединок молодой и сильный волк. Если ему удавалось победить старого ветерана, дух хана перекочевывал в новичка по наследству. Так и длилась бы эта череда воплощений страждущего духа, но вот к кургану подъехал Таргитай...

И теперь он знал, что вместе с сердцем и печенью убитого волка принял в себя дух великого Алп-Манаша.

...Исчезли волки, исчезло видение кургана. Над Таргитаем склонялось морщинистое, цвета старой слоновой кости лицо Учителя. Раскосые глаза его сощурились и почти утонули в складках кожи — Тан У улыбался.

— Дуэн Ки, мальчик мой, — послышался ласковый голос старого мудреца, — теперь в твоём сердце живет воинский дух древнего хана. Ты победишь, мальчик мой, и будешь править своей страной! И тебе поможет в этом великий человек. Ты не единожды встречал на своем пути удачу: тебя оставили в живых палачи, не тронули барсы, ты попал ко мне и победил священного волка. А вскоре тебе предстоит стать другом великого воителя, который когда-нибудь завоюет престол самого великого из королевств Запада. Цени эту дружбу, Таргитай, и будь осторожен, не позволяй никому разлучать тебя с другом! Вас ждет великое будущее!

Дух Тан У исчез так же внезапно, как и появился.

...А перед внутренним взором Таргитая предстал высокий могучий мужчина. Грива черных непокорных волос обрамляла мужественное загорелое лицо, на котором выделялись глаза — ярко-синие, как купол Вечного Неба. В них светились ум, воля и невероятная отвага. Но что это? Рядом с синеглазым богатырем стоял другой гигант, лысый или бритоголовый, тощий, смуглый и крючконосый. Он был похож на стигийцев, которых Таргिताю доводилось встречать в Согарии и в Дамасте. Гигант-стигинец в упор посмотрел на Таргитая желтыми немигающими глазами, и неожиданно черты его лица расплылись, и сквозь них проглянул ужасный облик наага.

— Берегись! — закричал Таргитай синеглазому. — Это змей! — Но голоса не было. Нааг отвратительно зашипел — и видение исчезло...

Таргитай проснулся.

Глава 4. Девы-лебеди

Таргитай сравнительно легко переправился через полноводный Джаих, цепко держась за гриву своего выносливого степного коня, которому не раз приходилось пересекать реки вплавь. Ступив на западный берег Джаиха, холмистый и возвышенный, юный воин кинул прощальный взгляд назад — на восток, туда, где на тысячи лиг простиралась Великая Степь.

По Джаиху, казалось, пролегала незримая граница. Здесь кончалась настоящая Гиркания и начинались пределы Сакалибы — загадочных северных краев. Хотя знал Таргитай, что и к западу от Джаиха живут кочевники, родственные гирканцам, — вплоть до тайги, населенной дикими охотниками, но здесь близость Севера чувствовалась во всем. Не было больше необъятной ровной степи, сплошь поросшей ковылем и лишь изредка перемежавшейся небольшой грядой холмов или перелесками. С самого побережья Джаиха здесь начиналась великая возвышенность, бугрящаяся холмами, все более и более увеличивающимися в размерах и постепенно переходящими к северо-западу в отроги Рипейских гор, гряда которых уже угрюмо нависала над горизонтом.

Это не значило, однако, что ландшафт не был благоприятен для кочевания. Между холмов тут и там зеленели плодородные, сплошь поросшие густой сочной травой луговины и долины-тугаи. Холмы, служившие естественными границами этих долин, были сплошь покрыты лесом, в

котором лиственные породы: береза, осина, липа — смешались с сосняком и ельником. Могучие стволы хвойных великанов красноречиво свидетельствовали о близости пояса сплошной, дремучей тайги.

Живописные тугаи были идеально пригодны для крупных стад — травы здесь были обильнее и гуще, чем в засушливой Великой Степи. Но замшелые сосны и ели, огромные гладкие валуны, облизанные языком древнего ледника, — все свидетельствовало о студеноем дыхании Борея. Все это словно говорило, что не следует обольщаться изобилием сочной травы — не так уж и долгов ее срок. Ибо шесть, а то и семь лун в году царствует здесь суровая зима. И снег в Сакалибе настолько глубок, что не позволяет держать скот на подножном корму круглый год, как это делают гирканцы в своей малоснежной степи.

Таргитай слышал, что здешние скотоводы кочуют особым образом, отгоняя свои стада на зимовки в горные долины или запасая на зиму сено. Знал он также, что в силу этого местные скотоводы не кочуют весь год, а зиму предпочитают пережидать в оседлых деревнях.

Однако сейчас северное лето было в разгаре, и солнце, хоть и низко стоящее над горизонтом, так что задевало верхушки Рипейских гор, щедро поливало землю животворящим теплом. Следовательно, рассудил Таргитай, довольно скоро он встретится со здешними кочевниками.

Как ни крути, они были его соплеменниками, хотя изгнанник ощущал себя куда большим степняком, чем они. В любом случае, встретиться с ними необходимо. Пополнить припасы, а главное — вывести, что же все-таки творится в столице этих загадочных земель.

В конце концов, решил Таргитай, он вполне сойдет за странствующего гирканского купца, отбившегося от каравана, благо, в его хурджуме завалялись кое-какие безделушки, годные для продажи. В самом деле, откуда темным пастухам знать, что под личиной скромного юного путника скрывается мститель, вернувшийся, чтобы отвоевать престол.

Однако местность, по которой проезжал Таргитай, продолжала оставаться пустынной, что несколько смутило стран-

ника. По сведениям гирканских купцов, в это время года уже сразу после переправы через Джаих можно было встретить приграничные кочевья даев, исседонов, иирков и других местных племен, с нетерпением ожидавших приезда торговых караванов с юго-востока. Но теперь в этих местах, некогда оживленных, царили безлюдье и тишина. Какая-то напряженность чувствовалась в молчании природы. Казалось, невидимые глаза загадочных существ зорко наблюдают за дерзким пришельцем.

Таргитай ехал все дальше, и в душу его постепенно вкрадывалась тревога. Он мучительно гадал, что же заставило опустеть привольные кочевья в разгар короткого северного лета? Был ли то мор или нападение неведомого врага?

Неожиданно на горизонте замаячило что-то черное, а ветер донес резкий, тревожный запах. Молодой воин весь напрягся, учуяв этот столь знакомый ему аромат степной беды. Гарь! Похоже, что впереди лежало разоренное и выжженное дотла кочевье. Выхватив из ножен обоюдоострый кхитайский меч, Таргитай пустил коня галопом.

Вскоре взору юноши предстала печальная картина: несколько черных пепелищ, оставшихся на месте стоявших кругом шатров. Рядом лежали давно остывшие трупы. Причем над телами, похоже, основательно поработал какой-то злобный и невероятно жестокий враг. И, судя по ранам, оставленным на трупах, враг этот не был человеком.

Вырванные куски плоти. Обезображенные тела. Раздавленные всмятку черепа. Лишь у одного из покойников чудом уцелело лицо: это был коренастый мужчина лет сорока, в одежде из беличьих шкурок, широких шароварах и войлочных сапогах. На голове его красовалась острокопечная войлочная шапка, отороченная лисьим мехом, похожая на те, что носят гирканцы, но на этой сразу же бросались в глаза по-чуждому прикрепленная сзади пара лисьих хвостов. Широкое, смуглое, чернобровое лицо убитого было неестественно запрокинуто — и немудрено, ибо голова была почти отделена от туловища жуткой рваной раной, зияв-

шей на месте горла. На лице обладателя хвостатой шапки застыло выражение смертельного ужаса.

Тлен уже коснулся мертвецов, но удивительное дело, ни одной мухи не вилось над ними, и ни один охотник до падали — будь то шакал, волк, ворон или стервятник — даже не приблизился к трупам. Слово само место это было проклятым.

Трупов было не так уж и много, не больше десятка, в то время, как в погибшем кочевье явно обитало большее количество людей. Причем все до единого тела были мужскими. Следовательно, рассудил Таргитай, успокаивая дрожавшего коня, женщины, дети, подростки и уцелевшие мужчины уведены в плен некими злобными монстрами. В том же, что нападение совершили не люди, Таргитай и не сомневался.

Он стал внимательно изучать следы, надеясь встретить отпечатки раздвоенных копытцев или трехпалых ступней рептилий, — вещий сон все не шел у него из головы. Но, кроме слабых очертаний подошв войлочных сапог, он ничего не увидел. Неведомый враг не оставил следов на земле!

В бессильной ярости Таргитай воздел голову к Вечному Небу, и с уст его уже готовы были сорваться самые страшные проклятия, обращенные к богам, этим равнодушным небожителям, спокойно взиравшим на творимые внизу злодеяния... И, словно в ответ на его немой упрек, с неба донеслись странные звуки — то ли вороний грай, то ли чей-то злорадный хохот, который мог принадлежать только ведьме.

Таргитай в изумлении всмотрелся в небо, и его зоркие глаза уловили где-то далеко, у самых облаков, едва различимые в лучах солнца смутные точки. Точно птичья стая кружила над местом кровавого побоища.

Точки стали заметно расти в размерах, приобретать определенные очертания, приближаясь к земле. Наконец синеву небосклона прочертил клин ритмично взмахивающих мощными крыльями крупных птиц, гусей или лебедей. Уже явственно виднелись изогнутые длинные шеи, сверкала на солнце белизна оперений... Но было что-то

неправильное в этих птицах, что-то злое и пугающее. Через пару мгновений Таргитай понял, что именно.

Пернатые существа опустились совсем низко, одно из них неожиданно устремилось к нему, и юноша в ужасе узрел в ореоле развевающихся волос искаженное ненавистью и хищной злобой лицо с раскосыми, пылающими глазами, вывернутыми наружу ноздрями, волчьим оскалом разверстой пасти, из которой высовывался раздвоенный змеиный язык. Крылатая дева летела прямо на него, вытянув вперед жилистые длинные руки, украшенные острыми, кривыми когтями.

— О, Папай-громовержец! — выдохнул Таргитай, выставя вперед свой меч. — Девы-Лебеди!

Так вот какой враг опустошил эти земли! Страшные Девы-Лебеди, крылатые гарпии, наводившие ужас на жителей севера! Создания, о которых даже бывалые гирканские купцы рассказывали шепотом, сотворяя при этом знаки, отвращающие демонов!

Ну что ж, Таргитай не будет покорно ждать, пока крылатая девица сама подлетит к нему и вопьется в плоть своими когтями-кинжалами. Он видел, какие раны оставляют легкокрылые красавицы, и мог лишь уповать на крепость кованных искусными агадейскими мастерами доспехов, носивших гордое название *чешуя Нергала*. И еще на свою резвость и воинское мастерство.

Да! На этот раз гарпиям попался отнюдь не испуганный, суеверный, застигнутый врасплох пастух, вооруженный одной лишь камчой или, в лучшем случае, ножом! Когда первая из лебедиц, исторгая змеиное шипение из глотки, со всего маху налетела на Таргитая, намереваясь впиться в его тело когтями и зубами, ее встретило сверкающее голубизной острие заговоренного кхитайского меча с насеченными по всей длине лезвия магическими иероглифами. Молнией грозного Папая метнулся волшебный меч — и продолжавшая шипеть, чудовищная кудлатая голова, разбрызгивая кровь, слетела с изящной шеи. Но обезглавленное тело не унималось. Мускулистые руки впились в горло воина (его спасла стальная рубаха с глухим воротом), мощные крылья

судорожно били, норовя ослепить и запутать, а длинная шея извивалась в конвульсиях, продолжая выталкивать струи черной крови прямо в лицо Таргитая.

— Эрлик тебя раздери, прсклятая! — в ярости вскричал воин, с трудом отбиваясь от истекающего кровью труп.

Товарки убитой демоницы, пронзительно крича, вились над головой Таргитая. Но принц даже и не надеялся, что те обратятся в бегство. Жестокий разум светился в хищных глазах гарпий. Было очевидно, что Девы-Лебеди лишь сменяют тактику нападения и продолжают свое кровавое дело.

Таргитай быстро прикинул, как вести дальнейший бой. Ускакать прочь и спастись бегством нечего и надеяться — гарпии не отпустят его живым. Броситься на них с боевым кличем и погибнуть в бою? Это была смерть, достойная мужчины, но Таргитай пока не собирался на вечный покой. Прежде чем ступить на неведомые земли Серых Равнин, он хотел раздать кое-какие старые долги.

Наконец лебедицы с истошным воплем перешли в атаку. Теперь они не нападали поодиночке, а, грозно шипя, подлетали сразу со всех сторон, стараясь поразить врага. Лишь резвость обученного скакуна и ловкость самого Таргитая, вертевшегося с конем на одном месте и еле успевавшего мечом и пикой отбивать тянущиеся к нему со всех сторон когти и пасти, до поры спасали его.

Гарпии были явно обозлены: впервые им встречалась такая строптивая жертва. Но Таргитай сам привык быть охотником и не собирался никому уступать эту роль. Меч в правой руке описывал вращательные движения над головой, выделявая самые невероятные восьмерки и петли, — и каждый взмах исторгал злобное шипение из глоток демониц, оставлял алые полосы на белоснежных перистых телах, а то и просто окровавленную культю на месте руки, крыла или головы. Копьем Таргитай одновременно фехтовал — легко, играючи, как зингарский гранд своей изящной шпагой, — и колот стремительно и точно, как гиперборейский мореход, гарпунивший кита, или кушит, метящий ас-сегай в антилопу.

Юный принц был великолепен. В нем гармонировали гирканская прирожденная ловкость с древним кхитайским боевым искусством, — Тан У успел поделиться со своим воспитанником некоторыми знаниями, полученными им в молодости в Замке Голубых Орхидей. И сейчас Учитель мог бы по праву гордиться им.

Неизвестно, сколько бы еще продолжалась эта игра со смертью, как вдруг Таргитай, упоенный битвой, расслышал стремительный свист огромных крыльев. В разные стороны полетели окровавленные тела гарпий, и огромные черные когти вонзились в плечи юноши. Сильный удар по голове на миг лишил его сознания. В глазах у Таргитая потемнело. А когда тьма рассеялась, он ощутил, как некая злая сила поднимает его все выше и выше и несет за самые облака.

Глава 5. Дурная компания

Тангха стремительно несла свои шумные воды к морю Вилайет, а по ее берегу двигались в обратном направлении — к северо-востоку, туда, где темнели на горизонте очертания Рипейских гор, — два человека.

Оба явно не были обитателями здешних мест. Какая же прихоть богов забросила их в край, куда даже гирканцы наведываются раз в полгода, в невероятную даль от Хайборийских пределов, и свела здесь вместе могучего уроженца Киммерии и долговязого, смуглого, желтоглазого человека в белой хламиде, по виду уроженца берегов Стикса?

— Слушай, ты, как там тебя... Кахха! — угрюмо проворчал гигант-киммериец, бросая исподлобья взгляд синих, как Вечное Небо, глаз на своего крючконосого спутника. — Раз уж ты такой волшебник, что тебе мешало отправить меня напрямик к сокровищам этих самых Грифов?

— Хе-хе-хе! — силло засмеялся стигиец, отвечая на взгляд киммерийца своим немигающим взглядом. — Увы, мой дорогой варвар, все не так просто. Нам, наагам, доступно многое, что и не снилось нынешним чародеишкам, но боюсь, здесь даже я бессилен. Видишь ли, подобные перемещения требуют слишком большого напряжения магических сил. К сожалению, у меня нет под рукой талисмана, посредством которого я смог бы достичь требуемой концентрации энергии. Но зато, если я достигну сокровищ грифов и найду среди них заветный Шип Тиамат...

— Ну ладно, все! — махнул рукой недовольно скривившийся киммериец. — Не можешь — так и скажи прямо. А то только болтать горазд!

— Я не болтаю, а объясняю, Конан, — мягко поправил Кахха своего грубоватого собеседника. — Да, и еще, мой любезный друг, прошу тебя, не называй меня Каххой при людях, которые станут попадаться нам в пути. Для них я буду просто Джехути, странствующий проповедник учения Сета.

— Да хоть Нергала проповедай, — буркнул варвар, раздосадованный мягкой отповедью. Змей с его слащавой надменностью и поучениями приводил его в бешенство. — Ты только приведи меня к золоту и вытащи из этой дыры обратно в хайборийские земли. Надеюсь, хоть это ты сможешь сделать? Кстати, что за талисман ты там хочешь отыскать?

— Шип Великой Тиамат! — прошептал Кахха, и глаза его запылали, как у голодного питона. — Праматери всех Змей и Драконов! Тиамат, еще до начала времен отложившей в космической пыли Изначальное Яйцо, из которого вышел Великий Владыка Тьмы — Отец Сет! В самом начале человеческой истории восстали люди против священной власти Сета — великих зверобогов. И призвал Сет свою грозную мать покарать неверных, посягнувших на возлюбленных детей его — наагов. И Тиамат восстала из пучины Праокеана, и ужасно было ее пришествие. Но вмешались Высокие Боги, взиравшие на Землю со своих Звездных Сфер. И с небес спустился бог Мардук, и в страшной битве одолел он Праматерь Змей и Драконов. Он вырвал из спинного гребня Тиамат источник силы — ее волшебный шип и низверг ее в пучину подземных вод — бездну Апсу. А магический шип похитили с поля битвы слуги вороватого Бела. Этот проклятый божок осмелился на святотатство — и лишил Расу Змей половины ее могущества. С тех пор владычество Отца Сета и детей его наагов стало клониться к закату. Долгие тысячелетия самые могущественные чародеи искали заветный талисман. Но лишь мне удалось, опираясь на опыт моих многочисленных предшественников,

узнать о местонахождении сокровища. Мы на верном пути, Конан! Если Шип будет в моих руках, клянусь, что все золото и драгоценности достанутся тебе. Мне они не нужны! Для меня нет иного сокровища, кроме Шипа Великой Тиамат!

Конан завороченно смотрел на впавшего в экстаз наага, а тот в упоении продолжал:

— Когда-то, несколько тысяч лет назад, я уже пытался добраться до талисмана, но, как видишь, не успел. Отвлекли суетные дела. Мои подданные требовали от меня большой войны, завоеваний, крови, рабов. Ты, наверное, не знаешь еще, как тяжело быть королем, хотя и стремишься к этому сам. Удел короля, будь хоть он самым грозным и могущественным на земле, — выполнять необузданные желания своих вассалов. А потом, по нелепой случайности, я впал в эту проклятую летаргию, и недоумки-сатуры запаковали меня в саркофаг. Они обожествили меня! Дух мой скитался по иным мирам, а тело вынуждено было служить алтарем этим болванам. Ну что ж, зато они спасли меня от ярости потопа. Я не мог и предположить, что их потомки вырождаются до такой степени в этих подземельях. Тем не менее как трогательно, что единственное, что они сохранили от былого великолепия, — это поклонение моим останкам... Но, надо признаться, там было мрачно, поэтому, как только ты меня разбудил, я предпочел выбраться наружу. На это моей магии хватило! Но чтобы сразу перенестись в Страну Грифов, к той заветной пещере, где, возлежав на грудях сказочных сокровищ, ждет своего часа Шип Тиамат, — на это мне, увы, нужна сила, равная магии самого Шипа. Как видишь, получается замкнутый круг. Но не надо унывать, Конан! Я уповаю на Сета: ведь замкнутый круг — это его символ! Именно поэтому нам приходится передвигаться подобно простым смертным, — закончил свое многословное объяснение Кахха, продолжая сверлить Конана глазами.

Странники продолжили свой путь. Впереди уверенно, мягкими неслышными шагами шел нааг, и даже через его нынешнюю человеческую оболочку сквозило что-то змеиное. Когда Кахха, немного оправившись после счастливого

пробуждения, принял облик стигийского монаха, Конан не особенно удивился. От человекозмея можно было ждать чего угодно!

«Так я чувствую себя вольготнее», — пояснил Кахха, пряча свою сверкающую корону в широкие складки хламиды, которая, появившись прямо из воздуха, укутала обнаженное тело перевоплотившегося наага.

И вот Конан шел следом за Каххой — точнее, как он просил себя называть, Джехути, — и утрюмо пилился на его тощую спину и голый смуглый затылок. Где-то в самой глубине его существа зрело желание поднять топор и со всего маху всадить прямо в башку нелюдя, но руки почему-то отказывались повиноваться, а в голове вкрадчиво шептал навязчивый голосок: «Что тебе это даст, Конан? Ты убьешь наага и останешься один в этом медвежьем углу. Ведь ты же ничего не знаешь здесь, ты никогда тут раньше не бывал. Полно, Конан, к чему необдуманные действия? Конечно, ты ненавидишь Сета и змеелюдей, но у тебя нет другого выбора! Спокойно, спокойно... Кахха приведет тебя к несметным богатствам. Ты станешь богаче туранского владыки. Кахха вмиг вернет тебя в Хайборию с помощью Шипа Тиамат, вместе со всем твоим золотом. И ты купишь себе королевство. Ты отомстишь своим врагам! Ездигерд будет ползать у твоих ног, моля о пощаде! Ты станешь великим королем! Да что там, — императором, подобным древнему Калениусу!»

Голосок все напевал и напевал, и тело и душу Конана незаметно опутывало заклятье, творимое Каххой. И киммериец уже не пытался поднять свой топор. Оружие покоилось на его могучем плече, а сам варвар послушно следовал за уверенно шагающим наагом — вперед, к заветным сокровищам грифов...

* * *

...Неизвестное существо стремительно несло Таргитая, ветер свистел у него в ушах. Если бы он сейчас упал, то неминуемо разбился бы, однако черные когти цепко держали свою добычу.

Оправившись от удара в голову, Таргитай постарался оглядеться. Он глянул вниз — и увидел далеко внизу под собой мелькающие холмы, луга, блеснувшую ленту реки. На проносящейся под ним земной поверхности принц заметил огромную черную тень. Но очертания ее не позволяли угадать, что же за существо уносило юношу в поднебесье.

Оглянувшись, насколько позволяли вцепившиеся в тело когти, Таргитай увидел в отдалении стаю Дев-Лебедей, ритмично взмахивающих крыльями, как галерные гребцы веслами, — гарпиям явно не пришлось по вкусу то, как у них похитили добычу прямо из-под носа. И, наконец, посмотрев наверх, Таргитай увидел над собой пару огромных лап и темное брюхо. Существо было настолько велико, что большего разглядеть принц не смог...

* * *

Два одиноких путника — лжестигиец и варвар-северянин — продолжали упорно продвигаться вверх по течению Рангхи. Местность, по которой они шли, заметно менялась по мере того, как росли горы на горизонте. Все выше и утрюмее становились сосны, которыми поросли холмы вдоль берегов реки, все больше встречалось по пути россыпей диких валунов — поверхность их была идеально гладкой.

— Несколько тысяч лет назад все эти места были покрыты толстым слоем льда, — заметил Кахха, уловив любопытство Конана. — Ледник оставил свой след на камнях, как и на всей природе этого сурового края.

— Эти места очень похожи на мою родину, — заметил киммериец. — Там тоже растут замшелые сосны, а таких валунов — пруд пруди. И над всем этим — седые, утрюмые горы, где обитает сам Кром.

— Ничего удивительного, что твоя далекая Киммерия как две капли воды похожа на страну Рипейских гор, — молвил в ответ нааг. — Пояс ледников некогда покрывал все северные области планеты. Но потом произошла Великая Катастрофа. Атлантида исчезла в волнах Западного океана. Теплый воздух и океанские течения, которым рань-

ше был закрыт путь на север, наконец-то прорвались туда. Льды начали стремительно таять. Весь мир перевернулся. Там, где раньше простиралась тундра, стали расти леса, а там, где лежал ледник, вознеслись могучие горы. Вымерли последние из древних рас, — я имею в виду людей-обезьян, ваших ближайших родичей. Вымерли гоблины, неуклюжие и коренастые волосатые полулюди с кустистыми бровями, заостренными ушами и скошенными подбородками. Почти полностью вымерли и рыжие обезьяны севера. Жалкие осколки этой расы до сих пор скрываются на краю мира, в далекой Патении. А наиболее развитые из их потомков смешались с племенами варваров, нагрянувших с юга и востока.

— Это, наверное, были асиры и ваниры, — заметил Конан. — Причем в ванирах обезьяньей крови больше — уж больно они все рыжие!

— Да, дикари той эпохи были неразборчивы в связях, — усмехнулся Кахха. — В этом отношении твои предки от них выгодно отличались тем, что блюли чистоту крови. И так, я вижу, продолжается до сих пор. Во всяком случае, тебя, Конан, к выродам не отнесешь!

— Это точно! — не без самодовольства согласился Конан. — Мы, киммерийцы, свою породу бережем. Чего не скажешь о ванирах или о пиктах. Говорят, пикты не уступали красотой и ростом киммерийцам, когда жили на своих островах в Западном океане, а потом, переселившись на материк, перемешались с нелюдьми, на чьих древних землях сейчас живут. Хотя душа-то у них всегда была черная...

— Да, возможно. — Взор Каххи стал задумчив: перед ним проплывали причудливые тени прошлого. — Было время, не весь мир принадлежал сынам человеческим. Существовало множество разумных рас. Не все, конечно, равноценные. Часть из них была ничем не лучше дикого зверья. Так что я с легкостью смотрел на то, как деградируют и вымирают примитивные племена, такие как сатуры или гоблины. Их хватало лишь на то, чтобы бегать по лесам, оглашая округу дикими воплями, да предаваться

разврату у пещерных костров. Но как смириться с тем, что даже лучшие из нас — нааги и вампиры Куша — узрели свой закат?! Эта боль жжет мне сердце и превращает в кипяток даже мою вечно холодную кровь.

— Ну, не преувеличивай, — по-своему решил утешить змея Конан. — Я немало бродяжил и по опыту знаю, что на свете еще полным-полно осталось всяких древних вырожденков. Драконы, вампиры, гномы, трольхи, всякие там люди-обезьяны, циклопы да людоеды. И никто из них добровольно из жизни уходить не собирался. Живучие гады! Намучаешься, пока на Серые Равнины отправишь...

«Вот только почему я и эту нелюдь не отправлю туда же», — мелькнула было в самом дальнем уголке мозга киммерийца, здравая мысль... мелькнула и погасла, как свеча, задутая все тем же ласковым голосом, который принялся нашептывать успокаивающе:

«Брось, Конан, он не причинил тебе зла. Да и жаль гада: все сородичи его вымерли, он один остался. К тому же он ведет тебя к сокровищам, а потом отправит домой, на Запад. И вообще, он славный парень, хотя и не человек. Даже шипеть при разговоре отучился...» Этот подлый шепоток Конан воспринимал как голос своего внутреннего я, и он не вызывал в сердце варвара и тени протеста. Все казалось так естественно, так разумно... Только в самой глубине души таилась смутная неловкость, ощущение нависшей опасности, однако любая попытка ухватиться за это чувство оканчивалась дикой головной болью, и киммериец понемногу смирился, убаюканный журчащей речью наага и свистящим шепотком в мозгу.

Двое продолжали свой странный путь.

Глава 6. Гаруда и речной бог

Мы приближаемся к месту слияния двух великих рек севера, — объявил Кахха к вечеру, когда позади уже был целый день пути. — Еще два или три дневных перехода — и мы будем у самого подножия главного хребта Рипейских гор. Мы одолеем его, пройдя через потаенный перевал, и окажемся почти у цели. Там, к востоку от главного хребта, лежит великий город Аргаим — столица Анахарсидов. А от него уже почти рукой подать до Страны Аримаспов и Грифов, где таятся сокровища, не виданные ни одним из земных владык!

— Скорей бы уж! — проворчал Конан. Натруженные ноги гудели. Несмотря на всю силу и выносливость северного варвара, усталость безостановочного перехода давала себя знать.

«Яйца Ханумана! — выругался про себя киммериец. — Изнежилсь совсем в пиратах! Чего бы сейчас не отдал за мой разбившийся ялик или за доброго гирканского скакуна!»

— А я бы предпочел моего славного кротера, — тут же откликнулся на его мысли нааг. Он вышагивал все так же неутомимо и, несмотря на свою худобу и кажущуюся слабосильность, не подавал признаков усталости.

— Это еще что такое? — недовольно поинтересовался Конан. Он не мог смириться с тем, что змей бесцеремонно читает его мысли, как будто они начертаны у него на лбу.

— Кротер — это рептилия, — охотно пояснил Кахха. — Он бежит только на двух ногах и балансирует при беге

мощным хвостом. И по прыти намного превосходит любого четвероногого скакуна. Точнее превосходил, — грустно поправился он. — Увы, кротеры исчезли с лица земли. Мне лишь чудом удалось раздобыть живые яйца этой твари и вывести из них поколение длинношеих скакунов. Но это было несколько тысяч лет назад. Теперь они погибли окончательно.

— И слава всем богам, — пожал плечами киммериец. От рассказов наага у него уже голова пухла. Казалось, из своего привычного времени он угодил на пару тысяч лет назад, и мир казался варвару чужим, враждебным и незнакомым.

За разговорами спутники не заметили, как берег Рангхи неожиданно резко повернул влево, и перед ними предстала удивительная картина. Две большие реки сливались воедино. Одна из них уходила своими верховьями на северо-запад, где истоки ее терялись в бескрайней тайге, другая, впадавшая в нее, несла свои стремительные воды прямо с ледниковых шапок, покрывавших вершины Рип.

— Это — Джаих, — молвил Кахха, бросая взгляд на величественную картину.

В месте впадения Джаиха в Рангху волны бурлили, образуя пенистые водовороты. Сливаясь, реки разлились так широко, что образовали что-то вроде большого озера, переправиться через которое было весьма непросто. Но без этого было не обойтись. Так уж вышло, что скалы, у которых разбилось суденышко Конана, располагались на полторы лиги западнее устья Рангхи, а путники странствовали по ее правому берегу.

— Эх, зачем только разбился мой бедный ялик, Нергал задержи ее, эту подлую морскую тварь! — невесело вздохнул Конан. Перспектива переправы вплавь через столь обширное водное пространство, когда силы на исходе, не улыбалась даже ему, — с его мощной грудью и руками, способными рассекать волны, как весла зингарской галеры.

— Боюсь, что перебраться вплавь нам и впрямь не удастся, друг варвар, — заметил нааг, вновь читая его мыс-

ли.— Впрочем, нам было бы не легче, даже если бы твое суденышко не разбило в щепки бивни исполинской морской коровы. Признаюсь, я и не ожидал, что эти твари выжили в Катастрофе. Подумать только, они были гордостью моего королевского зверинца. Видать, нашли способ выплыть, когда волны потопа захлестнули бассейн. Какая ирония судьбы!

— Уж лучше бы им потонуть! — возразил Конан. — Эти чудища житья не дают племени Морского Льва!

— А, ты о прибрежных дикарях? — небрежно откликнулся Кахха. — Надеюсь, ты не очень скучаешь по их обществу?

— И все же они были люди! — сделал упор на последнее слово, произнес Конан. — И довольно приятные. Полная противоположность пиктам. Но я не жалею, что не остался с ними. Уж больно мрачное у них житье! Спать в пещере и питаться рыбой — не для меня! Мне нужно хорошее мясо, вино и красивые женщины!

— Скоро всего этого у тебя будет в избытке, Конан, — пообещал Кахха. — Но сначала нам надо как-то переправиться на другой берег, а это будет непросто: как раз в месте слияния Рангхи и Джаиха прежде обитало грозное речное божество. Местные дикари приносили ему человеческие жертвы, если хотели переправиться через его владения.

— Может, оно давно издохло? — выразил надежду Конан.

— Сомневаюсь, друг мой, — покачал головой нааг. — Во всяком случае, не будем пытаться переправиться вплавь. Это очень утомительно.

С этими словами Кахха взметнул вверх свои длинные руки. Тонкие сухие губы беззвучно зашевелились. Конан уже заметил, что нааг, творя свою волшебную силу, никогда не произносит вслух — нараспев, с завываниями, как это делают обычные колдуны, — никаких заклинаний, взятых из забытых древних наречий. Тем не менее, колдовство наага было куда более эффективным и потрясающим, чем у его собратьев-людей.

Так случилось и на этот раз. Конан едва не открыл рот, как мальчишка-зевака, когда с тонких пальцев Каххи сорвался сноп искр, метнувшихся в небо, уже подернутое розовой закатной дымкой. Искры прочертили небосклон, и — о чудо! — над рекой взметнулся волшебный мерцающий мост, на постройку которого не было потрачено ни одного куса древесины или камня.

— Да это же Биврест! — прошептал в изумлении киммериец. — Мне рассказывали о нем в Асгарде. Чудесный мост небожителей!

— Ну, Биврест, не Биврест, — усмехнулся нааг, довольный произведенным впечатлением. — Но свою службу он нам сослужит. Милости прошу, Конан!

И киммериец сделал первый шаг в воздух. Вначале Конан опасался, что мост — всего лишь фантом, и сейчас он полетит прямо в реку. Однако призрачная конструкция была столь же прочна и так же легко выдерживала мощного варвара, как если бы это был каменный арочный мост, какие строят в Немедии, Аквилонии и Зингаре. И вскоре Конан смело шагал по невесомой переправе, а за ним следовал ухмыляющийся нааг. Если бы кто-нибудь наблюдал это зрелище снизу, то счел бы его за явление богов — две фигуры уверенно ступали по воздуху, высоко над водной гладью.

Конан уже вполне освоился со своим положением и смело заглядывал вниз, взирая на простирающуюся под ним беспокойную воду с головокружительной высоты.

— Поторопись, Конан, — заметил ему Кахха. — На наше счастье, поблизости нет птиц. Любая глупая птица может нарушить магическое поле, и тогда мы полетим вниз.

Нааг занервничал: очевидно, сверхъестественная интуиция подсказывала ему, что что-то неладно. И действительно, в очередной раз кинув взгляд на восток, Кахха вдруг резко переменялся в лице. Стигийские черты его перекошились, и сквозь них на миг проглянула змеиная морда. Кое-как совладав с собой, нааг схватил Конана за плечо.

— Во имя Сета! — в ярости воскликнул он. — Торопись — или мы погибли!

— Кром! — воскликнул пораженный киммериец. — Что это?!

К воздушному мосту стремительно приближалось чудовище, напоминавшее гигантскую летучую мышь. Черные перепончатые крылья со свистом рассекали воздух. Огромный, вытянутый вперед зубастый клюв неожиданно широко раскрылся и издал душераздирающий клекот, от которого у Конана заложило в ушах, и он едва не упал в воду.

— Это Гаруда, поглоти его великая Тиамат! — в явном ужасе воскликнул Кахха. — Он увидел меня! Теперь мне конец!

Конан во все глаза смотрел на неумолимо приближающееся к ним ужасное создание из древних легенд. Предания гласили, что исполинская птица-дракон Гаруда — самый лютый враг змеелюдей. Внимательнее приглядевшись к чудовищу, киммериец вскрикнул от удивления: огромные, узловатые когти цепко держали какую-то добычу. Это был юноша в доспехах и остроконечном шлеме.

— Кром и Имир! — воскликнул Конан, обращаясь к Каххе. — Этот Гаруда схватил человека!

— Спасай свою шкуру, варвар! — ответил нааг, со всех ног устремляясь к противоположному берегу. — Ему ты все равно уже ничем не поможешь, но сам еще можешь спастись, если хватит прыти!

Конан на стал тратить драгоценное время на бесполезные раздумья и, поняв, что правда на стороне наага, помчался что было мочи к противоположному берегу.

Едва Кахха и Конан успели спрыгнуть на твердую землю, как Гаруда, подобно огромному камню, выпущенному из гигантской катапульты, со всего маху врезался в воздушный мост. Раздался торжествующий клекот — и прозрачная переправа распалась потоком сверкающих искр. Резко развернувшись в воздухе и перехватив поудобнее когтями тело своего злополучного пленника, Гаруда нацелился на обратившегося в бегство наага. Но ему не удалось настичь врага, ибо птицу-дракона с истошными воплями атаковала стая гарпий.

— Чего только на свете не увидишь! — пробормотал Конан, затаив дыхание наблюдавший за разворачивающимся в закатном небе воздушным боем.

Между тем Гаруде явно приходилось туго: Девы-Лебеди застали его врасплох и набросились с такой яростью, что он невольно разжал когти, и пленник камнем полетел в воду.

— Кром! Да он же потонет в своих латах! — зарычал Конан и не раздумывая бросился в реку.

— О, безумец! — прошипел ему вслед нааг. Увидев, что опасность больше не грозит ему, он остановился и теперь, как зачарованный, следил за битвой Гаруды с гарпиями.

— Этот киммерийский дикарь — такой же болван, как и все людшки! Жертвенное мясо Сета! — презрительно процедил он. — Ты был нужен мне, чтобы достичь заветной цели, но решил пожертвовать собой до срока. Что же, велика потеря! Это не остановит меня.

И, вытянувшись во весь свой гигантский рост, потомок Сета издал странный переливчатый клич, отдаленно напоминающий крик крокодила в тростниковых зарослях Стикса.

В ответ бурные воды на месте слияния двух рек еще больше заволновались, заклокотали. И неожиданно из образовавшегося гигантского водоворота вверх, подобно аграпурскому минарету, взметнулась мощная, длинная шея, которую венчала казавшаяся крошечной усатая голова дракона. Большие выпуклые глаза, между которыми торчал заостренный шип, пристально смотрели на наага холодным хищным взглядом. Казалось, речной демон ждет приказа повелителя.

Змеиное шипение вырвалось из гортани Каххи, на древнем мертвом языке речь его означала: *Покарай моих врагов, о потомок великой Тиамат!* Речной дракон, изогнув огромную шею, на мгновение приблизил плоскую голову к берегу, где гордо стоял Кахха. Тот сбросил с себя маску стигийца и принял истинный облик наага. И волшебная корона сверкала на его голове.

Водяной ящер медленно прикрыл глаза слюдянистой пленкой век в знак повиновения древнему владыке змеев, —

и жуткая башка стремительно метнулась ввысь, туда, где Гаруда продолжал отчаянно сражаться с наседавшими гарпиями.

Птица-дракон довольно успешно билась с крылатыми девами, умело работая своим страшным клювом и когтями, и уже немало демониц кровавыми лохмотьями попадало в реку. Однако гарпии тоже не оставались в долгу, их жуткие когти исполосовали прочную шкуру Гаруды, частью покрытую перьями, а частью — чешуей. Птица-дракон обливалась кровью, но продолжала отчаянный бой со своими извечными врагами.

Речной дракон не обращал внимания на пролетавшие мимо безжизненные трупы гарпий, хотя они и сулили неплохую трапезу. Но у него была иная цель, и он слепо исполнял волю короля наагов. Ящер наполовину высунулся из воды, обнажив исполинское блестящее тело, с жуткими когтистыми лапами. С туловища потоками стекала вода. Шея дернулась в стремительном броске, и увенчанная шипом голова, как мощный таран, пронзила тело Гаруды. Над речными просторами раздался истошный крик — и началась битва гигантов.

Глава 7. Конан и Таргитай

Мускулистое тело Конана вошло в воду, как клинок заморийской работы в сливочное масло, почти под прямым углом. Нырять, он успел заметить, как юноша в доспехах топором пошел ко дну, и, не теряя ни минуты, устремился за ним. По счастью, киммериец ориентировался в воде не хуже ловцов жемчуга из лагун Лемурийского океана.

Прозрачные речные воды создавали хорошую видимость, и Конан заметил, как юноша отчаянно пытается выбраться из доспехов, неумолимо тянувших его ко дну.

И в этот миг варвар почувствовал, что толщи воды содрогнулись, стаи мелких рыбешек испуганно прыснули в разные стороны, и из темных глубин стремительно и бесшумно выплыла огромная черная тень. Даже гигантская морская корова, оказавшая Конану не самый ласковый прием на побережье Вилайета, многократно уступала в размерах таинственному речному чудовищу.

«Вот, похоже, и божество проснулось», — отметил про себя киммериец. Он не испытывал страха: тварь была слишком огромна, слишком невероятна, чтобы казаться реальной. И даже когда блистающий чешуей бок исполина прошел на расстоянии всего пары локтей от лица Конана, это не остановило его. К тому же, внимание киммерийца было поглощено единственной задачей — вытащить утопающего, пока у него самого не кончился воздух. А в висках уже стучало, жжение в груди сделалось почти невыноси-

мым... но Конан все-таки нашел силы для последнего решающего броска и достиг утопающего.

Парень, однако, и сам оказался не промах. В тот момент, когда мускулистая рука варвара протянулась к нему, юноша уже успел добраться до ножен, висевших на поясе, и, вытащив кинжал, принялся резать ремешки доспехов, стремясь освободиться от лишнего груза, тянувшего ко дну.

Конан немедленно пришел ему на помощь, и вот наконец ремешки лопнули, и отличные боевые латы исчезли в темной глубине. Но силы молодого воина были на исходе. Неожиданно изо рта его вырвался целый рой пузырьков, а голова безвольно замоталась. Но в этот миг мощная длань киммерийца вцепилась ему в волосы и решительно потащила несчастного на поверхность.

Конан вынырнул, с жадностью глотая воздух, по-прежнему крепко удерживая бесчувственного юношу. Варвар решительно поплыл к берегу, увлекая его за собой. Но что-то встревожило его, и киммериец поспешил оглядеться, сиюсь понять, что же изменилось вокруг. От увиденного перехватило дух. Волны реки окрасились багрянцем, повсюду плавали истерзанные трупы гарпий... а над водой вели яростный бой Гаруда и речной бог.

Гигантское туловище водяного ящера вылезло из воды почти наполовину, длинная шея взметнулась к самому небу, а венчавшая ее голова вцепилась в тело пернатого дракона, который яростно бил крыльями, терзая мощными челюстями глотку врага.

В небе не видно было ни одной гарпии. Часть пернатых дев нашла смерть от когтей и клюва птицы-дракона, остальные сочли за благо ретироваться с поля боя. И лишь два гиганта отчаянно сражались между собой. Это была потрясающая картина, — столкновение древних, титанических существ, вражда между которыми была в полном разгаре еще в те времена, когда далекие предки людей с пискom прятались в подземных норах и дуплах деревьев, заслышав тяжелую поступь гигантских хозяев юного мира.

Конан, однако, не стал тратить драгоценное время на созерцание захватывающего дух зрелища и, не медля более, начал грести к берегу.

Как только киммериец выбрался на сушу и выволок спасенного юношу, к ним поспешил Кахха. Он вновь принял облик стигийца. Желтые глаза змеечеловека возбужденно сверкали.

— Очень рад, что все закончилось благополучно, — прошипел нааг. — Я уже было подумал, что тебя сожрал дракон.

— Ну уж нет, дудки! — ухмыльнулся Конан, склоняясь над бесчувственным юношей. — Меня сожрать не так-то просто. Многие пытались, да зубы обломали, — добавил он многозначительно. Синие глаза киммерийца с подозрением уставились на каменное лицо Каххи. — Кстати, интересно бы узнать, с чего этому длинношеему вздумалось вылезти наружу? Судя по тому, как у него бока ракушками обросли, он давненько не поднимался на поверхность...

Похоже, подводная встряска отчасти помогла киммерийцу избавиться от чар наага, о чем последний тут же догадался. Глаза его лъстиво заблестели, голос стал вкрадчив:

— Полно, полно, друг Конан! Мне совестно, что я бросил тебя и обратился в бегство, но пойми, Гаруда — извечный враг нашего рода, самый страшный наш противник. Стоило мне увидеть его, и я едва не лишился рассудка! Однако не всерьез же ты думаешь, будто я мог поднять дракона из глубин?! Не иначе, это запах крови привлек его внимание.

Ничего не ответив, Конан вновь повернулся к юноше. Нааг бросил на него удовлетворенный, злорадный взгляд, — этот недоумок-варвар был снова в его власти. Что же, все складывалось как нельзя лучше! Очевидно, Сет и Тиамат благоволит Каххе, ибо человеку, которого он выбрал своим слепым орудием, удалось живым выбраться на берег, и наагу не пришлось из-за его безрассудства менять свои тщательно выстроенные планы. Правда, его несколько сму-

щал этот юнец, которого глупый варвар вытащил из воды. Неясное беспокойство проникало в душу Каххи, когда он смотрел на него. Но он поспешил отогнать нелепые опасения и принялся с большим вниманием наблюдать за исходом сражения исполинов.

Речной монстр отчаянно тряс огромной башкой, силясь освободиться от впившегося ему в шею Гаруды. Птица-дракон представляла собой жалкое зрелище, вся шкура ее была разодрана и исполосована: когти гарпий вырвали большие куски плоти, а заостренный шип и зубы речного ящера оставили глубокие кровоточащие раны. И тем не менее, острые когти и клыки по-прежнему рвали шею речного бога, а огромные крылья с силой били по плоской морде, стремясь достать до глаз.

Кахха с заметным нетерпением наблюдал за поединком, который явно зашел в тупик. Наконец, не выдержав, змее-человек, пользуясь тем, что варвар не обращает на него внимания, вновь зашипел, отдавая приказ речному ящеру. Тот немедленно сменил тактику. Резким стремительным движением монстр подался вниз и нырнул в реку, увлекая за собой Гаруду. Вода забурилась и вспенилась — отчаянная схватка продолжалась уже в глубине... А затем все стихло. Буруны улеглись. И река покатила прочь багряные волны.

— Хвала Тиамат, — прошипел Кахха.

Глаза его горели торжеством. Но неожиданно по поверхности воды поплыли круги, и над волнами показалась окровавленная голова. Это был израненный Гаруда. С трудом взмахнув намокшими крыльями, птица-дракон попыталась подняться в воздух, но лишь с третьей попытки это ей удалось. Вода, смешанная с кровью, ручьями стекала с обезображенного тела. Еще взмахивая намокшими, истерзанными крыльями, Гаруда медленно, зигзагами полетел прочь от места схватки.

Нааг выругался сквозь зубы, но не мог сдержать вздоха облегчения, видя, что дракон позабыл о нем. Он пристально вгляделся в окровавленную воду, но никаких признаков жизни не наблюдалось в речной глубине. Тщетно нааг вы-

вал к ящеру на своем древнем языке, — никто не отзывался на его призывы.

...Оторвавшись от начавшего приходить в себя юноши, Конан кинул на Кахху подозрительный взгляд, — колдовские путы, окутывавшие его сознание, вновь ослабли.

«Проклятый Сетов выродок! — пронеслось у него в голове. — Вот, значит, чего стоят все твои слова и заверения в вечной дружбе! И гада этого речного, стало быть, не ты вызвал?! И мозги мне задурманил тоже не ты?! Да я тебя сейчас, отродье змеиное...» Спиной почувствовав устремленный на него гневный взгляд киммерийца, Кахха резко повернулся. Зубы его зловеще оскалились. Смуглое, крючконосое лицо стигийца расплылось, обнажая омерзительную чешуйчатую морду разумного змея.

— Молчи, раб! — зашипел нааг. — Ничтожество! Варвар, дикарь, ты игрушка в моих руках. Ты исполнишь все, что я прикажу!

— Много болтаешь, тварь! Смотри, язык свой змеиный не прикуси! — прорычал Конан и, подняв топор, кинулся на наага.

Он готов был раскроить череп проклятому змею — как вдруг словно налетел на невидимую стену. Желтые хищные глаза глядели ему прямо в душу, в зрачках плясала танец смерти огромная, скалящая ядовитые зубы кобра с раздувшимся капюшоном. Танец ее завораживал древней магией, и глаза киммерийца, будто невидимой цепью, приковало к этому жуткому зрелищу. Конан застыл на месте, окаменев. Он чувствовал, как у него отнимаются ступни, затем икры, колени... Ноги варвара сковал ледяной панцирь, который неумолимо полз все выше и выше.

И в этот момент в воздухе свистнул камень. С силой пущенный откуда-то справа, он со смачным звуком ударил в блестящий голый череп нелюдя. Глаза, в которых только что зловеще отплясывали змеи, затуманились. Раздутые капюшоны кобр съежились, сами они начали таять, а затем и вовсе исчезли. Глаза наага подернулись полупрозрачной пленкой.

«Как у курицы!» — с отвращением подумал Конан. Он с трудом оторвал взор от человекозмея и посмотрел вниз, на ноги. Лед на них таял, превращаясь в зеленоватую дурно пахнущую жидкость.

Конан ощутил легкое покалывание в икрах и ступнях: онемение спало, заклятия больше не существовало. Видно, все же за время тысячелетнего сна колдовские способности наага ослабли. В былые времена чары, наложенные им, не распались бы даже после смерти змея. Но Конану повезло.

А нааг стоял еще пару мгновений, и на голове его расплзлось большое красное пятно. И лишь после того спасенный Конаном юноша с криком: «Получай, проклятый!» вонзил кинжал ему прямо в сердце. Тело Какхи рухнуло. Молодой воин, не раздумывая, подхватил тело нелюдя и швырнул в воду. Волны Джайха и Рангхи, сливавшихся воедино, сомкнулись над трупом наага, принимая его в свое лоно, дабы унести к морю Вилайет — туда, где киммериец столь опрометчиво пробудил его к жизни.

Юноша поднял вверх свой окровавленный кинжал и издал зычный победоносный клич на гирканском наречии. Затем он решительно повернулся к Конану. Это был крепко сбитый широкоплечий молодой человек, ниже киммерийца на полголовы. Широкое скуластое, словно высеченное из камня, лицо его, смуглая кожа, чуть раскосые черные глаза под кустистыми бровями, висячие усы, волосы, заплетенные в косы, и одежда — все говорило о его гирканском происхождении.

— Приветствую тебя, великий воин! — воскликнул незнакомец.

Конан заметил, что гирканские слова он выговаривает с едва заметным кхитайским акцентом. Заметил и свежий шрам у парня над губой.

«Волчья работа», — отметил про себя опытный киммериец, по мелким деталям мгновенно оценивая спасенного им незнакомца: гирканец, но жил, должно быть, в Кхитае; говорит на наречии мунганов, хотя сам на них не похож, —

значит, долгое время скитался с шайкой этих степных разбойников. Доспехи на нем агадейские, — вероятно, ходил в набеги на Великий Путь. В общем, судя по всему, жизнь у парня была нескучная.

Конан усмехнулся про себя, вспомнив свою не менее бурную молодость, и, чувствуя, что все больше проникается симпатией к своему новому знакомцу, приветливо улыбнулся ему.

— Мир тебе, победитель волков и змеев!

Юный воин сделал шаг навстречу Конану и неожиданно опустился перед ним на одно колено, склонив голову. Однако тут же встал и обратился к варвару со следующими словами:

— Я твой вечный должник! Ты вытащил меня из реки, не побоявшись даже страшного Ажи-Дахака, или, как его называют, Джайх-хана, повелителя речных глубин. Я твой друг и брат, отныне и навеки, пока прах мой не сожгут на погребальном костре и не положат под курган!

— Я тебя спас, это верно, но ты с лихвой возблагодарил меня. Считаю меня своим побратимом — пока Кром не призовет меня к себе. Но как твое имя? — с любопытством спросил Конан.

Глаза юноши сверкнули. Он выпрямился в полный рост и гордо ударил себя в грудь кулаком:

— Я — Таргитай! Изгнанный наследник Хрустального Трона Страны Городов! Я направляюсь в великий город Аргаим, столицу этого царства, чтобы отомстить негодяям, убившим моих отца и мать и захватившим власть! А как зовут тебя, о, великий воин?

— Конан из Киммерии, — последовал не менее гордый ответ. — Я, конечно, не особа царской крови, но когда-нибудь, надеюсь, стану королем.

Открытое лицо Таргитая просияло.

— Я знал, что встречу тебя, великий Конан! Во сне мне было видение! Отныне наши пути сошлись. Куда ты — туда и я! Но скажи мне, что привело тебя в эти края, о Конан?

— Золото грифов! — прямо ответил Конан. Открытой натуре варвара чужды были всяческие уловки и хитрости. С теми, кто был ему по душе, он всегда предпочитал говорить напрямик. — Послушай, Таргитай. Мы с тобой побратались, и это много значит для меня, а стало быть, я не хочу таить от тебя секретов. Клянусь Кромом, Владыкой Могильных Курганов, что помогу тебе возвратить престол, но за это ты должен помочь мне раздобыть сокровища. Что скажешь?

— Клянусь Папаем, Повелителем Грозных Туч, да будет так! — воскликнул Таргитай. И два воителя соединили руки в богатырском рукопожатии...

Глава 1. В Арганиме Трехстенном

У восточных отрогов главного хребта Рипейских гор, на обширном плато, на много лиг раскинулась привольная Пасиртайская степь. Здесь, на крайнем рубеже Великой Степи, вдоль берегов Джанха, лежит легендарная Страна Городов. Так называют гирканские купцы, караваны которых прибывают с юго-востока, суровый край, где кочуют племена даев, исседонов, ийрков и кемеров. Другое ее название — Сакалиба, которое, впрочем, относят и к областям, лежащим к северу от Страны Городов. Там, в дремучей тайге, живут племена плешивых аргипеев и другие, еще более дикие народы. Дорогу в те края не знает никто, кроме жителей Страны Городов, которые два раза в год, весной и осенью, путешествуют на север и торгуют с дикарями самым удивительным образом.

Торговля эта называется немой, так как обе стороны не видят друг друга при сделке и не общаются напрямую. На специально выбранной поляне купцы оставляют свои товары и забирают вместо них меха и другие ценности, оставленные до этого дикарями, которые ждут ухода купцов в ближайшем лесу. Такой странный способ торговли купцы объясняют страхом, который питают по отношению к ним таежные обитатели. И страх этот вполне обоснован. Ибо очень часто шайки работорговцев из Страны Городов устраивают набеги на северян и, захватив рабов, перепродают их затем гирканцам на невольничьих рынках.

Из всех многочисленных городов Сакалибы самый большой, самый красивый, самый оживленный и самый грозный — это, без всяких сомнений, Аргаим Трехстенный. Аргаим Златовратный, как еще именуют его. Аргаим Священный.

Град Аргаим посвящен Богу Солнца — Уту, и если взглянуть на него с высоты птичьего полета или с горных вершин, то можно заметить, что сверху он напоминает колесо — знак солнцеворота. Эту иллюзию создает хитроумная фортификационная система: глубокий ров, вырытый вокруг всего города, и две мощные крепостные стены, сложенные из огромных каменных блоков и укрепленные земляными насыпями. Каждое кольцо укреплений создает внутри себя как бы отдельный, самостоятельный город, с широкой радиальной улицей-проспектом, на которую выходят кварталы городских жителей, примыкающие с внутренней стороны к крепостной стене. Это Внешний и Внутренний город.

А в центре самого Аргаима расположена огромная площадь, в сердце которой высится главная цитадель города, являющаяся одновременно храмом, царским дворцом и грозной крепостью. Если взглянуть на цитадель с площади, то можно увидеть лишь сплошное кольцо неприступной стены с маленькими бойницами высоко над землей. И лишь с юго-восточной стороны этот грозный замок оживляется огромными, пышно отделанными воротами. Это Врата Уту, облицованные толстыми листами золота, на которых изображен украшенный сотнями драгоценных камней лик Солнечного божества.

С обеих сторон Врат высятся толстые, мощные колонны из туфа, у подножия которых восседают исполинские львы, искусно изваянные из цельных глыб розового мрамора, добытого в Рипейских горах. А сверху, поддерживаемый колоннами, испещренными древними рунами, над Вратами нависает роскошный портик, сияющий багряным гранитом, яшмой, малахитом цвета морской волны и лазуритом оттенка Вечного Неба. На этот портик в дни торжеств и богослужений выходят правитель и верховный жрец с

многочисленной свитой, дабы приветствовать многотысячную толпу, собравшуюся на площади.

Сзади портик выходит на многоярусную пирамиду, взметнувшуюся к небесам над стенами мощной цитадели. На вершине гигантского зиккурата неугасимо полыхает священный огонь. Напротив Священных Врат Уту в обеих внешних крепостных стенах находятся меньшие по размеру, но не менее роскошные Золотые Ворота.

Путникам, подъезжающим к городу со стороны Золотых Ворот, были хорошо видны взметнувшаяся к небесам величественная пирамида, возвышавшаяся над городом, и полыхавшее днем и ночью пламя на ее вершине.

Немало грозных крепостей высятся на просторах Турийского материка — от побережий Зингары до далекого Кхитай, но отнюдь не каждая из них может похвастаться тем, что ни разу не была взята приступом. Аргаим был одним из редких исключений. Высоки были его стены, неприступна Главная Цитадель, неисчислимо войско, необъятны запасы продовольствия в городских складах. Но коварство, измена и черное колдовство проникли в самое сердце неприступной твердыни...

* * *

...В необъятной толще базальта, из которого был сложен Великий Зиккурат Уту, терялась небольшая келья, больше похожая на склеп. Единственное узенькое оконце, расположенное под самым потолком и больше напоминавшее бойницу, почти не пропускало света в мрачное помещение с голыми каменными стенами, единственным украшением которых служили странные надписи, высеченные на поверхности — таинственные древние идеограммы, иероглифы, руны. Станный сиреневый туман клубился в келье, окутывая ее мистической дымкой. В воздухе резко пахло колдовскими снадобьями. Вдоль стен стояли всевозможные сундуки, столики на витых ножках, искусно украшенные резьбой и уставленные всевозможными приборами и препаратами: треногами, зеркалами, разноцветными камнями, лучившимися магическим светом, гадальными свитками и костями.

Скалили зубы черепа диковинных существ — то странно вытянутые, то приплюснутые, то сплошь покрытые шипками, пипами, наростами, украшенные рогами разных размеров и чудовищными клыками.

Один из сундуков был раскрыт, и от него исходила такая зловещая аура, что заставляла шевелиться волосы на голове невольника в медном опейнике, который почти-точно замер у массивной дубовой двери. Сундук был доверху набит жуткими древними письменами — полуистлевшими свитками, растрескавшимися глиняными табличками, тяжелыми фолиантами, бумагой для которых служила кожа давно вымерших рептилий, а чернилами — кровь девственников.

Один из таких фолиантов небрежно листал человек, который нахохлившись, подобно грифу, восседал в центре мрачной кельи на массивном резном кресле с высокой спинкой; выполненной в виде змеи, принявшей боевую стойку. Оскаленная чудовищная пасть находилась как раз над затылком сидящего, и создавалась полная иллюзия, что вот-вот ядовитые зубы вопьются в человеческую плоть. Но хозяйина кресла мало волновала разверстая змеинная пасть за спиной.

Веки его были сомкнуты, на узком хищном лице, изображенном глубокими морщинами, застыла маска безмятежного спокойствия, и лишь голова, облаченная в черную бархатную тюбетейку, ритмично покачивалась. Тонкие, сухие пальцы, униженные тяжелыми, бесценными перстнями, еле заметно подрагивали. А колдовская книга сама переворачивала свои тяжелые страницы перед даже не смотревшим на нее властелином, — и от листов, испещренных загадочной тайнописью, осязаемыми волнами поднималась атмосфера древнего, темного ужаса.

Неожиданно колдун хлопнул в ладоши, и книга, гулко захлопнувшись, беззвучно полетела в сундук, незамедлительно закрывшийся. Вся эта колдовская операция вызвала невыразимый ужас в душе несчастного раба, стоявшего на страже у дверей. Зрачки его расширились, губы посинели. Невольник был здесь всего пару дней и еще не

привык к мрачным обычаям, царившим в Зиккурате Уту последние двадцать лет. Страх раба не ускользнул от внимания колдуна. Цепкие холодные глаза его яростно сверкнули.

— Презренный! — обратился он к несчастному. — Подойди к своему господину!

Невольник обреченно приблизился на трясущихся ногах и замер, изогнувшийся в поклоне.

— С-слушаю и повинуюсь, о пресветлый Заркум! — Зубы его стучали друг о друга, выбивая барабанную дробь.

— Ты боишься меня! — медленно произнес Заркум. — Это хорошо, что боишься. Но плохо, что так откровенно выдаешь свой страх. Это оскорбляет меня. Мне не нужна такая трусливая душонка, даже в качестве раба!

Несчастный рухнул на пол, лобызая сапоги Заркума.

— Прошу тебя, светлейший, только не превращай меня в лягушку или крысу! — захлебывался он в рыданиях.

Заркум, сморщившись, поглядел на него сверху вниз, и в холодных глазах его промелькнуло удовлетворение.

— Нет! — заверил он пресмыкавшегося перед ним раба. — Лягушачьи или крысиные внутренности мне сейчас ни к чему. А вот человеческие подойдут! — С этими словами он щелкнул пальцами и выкрикнул несколько слов на непонятном языке.

Глаза невольника вдруг полезли из орбит, он схватился за горло, задыхаясь. В глотке его произошла какая-то судорога, и неожиданно человек исторг из себя, в потоке крови, хлынувшей изо рта, еще пульсирующее, дымящееся сердце. Сердце послушно скакнуло в ладонь Заркума. Он задумчиво поглядел на кусок окровавленной горячей плоти, судорожно колотившейся в его руке, и хмыкнул:

— Кровь... хотя и из сердца труса, но все же подойдет мне!

В следующий момент перед ним оказалось круглое зеркало, высеченное из черного обсидиана. Поверхность зеркала была тускло-матовой, абсолютно ничего не отражавшей. Чародей положил дымящееся сердце на зеркало и стал выжимать из него еще оставшуюся кровь. Размазав

кровь по стеклу, колдун выбросил ставшее ненужным сердце и воскликнул:

— Аррагах — Миюе — Калог! Сатраватха — Зандрубина — Войла — Мах!

С зеркалом начали происходить удивительные метаморфозы. Неожиданно оно засветилось алым светом, как бы накаляясь изнутри. Кровь с шипением стала закипать, а затем неожиданно исчезла, зеркало будто всосало ее в себя. Поверхность обсидиана стала прозрачной, и, глядя в него, черный маг смог увидеть то, что творилось в городе и его окрестностях.

...Аргаим Трехстенный жил своей обычной жизнью. На площади вокруг Главной Цитадели бурлил оживленный рынок, толпы шумного народа заполняли также широкие мощеные проспекты Внешнего и Внутреннего Города. На первый взгляд картина ничем не отличалась от жизни сотен других восточных городов. Но в Аргаиме произошли серьезные изменения за те двадцать лет, как при загадочных обстоятельствах скончался правитель Колаксай и все члены его семьи, а Хрустальный Трон узурпировал Шульга — двоюродный племянник правителя по отцовской линии, ставленник жреческой партии, возглавляемой темным Заркумом.

Повсюду по городским улицам разъезжали патрули, в кольчугах и круглых шлемах с забралами, выполненными в виде оскалившихся масок. Они бесцеремонно прокладывали себе путь в шарахающейся в разные стороны толпе, охаживая семихвостыми камчами зазевавшихся, а то и просто топча их конями. Люди молча уступали дорогу, но в глазах их проскальзывала затаенная ненависть.

За двадцать лет незримой власти Заркума стало намного больше голодных и оборванных, тщетно ищущих работу и просящих подаяние людей. Несчастья одно за другим обрушивались на жителей Страны Городов. Неизвестный мор косил неисчислимые прежде стада скота, неведомые чудовища, появлявшиеся неведь откуда, пожирали и животных, и людей. Страх и отчаяние поселились в сердцах даев, исседонов, ирков и кемеров.

На улицах Аргаима все так же оживленной была торговля и на золото, добываемое из Страны Аримаспов. На него по-прежнему был высокий спрос. Но старожилы Аргаима со скрытым неудовольствием отмечали, что товарооборот за последние двадцать лет упал чуть ли не вдвое, и с каждым годом все меньше караванов прибывает из Гиркании, а на товары, привозимые купцами, невероятно выросли цены.

Над Страной Городов замаячил призрак гибели, грозивший смутой, мятежами, голодом, болезнями, иноземными вторжениями и полным развалом. Однако правительство Шульги и Заркума это мало трогало: первый проводил время в бесконечных пирах, охотах и среди наложниц в гареме, а бывший служитель Эрлика — ныне Верховный жрец Культа Уту был занят познанием все новых и новых тайн некромантии, тауматургии и прочих колдовских искусств. Именно благодаря его экспериментам страну наводнили всевозможные демоны, вызванные из потусторонних миров, но его это не волновало вовсе.

На юго-восточных рубежах свирепствовали гарпии, некогда ютившиеся в ледяных пустынях Патении, далеко за дремучей тайгой. Теперь редкий купец мог рискнуть добраться до Аргаима, да и местные жители в ужасе покидали родные края и бежали в центр страны. Но жуткие демоны поставляли Заркуму жертв для его дьявольских опытов — и потому продолжали бесчинствовать.

Заркум бегло осмотрел городские кварталы. Все как всегда: гвардейцы охраняют покой властей, купцы торгуют, мелькают охряные и багряные туники жрецов Уту и Эрлика, зорко выискивающих крамолу. Народ все так же забит, покорен и нищ.

Сделав пассы над зеркалом, колдун вызвал изображение Пасиртайской степи, начинавшейся почти сразу же за городскими стенами. Здесь было беспокойно: куда ни кинь взгляд, виднелись шатры, редко богатые, тканые из белоснежной верблюжьей шерсти, а в основном — маленькие, с прорехами в грязном, свалывшемся войлоке. Повсюду горели костры, бегали полуголые ребятишки и оборванные жен-

пины. Каждый свободный участок земли был занят пасущимся скотом, изрядно отощавшим на скудных кормах.

Но и этих жалких пастбищ с каждым днем становилось все меньше и меньше. Люди все прибывали и прибывали к столице, спасаясь от чудовищ, опустошавших их привольные земли. Между беженцами, которых стража даже и не пропускала за городские ворота, постоянно вспыхивали отчаянные ссоры, порой выливавшиеся в настоящие кровавые стычки. Голод и нужда превратили людей в свирепых псов.

Заркум утрюмо ухмыльнулся, — все складывалось как нельзя лучше для его планов. Голодным и нищим сбродом легче управлять, чем ленивыми и сытыми пастухами, в любой момент готовыми забыть про своих властителей и, наплевав на интересы государства, разбежаться по степи. Ну а эти — медленно тлеющий костер недовольства и копящейся злобы. И лишь только ветер подует в нужном направлении, по всей Гирканской степи, до ее восточных и южных пределов, запыхает пожар войны.

Заркуму оставалось лишь заботливо раздувать эти искусно добытые им угольки — будущие языки пламени. И беречь, — как бы не подул случайный ветер с другой стороны. А иначе пожар спалит его самого дотла. Колдун был готов ко всему. Он знал, что рано или поздно найдутся подстрекатели, готовые во всем обвинить верховную власть. Но страх был ему неведом. Он был уверен, что в нужный момент растопчет любого, кто осмелится выступить против него.

Поэтому он даже криво усмехнулся, когда в зеркале, на крохотном пятачке утоптанной земли, между тесно стоящими шатрами, вдруг появился странный старик. Невероятно ветхое, залатанное рубище служило ему одеждой, полуистлевшая, остроконечная шапка была вся увешана амулетами и талисманами. Старец был согнут в три погибели, и его дрожащая, узловатая, почти черная рука с трудом опиралась на затейливо украшенный причудливым орнаментом посох. Лицо старика, напоминавшее хорошо пропеченное яблоко, обрамляла густая грива седых волос, а

из-под бровей пытливо глядели удивительно умные, живые глаза.

Выйдя на середину импровизированной площади, старец воздел корявые коренья дряхлых рук к небу и, потрясая посохом, стал громогласно звать к богам. Люди, сидевшие у костров или бесцельно шатавшиеся вокруг, замерли, с любопытством ожидая продолжения. А нищий, помянув Уту, Папая, Денгирмах-Инанну, Энлиля и Вечное Небо — Тэнгри, обратился к собравшимся с пламенной речью:

— Слушайте, Дети Гор и Степей! Вот уже много лет прекрасную Страну Городов терзают хищные гиены. Убийцы правят тобой, о народ Даев, Исседонов, Иирков и Кемеров! Подлый изменник Шульга своей сальной задницей вот уже двадцать лет оскверняет Священный Хрустальный Трон, доставшийся ему ценой предательства. А его настоящий хозяин — черный ведун Заркум — уничтожил правящий род Колакская. Но напрасно считают они, будто власть их незыблема! Шульга уверен, что он — единственный представитель древней династии Анахарсидов, имеющий право на трон Колакская. Но настанет великий день, — я предрекаю, о люди! — и вернется в Страну Городов подлинный правитель!

Народ заволновался. В толпе раздались возбужденные восклицания, блеснула сталь клинков. А старец, выдержав паузу, торжественно закончил:

— Принц Таргитай — вот подлинный наш владыка! Напрасно думают, что наследник погиб двадцать лет назад! Он жив и скоро вернется в Страну Городов, чтобы сбросить подлого Заркума и его ставленника! С ним придет великий воитель с Запада, каких еще не видел свет! Люди, слушайте мое предсказание! Милость богов с нами! Освободитель уже на пути в Аргайм!

Последние слова вещуна потонули в общем ликующем крике.

Возбужденная толпа в любой момент могла превратиться в мятежное войско. И боевой клич сорвался с губ сотен обозленных людей:

— Таргитай! Долой Заркума! Долой Шульгу!

Лицо колдуна перекошилось: такого он не ожидал. Дрожащей рукой он схватил бронзовый кхитайский колокольчик в виде человеческого черепа и резко позвонил. Дверь тут же распахнулась, и на пороге появилась целая толпа придворных, военачальников, жрецов. Вся эта клика терпеливо дожидалась у дверей, пока их властелин предавался занятиям магией. Налитые кровью глаза Заркума скользнули по их замершим в почтительном, сдержанном испуге жирным лицам и остановились на грузном, рослом мужчине в золоченых доспехах. Тот незамедлительно приблизился к магу.

— Вот, полюбуйся, Ишпак! — прошипел, брызгая слюной, Заркум, указывая в зеркало.

Главнокомандующий войсками Сакалибы, начальник городской стражи и командир гвардии Серебряных Грифов нагнулся над волшебным прибором и стал внимательно разглядывать происходящее за городскими стенами. Смуглое лицо его вытянулось и побелело.

— Взять живьем дерзкого шаманишку! — отрезал Заркум.

Тотчас же все его окружение исчезло из комнаты, — свита знала норы своего повелителя. Задержав пару стражников, Заркум указал носком сапога на скорченное тело раба:

— Убрать эту падалу!

Ондохнул на поверхность зеркала, и изображение замерло на стекле, запечатлев образ возмутителя спокойствия. Отшвырнув зеркало в сторону, Заркум порывисто встал и начал прохаживаться от стены к стене, пытаясь успокоиться.

...Он слишком рано оторвался от магического экрана и не счел нужным понаблюдать за тем, что происходит на дальних подступах к Аргаму.

Как раз в этот момент из ущелья, по которому проходил перевал через Главный хребет Рипейских гор, на последний горный уступ вышли два запыленных путника. Пасиртайская степь расстилалась перед Конаном и Таргитаем, и в центре ее — великое, солнечное колесо Аргайма Трехстенного...

Глава 2. Колдовство и женские козни

Огромный город лежал перед двумя запыленными путниками. Конан и Таргитай замерли в восхищении у края горной тропы, разглядывая величественную панораму. Бесконечный переход через Главный Хребет наконец-то завершился. Позади были холодные ночи в древних пещерах. Во время одной из таких ночевок друзьям пришлось схлестнуться с огромным пещерным медведем, который отнюдь не рад был незваным гостям... Зато теперь мощный торс Конана покрывала теплая, ворсистая шкура гигантского зверя.

В другой раз их накрыло лавиной, и им долго пришлось выкапываться из снега. Но в конце концов все завершилось, — они были у цели. Так думал Таргитай, которого мало заботила судьба золота грифов. Во всяком случае в данный момент. И даже киммериец был с ним согласен в этом. Он во все глаза глядел на диковинный древний город, похожий на гигантский трехслойный пирог, лежавший у его ног.

— Ну, наконец-то! — довольно проговорил Конан. — Цивилизация! Я, конечно, варвар и не стесняюсь этого, но бесконечная ялущь тоже порой надоедает. Мне до смерти охота побыстрее добраться до какого-нибудь заваливающего кабака и вцепиться зубами в бок жареного барана, да приобнять смазливую деваху, не очень дорого берущую за услуги. А если при этом будет еще добрый кувшин вина, то я буду чувствовать себя лучше, чем сам Митра в своих

небесных садах! Мне, пожалуй, хватит даже гирканской араки!

— Да, Конан,— рассмеялся Таргитай.— Ты и впрямь варвар, если тебя послушать! Хотя, впрочем, я и сам такой. Я сейчас готов забыть про корону, если передо мной поставят блюдо дымящегося мяса с лапшой и кувшин вина! Вяленая медвежати́на мне надоела, я хочу баранины! Я все-таки степняк, Папай меня разрази, а не аргишпей из тайги!

— А как же твое кхитайское воспитание? — с иронией спросил у него Конан, садясь на землю и вытаскивая из сумы кожаный мешок с вяленым медвежьим мясом.

— После пяти лет, проведенных в степи,— небрежно усмехнулся Таргитай,— я вспоминаю свою прежнюю жизнь как далекий сон. От Кхитая у меня осталась память о моем незабвенном Учителе,— он благоговейно тронул мешочек на груди, где лежала статуэтка Тан У,— верный меч и умение стряпать. Вот отвоюю Хрустальный Трон и, клянусь Вечным Небом, Уту и Папаем, накормлю тебя такими лакомствами, от которых ты взвоешь от восторга. Салат из кальмаров! Мидии, маринованные с лепестками орхидей! Мозг обезьяны, выдержанный в настойке лотоса! Тонкая рисовая лапша, длинная, как хвост Небесного Дракона, сваренная с омарами и политая душистым соусом, сделанным из мускуса кабарги!

Конан с трудом прервал юного гурмана, не слишком вежливо сунув ему в рот здоровенный ломоть медвежатины. Таргитай тут же замолчал и стал работать челюстями с такой энергией, как если бы перед ним было самое изысканное блюдо с императорской кухни Летнего Дворца в Пайканге.

Молниеносно расправившись с последними кусками, друзья запили трапезу снеговой водой, не особенно сетуя на отсутствие вина. После чего оба растянулись на мягкой шкуре и стали отдыхать, разглядывая город и терпеливо ожидая наступления темноты, дабы проникнуть за стены незамеченными.

— Я, конечно, не помню аргаимских порядков,— заметил Таргитай,— ибо я был слишком мал, когда покинул

родину. Но уверен, что попасть в город — дело совсем не простое. Насколько мне известно, высота стен превышает семь человеческих ростов, и на них полно стражи.

— Положись в этом деле на меня,— заверил его варвар.— Не было еще ни одной стены, на которую не смог бы забраться Конан из Киммерии, и ни одного стражника, который ушел бы живым или здоровым после встречи с ним! — И киммериец беспечно почесал здоровенной пятерней всклокоченную гриву волос и бросил еще один взгляд — далеко не беспечный — на аргаимский пирог, в сердцевине которого неугасимо пылала свеча Зиккурата Уту...

* * *

...Отряд всадников, грозно бряцающих доспехами, возглавляемый самим начальником городской стражи, появился во взбудораженном палаточном поселке внезапно. Грузный Ишпак, облаченный в золоченую кольчугу и затейливый шлем, изукрашенный грифами и львами, гневно потрясал плетью и кричал, брызгая слюной:

— Всем немедленно разойтись!

Но толпа, распаленная речами отчаянного шамана, и не думала подчиняться приказам властей. Народ за считанные мгновения превратился в рычащую стаю волков, с ненавистью глядевшую на свору верных псов проклятого колдуна. В сторону стражников полетели камни и палки, раздались оскорбительные выкрики. А где-то в центре сборища продолжал вещать невидимый за плотно сомкнутыми рядами людей мятежный шаман:

— Вот они, кровавые шакалы! Я знаю, их послал Заркум. Он выследил меня своей волшебной силой, он боится меня! Великий страх вкрался в его черную душу, я чувствую это! Дни тиранов сочтены! Раздавите их, люди!

Ишпака перекосило от этих слов... был ли то гнев или страх? Скорее, и то и другое сразу. Камень, гулко ударившись о его шлем, оставил уродливую вмятину в затейливом узоре. Глаза военачальника налились кровью. Он резко махнул кольчужной перчаткой, и закованные в сталь и бронзу всадники, оцетинившись пиками, с воинственным

кличем врезались в толпу взбунтовавшихся людей. Началась кровавая бойня.

В обезумевших коней вцепились десятки злых рук. Они стаскивали стражников на землю, топтали их ногами и рвали их в клочья — ножами, топорами, ногтями, зубами. В руках у некоторых мятежников появились луки — и несколько воинов Заркума вскоре превратились в ошетилившихся дикобразов. Однако колонна всадников продолжала, подобно стальному тарану, упорно пробиваться к центру сборища — туда, где стоял, выкрикивая угрозы, шаман.

Ишпак, работая тяжелым бунчуком как палицей, проложил себе дорогу в толпе, но в тот момент, когда его закованная в сталь могучая рука протянулась к старику, стремясь схватить того за белые космы, шаман вдруг закричал диким голосом и бешено завертелся волчком. Он вращался все быстрее и быстрее, беспрестанно завывая, так что уши Ишпака заложило, а в глазах заребило. Но вот вой резко оборвался... а на том месте, где только что был шаман, хлопнула нестерпимо яркая вспышка. Ишпак ослепленно заморгал, а когда зрение вернулось к нему, вещего старца уже нигде не было...

* * *

...Подобного унижения кичливому военачальнику испытывать еще не доводилось. Заркум клял его последними словами, точно ничтожнейшего из рабов. Мясистые уши Ишпака горели огнем, в груди закипала злоба, но он продолжал стоять, покорно склонив голову и потупя взор. Оставалось лишь надеяться, что чародей, зайдя слишком далеко в своем гневе, не превратит его в кучу золы. Однако обошлось. Немного поутихнув, Заркум презрительно развернулся спиной к провинившемуся военачальнику и небрежно процедил:

— А теперь иди и подготовь рапорт о победоносном разгоне мятежных толп твоими доблестными, — он нарочито подчеркнул это слово, — Серебряными Грифами. Его Величество примет тебя в самое ближайшее время. Но учти: о шамане — ни звука! Иначе... — он не закончил, но в на-

ступившем молчании было столько угрозы, что Ишпак почувствовал, как волосы шевелятся у него под шлемом. Он понял, что аудиенция закончена, и, стараясь идти строевым шагом, удалился из кельи.

Заркум не обратил внимания на уход старого вояки, — его занимали гораздо более важные мысли.

«Пожалуй, солдафону вряд ли по силам найти поганого старца, — думал колдун, — дело пахнет магией. Похоже, это мой коллега по ремеслу, и к тому же довольно опасный. Ну что же, попытаемся разобраться с ним нашими скромными силами».

Встав с кресла, чародей подошел к одному из столов с амулетами и взял в руки невероятно древний череп, принадлежавший весьма странному существу. Череп был плоским и вытянутым — четыре искривленных клыка торчали по бокам почти крокодильей пасти, над широкими глазами возвышались уродливые наросты, шипы и рога. Заркум взвесил череп на ладони и удовлетворенно хмыкнул. Затем, порывшись в многочисленных карманах, нашитых на широкий шелковый пояс, стягивавший его иссиня-черную, отороченную волчьим мехом тунику, извлек кусок синева-зеленого, фосфоресцирующего мела.

Леденящим кровь голосом колдун протяжно, нараспев, произнес слова древнего заклинания:

— Хойла — Буридан — Ганиль — Аро — Сарат! Шабарот — Ахр — Заманг!

Он начертил на лбу черепа светящуюся пентаграмму. После чего с размаху бросил череп на пол. Едва коснувшись каменных плит, череп раскололся на множество мельчайших осколков. И все эти осколки неожиданно засветились призрачным, зеленоватым светом. Раздалось шипение, казалось, что в келье плавится железо. Светящиеся осколки черепа превратились в лужицы переливающейся жидкости. Лужицы начали образовывать потоки, и вскоре множество переливающихся струй устремились к одной точке — к тому месту на полу, куда упал череп.

В этом месте в мозаичном узоре гранитных плит были выбиты древние руны. Достигнув их, потоки жидкости стали

сливаться в аморфный, размытый шар, в котором, вспыхивая, боролись друг с другом различные субстанции. Свечение, исходящее от шара, все усиливалось, — было больно смотреть, но сумасшедшие глаза Заркума с желтыми крапчатыми белками и расширенными зрачками, неотрывно глядели — как во все увеличивающемся шаре стали проявляться очертания ужасного существа.

Они становились все более четкими... и вот, наконец, шар лопнул, подобно мыльному пузырю, оставив после себя лишь разлившееся по келье зловоние. А в центре кельи возвышалось чудовищное создание. Очертания его не поддавались описанию, — они были невероятны, как видения курильщика лотоса. Уродливое, лоснящееся тело монстра, вызванного из бездны далеких миров, покрывал густой слой слизи, капавшей на пол и оставлявшей на плитах дымящиеся пятна.

Огромная, плоская, рогатая, клыкастая и шипастая голова прочно сидела на короткой, пупырчатой шее, глаза мерцали красноватым светом, а три отвратительных отростка на лбу также заканчивались глазами — холодными, разумными и неумолимо жестокими. Две корявые передние лапы, больше похожие на змей, сложились на чудовищной груди, в глубине которой, под мерзкой кожей, шевелились какие-то дьявольские создания, очевидно, начавшие отпочковываться отпрыски монстра. Чудовищная голова склонилась в почтительном поклоне перед человеком, вызвавшим порождение мрака из бездны пространства и времени.

— Кантрагор! — воззвал Заркум. — Узри моего врага. — Он поднял вверх заранее приготовленное магическое зеркало, на котором застыл образ седого шамана, и поднес его к самой морде тяжело дышащего монстра.

Три глазастых отростка метнулись к зеркалу — Кантрагор впитывал в себя сведения о будущей жертве.

— Иди, — шепнул Заркум, — во имя всех сил Хаоса, заклиная тебя, порождение Тьмы, — достигни шамана, где бы он ни схоронился. Ищи его во всех мирах. А если не найдешь и там, — ищи по ту сторону пространства и времени, вне Великой Спирали Вселенной, если только его ма-

гической силы хватит выйти за эти пределы. Ему не уйти от тебя, жителя тех страшных мест, где царит Вечная Тьма, где потухли звезды, где положен предел миру. А теперь, — во имя всех демонов Ада, которые содрогнулись бы при твоём виде, — исчезни!

Издав выворачивающий душу вой, Кантрагор стал постепенно растворяться в воздухе, и вскоре лишь лужица вонючей жидкости на полу и тяжелый запах в келье напоминали о его недавнем присутствии...

* * *

— Смеею заверить вас, Ваше Величество, — окончил свой рапорт Ишпак, в полном парадном облачении стоявший навытяжку в королевских покоях, — что доблестные Серебряные Грифы полностью загасили очаг мятежа. Сброд разогнан. Наиболее опасные из смутьянов взяты под стражу.

— Надеюсь, что наши друзья, жрецы Уту и Эрлика, займутся ими в застенках Зиккурата, — пропел правитель Шульга.

Писклявый прерывающийся голосок никак не вязался с его комплекцией. Грузное, пузатое тело правителя покоилось в огромной круглой ванне розового мрамора, доверху наполненной теплой душистой водой. Со стороны это напоминало огромного бегемота, мирно дремлющего в болотах Черных Королевств, однако никто из присутствовавших на приеме ни разу не бывал так далеко от Рипейских гор, чтобы в голову им могло прийти подобное сравнение...

Прикорнув под бочком у толстого правителя, в ванне нежилась совершенно обнаженная девица. Ее смуглое тело излучало страсть и негу. Пышные груди нежно касались жирного плеча узурпатора, совершенные по форме длинные ноги высывались из воды наполовину, почти упираясь холеными пальчиками в закованное сталью брюхо Ишпака и заставляя биться его, совсем не стальное, сердце быстрее.

Зеленые, приподнятые к вискам, кошачьи глаза прелестной Наркес — любимой наложницы Шульги — выразительно смотрели прямо в лицо военачальника, еще более усиливая его смущение. Ее смуглое, с едва выделявшимися скулами,

лицо было очаровательно в ореоле великолепных золотисто-каштановых волос. Нэркес была одной из дочерей покойного кагана будинов северо-западного гирканского племени. Во время сакалибо-будинской войны, когда почти весь род каганов был истреблен, одна лишь Нэркес осталась в живых и попала в плен к воинам Шульги, продавших ее во дворец. Здесь она выросла, расцвела, до тонкостей изучив все премудрости придворной и гаремной жизни. И с некоторого времени правитель почти не разлучался со своей любимой наложницей.

Нежные пальчики Нэркес ласково поглаживали дебелие тела Шульги, но прекрасные глаза ее давали понять Ишпаку, что она вполне готова разделить ложе отнюдь не только с одним правителем.

— Осмелюсь заметить тебе, о, храбрый Ишпак, — промурлыкала Нэркес, бесстыдно изгибаясь всем своим стройным телом, — лично я считаю, что давно пора прогнать от городских ворот весь этот грязный сброд. Пастухи должны заниматься своим делом, а не скапливаться у стен столицы и бунтовать.

— Ты права, моя госпожа! — учтиво согнулся в поклоне Ишпак, украдкой бросая жадный взгляд на прелести наложницы.

— Да я бы уже давно их всех повымел отсюда поганой метлой, — пискнул Шульга, слюнявя жирными губами подставленные полушария грудей Нэркес, заставляя военачальника скрипеть зубами от яростной ревности. — ...Да вот только наш друг Заркум просил меня не делать этого, да пребудет он в здравии, наш священный столп государства.

В его устах пожелание здоровья звучала как униженное славословие раба в адрес могучего владыки.

— Они нужны ему для каких-то опытов. По правде сказать, этих опытов многовато стало в последнее время. Одни лишь гарпии чего стоят! Ну, что же, зато они хорошо охраняют наши восточные рубежи. Заркум был прав, как и всегда.

— Фи, он такой зануда! — капризно фыркнула Нэркес, виртуозно задирая вверх ногу, не обращая внимания на то,

как вытаращились глаза бедного Ишпака при виде открывшихся перед ним пейзажей, и грациозно подставляя маленькую, будто выточенную из слоновой кости ступню для поцелуя своему «повелителю».

— Ну, что ты, детка, как можно! — Немного испуганный правитель покосился на застывших в безмолвии рабов и стражников, окружавших его ванну со всех сторон. — Наша держава многим обязана Заркуму Многомудрому!

— Ах, вы все о делах да о делах! — надула коралловые губки очаровательная бесстыдница. — Немедленно прекратите! У меня разболелась голова от вашей скучной болтовни!

— Ну все. — Правитель нетерпеливо махнул пухлой, в ямочках, как у младенца, рукой. — Ты можешь идти, Ишпак. Тебя достойным образом наградят!

Низко поклонившись правителю, военачальник удалился из пышно убранных покоев, так резко отличавшихся от аскетичной и мрачной конуры подлинного повелителя Страны Городов. А Шульга облегченно вздохнул и, пощечаясь повизгивая, стал неуклюже барахтаться в ванне, игриво похлопывая по попке прекрасную Нэркес...

* * *

...Когда короткая летняя северная ночь накрыла беззвездным пологом спящий Аргаим, в дом военачальника Ишпака явился наголо бритый невольник-аргиппей в медном ошейнике. Без лишних слов Ишпак с головой укутался в широкую, меховую накидку и последовал за рабом привычным маршрутом.

Огромное, помпезное здание правительского дворца смутно белело перед ним в темноте, соединенное со стенами цитадели и с Зиккуратом Уту десятками внутренних переходов. Ишпак знал, что под землей вся эта система соединена еще по меньшей мере сотней ходов. Поэтому, войдя в рощу, густо разросшуюся вокруг дворца, он сразу же привычно свернул к стене, вслед за рабом, — и вскоре исчез в кустарнике, надежно скрывавшем потайную дверь. Пройдя по длинному, темному коридору, лишь кое-где освещаемому

тусклым светом жировых светильников, Ишпак очутился внутри дворца, в его левом крыле. Затем последовала анфилада пустынных залов, и наконец он очутился в небольшой темной комнате.

Из двери напротив ему навстречу неслышно скользнула Нэркес и обвила руками задрожавшего от похоти полководца. Утробно рыча, Ишпак по-звериному набросился на ее прекрасное тело, и они покатались прямо по полу, устланному мягкими барсиными шкурами. Раб-аргиппей бесстрастно наблюдал за их жадным соитием, стоя у дверей, недвижимый как статуя. Опасаться того, что кто-либо пронюхает о происходящем здесь, было нечего. У невольника был вырезан язык.

Утолив страсть, Ишпак приподнялся на руках над изогнувшейся в истоме куртизанкой. Торжество, смешанное с обожанием, светилось в его взоре.

— О, моя богиня! — прохрипел он, тяжело дыша. — Ты доведешь меня до безумия! Я готов был искромсать в жирные клочья этого ублюдка, когда он склонявил твое прекрасное тело! Какая это мука — видеть тебя в объятиях этого выродка!

— Потерпи еще немного, милый! — звонко рассмеялась Нэркес. — Недолго мне осталось выносить ласки этой свиньи. Жирный дурак сейчас дрыхнет на своих перинах и видит чудесные сны. Он так пристрастился к соку лотоса, который я подмешиваю в его питье за ужином, что можно легко убить его, если я прекращу давать ему зелье. Он умрет через несколько дней в страшных мучениях, так и не узнав причины своей гибели!

— Убрать Шульгу невелика задача! — задумчиво заметил Ишпак. — Все дело в Заркуме!

— Да, Заркум, — криво усмехнулась Нэркес, и на лицо ее набежала тень. — Ведь это он снабжает меня порошком лотоса и прекрасно знает, в каких целях я его использую. Он знает о наших отношениях с тобой, но считает их детскими шалостями. Он не считает меня достаточно опасной. Погрузившись в заботы иных миров, он не замечает того, что творится у него под носом.

— И все же он сотрет нас в пыль, если мы восстанем, — уныло проговорил Ишпак.

— Есть единственный способ одолеть Заркума, — медленно проговорила Нэркес, и глаза ее хищно сузились. — Мы должны найти мага более могущественного и заключить с ним союз! Только так мы сможем победить Заркума и воссесть на Хрустальный Трон. Хватит с нас этих выродившихся древних династий! Мы положим начало новому роду правителей Сакалибы!

— Мага, говоришь, — оживился Ишпак, глаза его лихо-радожно заблестели, — есть у меня на примете такой маг! Я расскажу тебе то, чего не услышал пустоголовый Шульга!

И Ишпак вкратце поведал куртизанке о происшествии с шаманом. Нэркес вскочила на ноги, глаза ее сверкнули зеленым пламенем.

— Вот оно! — выдохнула женщина. — Найди его, Ишпак, слышишь, и склони на нашу сторону! И ты сядешь на Хрустальный Трон!

А потом умрешь. И трон будет принадлежать мне одной. Но об этих тайных мыслях прелестницы узнать Ишпаку было не суждено.

Глава 3. Родня Конана

Полная луна взошла над Пасиртайской долиной, бросая кровавые отблески на полированный камень мощных стен Аргаима и отчасти рассеивая тьму. Ночное светило равнодушно взидало на древний город, который словно и ночью пытался доказать, что посвящен Великому Богу Света Уту и нет ему никакого дела до жалкой головки сыра, висящей в небе. И в знак вечного торжества Уту неугасимо пылал Светоч Солнца на вершине гигантской пирамиды. Его яркий свет был виден на много лиг и напоминал горящую лампу, зажженную невидимой рукой. А вокруг лампы мерцал во тьме рой светляков, слетевшихся на источник огня, — то были окна городских домов и множество костров у шатров, усеявших степь. Не знали наивные насекомые, что смерть сулит им обманщица-лампа, что превратятся в прах, и сама память о них выветрится навсегда. Потому что нельзя слишком близко подлетать к огню...

Конан и Таргитай, однако, даже и не думали об опасностях, ждущих их впереди, — пламя Аргаима неудержимо манило их.

Костер почти догорел, но путники и не думали подкармливать умирающее пламя, погрузившись в приготовления к ночному походу. И вот наконец все готово. Оружие вычищено и наточено, сапоги дополнительно обернуты мягкими кусками медвежьей шкуры, чтобы сделать шаг неслышным...

В тот момент, когда Конан уже собирался затушить костер, в темноте, ниже их лагеря, на горной тропинке, что-то хрустнуло. Помянув нехорошим словом Нергала, Конан выхватил топор и принял боевую стойку. Таргитай, не отстав от него, обнажил меч и уже собирался нанести смертельный удар, как вдруг рука его застыла в воздухе.

Из тьмы на свет костра вышел согбенный под грузом прожитых лет белобородый и сморщенный старец, опиравшийся на причудливый посох. Дырявая одежда его была увешана амулетами. Судя по всему, это был местный шаман.

— Дедушка! — вежливо обратился к нему Таргитай. — Ты подобрался к костру так незаметно, что чуть не вверг нас в грех смертоубийства!

— Ничего, дети мои! — прошамкал старец. — Ведь этого не случилось, а значит, все в порядке. К тому же я достаточно пожил на свете, и мою смерть нельзя было бы называть преждевременной. Тем более, пасть от руки таких отважных воинов — это большая честь!

Шаман засмеялся каркающим смехом, из-под нависших бровей блеснули лукавые молодые глаза. Таргитай будто жаром обдало, — он где-то уже видел этот пронизательный взгляд!

— Надеюсь, что бесстрашные воители позволят скромному служителю богов передохнуть у их костра? — осведомился старец.

Конан украдкой кинул многозначительный взгляд на своего спутника, но в Таргитае разыграло кхитайское почтение к старшим. Не обращая внимания на недовольство киммерийца, юноша бережно подхватил старика под локти и усадил его на медвежью шкуру у костра.

— Спасибо вам, дети мои! — довольно улыбнулся шаман. — Вы не повторяете ошибки древних апинов, которые убивали своих стариков. Наоборот, вы уподобились великому Алп-Манашу, который не стал сбрасывать отца со скалы Стариков, а спрятал его под пологом своего шатра и слушался его мудрых советов. Мудрость старого

отца помогла ему стать властителем всей Гирманской степи. И придя к власти, этот герой издал указ, запрещающий убивать старых людей, ибо в них хранится вся мудрость мира. Кто знает, проживи его отец дольше, может, он и предостерег бы Великого кагана от ловушки, в которую его заманили нелюди...

— Как! Ты знаешь эту легенду?! — удивленно воскликнул Таргитай. Дед бросил на него пронидательный взгляд.

— Старый Йолчи многое знает!

— Никогда бы не подумал, что тебе известны киммерийские предания! — удивленно покачал головой Конан. — Потому что и в наших горах есть скала Стариков, с которой когда-то отправляли на Серые Равнины всех, кто уже не мог назвать себя молодым. И был один герой, который отказался убивать своего отца. А зато потом он стал вождем клана!

— Я уже сказал тебе, Конан, называемый также Амрой, — ухмыльнулся в белую бороду Йолчи, — что знаю многое. И не пристало удивляться тебе, человеку, одолевшему столько демонов и колдунов, беседовавшему с Кромом и списавшему благоволение Бога Света, называемого здесь Уту, а в странах заката — Митрой.

Конан вытаращил глаза. Таргитай выглядел не лучше киммерийца. Йолчи снова рассмеялся и похлопал его по плечу:

— Ну, полно, Таргитай! Где твое достоинство? Не пристало наследнику Хрустального Трона Анахарсидов раскрыв рот слушать рассказы старого колдуна! Да полно же вам, — ворчливо успокоил он обалдевших друзей, — я обычный провидец, и только. Тоже мне, нашли чему удивляться!

Конан и Таргитай пошевелились, приходя в себя.

— Видал я и почище, — буркнул Конан, стараясь казаться невозмутимым.

«Кром! — подумал он про себя. — Ну демон с ним, с нагом. Он — нелюдь, с него, как говорится, и взятки гладки. Ну а этот-то! Будешь тут спокойным, когда тебе рассказы-

вает про твою жизнь какой-то дикий шаман из затерянной на краю света страны!»

— Вы собираетесь проникнуть за стены Аргайма? — сменив шутливый тон на деловой, продолжил разговор Йолчи.

— Ну да, мы собирались разведать обстановку в городе, — кивнул Конан.

— Не стоит этого делать, — возразил старик. — За стенами вы вряд ли найдете людей, которые поддержат вас. Купечество, ремесленники, ворье и даже попрошайки — все они недовольны властью Заркума. Но жители Аргайма все-таки живут относительно безбедно. Аргайм как-никак столица: в нем веками скапливалось добро. Городские склады битком набиты припасами, и раз в пол-луны власти устраивают бесплатную раздачу снеди для бедноты. Заркум далеко не дурак, он знает, как задабривать городскую чернь.

Раз в луну обязательно устраивается большой храмовый праздник с пышным богослужением, парадом гвардии, обильными жертвоприношениями, гладиаторскими боями, бесплатной едой и выпивкой. Во время таких гуляний люди забывают обо всех своих бедах и готовы терпеть насилие и дальше. Они слишком трусливы, чтобы подняться против узурпаторов. Мой вам совет, воины, ищите помощи не за стенами города, а под ними — там, где разбили свои шатры беглые жители окраин. Эти люди ждут своего избавителя. Если вы верите мне, то следуйте за мной!

...Конан и Таргитай шли в кромешной темноте, ориентируясь на белешую впереди седую, косматую голову Йолчи, который видел в сумраке как кошка. Хотя ноги старика и не были обернуты шкурами, ни один сучок не хрустнул под его шагами.

Маленький отряд спускался с гор в Пасиртайскую долину, приближаясь к цепочке огней, опоясавшей Аргайм Трехстенный четвертым кольцом. Путники были слишком увлечены предстоящим делом, а потому не заметили, как в ста шагах сзади от них во тьме вдруг зажглись пять красных точек: две снизу и три сверху.

Красные огоньки последовали за путниками. Бесшумно, на почтительном расстоянии, не удаляясь и не приближаясь ни на шаг...

* * *

В лагере племени Кемер было шумно. Невзирая на поздний час, большинство мужчин племени, от безусых юнцов до седовласых ветеранов, собрались на сходку к костру Совета. Костер был разведен у шатра вождя, и глаза собравшихся воинов были обращены к войлочному пологу, в ожидании его выхода.

Наконец по толпе собравшихся прошел гул. Люди оживились: из шатра неслышным, плавным движением выскользнул вождь. Возгласы и бряцанье оружия послужили ему приветствием. Вождь — его звали Амракан — повелительно поднял руку, и все умолкло. Слышно было, как трещат дрова в костре и, плавясь, шипит смола, стекая с сосновых поленьев. Вождь обвел присутствующих пронзительным взглядом ледяных голубых глаз.

Это был рослый, мускулистый мужчина лет пятидесяти. В его иссиня-черных волосах, заплетенных в косы, уже пробивалась седина. Лохматые густые брови придавали его мужественному лицу несколько угрюмый вид, а шрамы даже делали его устрашающим.

— Горные орлы! — обратился он к воинам. — Все мы собрались здесь, поскольку знаем — приближается смутное время! Нам известно о предсказании, которое сделал вчера в лагере ирков их шаман Йолчи! Все считали, что он давно умер, но старец восстал со смертного одра и провозгласил будущее пришествие принца Таргитая! Ваше дело — верить или не верить в предсказанное. Жив Таргитай или нет — час выбора пробил! Останетесь ли вы покорны правителю Шульге и жрецу Заркуму или же подниметесь против них — выбирать вам, воины! Но я скажу свое слово вождя!

И Амракан вынул кинжал из ножен, висевших на наборном поясе, и ловко метнул его в землю. Острые кинжала, сверкнув, вонзились справа от костра Совета.

— Тот, кто последует моему примеру и вонзит оружие справа от костра, будет считаться мятежником, — просто сказал он. — Для верноподданных — левая сторона. Делайте свой выбор, воины! Чья бы сторона ни взяла верх, я останусь при своем мнении. Если племя воздержится от выступления, то я сложу с себя полномочия вождя! Я свой выбор сделал.

— И ты оказался прав! — раздался старческий голос. В свет костра Совета из темноты выступил Йолчи.

— Святой шаман! — раздалась возгласы в рядах воинов. — Он воскрес, чтобы предсказать волю богов!

В скором времени, однако, крики утихли и сменились молчаливым любопытством при виде тех, кто пришел вместе со старцем. Огромный варвар в медвежьей шкуре и смуглый юноша со шрамом над губой произвели впечатление. Но в еще большее изумление кемеров повергли огромный медный топор в могучих руках Конана и тонкий, необычной формы кхитайский меч, висевший у пояса Таргитая. Друзья, в свою очередь, также во все глаза разглядывали сгрудившихся у костра воинов.

— Кром! — неожиданно сорвалось с языка у Конана.

Ему на мгновение показалось, что он никуда и не уезжал из родной деревни. Со всех сторон его окружали рослые, черноволосые здоровяки, пристально смотревшие на него синими, голубыми и серыми глазами. Услышав имя киммерийского бога, воины удивленно переглянулись и стали переговариваться между собой на наречии, которое до удивления было похоже на то, на котором пела ему колыбельные песни матушка Маев.

В этой речи, правда, было слишком много устарелых слов, которые в деревне Конана помнили лишь дряхлые старики, мелькали в ней и гирканские выражения, но общая суть была ясна. Здесь, на краю света... Как могло случиться такое?!

— Кром?! — переспросил у Конана удивленный донельзя вождь. — Почтенный старец, — обратился он к Йолчи, — чье имя назвал этот чужеземец с глазами человека из нашего народа?

— Кром — это его бог, — пояснил ведун, усмехаясь в бороду, — Владыка Могильных Курганов.

— Но это же Корм! — воскликнул Амракан, — это наш бог! Древний бог кемеров!

— Кемеров! — переспросил Конан. До него начало кое-что доходить. Волею прихотливой судьбы, заброшенной его на край заселенного мира, он нашел здесь народ, удивительно похожий на киммерийцев.

— Стоило уезжать из Киммерии и без малого двадцать лет мяться по свету, чтобы в конце концов встретиться со своими родственниками. Ну надо же! — пробормотал Конан, хотя в душе он был даже рад. Наконец-то он увидел народ, похожий на его собственный!

Уже в детстве Конан остро почувствовал разницу между своим маленьким, затерянным в северных горах, гордым и угрюмым племенем и чуждым ему окружающим миром. Киммерия была зажата на задворках Хайбории, между Пустошами Пиктов и Нордхеймом.

Злобные, бездушные гиперборейцы, медлительные, неповоротливые бритунцы, расчетливые и надменные немедийцы, гордые и воинственные аквилонцы, коварные офирцы и кофайцы, вспыльчивые и страстные южане — зингарцы и аргосцы — все они отличались друг от друга, как цвета радуги, и в то же время ощущали подспудно некое единство.

Ибо все эти народы происходили от древних хайборийцев — дикой орды пришельцев с северо-востока, которые смели с лица земли Ахерон и другие осколки Темных империй, правивших миром до Великой Катастрофы. Их потомки перемешались с остатками древних народов, свет учения Митры смягчил их варварские нравы. Но память о былом единстве осталась, так же как и языковое родство. И даже полудикие гандеры, жители аквилонского Пограничья, смотрели на своих северных соседей свысока. Киммерийцы всегда были белыми воронами.

Пиктов хайборийцы презирали и ненавидели еще больше, но их дикие Пустоши простирались на тысячи лиг с юга на север, и на этих бескрайних просторах, соединяв-

ших почти все географические пояса — от субтропических джунглей Конаджохары до дикой тайги на рубежах с Ванахеймом — жило множество кланов. Не было сходства между пиктами различных племен, родов и кланов, и часто враждовали они между собой. Но их было много, и они всегда помнили, что есть у них один общий бог — Гулл и общие прародители — великие вожди Кулрикс и Семитха.

И даже свирепые и звероподобные жители Нордхейма, чьи первобытные предки вступали в соитие с обезьянолюдьми, даже обитатели ледяных пустынь асиры и ваниры осознавали свое единство, невзирая на постоянную, непрекращающуюся войну между рыжими и белокурыми детьми Имира.

Страшно одиноки были киммерийцы, затерянные в диких, заснеженных скалах осколки древнего народа Атлантиды. Не от того ли вечно угрюмы были сыновья Крома? Но все же есть справедливость на свете! Конан улыбнулся своим обретенным на чужбине братьям по крови.

— Эй, парены! — неуверенно обратился к нему Амракан. — Ты из какого клана? Ты, наверное, давно покинул Сакалибу, потому что никто из наших не помнит тебя и имени твоего отца. Да и говоришь ты как-то странно, и имя бога произносишь как-то не по-нашему.

Улыбка тронула губы варвара.

— Я — Конан из Киммерии, что на Западе. Мой отец — кузнец Ннал! Мой бог — Кром!

— Что за нелепости! — пробормотал Амракан, пожимая плечами.

Кемеры неуверенно перешептывались между собой, то и дело поглядывая на киммерийца, сложившего бугрящиеся мышцами руки на необъятной груди и терпеливо ожидавшего дальнейших событий. Таргитай хотел было выйти вперед и что-то сказать, но сухая рука Йолчи удержала его на месте.

Неожиданно ряды воинов расступились, давая дорогу маленькой, круглой старушке. Коричневое от загара лицо

ее было изрезано мелкой сетью морщин, беззубый рот и лукавые выпцветшие васильковые глаза улыбались. Ловко и быстро передвигаясь на коротеньких ножках, старушка, похожая на живой, перекатывающийся шарик ртути, подошла к гиганту-киммерийцу, почти уткнувшись носом в его живот. Она подняла голову кверху и пристально посмотрела в синие глаза Конана. А затем пропamкала:

— Я знаю, откуда этот человек!

— Расскажи нам, бабушка Мохира! — раздались оживленные голоса в толпе воинов. — Мы тебя слушаем!

Старая Мохира прикрыла на мгновение веки, пожевала ртом и начала свой рассказ:

— В стародавние времена жили кемеры на Большой Земле. И лежала та земля далеко к закату и окружена была со всех сторон великими водами Синего океана — Тенгиза, в волны которого уходит каждую ночь колесница Огненноокого Уту. В той земле было много всего: прекрасные долины, обширные леса, водопады, реки и озера. Все это великолепие защищала с севера от буйства ледяных ветров гряда могучих гор, взметнувшихся к небу. Наши Рипы показались бы жалкими холмиками рядом с этими грозными пиками. Горная гряда делила землю пополам. На юг от этих гор расстилалась плодородная теплая долина, где стояло вечное лето, а на север с горных вершин несла свои бурные воды в Ледовитое море великая река Кем. По имени этой реки и получил свое гордое имя наш народ. Потому-то мы до сих пор называемся кемерами, то есть людьми с Кема!

— Смотри-ка! — воскликнул Амракан. — Ты не рассказывала нам об этом раньше, бабушка Мохира. А ведь я-то думал, что кемер — это просто человек с большой реки. Ведь кем на нашем языке и означает большая река. Так мы называем Джаих!

— Так оно и есть. Наши предки словом кем называли только великие реки. Но все равно настоящим Кемом был тот, на котором жили наши праотцы. А не рассказывала я об этом — значит, нужды в том не было, — хмыкнула старуха. — Зато теперь будете знать, где была

наша прародина, Страна Священной Земли-Воды. Субер — так ее называли наши предки! Да, я говорю называли, потому что страна эта погибла в пучине разбушевавшихся вод Тенгиза. Боги прогневались на нечестивых правителей и жрецов Юга!

Южане всегда отличались от кемеров — суровых жителей гор. Они стремились жить по-другому, не так, как заставляли предки. Вначале они тоже были дики и свирепы, как и кемеры, и наводили ужас на все народы по обе стороны Тенгиза. А затем завоевали побережья восточного материка — того, где мы с вами сейчас находимся, — и покорили все древние царства, существовавшие там. Бывшие варвары стали купаться в роскоши. Они забыли заветы предков, забыли своих племенных богов и стали искать себе новую веру. Откуда-то с юга пришли к ним проповедники черной религии Велико-го Змея. И вскоре жрецы Культа Змея захватили почти всю власть в Средиземной империи — так она называлась, ибо лежала в сердце всех земель и правила ими всеми! О, глупые жители южных равнин, возомнившие себя равными богам! Они забыли старые заветы, которых всегда придерживались кемеры: близко не подпускать к себе приспешников Змея. Так учил великий герой, который в стародавние времена бежал из Субер на восточный материк и стал там правителем. Всю свою жизнь он сражался с культом Змея и его последователями, которые на самом деле и были змеями в человеческом обличье.

«Да это же она про правителя Кулла рассказывает!» — осеяла догадка Конана, который, как и все, застав дыхание слушал удивительный рассказ старухи. А старая Мохира продолжала:

— Но увы, забыли глупые южане заветы предков, и забрали власть над ними жрецы Змея, которого люди, в невежестве своем, называли Отцом. Дошло даже до того, что один недалекий правитель повелел называть Средиземную империю Страной Отца Змея — то есть Ата Илан. Это название прижилось. Восточные народы переделали это имя в Аталану или Аталанту, а жители западного материка — в Атцлан. И в этой стране власть Змея была

велика, как никогда прежде! Жрецы Змея, — а под их личинами прятались последние из древней расы змеелюдей, — стали подлинными повелителями Аталанты, а правители древней династии были игрушками в их руках. Мир захлебывался от крови! Воины Аталанты на своих летающих лодках наводили ужас на все народы! Они захватывали рабов, и в городах Средиземной империи их ждал непосильный труд, или смерть на аренах цирков или от ножей жрецов. Ведь кроме Великого Змея аталанты поклонялись еще Черному демону и сотне других разнообразных чудовищ. И каждый из этих алчных богов требовал свежей крови!

Долго аталанты опустошали все подвластные им земли, но наступил предел терпению людей! И даже боги на небесах возмутились. И на землю спустился сам Пресветлый Уту, который проклял страну Змея и наслал на эту землю страшные катастрофы. Невиданные ранее ураганы, смерчи и мор бушевали в стране. А затем ужасное землетрясение сотрясло Аталанту. И оракулы предрекли участь, уготованную Уту и другими богами для проклятой страны — потоп! Все, кто имел возможность, бежал с обреченной земли кто куда — на юг, на восток, на запад! А в некогда прекрасных городах остались лишь простолудины и рабы, которые не могли найти способ покинуть страну. И они предавались разврату и разгулу, страшась неминуемой смерти!

Но северных горцев-кемеров спас Корум, их древний бог, которому они остались верны. Он предупредил свой народ о будущей гибели материка и указал путь к спасению. И кемеры покинули древнюю родину свою — Субер и переправились на восточный материк. И опустели охраняемые ранее кемерами северные границы Аталанты, и вторглись в нее жуткие дикари-островитяне.

«Должно быть, пикты!» — решил Конан. Он, конечно, и раньше слышал о гибели Атлантиды, но такую легенду — впервые!

— А затем и с запада, и с востока, и с юга, — продолжала Мохира, — в некогда грозную, а ныне беззащитную

страну хлынули орды черных, красных, белых и желтых дикарей, горящих жаждой отомстить так долго наводившей на них ужас империи. Так начался великий грабёж Аталанты, который длился сорок дней и сорок ночей. Те племена, что пришли в Аталанту раньше всех, вернулись к своим дымам, отягощенные богатой добычей. Но те, кто пришел позже или сверх меры увлекся грабежом, насилием и разгулом, — все они пошли на корм рыбам, вместе с несчастными жителями Аталанты. Потому что в сорок первую ночь выпустил Панаей свою огненную стрелу, и она насквозь пробила подземное сердце Аталанты. И волны Океана-Тангана поднялись до самых небес, и еще целых сорок дней и ночей продолжался великий потоп. Располотая на куски Аталанта опустилась на дно морское, а по всему миру прошел страшный, водяной вал. И долго еще солнца не было видно из-за туч пыли и пепла, поднятых к небу во время Великой Катастрофы. Так погибла одна из величайших земных империй.

Из всей Аталанты спаслась лишь небольшая горстка южан — жрецы Змея, чиновники, солдаты, которые бежали на юг и обосновались на берегах великой реки, которую они в память о погибшей родине называли Кем.

«Так вот почему город в устье Стикса называется Кем, а сами стигийцы свою страну называют Кеметом!» — мелькнуло в голове у Конана. Воистину, он узнал от этой старухи, жившей на краю света, больше, чем от самого просвещенного мудреца Хайбории!

— Вскоре остатки жителей Аталанты, живших на берегах Нового Кема, были покорены пришельцами с востока, которые называли себя кхари. Кхари восприняли культ Змея и вскоре стали самыми яростными его исповедниками. И до сих пор на далеком юге потомки аталантов и кхари поклоняются проклятому Змею и называют его своим Отцом.

А кемеры обосновались на севере восточного материка. Там их со всех сторон окружали враги. И вскоре большая часть кемеров ушла далеко на восток, где нашла прибежище у отрогов Рипейских гор. И лишь несколько

кланов откололись от них и остались на северо-западе, где обосновались в диких, заснеженных горах. Перед вами, о воины, один из западных кемеров! — закончила свой рассказ Мохира и довольно ощутимо хлопнула Конана по животу.

— Ну что ж, здорово, родичи! — хмыкнул Конан. — Если вернусь в Хайборию, обязательно найму какого-нибудь умника и заставлю его нанести на карту мира Восточную Киммерию!

Глава 4. Мятеж

Это хороший знак! — воскликнул Амракан, подходя к Конану и протягивая ему руку. — Боги с нами, кемеры! Они прислали к нам в помощь воина из числа наших пропавших сородичей! Удача на нашей стороне! Корум, Уту и Папай даруют нам победу над Заркумом!

— Боги прислали вам не только меня, но и подлинного наследника Хрустального Престола! — заявил киммериец, пожимая протянутую руку вождя, и, тихонько поддав коленом, вытолкнул Таргитая в центр круга.

— Так ли это, великий шаман? — спросил Амракан у Йолчи. Кемеры замерли, напряженно ожидая ответа.

Старец, не говоря ни слова, подошел к Таргिताю, и неожиданно распахнул полы его гирканского халата, подбитого овчиной. Обнажилась смуглая грудь с искусно вытатуированной эмблемой Аргайма — колесом Уту — в области солнечного сплетения.

— Вот ваш подлинный правитель! — молвил Йолчи.

Оглушительный боевой клич, исторгнутый из сотен глоток, сотряс ночную степь. Племя кемеров приветствовало вернувшегося из изгнания повелителя Сакалибы. Ни один кинжал не вонзился в землю слева от костра.

— Я не забуду этого, кемеры, когда взойду на Хрустальный Престол, — заявил Таргитай, который был торжественно поднят на щите, обитом белым войлоком — в знак признания его власти.

За несколько мгновений скромный юноша преобразился. Теперь это был подлинный владыка, — с гордо вскинутой головой в ореоле черных как смоль волос, заплетенных в косы, с грозным взглядом сверкающих глаз, не предвещавших ничего хорошего врагам. В руке его, воздетой к небесам, хищно сверкала в свете костра сталь грозной хатань.

«Власть меняет людей, — подумал Конан, всякого насматрившийся за годы своих скитаний. Перевороты, мятежи, войны — все это было ему не в диковинку. — Хотя и не каждый рожден для власти. Есть люди, которые не знают, как с ней поступить. Но этот мальчик, пожалуй, далеко не Сантидио. Надеюсь только, что он не превратится в Мордерми».

А принц тем временем уже отдавал краткие, сухие распоряжения своим в одночасье обретенным подданным:

— Тебя, Амракан, назначаю туменбаши. Ты будешь возглавлять авангард. Его составят воины твоего племени. Им выпадет славная доля — составить костяк моей повстанческой армии. Многие погибнут на поле брани, но выжившие и закаленные в битвах воины войдут в мой личный гвардейский полк.

— Тебе, шаман, — в голосе юного царевича зазвучало почтение, — я предлагаю стать Верховным жрецом Уту вместо проклятого Заркума, которого я скормлю волкам.

Йолчи поклонился Таргитаю и, пряча улыбку в глубине пронизательных глаз, вежливо сказал:

— Я подумаю, о величайший, осмелиться ли мне занять этот высокий пост.

— На твое усмотрение, почтеннейший, — молвил Таргитай и наконец повернулся к Конану.

Лицо его по-прежнему оставалось каменным, — как и подбодает принцу, собирающемуся отвоевывать трон, но в глазах светились восхищение и признательность. Однако через миг и взгляд его сделался деловым и суровым. Таргитай поднял руку и выкрикнул, обращаясь к воинам:

— Вы видите перед собой человека, пришедшего из страны ваших замедных сородичей! Он великий воин, и я обя-

зан ему жизнью. Вам надлежит подчиняться его приказам как моим собственным! С этого дня Конан из Киммерии командует вашей армией!

Едкий раз голосов приветствовал нового командира. Конан кивнул головой в ответ и жестом остановил ликующие возгласы, тем самым очень естественно приказав бразды правления повстанческим войском.

«И был капитаном в армии Илдиза, капитаном на пиратских судах. Был ли я полководцем? Пожалуй, был, — ужимнулся про себя Конан, — и тоже руководил восставшим народом. Славно я провел тогда армечко в Вистгаре! Как, интересно, поживает кордавское жулье в трансподней?.. И вот я вновь во главе войска. Можешь поздравить себя, Конан-полководец!»

Однако тут же Конану пришлось почувствовать некоторые тяготы, связанные с его новым званием. Он только хотел, воспользовавшись данной ему властью, отдать распоряжения по поводу предстоящих военных действий, но шустрая Мохира, и рта не дав ему раскрыть, потащила повсипеченного всеначальника к костру Совета, где уже около десятка невесть откуда взявшихся шаманов и шаманок совершали некий таинственный обряд.

— Это обычай, позаимствованный у гирканцев, — пояснил Конану Йолчи, который вместе с Таргитаем также вынужден был участвовать в культовом действе. — Сейчас нас будут окуривать священным дымом, дабы полностью очистить души от скверны и зла перед началом великих деяний.

С устрашающими завываниями шаманы приблизились и, обступив троих соратников со всех сторон, принялись размахивать висевшими на цепях бронзовыми чашами, наполненными тлеющими углями. Едкий густой белый дым обволок уши и глаза, наполнил ноздри и рты. Конан закашлялся. Он уловил странный горьковатый аромат в запахе дыма.

«Дурман-травы!» — догадался киммериец. Ему доводилось слышать о том, как гирканцы вдыхают дым тлеющей травы, дабы общаться с богами. В голове начало шуметь. «Только богов мне теперь и не хватает!..»

Конан собрал в кулак всю свою волю, сопротивляясь действию дурмана. С огромным трудом ему удалось прояснить сознание. И чтобы вновь не попасть под дымные чары, он сосредоточил свой взгляд на ярко пылающем костре Совета. Это было тем более приятно, что вокруг огня затеяли пляску невесты откуда появившиеся молодые девушки-кемерийки.

Вскоре Конан осознал, что ему вовсе не обязательно смотреть на огонь, чтобы не впасть в наркотическое забытие. Взгляд варвара был неотрывно прикован к ослепительной девушке, танцевавшей с редким изяществом. На кемерской красотке не было никаких одежд, кроме небольших лоскутков кхитайского шелка, обмотанных вокруг стройных бедер и высокой груди. Смуглая кожа навевала воспоминания о персиковых садах Хоарезма, а алые, как рубин, губы и сапфировые глаза заставили Конана вспомнить о позабытых за последние дни сокровищах грифов.

Могучее сердце киммерийца застучало гулко, как молот его отца Нила. Лед, прочно сковавший его чувства с того времени, как он отправил пылающую «Тигрицу» в последний путь, начал стремительно таять. Так плавится металл под умелыми руками сурового кузнеца... А девушка извивалась и кружилась в варварском танце не хуже вендийской наложницы, и Конан почувствовал, что пьянеет от нее сильнее, чем от вина.

Шаманы все вились вокруг Таргитая, Конана и Йолчи, как встрепанные птицы, звеня нашитыми на ветхие одежды погремушками и бормоча заклинания. Киммериец уже не обращал внимания на их назойливые манипуляции. Он смотрел во все глаза. А рипейская дева отплясывала все более самозабвенно, и наконец в кульминации древнего танца тело ее стремительно изогнулось, как тетива гирканского лука, — и красавица, как горная серна, стремительно прыгнула через костер.

И в тот самый, неуловимый момент, когда она парила в воздухе, едва не касаясь пляшущих языков пламени, в сердце бушующего огня произошли странные метаморфозы. Свет костра вдруг приобрел зловещий, темно-фиолетовый

оттенок. Внутри пламени молниеносно вырос прозрачный зеленоватый шар, который через миг уже обрел очертания омерзительного демона. Пробирающий до костей рев потряс все вокруг. Девушка, так прекрасно начавшая свой прыжок, завершила его, упав по другую сторону костра, полумертвая от страха.

Смертельно бледная, она лежала у самых ног демона, а он возвышался над ней, как воплощение ожившего адского пламени. Языки огня лизали его пупырчатую кожу, но ему все было нипочем. Капли слизи, истекавшие с тела чудовища, стали падать в костер, — и он, зашипев, начал угасать. Пять налитых кровью глаз — два, как у всех обычных существ, а три сверху, на стеблевидных отростках, — обводили застывших в ужасе людей хищным взглядом.

Киммерийца охватила бешеная берсеркская ярость, — как мог он допустить, чтобы какой-то шипастый слизняк причинил вред красавице! Не думая об опасности, варвар метнулся вперед, в прыжке обрушив топор на покрытую безобразными наростами плоскую башку.

Однако медь топора, едва коснувшись брони адской твари, отскочила, как от камня. В порыве отчаяния он ударил демона еще раз, и многострадальный топор не выдержал: лезвие разлетелось на куски. Мощная когтистая лапа схватила киммерийца и отбросила его назад с невероятной силой.

Обливаясь кровью, исполосованный когтями демона, Конан рухнул на землю, однако тут же вскочил и бросился вперед, стремясь задержать чудовище. Опомнившиеся кеме-ры выпустили в мерзкую тварь целый рой стрел, но они отскочили от него, как когда-то отскакивали зингарские арбалетные болты от каменного воинства короля Калениуса. Однако демон не обратил никакого внимания на лежащую без чувств девушку. Очевидно, он преследовал иную, вполне определенную жертву.

Сухонькие цепкие руки с неожиданной силой удержали рвавшегося к чудовищу Конана и Таргитая, устремившегося было ему на помощь.

— Не утруждайте себя, дети мои! Это — Кантрагор. Он пришел по мою душу! Я избавлю вас от него, — спокойно

молила Йолчи, бесстрашно идя навстречу твари, плотоядно взывшей, едва увидев старика. — И не медлите, воины! Мокотра этого прислал Заркум, а значит, он знает о гонимом мятеже. Дальше нам придется действовать без меня, ибо я вынужден вас покинуть!

И старый маг, подойдя к монстру почти выхваченной, с уменьшкой проборютах, невзирая на талупища к нему жуткие ланы:

— Тебе придется попотеть, красавчик, гонимый за мной по лабиринту миров. Ну что же, лягушенок, — в путь! — И, завертевшись колесом, Йолчи исчез, оставив после себя белую вспышку света.

Кантрагор взревел от досады. Несуразное тело его обволокло зеленоватое сияние. Вскоре он превратился в полупрозрачный класкочущий изнутри шар, который тут же растрескался в воздухе, оставив после себя ужасающее зловоние.

Конан, забыв о ранах и преодолевая боль, кинулся к лежащей без сознания девушке. Он бережно поднял ее на руки, с тревогой всматриваясь в прекрасные черты. Наконец красавица подняла бархатные ресницы и удивленно взглянула на киммерийца фиалковыми глазами, типетно попытаться вырваться из его объятий. Легкая улыбка оживила мужественное лицо Конана.

— Как тебя зовут, детка? — спросил он ее.

Смуглое личико зарделось. Девушка стыдливо потупила глазки, но тут же, однако, метнула на киммерийца лукавый взгляд из-под густых ресниц и произнесла мелодичным голоском:

— Мое имя — Бортэ!

— Военачальник Конан к твоим услугам, — шутливо представился киммерец.

— Я знаю, — произнесла Бортэ, оглядывая Конана с восхищением, которого и не пыталась скрыть. Вдруг она побледнела:

— Да ты же весь в крови! Пойдем, я залечу твои раны...

С неожиданной легкостью она выскользнула из мускулистых рук Конана и быстро потащила растерявшегося варвара за собой. Воины понимающе переглянулись.

Таргитай, проводив взглядом приятеля, обратился к остальным:

— Это было предупреждение всем нам! Шаман прав — дальше медлить нельзя. Мы должны идти на Аргаим! — В голосе наследника трона была такая уверенность и сила, что никому и в голову не пришло бы противиться его воле.

— На Аргаим! — подхватили его клич воодушевленные кемеры.

— По коням! — раздалась зычная команда Конана. Опомившись от страстного натиска, он мягко отстранил повисшую на нем Бортэ. Сейчас было не время для утех плоти!..

К киммерийцу незамедлительно подвели прекрасного боевого коня в полной сбруе и поднесли кольчугу, кованую мастерами из Кангхи, а также украшенный шипами меруанский шлем. Приставленный к нему оруженосец — молодой кемер по имени Арслан — подал киммерийцу слегка изогнутую гирканскую саблю. Конан взвесил ее в руке, привыкая к непривычной легкости, — обычно он предпочитал тяжелые, двуручные мечи. Затем легко вскочил на коня. Бортэ повисла на стремях. Лицо ее было мокрым от слез.

— Возвращайся, Конан! — шепнула она киммерийцу. — Бортэ будет ждать тебя!

Конан неожиданно подхватил легкую, как тростинка, девушку и, подняв ее, наградил жарким поцелуем. После чего, отпустив красавицу и уже не оглядываясь более, пустил коня вскачь. Орда кемеров, грозно оцетинившись пиками и саблями, поскакала вслед за Конаном и своим будущим правителем — вперед, на Аргаим.

Глава 5. В предчувствии конца

Заркум, едва сдерживая ярость, смотрел в магическое зеркало. На полированной поверхности были видны окрестности Аргаима. Переполох и смятение царили в Пасиртайской степи — тлеющие угли раздул ветер с другой стороны, и теперь пламя степного пожара грозило пожрать Аргаим и его мрачного владыку.

Топот сотен копыт гулко отдавался в висках Заркума. Он отчетливо видел в зеркале войско мятежников, неумолимо приближающееся к городским стенам и по мере продвижения растущее, как снежный ком. К кемерам уже присоединились воины почти из всех племен Сакалибы: нирки, исседоны, дан и другие.

Боялся ли колдун неистово ревущей дикой орды? Пожалуй, нет. Этот разношерстный нищий сброд вызывал у него лишь презрительную ухмылку. Только одна мысль вселяла негодование в его сердце: ведь степняки должны были стать слепым орудием грядущих великих завоеваний. Всю эту голоду Заркум собирался без сожалений бросить на кровавый алтарь своей власти.

И лишь на мгновение закралось в его душу неясное чувство тревоги при виде тех, кто скакал впереди мятежного воинства.

Неужели этот щенок выжил? Заркум внимательно рассматривал похожего на гирканца юношу в кольчуге и в племе, со шрамом над губой и пером ястреба, воткнутом в черные косы в знак принадлежности к королев-

скому роду. Кем он был? Безродным самозванцем, выскочкой из одного из многочисленных племен Великой Степи? Но с тем же успехом он мог быть и отпрыском Анахарсидов!

Однако еще большее беспокойство вызывал рослый мускулистый варвар в кангских латах, скакавший бок о бок с предполагаемым наследником Хрустального Трона. Синие глаза сверкали на суровом, обожженном ветрами всего мира и покрытом шрамами лице, как два бездонных озера в песчаной, безводной пустыне...

В дверь кельи Заркума осторожно постучали. Ядовито шипя, маг развернулся. В воздухе тоненько тренькнула металлическая кхитайская звездочка, и плешивый раб-аргиппей, ловя запузырившимся кровью ртом воздух, осел у так неосторожно открытой им двери. Из горла раба вместе с бульканьем вытекающей крови вырвалось еле слышное сипенье:

— Его величество... правитель Сакалибы... Шульга...

Краснорожий толстяк в пышных, затканых золотом тяжелых одеждах, сопя и пыхтя, переступил через начавший остывать труп раба и, как ни в чем не бывало, подошел к креслу Заркума. Тот, даже не удосужившись встать, смерил Шульгу тяжелым взглядом из-под кустистых бровей, втайне сожалея, что его звездочка нашла не ту цель.

— Что привело тебя, величайший, в мою скромную обитель? — осведомился он резко.

— Плохие новости, друг мой! — пискнул Шульга. Толстые пальцы, униженные дорогими перстнями, нервно дергались, и складки парчовой тоги на животе, которые он теребил, были влажны от пота. — Мятежники приближаются к стенам нашей лучезарной столицы!.. — Из его опухших, заплывших глаз едва не брызгали слезы, накладная борода тряслась на жирном подбородке. — Их армия увеличивается. Отряды, верные нам, высланные для прекращения бунта, были разбиты наголову. Говорят, что бунтовщиками руководит демон кемеров, вышедший из вод Западного Океана, где покоится древняя Страна Змея. Его зовут Конан, и он свиреп и беспощаден.

— Нет нужды преувеличивать опасность, о мой повелитель! — сухо и надменно отвечал Заркум, движением сухой руки приказывая телохранителю Шульгу, вошедшим вслед за правителем, убрать прочь тело зарезанного раба. — У нас нет оснований для излишнего беспокойства,

Пузатый обладатель царской тиары стоял перед вальяжно развалившимся в своем роскошном кресле Заркумом, как провинившийся школяр, а человек, формально исполнявший обязанности Верховного Жреца Уту, даже не удосужился предложить присесть особе королевской крови. Тем более, что других стульев в его келье не было. А уступать свое змеиное кресло колдуну никому не собирался.

— Мне кажется, что слухи о демонах, выпедивших из Западного моря, и о воскресших принцах весьма преувеличены, — продолжил Заркум, верти в руках пожелтевший и тронутый червоточинами череп достойной рептилии.

Перехватив испуганный взгляд Шульги, направленный на жутковатую игрушку, маг снисходительно ухмыльнулся:

— Я думаю, Ваше Величество вполне может вернуться к утехам, подобающим королевской особе. А о делах позаботятся ваши недостойные рабы!

Считая разговор оконченным, он хотел было повернуться спиной к надоедливому гостю, но тот, очевидно, был напуган до такой степени, что проявил необычное для него упорство. Он буквально вцепился толстыми пальцами в костлявое плечо Заркума и зашептал, умоляюще заглядывая прямо в глаза колдуна:

— О, наимудрейший! Спаси меня! Я чувствую, Хрустальный Престол шатается подо мной!

На его побледневшем круглом лице застыло предчувствие близящегося конца.

— Ради Эрлика, не брызгай мне слюной в лицо! — с гримасой нескрываемого отвращения Заркум отодвинулся от наседавшего на него толстяка. — Жалкий трус! — выкрикнул он, взорвавшись, совершенно не думая о том, как отреагируют на это гвардейцы, застывшие у дверей. Однако на их каменных лицах не дрогнул ни один мускул — они прекрасно понимали подлинное положение вещей.

— Свинья на троне! Пакостный блудодей! — продолжал бушевать Заркум. — Да ты совсем заплыл жиром, лишился остатков разума и отваги! Двадцать лет назад ты был решительнее, когда на пиру с лстивой улыбкой подавал кубки с ядом своим горячо любимым дядьям!

Шульга разом посерел, съехился, точно желая сквозь землю провалиться перед грозно нависавшим над ним Заркумом. Наконец, израсходовав так долго копившиеся запасы ярости, маг слегка остыл. Ему даже стало жаль запуганного и потерянного правителя. И все же, до чего приятно было ощущать свою власть!..

Он небрежно потрепал Шульгу по пухлому плечу:

— Ну, полно! Ступайте в свои покои, Ваше Величество. Я постараюсь справиться и с западным демоном, и с воскресшим ублюдком Колаксай. Да и где, в конце концов, Иппак с его непобедимыми Серебряными Грифами? — в голосе Заркума опять послышалось раздражение.

— Я слышал, что он занят укреплением города и подготовкой его к осаде, — несмело подал голос Шульга.

Как ни странно, но унижение и ругань вкупе со снисходительным утешением подействовали на него благотворно: он почти успокоился, и на его отвислые щеки вернулся прежний багровый оттенок. Путаясь в длинном подоле тяжелой тоги, повелитель Сакалибы поспешно покинул келью, сопровождаемый ухмыляющимися про себя гвардейцами.

Оказавшись снаружи, Шульга воздел руки вверх:

— О, Уту и Эрлик! — В голосе его была неподдельная тоска. — Я не вынесу этого долга! Как тяжела доля правителя! Где моя Наркес, где моя красавица? Только в ее объятиях я смогу забыться!

* * *

Обнаженная Наркес напряжужденно высвободилась из неуклюжих объятий Иппака и встала с устланного редкостными мехами пола потаенной комнаты. На этом полу они только что вновь предавались любовным утехам в

самый разгар паники и тревоги, когда весь город был охвачен лихорадкой в ожидании штурмов и осады.

— Мне пора бежать, милый! — прощевтала Нэркес, облачаясь в свои легкие одежды. — Жирный евнух, наверное, уже хватился меня!

— Так скоро? — в голосе Ишпака слышалась неуголенная страсть. — Мне так редко удастся побыть с тобой, красавица! Я схожу с ума. Я бросил своих гвардейцев, наплевал на судьбу целой столицы ради встречи с тобой, а ты вновь ускользаешь от меня!

— Дорогой мой! — Голос блудницы стал вкрадчив и мягок, но в нем явственно слышалось хищное мурлыканье пантеры. — Когда мы займем престол Сакалибы, у нас будет достаточно времени. И любовью мы будем заниматься уже не здесь, а где только пожелаем! Хоть на алтаре самого Уту!

В голосе ее слышались сладострастные нотки.

— Да будем так! — мечтательно произнес Ишпак, но тут же сменил тон и заговорил серьезно. — Но мне-то теперь как быть? Шамана я отыскать не смог. По слухам, старик исчез, преследуемый огненным демоном, которого наслал на него Заркум. Если он и жив, то нам его не найти. Я знаю Заркума: его слуги достанут свою жертву в любом уголке Вселенной.

— Эрлик с ним, с этим стариком! — нетерпеливо обрывала его Нэркес. — В конце концов, это даже хорошо: пусть колдуны выясняют отношения между собой. Ну а мы — люди простые, колдовство нам без надобности!

Нэркес явно кривила душой. Семь лун назад она, двигая тонким расчетом и страхом, что более прекрасная наложница однажды займет ее место на ложе правителя, отдалась Заркуму. А взамен он сотворил над незащитной душой глупого Шульги приворотное заклинание. Женщина не любила вспоминать, что ей пришлось пережить в ту отвратительную ночь, зато теперь была уверена: правитель до погребального костра будет предан ей, как собачонка. Правда, теперь этот страх уступил место другим... Но красавица Нэркес не привыкла унывать и сожалеть о содеянном.

— Дорогой мой, обстоятельства изменились, — втолковывала она Ишпаку, ловившему каждое ее слово. — Теперь мы не должны уповать на чужое колдовство. И в конце концов, часто бывало, что военная сила в соединении с житейской мудростью и хитростью побеждала даже самую изощренную магию. И лично я считаю, что при первом же удобном случае мы должны перейти на сторону восставших.

— Но тогда нам не видать Хрустального Престола как своих ушей, — запротестовал Ишпак. — Я, конечно, принадлежу к побочной ветви династии Анахарсидов, но если победит Таргитай или человек, выдающий себя за него, то это несколько не приблизит меня к царской тиаре. Да что там говорить — при новом режиме я даже не буду главнокомандующим. Потому что у восставших эту должность занимает проклятый великан с запада, Конан. Говорят, что он не человек, а выходец из затонувшей Страны Змея, что он приплыл из Западного моря по подземным рекам. Это демон из глубин темной бездны Апус!

— Успокойся, любимый! — улыбка тронула пухлые коралловые губки Нэркес. — Таргитай и Конан — обычные смертные, как и мы с тобой. Я в этом уверена. А это значит, что можно изыскать способ разделаться с ними. Но самый лучший способ убрать врага — втереться к нему в доверие. Дорогой мой! — Нэркес потрепала задумавшегося Ишпака по двойному подбородку. — Для нас сейчас важно выгадать время. А как только станет ясно, чья возьмет, мы или останемся под королевской дланью Шульги, или переметнемся к мятежникам! В любом случае, своего мы добьемся, поверь мне!

И, потрепав нежной коленой ручкой ногтами лысеющую макушку военачальника, Нэркес бабочкой упорхнула из комнаты.

Глава 6. Победа

Конан могучей рукой натянул поводья, и его жеребец остановился, как вкопанный. Позади него остановились коней Таргитай, Амракан и все их войско, выросшее чуть ли не втрое за очень короткий отрезок времени, — с того предрассветного часа, когда начался мятеж в стане кемеров, и до полудня, когда повстанцы обложили стальным кольцом осады весь Аргайм. Отряды, высланные для разгона мятежников, попросту присоединились к войску Таргитая.

Конан и не предполагал, что за такой короткий срок в руках Таргитая и его лично, сосредоточится столь необъятная власть. Что же, в который раз боги показывают ему свое расположение. Похоже, он, действительно, избранник судьбы.

И вот теперь он во главе грозной орды стоял в ста локтях от утрюмых стен самой неприступной цитадели Сакалибы. Конан махнул кольчужной перчаткой — и начался штурм Аргайма.

...Уже закат набросил свое багряное полотнище на высокое, клубящееся облаками северное небо, молчаливо взиравшее на копошение внизу, а штурм все продолжался, по-прежнему яростный и кровавый. Сотни степных воинов, совершенно не знакомых с кхитайскими или аквилонскими канонами взятия крепостей, с лихвой возмещали отсутствие опыта необузданной отвагой и ненавистью к врагам.

Особо отличались кемеры. Конан еще раз возблагодарил Крома и Митру за встречу с сородичами, видя как отважные воины по-пластунски подбираются к самым стенам и, невзирая на град стрел и камней и на дождь смолы, обрушивающихся на них сверху, ловко, как элерицы-гекконы, лезут вверх по отвесным стенам, не прибегая к осадным лестницам.

Их цепкие руки и ноги, привычные к кручам Рипейских гор, находили малейшую трещинку, малейший выступ, — и они ползли вверх, упорно и яростно. Конан даже на какое-то мгновение пожалел, что является одним из руководителей штурма.

А иначе сбросил бы с себя тяжелый доспех и, оставшись в одних кожаных, облегающих ноги штанах и сжав зубами верный ятаган, тоже пополз бы к стене и взобрался наверх, чтобы с леденящим кровью кличем наброситься на осажденных воплощением карающего божества. Но увы, ему оставалось лишь стиснуть зубы и смотреть на то, как карабкаются вверх кемеры, чтобы в очередной раз скатиться со стен и свалиться бездыханными в ров.

Конан чувствовал, что рано или поздно осажденные дрогнут и будут вынуждены оставить стену яростно атакующим кемерам, которые, казалось, не обращали внимания на огромные потери. В походном шатре, в тылу армии Таргитая, умирал тяжело раненный в живот Амракан. А еще раньше пал отважный Арслан, оруженосец Конана.

Но их гибель была лишь каплей в море — море смерти, которое, переполнившись до краев, грозило захлестнуть багровыми волнами обреченный город. Но до этого было еще далеко. И Конан, и Таргитай прекрасно понимали, что после взятия первой стены последуют отчаянные уличные бои.

И лишь когда Внешний Город будет полностью очищен от войск узурпаторов, настанет черед второй стены. А до этого момента еще сколько новых жертв оросят своей кровью алтарь ненасытного бога войны! И погибнут не только воины, но и мирные жители — старики, женщины, дети! А

ведь все они не чужие для повстанцев! Хотя те степняки, а эти горожане, в их жилах течет одна кровь. Во имя Крома! Освобождение Страны Городов от гнета тиранов оплачивалось слишком дорогой ценой!

Отвлек Конана от невеселых рассуждений, столь неуместных на поле боя, странный шум в небе, перекрывший громохание битвы. Задрал голову кверху, варвар почувствовал, как под меруанским шлемом у него шевелятся волосы.

— Кром и Митра! — прошептал киммериец.

...А в это время в неприступной глубине Зиккурата Уту злорадно хохотал Заркум, с наслаждением глядя в магическое зеркало на то, как охватывает паника ряды осаждающих при виде сотен крылатых демонов, стремительно несущихся вниз стройными клиньями.

— Конан! — воскликнул в ужасе Таргитай. — Все пропало! Проклятый колдун наслал на нас полчища гарпий!

— Печенка Нергала! — взревел в ярости киммериец.

Крылатые хищницы с торжествующим клекотом пикировали вниз и терзали своими страшными когтями несчастных людей. В рядах осаждающих вспыхнула паника, а со стен торжествующе кричали воины Заркума и Шульги.

Не теряя присутствия духа, киммериец отдал зычную команду, и наиболее отважные из кемеров сгрудились вокруг своего полководца — после смерти Амракана они негласно признали Конана своим вождем.

— Ну, ребята! — обратился к ним Конан. — Пора пустить в ход просмоленную паклю. Мы готовили ее для уличных боев, но, похоже, она пригодится нам раньше!

Воины спешно принялись обматывать наконечники стрел лоскутами просмоленной пакли.

— Давайте! — еще раз скомандовал Конан, когда лучники выстроились в каре, в центре которого восседал на коне сам киммериец. — Ведь вы же степняки, Нергал вас задержит! Во имя Крома, вперед! — И целый рой огненных стрел полетел в стаю кровожадных демонов.

Рипейские кемеры соединяли в себе киммерийское умение лазать по скалам и стенам с гирканским искусством стрельбы из лука. В воздухе с отчаянными воплями заматались живые факелы. Стрелы находили свою цель — и роскошное оперение гарпий вспыхивало с треском. Спасения гарпиям не было. Вой горящих заживо пернатых женщин разнесся на сотню лиг. В ответ послышались торжествующие крики осаждавших. Стрелы сыпались градом, безжалостно настигая последних из крылатого войнства...

— О, Эрлик! — прохрипел Заркум, подаваясь вперед всем телом.

Он во все глаза смотрел, как огненный дождь превращает в пепел останки гарпий. Это был ощутимый удар! Теперь ему, чтобы оправиться и вновь применить магию, придется долго восстанавливать силы.

— Где этот негодяй Ишпак?! — шипел колдун. — Где его Серебряные Грифы? Пусть они задержат их хотя бы до утра! А потом я отплачу этому западному выродку! — Запавшие полубезумные глаза мага полыхали ненавистью. — Я отомщу!

* * *

Спустившаяся тьма вынудила осаждавших прекратить штурм.

— Продолжим утром! — решил Конан. Таргитай не стал спорить с этим решением. Потери были слишком велики и войску необходимо было отдохнуть и набраться сил.

Смертельно усталые друзья добрались до своего шатра. Скинув доспехи, они плашмя свалились на мягкие кошмы. Конан и Таргитай почти погрузились в сон, как вдруг были разбужены возбужденными возгласами в лагере. А затем полог шатра откинулся, и в шатер ворвался встрепанный воин-кемер с рукой на перевязи.

— Перебежчика поймали! Пришел с белым флагом! — кричал он.

— Ума не приложу, как ему удалось выбраться из города, — пробормотал Конан, усилением воли прогоняя усталость и сон.

Через мгновение Конан и Таргитай уже были на ногах.

— Ведите его сюда, — распорядился принц.

Через несколько мгновений воины втащили в шатер грузного мужчину в богатой одежде. При виде Конана и Таргитая на лице его мелькнула радость, но к ней почему-то примешивался страх. Перебежчик бухнулся на колени.

— Я приветствую вас, великие избавители! Народ Аргайма послал меня к вам!

— Кто ты? — спросил у него заинтересованный Таргитай.

— Ишпак, Ваше Величество! — Судя по всему, перебежчик сразу узнал принца. — Я главнокомандующий армии Сакалибы и глава Гвардии Серебряных Грифов. Именно я отдал секретный приказ, чтобы отряды правительственных войск сдались вам без сопротивления! — В его голосе слышались хвастливые нотки.

— А теперь, значит, и сам решил последовать за своими воинами? — презрительно усмехнулся Конан. Предателей он ненавидел почти так же сильно, как и колдовство. — Выходит, куда армия — туда и полководец, так что ли получается? Вот только не знаю, найдется ли здесь для тебя место, на которое ты, похоже, рассчитываешь!

— Ну что вы, светлейшие! — Ишпак отчаянно замотал головой. — Я всего лишь выполняю свой долг перед народом Аргайма. Я пришел, чтобы остановить кровопролитие.

— И что ты можешь нам предложить? — полюбопытствовал Таргитай.

Заплывшие жиром глаза Ишпака заговорщицки блеснули.

— О, светлейшие! Я знаю, как это сделать! Даму руку на отсечение — вы задаетесь вопросом, как я смог выбраться через городские стены, миновав кордоны, и остался незамеченным?

— Да, поведай-ка нам об этом! — заинтересовался Конан.

— Так вот! — Широкое лицо Ишпака просияло. — Я, конечно, мог бы спокойно выйти из главных ворот города, и стража беспрепятственно пропустила бы меня. Но в таком случае, это быстро стало бы известно Заркуму. Я не стал рисковать. И потому воспользовался тайным ходом. Почти полторы тысячи лет назад древний правитель Сакалибы и основатель династии Анахарсис — к основанной ветви потомков которого, кстати, отношусь и я — при строительстве нашего горячо любимого Аргайма повелел прорыть лабиринт подземных ходов под всей Цитаделью Уту, являющейся центром города. Да будет вам известно, что под Зиккуратом Уту и царским дворцом вся земля изрыта туннелями. И одно из ответвлений выходит за пределы городских стен! Заркум, придя к власти, повелел засыпать этот ход. Но ваш покорный слуга, как человек дальновидный, все же оставил узкий проход в этом туннеле... Светлейшие! — Голос его стал торжественным. — Я даю вам шанс захватить Цитадель Уту почти без пролития крови и заспать врасплох колдуна, когда он этого меньше всего ожидает. Только так его можно победить!

— Показывай! — рявкнул Конан, торопливо надевая доспехи...

* * *

— О, моя возлюбленная! Лишь в твоих объятиях я найду спасение! — голос Шульги дрожал, то и дело срываясь на писк.

Толстяк, укутанный в дорогую парчу и собольи меха, как младенец, пытался укрыться на груди у Наркес. Куртизанка ласково похлопывала его по спине, но зеленые глаза ее неотрывно смотрели на клепсидру, стоявшую рядом с роскошным ложем, где она возлежала в обнимку с правителем. Вода истекала слишком медленно — капля за каплей, капля за каплей... А тут еще этот жирный болван, охающий и ноющий, как трусливая баба...

— Будь проклят тот день и час, когда я прельстился на посулы Заркума, — стонал Шульга. — Нет мне прощения, нет! Я убил своих дядей — я лично подал им кубки с ядом. Я

отравил их и взойшел на Хрустальный Престол. За грехи мои карает меня Уту! Наркес, любимая, обними меня крепче! Спаси меня! Мне страшно!

— Успокойся, любимый! — фальшивым голосом промурлыкала Наркес. Рука ее нащупала кинжал дамастской стали под подушкой.

Время шло. Толстый правитель, всхлипывая, как ребенок, задремал на ее пышной груди...

Но чу... Наркес вся напряглась, как пантера перед броском. В коридорах дворца раздались шаги и бряцанье доспехов множества воинов. И сдавленный капсель Ишпака. Казалось, будто военачальник поперхнулся. Но это был сигнал к действию. Это означало, что мятежники уже во дворце и час пробил. Выхватив кинжал из-под подушки, Наркес не дрогнувшей рукой с размаху вонзила его прямо в шею сонного Шульги, попав в яремную вену. Кровь фонтаном залила платье Наркес и пышное ложе, но это не смутило убийцу. Как опытный мясник она принялась разделять обмякшее тело.

...Ишпак закашлялся, и Конан, шедший вслед за ним, двинул его по затылку.

— Нашел время шуметь! — прошипел он, взяв меч наизготовку. Съездившийся Ишпак указал на огромную раззолоченную дверь, у которой, оперевшись на копья, сном невинности спали гвардейцы. Сок лотоса успокоил их в эту ночь.

— Здесь... — шепнул Ишпак сдавленным голосом.

Ударом ноги Конан вышиб дверь, и повстанцы ворвались в покои правителя. А у порога их встретила прекрасная юная девушка. С развевающимися каштановыми волосами, горящими зелеными глазами, раздумавшаяся — грудь высоко вздымалась под намокшим от крови платьем — юная красавица предстала перед Конаном и Таргитаем как карающая богиня. В одной руке она сжимала окровавленный кинжал, а другой — бросила им что-то под ноги. Это была голова Шульги.

— Узурпатор мертв! — звенящим от волнения голосом произнесла девушка. — Этой ночью он хотел обесчестить

меня, но я взошла на его ложе, чтобы выполнить свой долг перед народом Аргаима! А теперь, воины, поторопитесь — и вы застанете колдуна врасплох в его логове!

...Извилистым темным переходом Ишпак и Наркес привели Конана, Таргитая и их воинов прямо в мрачные недра Зиккурата Уту. Наркес время от времени устремляла на Таргитая взор своих страстных зеленых глаз, и юноша против воли вздрагивал, чувствуя, как краска заливает его лицо. Он с трудом заставлял себя думать о предстоящей схватке с колдуном — взор его притягивала стройная фигурка девушки, шедшей впереди. Она поразила его с первого же взгляда, представ в облике прекрасной и гордой богини, ниспровергающей зло.

...На этот раз в дверь кельи Заркума никто не постучал. Дверь слетела с петель — и огромный варвар в доспехах, со сверкающим мечом в руках, как вихрь, ворвался в сумрачное обиталище колдуна. За ним последовали Таргитая и другие воины. Наркес и Ишпак благоразумно остались снаружи.

Оглядевшись, Конан сразу же обнаружил змееподобное кресло, где восседал, нахохлившись, облаченный в черную тунику колдун. Погруженный в магический транс, Заркум словно бы и не заметил, что в его келью ворвались чужие. Одним прыжком Конан преодолел расстояние от двери до кресла и обрушил страшный удар на голову, свесившуюся на грудь.

Хрустнув, голова колдуна раскололась надвое и, показавшись с клеч, упала на пол — туда, где были выгравированы древние руны. Мозги Заркума растеклись зеленоватой жижей — и вот огромный крылатый демон с шипеньем взметнулся к базальтовому потолку кельи. Голова рептилии с остроконечным гребнем на макушке, клацая огромным клювом, метнулась к киммерийцу, но встретив острие меча — распалась в пыль...

В тот же миг жуткий хохот потряс все огромное здание Зиккурата Уту. Если бы Конан находился снаружи, то увидел бы, как из трубы, по которой подавался горючий газ, питавший неугасимый Светоч Солнца, прямо в факел струей

эфемерного вещества устремилось туманное облако, смутно повторяющее очертания тела Заркума. Попад в огонь, облако вспыхнуло синим пламенем — и с воем взмыло в черное небо.

Прочертив огненной стрелой угрюмые облака, дух Заркума устремился к возвышавшимся в отдалении вершинам Рипейских гор. А в кресле осталось сидеть искусно сделанное чучело с черепом древней рептилии.

Колдун избежал возмездия. Но Хрустальный Трон был свободен от узурпатора. Конан повернулся к Таргитаю и молча встал на одно колено, приветствуя нового правителя Аргайма...

Глава 1. У Хрустального Трона

В тронном зале царского дворца Цитадели Уту наконец-то стихли шаги многочисленных придворных, военных, жрецов, купцов, испрашивавших для себя всяческие льготы у новой власти. И они остались одни: юноша, на котором неловко сидела королевская одежда, явно слишком просторная для него, и могучий воин в самом расцвете сил, синеглазый и черноволосый.

Молодой правитель задумчиво сидел, оперевшись утонувшими в пышных складках раззолоченного одеяния руками о подлокотники огромного, искусно вырезанного из цельной глыбы горного хрусталя, трона. За тронном стояли неподвижно, как статуи, гвардейцы, держа в руках посеребренные алебарды. А перед тронном, вальяжно развалившись на ступеньках гранитного подиума, сидел Конан и сосредоточенно занимался своим делом — тщательно чистил и точил свой гирканский меч, обильно поливая его маслом из специальной глиняной бутылочки. Капли масла стекали на пол, оставляя жирные пятна на роскошных рысьих и медвежьих шкурах, но Конана это абсолютно не волновало. Что ж, он заслужил это право: сидеть и, мурлыкая себе под нос, чистить оружие у самого престола владыки Страны Городов...

* * *

...Через много лет Конан вспомнит эту полузабытую сцену, вновь оказавшись в похожей ситуации. «Где-то я уже это видел», — подумает он. И в памяти его всплывет

далекий, затерянный в северных горах город и тронный зал; молодой правитель на Хрустальном Престоле и он, Конан, у его подножья. Вот только сам он теперь будет сидеть на Рубиновом троне, а рядом, мурлыкая себе под нос, поправлять доспехи доблестный аквилонец Просперо...

«Все в мире повторяется, но на ином уровне», — навсегда уяснит себе в тот день умудренный годами король самой великой хайборийской державы. В голове его мелькнет замысел — отправить посольство в Аргайм. Но водоворот новых невероятных происшествий закрутит Конана в ту же ночь, и он позабудет об этом. Однако долго еще при аквилонском дворе барды будут петь сагу о неведомых землях Сакалибы — крае суровых Рипейских гор, где правит отважный правитель и где стерегут несметные сокровища грозные грифы...

* * *

— Конан, — мечтательно произнес Таргитай, — я жду не дожусь, когда кончится этот суматошный день и настанет вечер. И тогда я встречу с моей любимой. О, Нэркес!

Конан искоса глянул на пылающего страстью правителя и скептически хмыкнул. Он отнюдь не разделял восторгов Таргитая по поводу его новой пассии.

«Нергал ее разберет, эту Нэркес. Конечно, голову оттяпала Шульге — это не шутка. Но чудится мне, темнит девка. Никто о ней ничего толком не знает...» — И все же Конан не стал высказывать своих подозрений, а лишь пренебрежительно повел могучими плечами.

Это не ускользнуло от внимания Таргитая. Лицо его недовольно сморщилось:

— Ну вот, опять ты за свое... И чем тебе так не угодила моя красавица?

— Твоя ли? — протянул Конан с сарказмом. — Сегодня твоя, завтра чья-нибудь еще, а насчет прошлого — тут и вовсе сказать нечего. Достаточно я насмотрелся на таких бабочек, порхающих у трона.

— Да что прошлое! — вспыхнул горячий юноша-правитель. — Я его не знаю и не желаю знать! Я верю в мою

Нэркес! Да, сегодня она моя. И я сделаю так, что она будет моей и завтра, и послезавтра, и еще много дней — всю жизнь! Завтра же объявлю о нашей помолвке! — торжественно заявил Таргитай и победно глянул на Конана. Тот пожал плечами.

— Мое дело — сторона. В конце концов на твоей голове — тиара, и не мне указывать тебе, как следует поступать.

— Да ладно, Конан! — При мысли о предстоящей свадьбе настроение Таргитая резко улучшилось. — Ты ведь и сам не без греха, а? Небось сам-то сегодня поедешь к Бортэ?

— Да поеду! — ухмыльнулся Конан. — Но между этими красотками разница — как между ночью и днем. Моя-то не липнет ко мне, как муха на мед. А вот Нэркес... Ну, в общем, я много насмотрелся на таких красоток за свою жизнь.

— На что ты намекаешь? — вспыхнул Таргитай.

— Успокойся, я еще ничего не сказал, — немного смутился Конан, — но все же выслушай меня!

— Ну, что еще скажешь? — хмыкнул правитель, явно недовольный беседой.

— Так вот, Бортэ наотрез отказалась переехать ко мне в дворцовые апартаменты, хотя я долго уговаривал ее. «Мне дороже старый шатер, где мы живем вдвоем с бабушкой, и Вечное небо над ним, — так она мне заявила. — А дворец пугает меня и давит своей тяжестью и роскошью». Вот так-то Таргитай! А попробуй заставь свою Нэркес пожить в шатре! К тому же Бортэ права! Лично мне тоже больше по душе широкая степь, где гуляет вольный ветер, чем этот раззолоченный склеп.

— Эх, Конан, — вздохнул Таргитай, — не был бы я наследником трона — бросил бы к Эрлику все эти пышные одежды, церемонии, утомительные приемы, вскочил бы на удалого скакуна и помчался бы опять в Великую Степь. Но это трон моего отца, я обязан продолжить его дело и править мудро и твердо, чтобы в Страну Городов вновь вернулись порядок, покой и веселье. Но все же, я думаю, нам пора поразмяться. Не съездить ли на охоту? Мне тут рассказали, что в нашем роду существует обычай: каждый год,

в начале осени, правитель выезжает на большую охоту в заповедную пушу у подножья Рипейских гор! Как тебе эта идея?

— Идея хороша,— согласился Конан,— и все же дослушай меня. Мысли о Нэркес не дают мне покоя. Дело в том, что есть еще нечто, что отличает Бортэ от Нэркес.

— Ну-ка, ну-ка,— заинтересовался Таргитай.

— Дело в том,— задумчиво произнес Конан,— что Бортэ не отрезала собственными руками голову человеку, как это сделала Нэркес. И вот это меня больше всего беспокоит...

— Да что ты в самом деле, Конан? — удивился Таргитай.— Не ты ли сам мне рассказывал о своих возлюбленных, которые сражались, как разъяренные тигрицы, и убивали врагов без всякой жалости, не хуже любого мужчины? Ты же сам рассказывал мне о Белит, или об этой, как ее... Кареле Рыжем Ястребе! Чем Нэркес хуже их?

— Да, Белит и Карела, не задумываясь, убили бы каждого, кто посмел бы встать на их пути,— ответил Конан,— но они никогда бы не забрались в постель к врагу, чтобы прикончить его там, воспользовавшись мужской слабостью. Нет, они убивали открыто и честно, сражаясь с противником на равных. Нэркес не такая. И раз уж она один раз смогла пойти на такое, что стоит ей повторить единожды проделанное? Пойми, Таргитай, я не хочу обидеть тебя, но я старше и опытнее! А сейчас что-то гложет меня изнутри и подсказывает: нам надо держаться настороже! Многих славных парней засосали, как коварная тряпина, и погубили в своем чреве раззолоченные чертоги!

— Отчасти ты прав,— нехотя признал Таргитай,— но твои доводы я принять не могу. Нэркес поведала мне свою скорбную историю. Она была дочерью гордого кагана будинов. Когда ей было десять лет, Заркум и Шульга напали на ее племя, убили отца, а ее взяли в плен. Долгие годы ее держали в наложниках. Но она всегда мечтала отомстить. Любовь к отцу и поруганная честь направляли ее руку... К тому же она любит меня — а это главное! Так что ничто и никто,— он сделал упор на последнем слове,— не мешает мне сделать королевой мою возлюбленную!

— Я уже сказал тебе — поступай, как знаешь,— ответил Конан.— Ты правитель, тебе и решать. А я, пожалуй, поеду к Бортэ.

— А я пойду к моей Нэркес!

Конан и Таргитай распрощались, однако не так тепло, как обычно.

И лишь выйдя из тронного зала, Конан огорченно выдохнул.

— Ведьма!..

* * *

Мускулистое, но еще по-юношески поджарое смуглое тело обнаженного правителя распростерлось на необъятной равнине атласных кхитайских одеял, пересеченной горной грядой подушек, набитых гусиным и лебяжьим пухом. Не тем пером, которое украшало тела уничтоженных гарпий, а взятым от гордых птиц, которые длинными караванами тянутся через осеннее небо, улетаая к далеким зимовьям — к теплым и влажным речным долинам Кхитая, лежащим за снежными горами Талакмы. Спящий Таргитай тоже был немного похож на ощипанного молодого гуся — в сонном человеке всегда есть что-то забавное и вызывающее умиление или насмешку. В зависимости от того, кто смотрит на спящего...

Нэркес разглядывала молодого правителя Сакалибы откровенным, беспощадным взглядом. В ее маленьком жестком сердечке не нашлось места для чувства умиления. Только насмешка и презрение. Было, правда, еще немного жалости. Но только самую самую чуточку.

«Бедный глупый молодой гусак, прилетевший из Кхитая, лишь для того, чтоб умелая птичница ощипала его,— усмехнулась Нэркес.— Твой предшественник слишком уж разжирел — и его пришлось зарезать...»

Спящий юноша удовлетворенно вздохнул и сладко улыбнулся во сне.

«Спи, глупец,— улыбнулась Нэркес почти вежливо.— Скоро ты сделаешь меня королевой. А больше мне ничего и не нужно. Остались, правда, еще два гуся, которым пора свер-

нуть шейки, — уж больно они шипят. Киммериец особенно — так и зыркает своими синими глазами, аж дрожь пробирает. Это, пожалуй, не гусак. Скорее коршун. Только со мною совладать — у него руки коротки. А пока мы разберемся со старым индюком».

И, заботливо укрыв сопящего, как младенец, Таргитая тяжелым одеялом, Наркес соскользнула с огромного королевского ложа...

* * *

Ишпак ждал ее в той же самой комнате, где они встречались и прежде. Едва Наркес вошла, оставив по давно заведенному обычаю на карауле безязыкого аргиппея, как старый вояка набросился на нее, дабы овладеть нежным телом — жадно, по-звериному, как и всегда. Когда он наконец удовлетворил свою похоть, Наркес хотела встать, но толстые пальцы впились в ее нежную, лилейную шейку. Налитые кровью рачьи глаза Ишпака уставились на ее побледневшее лицо.

— С-стер-рвал! — прорычал Ишпак. — Долго еще ты будешь водить меня за нос? К чему я слушался твоих змеиных советов? Я предал своего господина и могущественного колдуна, его покровителя, а ведь они в свое время приблизили меня ко двору. И что в результате? Что я получил за это?

— Ми-милый! — сдавленно прохрипела Наркес. — Потерпи немного, что с тобой? Я... я... я уничтожу Таргитая и Конана... А...а...а по-потом мы с тобой взойдем на престол... О-отпусти меня!

Железные тиски пальцев неожиданно ослабли, освободив шею, покрытую багровыми синяками, но лишь затем, чтоб схватить куртизанку за волосы и со всего маху стукнуть ее голову о стену. На счастье Наркес, все стены потаенной комнаты были предусмотрительно обиты мехом, дабы не пропускать звуков.

И тем не менее, искры посыпались из глаз красотки. Оглушенная, она свалилась на пол, жадно глотая ртом воздух, а разбесившийся Ишпак принялся награждать ее щипками.

Если бы на нем были кованые немедийские сапоги, а не гирканские из мягкой оленьей кожи, то дело кончилось бы переломанными ребрами. Однако демоны были милостивы к Наркес.

— Подлая, лживая тварь! — продолжал бушевать Ишпак. — Я все потерял! При старой власти я был главнокомандующим всей армии Сакалибы и начальником Гвардии Серебряных Грифов. А теперь я простой туменбаши — да и то только на словах. А все мои посты занял этот западный варвар, да разорвут его волки Эрлика! И он еще осмелился заявить мне, что лишь благодаря тому, что я провел их в ту ночь в Цитадель Уту, меня оставили при дворе и не тронули мое имущество, тогда как всех других ставленников Заркума и Шульги выслали из столицы и конфисковали все их добро! Какая «милость»! И в это время ты, обещавшая мне трон, спишь с этим мальчишкой-самозванцем. Ты добила своего, а меня оставила для своих утех — наподобие конюха, к которому бегают знатные дамы, дабы он ублажал их.

Бывший военачальник был вне себя от ярости. Он задышался и хрипел, не замечая в гневном запале, как придавленная к полу красotka подает у него за спиной отчаянные знаки немому рабу.

— Нет, я устал от этого. Довольно лжи! Я немедленно пойду к правителю и доложу ему обо всем. О твоих интригах, о твоём коварстве. О том, что ты уже три зимы как моя любовница, а также и о том, что до этого ты переспала со всем двором! Ведь ты спала даже с Заркумом! Думаешь, я не знал об этом? Я всегда знал это! Старый дурень, я закрывал глаза на все — я был ослеплен тобой. О, как я тебя любил! Но все! Конец твоей грязной игре. Я все расскажу Таргитаю — и он трижды возблагодарит небеса и своего друга Конана, который всегда сомневался в тебе. Этот варвар — неотесанный и жестокий человек, но он отнюдь не дурак! Он сразу раскусил, что ты за дрянь. Да, я сделаю это! Пусть меня лишат всех чинов и изгонят из страны. Пусть меня даже казнят, но я буду умирать смеясь! Потому что рядом со мной будут казнить тебя — визжащую, извивающуюся, как растоптанная гора! Ты будешь

молить о пощаде, но все будут плевать тебе в лицо, и я добавлю свой последней плевком. Потому что большего ты не заслуживаешь, ведьма! Да, пусть я умру! Но это даже лучше, чем трястись от страха, думая о мести Заркума. Сейчас! Я свяжу тебя и поволоку к Конану и к правителю, в постели которого ты сейчас должна находиться. Пусть они...

Договорить он не успел. Огромный кулак немого раба обрушился на голову престарелого военачальника. Пошатнувшись, тот повалился на пол. Вся дрожа, Нэркес кое-как поднялась. Злобно сверкнув зелеными глазами на раба, она прошипела:

— Ты что, сразу не мог понять, что делать? — и раздраженно махнула рукой. — Что с тебя взять, скотина дикая!.. Все приходится делать самой! — проворчала она, и, нагнувшись над неподвижно лежащим телом, вынула свой любимый кинжал и аккуратно перерезала горло своему любовнику — от уха до уха.

— Мне теперь только в мясники податься! — криво ухмыльнулась Нэркес, брезгливо вытирая кинжал об одежду трупа. — Вторая жирная птичка на моем счету! — подвела она жутковатый итог...

...Уже почти дойдя по потайному ходу до опочивальни, где продолжал безмятежно спать Таргитай, Нэркес хватилась перстня с дорогим аметистом, добытого в Стране Ари-маспов. «Ну конечно! — сразу догадалась она. — Обронила, когда наклонялась над трупом. Видно, пальцы были скользкими от крови. Только этого мне не хватало!»

Аметист ей всего пару дней назад подарил Таргитай в знак своей любви.

— Ступай назад! — прошипела она рабу. — И не вздумай возвращаться без перстня. Убей любого, кто заметит тебя!

Аргиппей покорно кивнул и, накинув кашюшон на лицо, бросился исполнять поручение госпожи...

Глава 2. Где трон — там и измена

Конан, бесшумно откинув полог, выбрался из шатра. Там внутри, разметавшись на подушках, осталась спать Бортэ, разомлевшая теплая, как ребенок. Киммериец улыбнулся при мысли о проведенной с нею ночи любви. В страстных объятиях Бортэ он вновь ощутил себя юным безумцем, каким был когда-то. О, тогда он был неразборчив и жаден! Сколько мужского пылу он поистратил на жриц любви! Чего стоила одна только жизнь в Пустыньке — воровском квартале Шадизара. Тогда он еще не очень хорошо соображал, что к чему, и щедро сорил деньгами, меняя подружек, как зингарский гранд надушенные перчатки и кружева. Да ведь и деньги-то доставались ему без особых проблем.

А один раз его даже утраздило переспать с двумя десятками красоток в одну ночь! И все они были из гарема одного старого хрыча по имени... Бро Иутин, вроде бы так. Ну что же, в конце концов тот сам предложил. А вообще, — по-настоящему Конан впервые осознал ценность женской любви лишь после гибели Белит... Как ныло тогда его сердце! Все сокровища проклятого города, где настиг их крылатый демон, не могли заменить ему ее глаз, ее смеха, ее волос, ее губ... Боль долго не утихала тогда в груди Конана.

И после смерти Белит всякого хватало в бродячей жизни киммерийца. Были в ней портовые потаскухи, кабацкие девки, подружки на ночь, на седмицу, редко — на пол-луны. Были и более серьезные привязанности. Сейчас Конан уже

и не мог припомнить все имена. Сколько их было! Как звезд в ночном небе, которое сейчас накрывало черной чашей шатер, стоявший на отшибе. Конан знал, что в пятидесяти шагах от него заливается богатырским храпом ведунья Мохира, бабушка прекрасной Бортэ. Она была не слишком довольна, когда ее любимая внучка вдруг вздумала разбить отдельный шатер, но против Конана в принципе ничего не имела.

Вдохнув полной грудью свежий, напоенный полынным ароматом воздух ночной степи, киммериец мягкими шагами направился к коновязи, где терпеливо дожидался верный конь. На миг у него возникло желание вернуться обратно, лечь к разомлевшей во сне девушке, прижаться к ее горячему, нежному телу, легко, тихо, чтобы не разбудить, ласкать ее...

Помотав головой, чтобы сбросить наваждение, Конан стремительно направился к коню. Определенно, после смерти Белит что-то перевернулось в его душе. Иногда начинала у него вдруг ныть мощная, равнодушной скалой принимавшая на себя все раны и царапины, грудь. Особенно по ночам, и даже не обязательно, когда он был один. Часто лежал он, не смыкая глаз, а рядом посасывала какая-нибудь очередная подружка, но от этого становилось лишь еще более тошно. Видимо, годы все же брали свое. И иногда вдруг ловил себя Конан на том, что утром, бредя с похмелья в поисках какой-нибудь завалящей таверны, глядит он — почти с завистью — на скромного ремесленника или крестьянина, чинно завтракающего на своем аккуратном дворике в окружении заботливой жены и выводка ребятишек.

Но в глубине души Конан понимал, что не сможет вынести такой жизни больше двух-трех седмиц, — взвоет от тоски и сбежит, бросив на произвол судьбы опечаленную родню. Ничего не поделаешь, бродяжья натура всегда пересиливала в нем естественную тягу к оседлой семейной жизни. Потому-то старался Конан не заводить шапен с милыми, скромными девушками, а предпочитал продажных красоток. С ними проще — монету в зубы, и с глаз долой. А до смерти Белит иногда еще и пинком под зад награждал. Ну а если и случалась у Конана любовь, то только с

такими же неутомонными, как и он сам, искательницами приключений.

Но все равно — в результате Конан всегда оставался один. Хотя и говорится, что ворон ворону глаз не выклюет, а все же... Строптивый народ были все эти воительницы. А киммериец не любил терять попусту время на склоки с женщинами. Да если бы только так, — случалось и хуже. Женщина есть женщина, и какой бы отважной и воинственной она ни была — все равно ее рано или поздно подстерегала старуха с косой. Словно рок какой-то висел над Конаном: все его сильные привязанности обрывались трагически. Дело кончалось могилкой или погребальным костром.

А Конан шел дальше, стараясь как можно скорее выбросить из головы воспоминания. И болело сейчас сердце при мысли о том, что с Бортэ рано или поздно придется расстаться. Нет, ее нельзя было назвать девой-воительницей. Но в то же время и нельзя было сказать, что она — обычная девушка, которая выйдет замуж за простого парня, заведет с ним детей и будет жить долго и счастливо. Что-то в ней было особенное — пламя какое-то в глазах, неуемная жизненная сила. Знал Конан — она не станет тянуть его в рутину сонной жизни. Бортэ на удивление чутко понимала, что Конан — свободный человек, что его нельзя приковать к одному месту, чтобы жил он и видел изо дня в день, вставая по утрам, один и тот же покосившийся домишко соседа за окном. Она и сама отличалась внутренней свободой — это ей, очевидно, от бабки перешло. Да и кочевники — особое племя.

И все же знал Конан: позови он ее за собой — и она пойдет с ним и будет молча, без жалоб, делить с ним все невзгоды и радости. Но ни за что на свете Конан не допустил бы этого, так как знал — несчастная судьба и злая смерть станут тогда ее уделом. И хоть и не впервой ему было провожать подруг на Серые Равнины, киммериец чувствовал, что в этот раз ему будет особенно тяжело.

И потому Конан знал, что скоро оставит Бортэ и покинет ее навсегда, как, впрочем, и саму Сакалибу. Уже начали сниться ему по ночам джунгли и саванны Куша, зной заморских равнин, соленый ветер моря Вилайет и Западно-

го Океана. Мир был так велик, а он еще достаточно молод. Нет, он и думать не желал о том, чтобы осесть на одном месте и обзавестись семьей. Когда-нибудь потом, не сейчас. А если такое однажды и случится, то будет это отнюдь не унылая жизнь простого работника. Конан знал свои силы и верил, что добьется куда больших высот.

На судьбу он не жаловался. Она была похожа на капризную волну — взмывала вверх, вознося варвара в неслыханную роскошь и тут же смывая его вниз, за борт, в дикость, в глушь. Но Конан верил, что однажды эта капризная волна вынесет его на берег, где будет поджидать заманчиво посверкивающий трон и королевский венец. И уж тогда он своего не упустит. А там, может, и семейная жизнь покажется не такой уж и скучной. Но это будет еще через много лет. А пока — он просто расстанется с этой милой, нежной и самоотверженной девушкой и уедет, чтобы не обречь ее на страдания, а то и на верную смерть. Однако легче ему от этого не становилось...

Вскочив на коня, Конан пустил его вскачь по ночной степи, подставляя ветру лицо. Рассвет еще не окрасил пурпуром сонное небо, но киммериец спешил. Нужно было проверить посты, осмотреть город. Всегда надо быть начеку. Конан невольно сжал рукоять меча при мысли о колдуне, избежавшем возмездия. Возможно, тот бродит где-нибудь поблизости. Какую черную месть он замышляет? Надо быть трижды осторожным! Жизнь все время как бы предупреждала варвара: «Не расколаживайся!» Достаточно было вспомнить разгром Джафара туранцами или совсем недавний случай — нападение демонов на племя Морского Льва.

«Эх, Таргитаи! — невесело подумал Конан. — Прислушался бы ты к моим словам. Хотя... разве я слушал кого в его возрасте? А зря. Может, и меньше шишек набил бы».

Проехав через Главные Врата, киммериец проверил часовых, выслушал рапорт нового начальника городской стражи, недавно назначенного из тех кемеров, что штурмовали с Конаном Аргам. Затем, повторив ту же процедуру в воротах Внутреннего Города и в Золотых Вратах Уту, очутился внутри Главной Цитадели.

Оставив жеребца на попечение конюхов, Конан, повинуясь странному наитию, вдруг решил пройти во дворец не через парадный вход, а через неприметную потайную дверь, за которой начинался подземный ход, ведущий через старую нежилую часть дворца прямо в королевские покои. У этого хода было много ответвлений, которые шли во всевозможные комнаты, каморки, пристройки, а снизу он соединялся с наружным ходом, устремлявшимся за городские стены, — тем самым, по которому провел мятежников Ишпак.

Аккуратно закрыв за собой дверь, надежно скрытую кустами боярышника, Конан спустился в туннель. Рука его крепко сжимала меч, в любой момент готовый поразить крадущегося злоумышленника. Что-то подсказывало киммерийцу, что в лабиринте ходов творится неладное.

Освещения не было — никто не отваживался заходить сюда. Нашупав факел, воткнувший в расщелину в стене, Конан достал кресало, трут и зажег огонь. Теперь можно было продвигаться вперед.

Конан шел все дальше, напряженно вглядываясь в полумрак. И вот, наконец, перед ним замаячила дверь. Тихо открыв ее, Конан очутился в анфиладе пустынных залов, где под древними сводами гулко отдавались все звуки. Конан мысленно восхвалял Крома за то, что родился киммерийцем, умевшим ступать бесшумно, как рысь на тропе, и самого себя — за предусмотрительность: на ногах его были мягкие, облегающие ступню гирканские сапоги из оленьей кожи.

Чтобы не бряцать оружием, он убрал свой меч в ножны. И почти тут же пожалел об этом — из-за темного угла на него кинулся человек в капюшоне. Зажав грязной рукой рот киммерийца, он попытался сломать ему шею. Однако могучая вымя варвара выдержала натиск стальных пальцев незнакомца. Вены вздулись, подобно канатам. Мощное усилие — и нападавший отлетел на несколько локтей, ударившись головой о стену.

Выхватив меч, киммериец бросился на врага, но тот, успев подняться, кинулся наутек по одному из многочисленных коридоров. В этом старом крыле дворца никто не жил на протяжении столетий. Что могло понадобиться здесь

неизвестному? В любом случае было ясно одно — он пробрался во дворец не с благими намерениями.

Погоня длилась недолго. Киммериец стремительно достиг своего противника, который, как ни старался, не мог оторваться от преследователя. На бегу Конан с силой ткнул рукой в загривок удиравшего, и тот полетел кубарем и затих, неестественно скорчившись на полу. Капюшон раскрылся, и Конан, направив на него свет факела, узнал немого аргиппея, всюду, как тень, следовавшего за Нэркес. Глаза его остекленели, из уголка рта стекла бусинка крови. Похоже, падая, раб сломал себе шею.

Держа меч наготове, Конан стал обшаривать глазами пустынные и заброшенные залы, комнаты, каморки, закутки и коридоры, ожидая засаду в каждом углу. Ворвавшись в одну из таких комнат, он едва не ступил в лужу крови, расплзшуюся по полу. В центре, освещаемый тусклым светом факела лежал грузный мужчина в расшитом золотом дорогом камзоле и малиновых шальварах. Горло его было бесстрастно перерезано от уха до уха.

— Ишпак! — воскликнул Конан. — Что делал тут этот старый болван?

Мельком оглядев комнату, киммериец обнаружил, что она имеет довольно обжитой вид. Смутные подозрения стали закрадываться в его голову. От его пытливого взора не укрылись как бы случайные взгляды, какими изредка обменивались Нэркес и Ишпак. Сомнений не было: между ней и военачальником существовала какая-то связь — возможно, даже и любовная.

— Сет и Нергал! — выругался Конан. — Проклятые интриги — везде и всюду!

Быстро обыскав тело убитого, Конан не нашел ничего любопытного, кроме мотка веревки, висевшего у того на поясе.

«Зачем ему понадобилась веревка? — удивился Конан. — Повеситься что ли хотел? А может, наоборот, кого-то повесить? Или просто связать?»

Поднявшись, Конан хлестнул себя мотком веревки по голенищу сапога. Дело было серьезное. Над всем этим

стоило здорово поразмыслить... Тут он вспомнил, что не обыскал раба, и решил вернуться к нему. Но свернув за угол и оказавшись в коридоре, где лежал труп, он неожиданно заметил женскую фигуру, склонившуюся над аргиппеем и лихорадочно обшаривающую его...

...Нэркес с нетерпением ждала возвращения раба. Она нервничала все больше и больше. Уже светало, и вскоре мог проснуться Таргитай. А до его пробуждения ей надо было как-то скрыть следы бурной ночи — хотя бы запудрить синяки на шее. К тому же была опасность того, что ее заметят стражники, так как приближалось время смены караулов. Закусив губу, Нэркес нервно ходила взад-перед под дверью королевской опочивальни. Гвардейцы — как и во времена Шульги — спали, оперевшись на алебарды. Их можно было не опасаться: сок лотоса, подмешанный в вино, действовал безотказно. К этому же снадобью Нэркес начала заботливо приобщать своего нового возлюбленного, Таргитая. Жаль только, приходилось экономить: колдуна, который прежде снабжал ее зельем, больше не было, и Нэркес вынуждена была расходовать старые запасы.

Терпение ее наконец иссякло. Мысленно насылая на голову неуклюжего раба все возможные проклятья и уже придумывая ему наказание, Нэркес помчалась назад — к роковой комнате...

Начальник дворцового караула, исседон Аб-Сабал, шел разводить посты. Мелькнувшая в конце коридора женская фигура показалась ему подозрительной. Вглядевшись повнимательнее, он узнал Нэркес. Обеспокоившись, Аб-Сабал побежал к королевской спальне и обнаружил безмятежно спавших у двери часовых. В ярости наградив их пинками, он распахнул дверь.

Его опасения подтвердились. Место рядом с правителем пустовало, — а значит, женщина, которую он видел в коридоре, и впрямь была Нэркес. Осторожно тронув правителя за плечо, начальник караула попытался разбудить его. Сонный Таргитай вскочил на кровати, очумело озираясь.

Постепенно его глаза приобрели осмысленное выражение.

— Что тебе нужно? — недовольно спросил он. — Как ты смеешь врываться в покои правителя среди ночи? Тем более, когда я не один!

Он повернул голову в ту сторону, где, по его предположению, должна была находиться Наркес. Но там, увы, — было пусто.

— В том-то и дело, мой повелитель, — удрученно шепнул начальник стражи, — я только что видел вапу возлюбленную в старой части дворца!

— Это что еще за новости?! — гневно воскликнул Таргитай, вскакивая с кровати. — Собирай стражу и — вперед, за мной!..

...При виде скорченного трупа аргипшея первым порывом Наркес было бежать, и как можно дальше. Но перстеня! Неужели неизвестный убийца забрал его? Тогда ей конец! Наркес птицей метнулась к окоченевшему трупу раба. Руки ее лихорадочно шарили по телу, — но тщетно.

«Неужели забрал?» — Сердце на мгновение остановилось в груди Наркес, но тут же в голове ее мелькнула мысль. Грубо схватив безжизненную голову, она стала открывать рот раба, разрывая посиневшие губы длинными ногтями. Желтые массивные намертво стиснутые зубы, ей одолеть не удалось, так что вновь пришлось прибегнуть к помощи кинжала, на котором запеклась кровь несчастного Ишпака. Разжав зубы лезвием, Наркес ловко запустила пальцы в рот мертвеца и с торжествующей улыбкой вытащила свой перстень. Очевидно, убегая, раб засунул перстень в рот, а при падении тот застрял у него в гортани, ускорив тем самым его переход на Серые Равнины.

Обтерев перстень о край платья, Наркес стала осторожно надевать его на безымянный палец. За этим занятием ее и застал Конан. Одним рывком киммериец накиннул веревку на шею насмерть перепуганной красотики и, запрокинув ее голову назад, схватил за волосы. Приблизив губы к побелевшему от ужаса лицу Наркес, он медленно произнес:

— Значит, трупы грабим?

— Отпусти м-меня немедленно! Что ты себе позволяешь? — прохрипела Наркес. — Ты задушишь меня своей проклятой веревкой!

— Ну, веревка-то, положим, не моя, — ответил Конан, не ослабляя хватки. — Но в любом случае она предназначалась тебе, не так ли? Ведь это ты убила Ишпака?

— Нет! — в ужасе выкрикнула Наркес.

— Довольно, игра окончилась! Ага — вот и кинжальчик твой любимый весь в крови...

Конан ловко нагнулся, продолжая удерживать девушку, и подобрал кинжал, который та в испуге выронила. Поддев острием, Конан ловко снял перстень с пальца Наркес и поднес его к лицу. Аметист ярко заиграл в свете факела.

— Ага! — удовлетворенно хмыкнул Конан. — Теперь дело проясняется. Значит, побежала среди ночи к старому козлу на свидание... И что ты только в нем нашла? Сбежала от молодого красавца — и к кому?! Станный вы народ, женщины! Хотя понятно, у тебя с ним были пашни еще при старом Шульге, не так ли? А теперь тебе Ишпак стал не нужен — и ты решила его убрать. Готов спорить — у тебя под платьем еще и коробочка с ядом припрятана.

— Обыщи, негодяй! — выкрикнула Наркес. Лицо ее побагровело от ярости. — Ну же, давай! — Пользуясь тем, что руки ее были свободны, она уверенным движением разорвала тонкое платье, почти полностью обнажив великолепную полную грудь.

Мужчины всегда так слабы на женские прелести... А когда внимание этого олуха переключится хоть на мгновение, — она найдет способ вывернуться!

— Ты мне тут телесами не сверкай! — грубо рявкнул Конан. — Не заманишь! Я тебе не мальчишка! Привыкла кружить голову безусым юнцам и старым болванам... Продолжим лучше нашу милую беседу. Значит, ты пришла на свидание, а друг твой оказался не такой уж и дурак. Довольно до него, видать, с кем связался. Вот и решил он тебя повязать и тащить к правителю. А для начала и поколотил маленько — гляжу я, ты вся в синяках! Но тебе все же удалось прикончить его...

— Это не я! Это раб! — истощенно выкрикнула Наркес.

— Да полно врать, красotka! Сама ты ему глотку перерезала — неужто думаешь, бывалый воин не отличит,

чья рука нож держала? А потом ты умыла руки и побежала назад, чтобы побыстрее влезть в постель к правителю и сделать вид, что всю ночь сладко спала на его плече. Бедный Таргитай! А ведь я предупреждал, что он согрел змею на груди! Долго ты увертывалась... Только перстенок обронила, вот ведь незадача! И послала своего верного пса найти его, а заодно и прикончить всех, кто попадется на пути. Только он, к сожалению, не на того напал. Ждала ты его ждала, и все же сама решила вернуться. Не зря говорят, что убийцу тянет на место преступления. Ведь все было так?

— А ты докажи, попробуй! — запищала Нэркес, пытаясь укусить Конана за пальцы. — Раб украл у меня перстень и сбежал. Я хватилась и бросилась в погоню. И нашла его убитым рукой другого — такого же грабителя и вора, втершегося в доверие к моему государю. Как ты докажешь, что я была в комнате, где лежит Ишпак?

— Эх, ты, дурочка! — почти с отеческой наставительностью в голосе произнес Конан. — Вот и видно, что не в Заморе ты обучалась разбойному ремеслу! А то сообразила бы, что на мокрое дело не идут, увешавшись побрякушками.

Он сунул ей под нос что-то, и Нэркес увидела на широкой загрубелой ладони маленькую золотую сережку с янтаре́м.

— Признаешь? — осведомился Конан. — Это я нашел в комнате, где был убит Ишпак.

— И все равно ты ничего не докажешь, проклятый варвар! — презрительно процедила Нэркес и неожиданно истошно и пронзительно завизжала:

— Помогите! Ко мне! На помощь!

Зоркий взгляд Нэркес углядел в глубине коридора свет факелов. Не успел киммериец опомниться, как оказался со всех сторон окруженным Серебряными Грифами. А во главе их стоял полуодетый Таргитай. В глазах его застыли боль и гнев.

«Кром!» — мысленно воскликнул киммериец. Только теперь он понял, что попал в ловушку. И действительно, со стороны сцена выглядела ужасно — дюжий мужчина с гри-

вой всклокоченных волос лапает вырывающуюся, кричащую девушку в разорванном на груди платье, а на полу лежит ее убитый телохранитель.

Со всех сторон к Конану устремились острия алебард, копий и мечей.

— Может, хотя бы сейчас-то ты отпустишь веревку, Конан? — холодно спросил Таргитай. В глазах его застыл лед.

— Таргитай!... — начал было Конан, но правитель предупреждающе поднял руку.

— Не надо ничего говорить. Я все видел! Ты остался тем, кем был всегда — вором, убийцей и насильником. Я слушал твои рассказы и считал тебя благородным разбойником. Но я ошибался в тебе. Возьмите его под стражу.

Алебарды и копья почти вонзились в тело киммерийца. Проклиная всех и вся, Конан отпустил веревку. А Нэркес, захлебываясь рыданиями, бросилась на грудь Таргитая.

— О, мой повелитель! — всхлипывала она. — Не подоспей вы вовремя, что было бы со мной?!

— Но почему ты ушла из спальни? — удивленно спросил ее Таргитай.

— Я все объясню, о мой повелитель! — Тело Нэркес сотрясала крупная дрожь. Таргитай ласково гладил ее по спине, успокаивая.

— Меня заманили в ловушку, о свет души моей, — продолжала тем временем женщина. Сегодня вечером у меня пропал перстень с аметистом, который ты мне подарил.

— Неужели? А мне показалось, что он был у тебя на пальце этой ночью! — удивился Таргитай.

— Нет, любимый, — заверила его Нэркес, — я срочно добыла похожее кольцо и надела его. О, прости меня за то, что я не сказала тебе об этом! Мне было так стыдно, что я не уберегла твой подарок! Затем мне прислали записку с указанием места, куда я должна была принести выкуп за драгоценность. После того как ты уснул, я направилась туда. Придя в комнату, в которую мне было указано явиться, я обнаружила там этого гнусного человека! — она с очаровательным презрением мотнула своей кукольной го-

ловкой в сторону связанного Конана, который, скривившись, слушал все эти лживые рассказы.

— О, что мне пришлось пережить! Этот страшный человек приставал ко мне со своими грязными ласками. Он показал мне перстень — это он выкрал его у меня!

— Охотно верю! — горестно воскликнул Таргитай. — Он сам неоднократно хвастался мне своими воровскими подвигами!

— Я предлагала ему деньги, золото, на коленях умоляла его вернуть мне твой подарок. Но он расхохотался мне в лицо и сказал, что отдаст его лишь в обмен на мое тело! О, как это было ужасно! Он набросился на меня, стал избивать, душил, рвать на мне одежду! Он угрожал мне, кричал, что очернит меня в глазах моего возлюбленного правителя! И в этот момент в комнату ворвался старый добрый Ишпак. Должно быть, он проверял, что творится в заброшенном крыле дворца, — опасался, что злоумышленник прокрадется отсюда в твои покои. Он услышал шум и примчался мне на помощь. Ишпак потребовал, чтобы этот негодяй немедленно отпустил меня. И тогда эта гнусная скотина набросилась на него и стала избивать! Он проломил ему череп своим страшным кулаком! В отчаянии я выхватила свой кинжал и пыталась прикончить его. Но разбушевавшийся варвар вырвал кинжал из моих рук и перерезал горло несчастному старику! В этот момент появился мой преданный слуга. Пока дикарь убивал несчастного Ишпака, он потихоньку прокрался в комнату и увел меня, потому что сама я этого сделать не могла — стояла ни жива, ни мертва. Мы бросились бежать, но Конан гнался за нами по пятам со страшным рыком. Мой бедный раб остановился, чтобы задержать его, но чудовище просто свернуло ему шею! Не появись вы вовремя — не знаю, что было бы со мною! На мне нет вины, о, мой возлюбленный государь! — закончила свою речь Нэркес и обезоруживающе жалобно улыбнулась.

— Вы можете сходить и убедиться — труп Ишпака лежит там, где я указала.

— Да, очевидно, дело так и обстояло! Хвала Уту, теперь ты в безопасности. Ты со мной, душа моя! — и Таргитай в

порыве чувств принялся покрывать лицо, шею и руки Нэркес страстными поцелуями.

Конан, не выдержав, отвернулся и сплюнул. Тотчас же Таргитай гордо распрямился и подошел к нему. Губа со шрамом подергивалась от бешенства.

— Я верил в тебя, Конан, а ты наплевал мне в душу! Ты и сейчас плюешься — от бессильной злобы! Ты с самого начала клеветал на беззащитную девушку. Но теперь-то я знаю причину. Похоть ослепила тебя! И ради удовлетворения своей низменной страсти ты предал нашу дружбу и убил двух верных мне людей! Я мог бы тебя казнить, варвар, я просто обязан это сделать! Казнить на месте или — позже, после суда — на площади, прилюдно. Но я окажу тебе милость, которой ты недостоин. Я — правитель Сакалибы, и помню, что ты спас мне жизнь и помог вернуть престол! Я не забываю об этом — и только поэтому отпускаю тебя. Какие черные демоны отравили твою душу, киммериец? О, боги! От кого угодно я мог ожидать предательства, но только не от тебя! Боги, как же ты мог?!

Помолчав немного и справившись с душившим его гневом, юноша продолжил:

— Я дарю тебе жизнь и свободу, хотя, возможно, это тоже самое, что отпустить ядовитую змею после того, как она единожды ужалила! Уходи прочь, Конан! Ты можешь взять коня и оружие, но в течение трех дней ты должен покинуть Страну Городов навсегда! Отныне ты здесь вне закона, Конан из Киммерии!

Таргитай пошатнулся и в отчаянии ударил себя кулаком по лбу.

— О, Папай-громовержец! — простонал он. — Какое подлое предательство! Не зря говорят в Кхитае: где трон — там и измена...

— Очень верное замечание, — молвил Конан и, без малейших усилий разорвав путы, связывавшие его, запыхал прочь.

Глава 3. Королевский выезд

На базаре было шумно. После двадцатилетнего запустения селения Страны Городов вновь начали оживать. Городок Кангар, расположенный в шестидесяти лигах к востоку от Аргайма, был одним из многих подобных городков, разбросанных по всхолмленному пространству Пасиртайской степи. Он представлял собой квадратную в периметре крепость, сложенную из дикого обтесанного камня, окруженную саманными домами, плетеными из ивовых прутьев и обмазанными глиной хижинами, сложенными из леса хибарами. Вокруг более или менее постоянных построек располагалось кольцо шатров, разбитых местными пастухами-кочевниками и приезжими гирканскими купцами. Базарная площадь располагалась у самых стен цитадели, за которыми находилась резиденция тархана — наместника города. Площадь бурлила от скопления народа невзирая на большую удаленность Сакалибы от основных центров восточной и западной цивилизации.

Хотя большую часть толпы составляли приезжие купцы-гирканцы, местные номады и горожане, тем не менее разнообразие наций и рас, представленных здесь, почти не уступало столпотворениям восточных базаров Агратура и Хоарезма.

Поражали своим разнообразием торговые гости из Великой Степи. Здесь были рослые, рыже- и каштановолосые, зелено- и сероглазые, с телями, испещренными татуировкой, жители западных степей — *герулы*, *будины*, *мунзаны* в ко-

жаной, облегающей тело одежде, увешанной золотыми бляхами и бронзовыми подвесками. От них резко отличались представители *аттаров* и *карабегзов* — жители побережья Вилайета — низкорослые, в лохматых овчиных полушубках, насквозь пропахшие бараньим и рыбьим жиром.

Купцы из Кангхи выделялись своими наголо бритыми головами. Их широкие бронзовые лица украшали длинные висячие усы; глаза под густыми черными бровями напоминали миндалины. Одевались они в подбитые овчиной хлопчатые полосатые халаты, подпоясанные шелковыми кушаками. На голову обычно была нахлобучена круглая, отороченная мехом шапка.

Бросались в глаза обитатели глубинных районов Гиркании — *куйгары*, *коктай*, *таргуты*, *тегины* и другие, гордо называвшие себя настоящими детьми Великой Степи. Это были тучные великаны с бычьими загривками, широколицые, с дубленой коричневой кожей. Носили они высокие войлочные шляпы с широкими полями и войлочные кафтаны.

Гордый титул подлинных сынов Степи с ними оспаривали кичливые кужане — *ашкузы*, *коркуты*, *апасиаки*, *домбары*, *апийцы*. На вид они казались самыми цивилизованными. Многие из них щеголяли в расписных кхитайских халатах, брадали меруанскими, вендийскими и иранистанскими доспехами. На фоне всех остальных гирканцев, падких на золотые украшения, они выделялись своей почти патологической тягой к роскоши. Шеи, руки, груди их были плотно увешаны цепочками, браслетами, талисманами, перстнями и кольцами, уши оттягивали тяжелые серьги. Кужане особенно кичились своим богатством, поскольку больше привыкли промышлять грабежом и взиманием дани с караванов, идущих по Великому Пути, нежели мирной торговлей. Они отличались худощавостью, оливковой смуглостью, сближавшей их с афгулами, вазулами и вендийцами, изящными чертами лица, черными выразительными глазами и тонкими носами с горбинкой.

Разными были дети Великой Степи. Одни заплетали волосы в косы, другие украшали все тело татуировкой,

третьи — с помощью дощечек деформировали черепа своим младенцам, чтобы их головы принимали яйцевидную форму. Каждое племя поклонялось своим мелким божкам и покровителям. Одни носили на шее изображение фаллоса, другие — фигурки пышногрудых и толстобедрых женщин, в зависимости от того, кого они считали источником жизни. И все это пестрящее многообразие народов, наречий, традиций, привычек, предрассудков объединяла вера в Вечное Небо, трепетное почитание усопших предков и общее имя — гирканцы.

И было еще одно, что объединяло жителей Великой Степи, — все они были увешаны золотом и серебром с ног до головы. Это не мешало им, однако, высматривать местных торговцев драгоценными камнями и металлами и долго торговаться с ними, сыпя словами, а затем набивать свои заплечные мешки новыми партиями сверкающего товара.

Местные жители, пришедшие на базар, почти ничем не отличались от гирканцев. Хотя среди них преобладали светловолосые веснупчатые люди, но встречались и смуглые скуластые черноволосые. За полторы тысячи лет, прошедших после завоеваний Анахарсиса, орда которого прокатилась по Сакалибе и была остановлена лишь на восточных границах Гипербореи, в краю Рипейских гор произошло смешение захватчиков-гирканцев с местными лесными племенами. Среди потомков двух рас своим высоким ростом и синими глазами особо выделялись кеме-ры. Одевались жители Сакалибы почти так же, как и их восточные родичи — в овчину и кожу. Их наряд оживляли беличьи, лисьи, рысьи и собольи высокие шапки с одним, двумя, а то и тремя хвостами, болтающимися сзади.

Местные вели на рынок упирающихся коров, тащили гусей, уток и кур, несли мешки с ячменем, просом и овсом. Несмотря на холодный климат, почвы в Сакалибе позволяли собирать мало-мальский урожай. Многие обитатели Пасиртайской степи совмещали скотоводство с примитивным земледелием. Почти все получаемое зерно иирки, даи, исседоны и кеме-ры выгодно сбывали гирканцам, которые в жизни не притрагивались к мотыге или сохе, но есть хлеб,

тем не менее, любили. Торговали жители Сакалибы и медом — целые березовые туеса и бочонки, полные густого и жидкого ароматного меда всех оттенков — от белоснежного и солнечно-золотистого до темно-янтарного и черно-бурого были выставлены на базар. Мед шел нарасхват — Страна Городов славилась своими бортами по всей Гиркании.

А вот овец и лошадей местные на рынок почти не приводили, поскольку не могли выдержать конкуренции с пригоняемым скотом. Откормленные на приволье Великой Степи оглашали воздух блеяньем курчавые барашки, пронзительно ржали холеные жеребцы, дико ревели верблюды, двух- и одногорбые, косматые и короткошерстные. Купцы на сотне разных диалектов, надрываясь, кричали, зазывая покупателей и расхваливая своих питомцев. Здесь же рядами располагались продавцы тканей, благовоний, пряностей, оружия из Согарии, Бухроши, Лакмани, Самрака, Бусары, Селанды, Дамаста... Вся эта пестрая орда оглашала воздух разноязыким гомоном и создавала несусветный шум, густым, почти осязаемым облаком висевший над городом.

В толпе также мелькали суровые неразговорчивые люди в меховой одежде — добытчики с гор и лесов. Эти приходили на базар со связками собольих, беличьих, куньих, горностаевых, песцовых и лисьих шкур. Часть из них они отстреливали сами, а часть — скупали за бесценок путем «немой» торговли у аргипшеев и других диких обитателей тайги. Меха шли нарасхват.

Добытчики делали на этом немалые барыши, однако тут же спускали их в прибазарном кабаке. Обнищав за какую-то седмицу, они вновь возвращались в глушь — на полгода, а то и на год.

Однако прибыли охотников за пушниной не шли ни в какое сравнение с прибылями, которые получали люди, занимавшиеся более опасным, но и гораздо более выгодным делом. Эти были так угрюмы и неразговорчивы, что даже соотечественники смотрели на них с суеверным страхом. Два раза в год эти люди совершали путешествие в загадочную Страну Аримаспов и возвращались нагруженные слитками золота, серебром, медью и драгоценными камнями.

Вокруг этих молчаливых людей всегда роем вились гирканские купцы.

Порой в толпе мелькало желтое, с раскосыми глазами лицо кхитайца, а иногда встречался и оливковый вендиец в огромном тюрбане, с влажно поблескивающими темными бархатными очами.

Было очевидно, что жителей Кангара ничем не удивить. Но даже они на мгновение умолкали и, округлив глаза, наблюдали за удивительным человеком, который, опираясь на резной посох, украшенный головой кошки, важно шествовал по базару. Чужестранец был очень высок — даже на фоне рослых будинов, герулов, мунган и кемеров. Кроме того, он был смугл — особенной, странной смуглостью, отличавшейся как от оливковой кожи вендийцев и южных гирканцев, так и от бронзового и медного загара гирканцев Востока. Цвет его кожи скорее напоминал старую слоновую кость. Такого цвета бывает кожа кхитайцев. Но этот чужак был их полной противоположностью. На голом, бритом или лысом, черепе блестела туго натянутая сухая кожа, а из-под огромного лба сверкали черные хищные глаза, разделенные крючковатым, как у коршуна, носом.

Несмотря на высокий рост и довольно широкие плечи и грудь, странный чужеземец был очень тощ, но это отнюдь не говорило о слабости. Скорее наоборот, в его поджарости сквозила недюжинная сила.

Худое тело чужеземца было облачено в белую, ниспадающую до земли хламиду, наводившую на мысли о зное южных пустынь и резко выделявшуюся на фоне мехов, овчины и кожи, в которые было обряжено большинство пришедших на базар. Удивительный человек зябко поеживался от малейшего порыва ветра с Рипейских гор, хотя осень только начиналась. Все свидетельствовало о том, что чужестранец родом из какой-то очень далекой южной страны.

Арганбек — торговец из Кангхи — ушлый мужичок с серьгой в ухе, долго, с любопытством присматривался к странному южанину, а затем спросил у своего соседа — Саидхана из Согарии:

— Послушай, почтеннейший! Ты не знаешь, к какому роду-племени относится этот странный человек с козлиной бородкой?

Саидхан — сухощавый нахохленный торговец пряностями долго рассматривал крючконосого гиганта, затем, пожав сморщенными губами и пропустив бороду через ладонь, важно произнес:

— Сей человек — уроженец далекого *Мисра*, страны, в которой поклоняются змеям, а каганов хоронят под большими каменными курганами. Через эту страну течет величайшая река в мире, именуемая Последней, ибо за ее истоками находится страшный Огненный Пояс, где гибнет все живое.

— Тогда, наверное, и в Мисре жарковато? — осведомился доплый Арганбек, окидывая оценивающим взглядом зябнущего южанина.

— О, да, в этой далекой стране стоит вечное лето. Странный зной опалает землю, и если бы не влага Последней Реки, пустыня давно поглотила бы эту страну.

— Тогда понятно, в чем может нуждаться этот чужеземец в здешних краях, — сделал вывод Арганбек и, не теряя времени, бойко подскочил к южанину и бесцеремонно вцепился в его костлявую руку.

Тот резко повернулся, разглядывая своими огромными матовыми глазами наглеца. Любой бы смутился от этого странного взгляда, но только не Арганбек. Не зря про него говорили, что он с самим Эрликом сторговался бы.

— Почтеннейший! — звонко кричал проныра. — Сама золотая нить твоей благоухающей судьбы привела тебя к скромному рабу Тенгри — Арганбеку из могучей Кангхи. У меня найдется все для улады твоей души, о... Как зовут тебя, уважаемый?

— Джехути, — ответил южанин мягким вкрадчивым голосом, — зови меня Джехути. Я — проповедник учения Отца Сета из далекой Стигии, которую вы называете Мисрсм.

— Да снизойдет свет твоего бога на благочестивую душу твою, о Джехути! — занел с новой силой Арганбек, подталкивая не особо сопротивлявшегося странный к своим товарам. —

Мой жалкий умишко все же в состоянии осознать, что твою скромность не прельстить ни украшениями, ни благоговениями, ни пряностями, ни шелковыми тканями. Но не пристало священнослужителю мерзнуть! Здесь, в студеной Сакалибе, морозные ветры, слуги сурового Борея, могут причинить ущерб твоему драгоценному здоровью! Но у Арганбека найдется кое-что для тебя, о уважаемый Джехути!

И он в мгновение ока накинул на его плечи рысью шубу, за час до того сторгованную у местного скорняка за набор вендийских душистых масел.

— Как влитая сидит! — мурлыкал Арганбек, ласточкой порхая вокруг стигийца и поправляя складки на богатом меху.

При виде рысего серебристого меха тень смутных воспоминаний мелькнула в тусклых глазах стигийца, которые на мгновение вспыхнули желтым зловещим огнем. Наблюдавший за этой сценой Саидхан тихонько сделал знак отворачивающий зло — до Согарии доходили слухи о черном колдовстве стигийцев. Но Арганбек, казалось, ничего не замечал, продолжая заливаться соловьем и расхваливать шубу.

— Ну хорошо, хорошо, — снисходительно улыбнулся стигиец. — Мне нравится твоя шуба, я беру ее. Прими вознаграждение, друг мой!

И он протянул ошеломленному торговцу огромный, сверкающий зеленым огнем изумруд. Глаза у видавших виды негоднянтов полезли на лоб.

— О, высочайший! — пролепетал Арганбек, хватая изумруд и пряча его за пазуху. — Выбирай все, что угодно твоей благоуханной душе! Вот вендийские притирания, иранистанские и афгульские шали, кхитайские шелка и бронзовые зеркала, дамастские кинжалы! Бери все, о светоч души моей!

Он бросил ворсватый взгляд на обалдевшего Саидхана — оба прекрасно понимали, что за деньги, которые можно было выручить от продажи изумруда, здесь можно купить сто таких шуб и весь товаришко, вместе с торговцами виридачу.

— Не к спеху, друг мой, не к спеху! — небрежно отмахнулся Джехути. — Этот камень твой. Ты заслужил его за свою проникательность и предупредительность, столь несвойственные обычным людям! Не терзайся сомнениями — я тоже знаю истинную цену изумруда, — стигиец слегка улыбнулся желтыми зубами, и от его зловещей ухмылки Арганбеку стало как-то не по себе. — Единственное, что я прошу у тебя, почтеннейший, — окажи мне всего одну услугу!

— Я весь внимание, — почтительно изогнулся кангхиец, поедая стигийца глазами.

— Глядя на тебя, достославный Арганбек, я вижу, что ты весьма опытен и осведомлен о делах, творящихся в этой северной стране. Поведай мне, уважаемый, о том, что происходит в последнее время при дворе правителя Сакалибы.

— Ужасные новости! — Арганбек округлил глаза и снизил голос до шепота. — Ты, наверное, уже осведомлен, высокочтимый Джехути, о том, что исчезнувший двадцать лет назад наследник Таргитай занял престол и прогнал колдуна Заркума... — Купец сотворил знак, отворачивающий демонов. — Да-да, того самого, который наслал на Сакалибу полчища жутких гарпий, вызвав их из далекой, ледяной Патении, лежащей у Северного Океана. Но Таргитай не смог бы занять Хрустальный Престол, если бы с ним не было Конана, дикого воителя из стран заката, будь он неладен! — При этом Арганбек быстро огляделся по сторонам и демонстративно сплюнул.

— Конан? — В глазах стигийца вновь зажглись желтые огоньки. — Что ты знаешь об этом человеке?

— Говорят, что он демон, — глаза Арганбека едва не выкатились из орбит, а голос перешел в еле слышное шипение. — Он приплыл сюда с Западного моря по подземным потокам бездны Апсу! Он заставил — не иначе как колдовством — военачальника Ишпака провести его войско тайным ходом прямо во дворец. Он зарезал Шульгу прямо в постели, а Заркум спасся бегством и теперь бродит где-то в горах. Но самое страшное — недавно во дворце раскрыли заговор, который Конан плел вокруг правителя. Он

убил Ишпака и пытался надругаться над любимой наложницей правителя. И теперь его изгнали из дворца, и вообще из страны. Вот только боюсь, что он все еще бродит где-нибудь поблизости. Так что будь осторожнее, глубокоуважаемый! Не приведи Эрлик угодить в когти этого нелюдя!

Арганбек страшно закатил глаза, а Саидхан быстро закивал головой, подтверждая его слова.

— И что же, никто не вступился за этого Конана? — любопытствовал стигиец.

— Его поддержали кемеры из числа гвардейцев. Ведь этот демон почти ничем не отличается от них — такой же здоровущий, чернявый и синеглазый. Но приказ правителя — есть приказ. Многие не поверили в его виновность, но они ропщут втихую: ведь Конана не казнили и не посадили в яму, как он того заслуживал.

— И все же его объявили вне закона, и теперь он — обычный изгой. Какое падение! — добавил Саидхан и покачал головой.

— Все отвернулись от него, кроме старой знахарки Мохиры и ее внучки. Старуха во всеуслышанье заявила о том, что во всем виновата королевская наложница, а не Конан. А ее внучка — та вообще ушла в добровольное изгнание вместе с проклятым варваром.

— Ну и дела творятся в этом государстве! — покачал лысой головой Джехути. — А какие вести слышны из дворца? Надеюсь, теперь-то там все спокойно?

— О, да! — охотно закивал головой Арганбек. — В Аргаме готовятся к пышному празднованию свадьбы Таргитая и Наркес — так зовут его возлюбленную наложницу. И как раз сегодня его величество со своими придворными едет на большую охоту в Джирханскую Чернь.

— Джирханская Чернь? Где это? — быстро спросил стигиец.

— Неподалеку отсюда, — пояснил Арганбек. — Заповедная пуща между Пасиргайской степью и Рипейскими горами. Она сохранилась нетронутой еще с тех далеких времен, когда могучий правитель Анахарсис завоевывал эти места. Там до сих пор водится множество зверья. Все

правители Аргамы вот уже полторы тысячи лет ездят на охоту в Джирханскую Чернь и проезжают через Кангар... Так что сегодня люди съехались сюда со всей Сакалибы и Гиркании не только ради торговли, но и для того, чтобы поглазеть на королевский выезд. О, это величественное зрелище, достославный Джехути! — Арганбек смачно чмокнул жирными губами. — Я его видел неоднократно, так как каждый год приезжаю в Сакалибу. Но в этот раз выезд будет особенно торжественным. Ведь наконец-то в этой стране законный правитель — наследник славного Колаксай!

Продолжая в красках расписывать королевскую охоту, Арганбек походя отпихнул ногой грязного шелудивого нищего в вонючих отрешках, тнувшего иссохшую, изъеденную язвами дрожащую руку к стигийцу. Нищий упал навзничь, но тут же поднялся и вновь полез к Джехути с удивительным упрямством.

— Проваливай, оборванец! — наконец не выдержал Арганбек, однако тут же сменил выражение лица и заискивающе улыбнулся стигийцу. — О почтеннейший, вокруг расплодилось так много нищего сброду — особенно после того, как гарпии разорили пограничье. Не обращай на них внимания!

— Дай ему монету! — повелительно молвил Джехути. — От моего имени. И пусть подойдет ко мне! Отец Сет наказывает своим аколитам заботиться о страждущих!

Недоуменно посмотрев на стигийца, купец, тем не менее, преодолевая брезгливость, сунул в протянутую руку пару медяков.

— Эй, как тебя ... Высокородный господин желает говорить с тобой! Подойди к нему!

В ответ нищий что-то нечленораздельно промывчал и, тряся кудлатой головой — купцы шарахнулись в стороны, дабы не подхватить вшей, — шустро подковылял к стигийцу, который равнодушно разглядывал его снизу вверх.

— Пойдем со мной, мой страждущий брат! Служитель Сета позаботится о тебе.

И, развернувшись, стигиец пошел прочь гордой размашистой поступью, а за ним торопливо последовал бродяга.

Развевающиеся лоскутья гнилого рубища резко контрастировали с богатым мехом шубы его странного покровителя.

Едва стигиец и нищий ушли, Арганбек торжествующе подмигнул Саидхану.

— Видал! Тенгри и предки были милостивы ко мне сегодня, послав этого помещанного уроженца Мисра!

В ответ Саидхан лишь покачал головой:

— Не вижу повода для радости, друг мой! Я видел мисрийцев в Согарии и знаю их обычаи. Это темный народ. Там, где появляется уроженец Мисра — там поселяется зло и черное колдовство. Прошу тебя, избавься от этого камня как можно скорее — он не принесет тебе добра!

— А! — отмахнулся Арганбек. — Пустое болтаешь. Ты просто завидуешь! Все сидишь со своим камбуйским перцем. Да кому он тут нужен? Хе-хе! Арганбек знает толк в торговле!

Кангхинец довольно подбоченился и надменно поглядел на своего менее удачливого коллегу.

Саидхан хотел что-то ответить, но его слова потонули в оглушающем реве десятков труб. К трубам вскоре присоединились возбужденные крики толпы:

— Королевский выезд! Королевский выезд! — кричали люди, со всех ног кинувшиеся к дороге.

В мгновение ока базарная площадь опустела. Покупатели, торговцы, спешно подхватившие свои товары, случайные прохожие, зеваки, нищие, ворипки — все устремились прочь, туда, где уже показались первые колонны величественной процессии.

Впереди ехали, гарцуя на резвых, нетерпеливых скакунах *акалтегийской* породы, которую выводят только в Южной Гиркании, гордые гвардейцы — Серебряные Грифы. Как бы в подтверждение звания, доспехи их сверкали затейливой серебряной насечкой, а племы и впрямь напоминали хищно изогнутые клювы грифов. Подавляющее большинство гвардейцев составляли камеры — ветераны восстания против узурпатора Шульги. Однако теперь, вместо Конана, ими руководил новый командир — чуждый им как по крови, так и по духу — исседон Аб-Сабал, бывший начальник двор-

цовой караульной службы. Он быстро взлетел вверх по лестнице чинов после того, как доложил правителю об исчезновении Наркес в роковую ночь изгнания Конана.

Следом за передовым отрядом гвардии ехали двести загонщиков. Все — настоящие гирканцы из восточных степей, смуглые, раскосые и белозубые, подлинны знатоки больших облавных охот. В руках они держали рогатины, бичи, трещотки, погремушки и сети. Некоторые демонстрировали свое искусство перед многочисленными зрителями и производили невероятный шум треском, свистом, щелканьем и дикими завываниями, вызывая одобрительные возгласы публики.

Затем наступил черед егерей. Эти рослые молодцы, набранные из будинов, герулов и мунган, шли пешком, еле удерживая на прочных поводках, плетенных из трех слоев турьей кожи, залиvisto лающих псов — здоровенных, пегой масти, гирканских овчарок. Псы, скаля желтые, в бурунах пены, клыки, яростно бросались на глазевшую толпу, заставляя ее невольно подаваться назад. Другой отряд егерей вел в поводу охотничьих барсов — *парбусов* или гепардов. Эти поджарые пятнистые кошки из глубинных районов Гиркании, не в пример псам, выпагивали чинно, с чувством собственного достоинства. Но в их напускной смирности чувствовалась огромная мощь и готовность к стремительной потоне за отчаянно удирающей добычей.

За егерями ехали на искусно подобранных жеребцах сокольников, одетые в белоснежные полушубки, сшитые из шкур северных медведей Патении. На руках сокольников, нахохлившихся, сидели щеголявшие белым оперением соколы, кречеты, балабаны и даже совы с пышными шароварами на ногах, моргавшие огромными, обманчиво подслеповатыми глазами. Это говорило о том, что охота будет продолжаться и ночью. Даже лесная мышь не смогла бы ускользнуть от облавы, но сов натаскивали на добычу покрупнее.

За сокольниковыми ехал отряд Красных Стрелков, набравшийся из иирков — наиболее искусных из всех кочевых

племен Сакалибы стрелков из лука. Эти парни, одетые в красные кафтаны и лисьи хвостатые шапки восседали на рыжих и гнедых жеребцах. Даже сапоги, конская сбруя, сайдаки и оперение стрел были выкрашены в ослепительно алый цвет.

И лишь затем наступал черед королевской свиты, ехавшей в двойном кольце Серебряных Грифов, сурово сжимавших шипастые чукмары и изогнутые дамастские мечи.

Свита ослепляла своим великолепием. Здесь были нукеры, туменбаши и тарханы, разодетые в золоченые, вороненные, червленые доспехи, в плащи, подбитые лисьим, рысьим и соболим мехом, в богатых меховых шапках и причудливой формы племах, кованных в Кхитае и Вендии. Среди них ехал и тархан города Кангара, заблаговременно присоединившийся к охоте.

Бросалось в глаза полное отсутствие женщин — в этом заключалось основное отличие любой гирканской охоты от хайборийской. Если бы охота происходила при дворе аквилонского короля, то свита обязательно пестрела бы пышными нарядами придворных дам. Но суровые степные обычаи не допускали присутствия на охоте женщин. И дело тут было вовсе не в чрезмерном деспотизме и угнетенности женщин, как иногда считали на западе, а скорее в том, что сама охота была занятием гораздо более опасным, нежели в Хайбории, где искусные егеря выгоняли затравленного зверя так, что изнеженные господа расстреливали его почти в упор. Здесь же каждый придворный должен был показать свое мужество и силу. И, без сомнения, большинство из них были способны на это. В основном это были седоусые, суровые ветераны, привычные к седлу, луку, мечу, рогатине и плети.

Королевский выезд действительно представлял собой величественное зрелище, поражая воображение своей протяженностью, числом участников, яркостью белых и красных костюмов сокольников и стрелков. И тем не менее, все взоры были прикованы к молодому правителю.

Таргитай ехал на горячем акалтегйском скакуне вороной масти, грациозно ступавшем точеными сухими ногами и поводившем изящной лебединой шеей. Всадник не

уступал коню. Он, как влитой, держался в роскошно убранном седле, слегка покачиваясь и выпустив поводья из рук, гордо сложенных на груди. На смуглом лице юного правителя сизым пятном выделялся «поцелуй волка», на лбу сверкала золотая тиара, принадлежавшая, по легенде, еще основателю династии Анахарсису. В лучах солнца сияли позолоченные пластины его великолепных иранистанских доспехов, над плечами птицей вилял подбитый горностаями плащ. На тонкой талии правителя, перехваченной наборным поясом, висел в ножнах, богато инкрустированных изображениями сцен из жизни аримаспов и грифов, верный кхитайский меч.

Толпа восторженно рукоплескала молодому правителю. В Сакалибе его едва ли не обожествляли и встречали как освободителя. Таргитай отвечал на приветствия вежливыми кивками головы, пристально разглядывая своих подданных черными, цепкими глазами. На мгновение его взгляд встретился с устремленными на него тусклыми глазами стигийца. Тень набежала на чело молодого правителя — казалось, он что-то мучительно припоминал. Стигнец тут же опустил глаза, и правитель поехал дальше, не обращая больше на него внимания.

— Так вот ты какой, Таргитай, — еле слышно произнесли сухие, тонкие губы стигийца в спину удалявшемуся правителю. От его внимания не ускользнул полный ненависти взгляд, что метнул в сторону Таргитая его оборванный спутник.

— Осторожнее, — прошептал стигнец, кладя свою смуглую ладонь на грязное плечо нищего. — А то прожжешь ему в плаще дыру, уважаемый Заркум!

Глава 4. Великая охота

Достопочтенный Арганбек громко кричал здравицы правителю Сакалибы, стоя в толпе таких же ликующих, как и он, купцов. Гирканцы были очень довольны новым правительством Страны Городов — торговые обороты возросли в несколько раз, барыши неслыханно увеличились.

Арганбек же, вообще едва не прыгал от радости и почти сорвал голос, выкрикивая все новые и новые здравицы в честь правителя. Его радость многократно усиливал лежавший за пазухой изумруд. Он был холоден как лед, но грел сердце велеречивого торгаша, как бронзовая кхитайская жаровня. И в тот момент, когда мысли кангхийца воспарили едва ли не к Великому Небу, некий холодный и острый предмет, ткнувшийся, презрев толстые складки жира, прямо в ребра, вернул купца в скорбную земную юдоль.

— А?! — только и смог вымолвить Арганбек. На лбу его появились капли крупного пота.

— Спокойно! — раздался у самого уха чей-то хриплый безжалостный голос. — Не шевелись, а то пожалеешь!

— Н-не шевелюсь, — прошептал Арганбек. Отвислое брюхо, обтянутое полосатым халатом, мелко затряслось.

— Вот и славно! — ответил неизвестный из-за спины. — А теперь потихонечку пошли отсюда. Нечего нам делать в этом столпотворении.

И купец, еле передвигаясь на ватных ногах, стал продираться сквозь толпу, чувствуя приставленное к боку острие стилета.

...На задворках Кангара, в полуразвалившейся саманной хижине, давно брошенной хозяевами, в этот день снова горел огонь. Тех, кто обосновался в раззалохе, можно было бы принять за странников, издавек приехавших на базар, чтобы поглазеть на королевскую процессию. Но желтые, горевшие хищным пламенем, глаза стигийца, жуткий хохот, исторгаемый иссохшей грудью изможденного нищего и странный, необычный цвет огня в очаге, опровергали это впечатление.

— Полно, полно, друг мой Заркум, — произнес стигиец, пытаясь успокоить мнимого бродягу, которого сотрясал приступ истерического хохота.

Наконец, не выдержав, он ухватил его за грязные седые космы и, запрокинув голову, заглянул прямо в глаза. Растянутый судорогой бессмысленного смеха рот Заркума засыл, осклаившись, сумасшедшие глаза остекленели.

Наконец, продолжая неотрывно смотреть в глаза стигийцу, который, казалось, готов был испепелить его взглядом, Заркум еле слышно произнес:

— Во имя Эрлика! Эти змеи... Танец змей! О, боги! Ты не человек, Джехути!

— Конечно, нет! — Стигийская маска спала, и Заркум узрел подлинный лик змеечеловека.

— Я — нааг, в моих жилах течет холодная кровь великих ящеров древности, — молвил Кахха. — Но я твой союзник, Заркум. Эти два молодца — Конан и Таргитай — успели крепко насолить нам обоим. Счастье, что их поссорила эта предприимчивая красotka!

— Я и не ожидал, что маленькая дрянь окажется такой способной, — прохрипел Заркум, постепенно приходя в себя. — Но во имя Зла, во имя Запредельных Кругов Вселенной, поведай мне, нааг, свою историю! Как могло случиться, что ты — правитель давно исчезнувшей расы, до сих пор жив?

— Долгая история, — отмахнулся Кахха. — Много раз меня пытались прикончить, в последний раз — наши зак-

лятые «друзья». Что ж, я отплачу Таргитаю за тот камень, которым он запустил мне в голову. Отплачу сполна!

— Я с тобой, король наагов! — прошептал Заркум. — Во имя Зла, дай мне лишь добраться до этих мерзавцев! Но больше всего я мечтаю расплатиться с маленькой потаскушкой Нэркес. Она нанесла мне удар в спину, когда я меньше всего этого от нее ожидал. Это благодаря ее козням, на Хрустальном Троне сидит ублюдок Колаксия.

— Э, нет, любезный! — Кахха зловеще улыбнулся. — Нэркес нам трогать пока нельзя! Говорят, что в ней течет королевская кровь?

— Да, ее отец был каганом будинов, — несколько удивленно ответил Заркум. — Но разве это как-то мешает нам расправиться с ней? Кровь не помешала мне уничтожить Колаксия и его братьев, а затем и отца Нэркес, который был их союзником и возомнил, что должен мстить за поруганную честь Анахарсидов. Он и сам имел отношение к этой династии и еще к каким-то древним родам. Он даже пытался провозгласить себя *учи-каганом* — верховным повелителем всей Гиркании. Дескать, кровь, текшая в его жилах, позволяла ему сделать это.

— Вот именно, друг мой! Королевская кровь — это все, что нам нужно! — воскликнул Кахха и, сузив глаза, еле слышно произнес всего одно слово, которое произвело на встрепанного колдуна волшебное действие. Он весь преобразился: угасшие глаза заблестели, согбенная спина распрямилась.

— Ну, конечно! — воскликнул Заркум. — Как я мог не подумать об этом. Древний, идущий с незапамятных времен ритуал! Это именно то, что нам нужно!

— Наконец-то Сет послал мне разумного помощника, — удовлетворенно хмыкнул нааг. — А начнем мы с нашего обожаемого правителя.

Кахха взглянул в зеленоватое пламя, бушевавшее в очаге, и в раскосых глазах кобры вновь заплескали свой завораживающий танец. Слившись с отблеском языков пламени, они явили отражение крохотных фигурок, скачущих на конях по опушке леса. Все это затаивший дыхание Заркум видел

в неподвижных зрачках наага, поскольку узреть что-либо в зеленом пламени ему было не дано, несмотря на все его колдовское искусство.

— Они начинают охоту, — после долгого молчания наконец произнес Кахха. — Самое время и нам отправиться туда!

Лжестигиец встал во весь свой гигантский рост и мягкими шагами подошел к очагу, сложенному из камней в углу хижины — там бушевал колдовской костер. Несколько свистящих звуков — и пламя поднялось выше, почти до самого потолка. И в струившихся языках пламени вдруг отчетливо проступили кроны вековых могучих деревьев.

— Эрлик! — произнес потрясенный Заркум. — Да это же Джирханская Черны!

— Именно, друг мой, — Кахха усмехнулся, довольный произведенным эффектом. — Хвала твоей предусмотрительности — у нас есть все необходимое для магии!

— Порошок *мегакситара* был необходим мне для бегства из Зиккурата, — пояснил Заркум, не без доли хвастовства. — Как известно, в обычных пропорциях порошок, именуемый в далекой Вендии магическим *кситаром*, делает тело невидимым на какое-то время — и только. Я же многократно усилил действие вендийского снадобья растертым корнем мандрагоры, порошком из цветов папоротника и черного лотоса и кровью девственницы, принесенной в жертву ее собственным отцом. Таким образом, я получил мегакситар — сильнейшее магическое средство, позволяющее переводить материальное тело в иные состояния. Но такого эффекта от порошка я даже и не ожидал!

— Я уже говорил тебе, что вдвоем мы будем непобедимы, любезный коллега, — усмехнулся Кахха. — Твои обширные познания колдовских методов, которые, надо признать, шагнули далеко вперед за последние тысячелетия, и мой древний, недоступный человеческой расе, опыт составят идеальное сочетание!

— А что это был за изумруд, подаренный безмозглому купцу? — спросил Заркум.

— А! — нааг небрежно ухмыльнулся. — Его пришлось взять из моей короны, поскольку мне нечем было распла-

титься за шубу. А шуба мне понравилась. Она напомнила мне одеяние из меха гигантской рыси, которое я носил, будучи королем Эврисфейи. Золотое было время! Рысий мех снова на мне — это хороший знак! А купец очень скоро пожалеет о своей алчности. Знал бы, с кем имеет дело — отдал бы мне все свои товары даром, да еще приплатил бы за это!.. А пока нам предстоит по квитаться с Таргитаем. За нами должно!

И Кахха смело ступил прямо в бушующее пламя. На мгновение костер вспыхнул еще ярче и, казалось, с жадным ревом пожрал нелюдя в своих губительных недрах. Но через миг фигурка наага показалась на опушке и еле заметно помахала рукой, подавая знак застывшему в изумлении Заркуму. Колдун мгновение постоял, не решаясь, а затем, собравшись с духом, тоже вступил в огненный круг. Едва пламя охватило тело колдуна, раздался оглушительный взрыв — и все исчезло. И вскоре почти ничто не напоминало о недавнем присутствии в хижине слуг Зла — лишь странноватый приторный запах и мерцающие зеленоватыми огоньками угли в очаге...

* * *

Бывалый аргаймский налетчик и грабитель Каскар был доволен собой. Не зря, видать, решил он покинуть свой родной город и отправиться на промысел в Кангар. Чутье не подвело его — здесь, куда съехались торгаши со всех концов Степи, ему крупно подфартило. Жирный купчик, мелко трясущийся всем телом, был покладист и послушно шел, подгоняемый невидимым для окружающих острием стилета. Скоро, очень скоро расстанется он с камешком, полученным от какого-то полоумного чужестранца! И наконец-то исполнится заветная мечта Каскара о собственном доме в лучшем квартале Внутреннего Города, где он будет доживать свой век, восседая на дорогах афгульских коврах в окружении наложниц и рабов-аргипеев. Если бы аргаймское ворье знало о существовании бога Бела, Каскар, несомненно, вознес бы ему самые жаркие молитвы. Но в Сакалибе пока не додумались до создания культа покрови-

теля жуликов и грабителей — здесь еще не наблюдалось такого падения нравов, как в Заморе. И, тем не менее, аргаймские воры были знатоками своего дела.

Отойдя подальше от базара и толпы, продолжавшей пялиться вслед удалявшейся процессии, Каскар затащил несчастного купца в первую попавшуюся на пути заброшенную хижину. В нос ему ударил какой-то резкий сладковатый запах.

— Фу! — сморщился налетчик. — Эти поганые гирканские торгаши и здешний народ приучили ко всяким вендийским дурманам. Дурман-травы им что ли не хватает?

Ударом ноги Каскар безжалостно опрокинул навзничь еле живого от страха Арганбека. Несчастный купец захрипел, почувствовав, как кованый каблук вдавливается ему в горло. Над ним наклонялось свирепое скуластое лицо с рыжеватыми усами; налитые кровью неопределенного цвета глаза, казалось, были готовы испепелить его, а стилет в занесенной руке сверкал грозно и неумолимо.

— Давай сюда камешек! — грозно прорычал налетчик.

Но Арганбек молчал и только бешено вращал круглыми от страха глазами: то ли утратил дар речи от страха, то ли алчность лишила его языка. Однако Каскар не стал ломать голову над этой дилеммой и попросту вспорол стилетом полу полосатого халата, обнажив потайной карман, где был спрятан злополучный изумруд. С ликующим воплем грабитель схватил драгоценность. Он даже не обратил внимания на то, что на груди Арганбека, в том самом месте, где изумруд касался ее, расплывается странное зеленое пятно. Разглядывая возжеленное сокровище, Каскар заученным движением, не глядя, метнул стилет — и злополучный Арганбек забился в предсмертных конвульсиях. Темная кровь, пульсируя, вытекала из пробитой шеи.

— Какая удача! — прошептал восхищенный Каскар, лаская взором роскошный изумруд. Он долго разглядывал его то с одной, то с другой стороны, позабыв обо всем. И вдруг лицо его резко побелело. Вопль ужаса вырвался из его груди. Та рука, в которой он сжимал драгоценность, вдруг начала стремительно приобретать изумрудный отте-

нок. Он попытался пошевелить пальцами, но тщетно — они застыли, будто вырезанные из камня.

Холодея от ужаса, Каскар перевел взгляд на труп купца — и обмер. Переливающаяся изумрудная статуя лежала перед ним. Казалось, Арганбек был изваян рукой божественного скульптора, удивительно точно передавшего в глыбе изумруда последнее движение умирающего. Даже капли крови, вытекшие из яремной вены, застыли зеленоватой драгоценной лужицей. Огромное богатство лежало перед вором — едва ли он смел мечтать о подобном. Оно было рядом, в его распоряжении. Но вряд ли это вызвало восторг в его холодеющей душе. Последний обреченный вопль — и великолепная изумрудная скульптурная группа застыла в молчании, укрытая от внешнего мира полуобвалившимися стенами саманной хижинки...

* * *

Громоподобный рев огромных труб-курнаев сотрясал чащобы Джирханской Черни, провозглашая начало Великой Охоты.

— Кху! Кху! Ура-агх! — ревели дикими голосами раскосые загонщики из восточного племени *сарбийцев*, взмахивая трещотками и оглушительно щелкающими бичами из турьей кожи. Яростно лаяли псы, рвущиеся с поводков едва поспевавших за ними егерей. Пятнистыми тенями мелькали над пожухлой травой стремительные пардусы: их предусмотрительно спустили с поводков, ибо ни один смертный не мог бы угнаться за охотящимся гепардом.

Бесшумными белыми тенями пролетали над деревьями соколы и балабаны, резко пикируя вниз, чтобы вкогтиться в трепещущего зайца или детеныша косули. Люди, звери и птицы, объединенные единой волей, стремительно настигали окваченных паникой обитателей древней Джирханской Черни. И возглавлял эту безжалостную погоню за оленями, кабанами, волками, медведями и прочим зверьем — молодой правитель.

Таргитай скакал на своем горячем скакуне, позабыв обо всем на свете. Одна рука сжимала копьё, другая — лук,

готовый в любой момент натянуться и поразить бегущую живую мишень. Длинные черные волосы, заплетенные во множество кос, выбились из-под тиары и развевались на ветру, загорелое лицо раскраснелось — Таргитай напоминал Бога охоты, сошедшего на землю.

А из-за мощных стволов вековых елей на него смотрели горящие ненавистью и злобой глаза Заркума и Каххи...

* * *

— Люди! Кто-нибудь! Помогите! Стража!

Саидхан из Согарии метался по площади, как встрепанная птица, потерявшая птенцов, тщетно взывая о помощи. Увы, некому было внимать его призывам: люди, торопливо опуская глаза, обходили его и спешили убраться подальше — никого не интересовали чужие проблемы. Городской стражи, обязанной незамедлительно откликаться на призывы о помощи, как назло, не было и в помине. Вся она в этот торжественный день присутствовала на охоте — ведь персона правителя нуждалась в охране и защите больше, чем все его подданные, вместе взятые. Может, так и суждено было бы Саидхану бегать по базару до полного изнеможения, но неожиданно купец ударился лбом о чью-то широченную грудь — как волна о гранитный утес. Он неминуемо упал бы, но сильная рука удержала его.

— Чего голосишь, старик? — спросил откуда-то сверху низкий, грубоватый голос.

Саидхан поднял глаза и увидел высоченного и здорового мужчину в кожаной куртке и меховых штанах. Короткие рукава куртки оставляли открытыми мощные, как корни векового дуба, руки, под загорелой кожей которых литыми ядрами перекачивались мускулы. На огромной груди, о которую едва не расшиб лоб Саидхан, легко мог улечься барс. По необъятным плечам здоровяка металась буйные черные, как вороново крыло, волосы. Загорелое бесстрастное, будто высеченное в камне лицо оживляли ярко-синие глаза, пытливо разглядывавшие старика.

Синеглазый великан был не один. Рядом с ним стояла молодая изящная девушка, такая же синеглазая и черново-

лосая, облаченная, как и ее грозный спутник, в меховую одежду. За спинами у обоих торчали рукояти мечей.

Саидхан какое-то мгновение молча разглядывал внушительную пару, но голос синеглазого быстро вывел его из оцепенения:

— Ну, что молчишь? Разве не ты только что просил о помощи? Кто обидел тебя, старик?

Согариец, опомнившись, бухнулся в ноги черноволосому великану и завыл:

— О, само Вечное Небо направило стопы мои к вам, доблестные воители! Спасите моего товарища!

— Что же стряслось с твоим товарищем? — лицо великана мгновенно напряглось, глаза вспыхнули сапфировым огнем.

— Страшная беда приключилась с моим сотоварищем по торговле, Арганбеком из Кангхи. О, я предупреждал — но алчность ослепила его! Проклятая жадность губит людей... О, боги! О, Тенгри!

— Давай покороче! — грубовато оборвал его синеглазый.

— Его увел какой-то разбойник! Я видел — он приставил ему к спине нож и утащил с собой! Надо торопиться — иначе он убьет Арганбека!

— Показывай дорогу! — рявкнул синеглазый...

— Вот, куда он его завел, — шепнул Саидхан, указывая великану и его спутнице полуразвалившийся домишко. Оттуда не доносилось никаких звуков.

— Сейчас разберемся! — криво усмехнулся воин. Ударом ноги он вышиб еле державшуюся на петлях дверь и оказался внутри, сжимая в руке взятый наизготовку меч. Девушка и Саидхан последовали за ним.

— Кром! — вырвался возглас из уст синеглазого при виде застывшей скульптурной группы. — Вот это богатство! Это кто же оставил здесь такую роскошь?

Рука его потянулась к окаменевшему Каскару, продолжавшему сжимать в руке проклятый изумруд.

— Стой! — закричал Саидхан, бросившись наперерез. — Не вздумай прикасаться к ним! Разве ты не видишь, что это

окаменевшие люди — Арганбек и его убийца. Проклятый камень зачаровал обоих! О, несчастный мой друг!

И согариец зарыдал.

— Конан, тут явно что-то не так! — воскликнула девушка.

— Да, Бортэ, ты права, дело пахнет магией! — мрачно произнес киммериец. Подождая, пока старик немного придет в себя, он спросил у него:

— Откуда у твоего покойного друга этот колдовской изумруд?

— Он-то и сгубил моего бедного товарища! — всхлинул Саидхан. — Говорил я ему — остерегись, не заговаривай с проклятым уроженцем Мисра. Но жадность одолела его. И он продал этому желтоглазому псу шубу, а тот вознаградил его этим ужасным камнем.

— Уроженец Мисра? Что это за страна? — полюбопытствовал Конан.

— О, это очень далеко отсюда, на юге, там, где течет великая Последняя Река и где люди поклоняются Змею.

— Стигиец, значит, — медленно произнес Конан. Смутное подозрение всколыхнулось в его душе.

— А как его зовут, ты случайно не знаешь?

— Как не знать, — оживился Саидхан. — Знаю! Этот пес Эрлика называл себя Джехути, да сожрут его змеи, которым он молится!

— Конан?! — тревожно спросила Бортэ. — Почему ты так побледнел? Что с тобой?

— Все в порядке, Бортэ, — ответил киммериец, но в глазах его застыла тревога.

— Конан?! Бортэ?! — в ужасе переспросил Саидхан и начал медленно пятиться назад. — О, Тенгри! — прошептал он в ужасе. — Вызволи меня из лап этого нелюдя!

— Старый болван! — неожиданно взорвался Конан и, схватив бледного, как смерть, старика за плечи, как следует встряхнул его. — Я такой же человек, как и ты! А вот этот Джехути — он-то и есть настоящий нелюдь! Он змей, подлый нааг! Понимаешь?

И оставив старика в недоумении, охваченный яростью киммериец, выбежал прочь из хижины.

— О, Кром! — раздался снаружи его зычный рык. — Кто бы мог подумать, что эта тварь выживет? Надо было тогда Таргитаю не спихивать его в реку, а разрезать на мелкие куски, сжечь их на костре, пепел схоронить в самой глубокой яме, засыпать ее булыжниками, да еще и кол осиновый воткнуть! Вот она, мальчишеская беспечность!

Бортэ незамедлительно покинула хижину вслед за своим возлюбленным. Старик остался один, в недоумении от того, что страшные негодяи и бунтовщики не тронули его.

— Как чуден этот свет! — Саидхан пожал плечами и, бросив последний печальный взгляд на своего корыстолюбивого приятеля, поспешил прочь из хижины.

— Долго возишься! — рявкнул на него Конан, нервно щелкая кресалом. — Будь ты немного порезвее — может, мы и успели бы остановить негодяя.

— Увы, — вздохнул Саидхан, — это не спасло бы Арганбека. Он сам себя погубил и был дважды наказан — его зарезали как свинью, да еще и тело его теперь невозможно предать земле или выставить на съедение животным и птицам, как это делается, согласно погребальным обрядам Кангхи.

— Ничего! — буркнул Конан, разводя огонь и обмакивая в него промасленную тряпицу. — Сейчас мы похороним его по погребальным обрядам Асгарда и Киммерии! Придется ему, конечно, отправиться на Серые Равнины вместе с тем, кто порешил его, но тут уж ничего не поделаешь. Как-нибудь стерпит. За жадность и на том свете приходится отвечать!

И киммериец забросил полыхающую тряпку прямо на соломенную кровлю. Погода стояла сухая вот уже много дней — солома враз занялась.

— Надо уничтожить эти ведовские останки, — мрачно пояснил он, — а то еще много найдется желающих разбогатеть и, чего доброго, вспыхнет эпидемия изумрудной лихорадки. Нааг как раз и рассчитывал на людскую жадность,

делая свой подарок твоему незадачливому другу. Будь он проклят, паскудная тварь!

Отвернувшись от пылающей хижины, Конан обратился к Бортэ:

— Теперь уходи! Ты пойдешь вместе со стариком и будешь ждать меня в караван-сараях. А я скоро вернусь.

— Но, Конан ... — в глазах Бортэ вспыхнуло беспокойство.

— Никаких но! — сухо отрезал Конан. — Так надо, любимая! — И он быстро поцеловал ее.

— Береги себя! — на глазах девушки блеснули слезы, но она тут же смахнула их.

— А тебе, любезнейший, — повернулся к старику, — придется побыть у нас в заложниках. Бортэ приглядит за тобой. Сейчас вы пойдете в караван-сарай, где ты остановился, и будете ждать меня там. Кормежка и постой — за твой счет. А я пока разберусь тут кое с кем...

— Но зачем брать меня в заложники, о могучий воин? — захныкал было Саидхан, но Конан положил ему на плечо свою тяжелую ладонь и заглянул в глаза.

— Простая предосторожность, — пояснил он старику, — а то еще побежишь докладывать к начальнику городской стражи — мол, демоны в городе! А так мне спокойней будет.

И Конан, обняв на прощание Бортэ, зашагал прочь. Старик развел руками — что поделаешь? Плен так плен. Он искоса поглядел на грозно нахмурившую сурмяные брови девушку и, пораскинув мозгами, пришел к выводу, что быть заложником у подобной гурии не так уж и плохо. Заметно повеселев, он широко улыбнулся Бортэ беззубым ртом:

— Пойдем, о грозная моя повелительница, светом очей своих затмевающая солнце и луну. Пойдем.

* * *

Таргитаю решительно везло на этой охоте. Огромных размеров секач, истощно вереща, улепетывал от его стремительного коня. В азарте погони правитель выпустил несколько стрел, но все они отскочили от щетинистых боков,

как будто тварь была покрыта стальными пластинами ага-дейских лат.

— Ах ты, тварь! — запальчиво воскликнул Таргитай. — Все равно не уйдешь!

Он уже не замечал, как в стороне остались загонщики, как постепенно отстала от него вся свита — а кабан все петлял и петлял меж деревьев, заводя увлекшегося правителя в самое сердце дремучей Джирханской Черни.

А там, на небольшой опушке, среди грозно нависающих елей и сосен, которые были молодой порослью в ту пору, когда гирканская армия Анахарсиса завоевывала дебри и пустоши севера, стоял, гордо расправив плечи, облаченный в рысий мех Кахха, и желтые глаза его горели неуголимой ненавистью и первородным, дочеловеческим злом. Свистающие звуки срывались с безгубого рта и, отдаваясь эхом в настороженно примолкшей чаще, пробуждали древний первобытный ужас, много столетий дремавший в своем надежном укрытом от человеческих глаз логове...

* * *

В караулке у стены Кангарской крепости — там, где к ней примыкала рыночная площадь — было тихо и тепло.

Дежурный стражник сыто довольно рыгнул и, с криканием подняв тучное тело с нагретого лежака, кое-как добрался до двери, дабы справить малую нужду. Вонючая жидкость, недавно еще бывшая вином, пенистой струей орошала землю, а стражник, мечтательно подняв голову к небу, где проплывали низкие облака, неспешно размышлял. Мысли его были под стать выдавшемуся дню — плавные, неторопливые...

Редко выпадала такая удача — остаться одному, в теплой уютной караулке, когда остальных его товарищей ни свет ни заря погнали в Джирханскую Чернь подготавливать облаву. Ишь, даже начальника как будто подменили: стал вдруг подтянутым, строгим, орал на всех, чтобы пошевеливались. Еще бы, сам правитель на охоту приехал — не шутка! Почаще бы приезжал! Только вот в следующий раз могут и не его оставить на дежурстве.

Потому-то солдат наслаждался выпавшей ему удачей. А значит, не совал из караулки и носу — разве лишь нужду справить.

Целый день он ел, пил и валялся на лежаке. Сначала спал, а затем от скуки стал сочинять песни и мурлыкать их себе под нос. На базаре, после того как прошел Королевский выезд, стало совсем тихо. Только раз кто-то вадумал истошно голосить, требуя помощи, но стражник даже и не посмотрел в ту сторону, недовольный тем, что кто-то нарушает его покой. По уставу, конечно, он обязан был вмешаться, да ведь проверять-то никто не будет! С этой охотой у начальства голова кругом: как правитель уедет, будут еще пол-луны гулять, радуясь, что избавились от этой напасти.

Да и что с того, что он не вмешался — наверняка у какого-нибудь торгоша шпана стащила сверток шелку, только и всего. Не велика беда! Все они, эти купчины, на мешках с золотом сидят — небось не оскудеют! А еще туда же — орут, бегают, служивому человеку отдохнуть не дадут!

Мирный ход мыслей стражника вдруг прервал страшной силы взрыв, сотрясший все вокруг. Один раз заезжие кхитайские трюкачи устраивали нечто подобное: подожгли бронзовый шар с каким-то черным порошком внутри. Но и то не так рвануло! В окне караулки даже порастрескалась слюда в свинцовом переплете.

— Волки Эрлика! — выругался страж, спешно натягивая широкие шальвары и, путаясь в штанинах, побежал смотреть. Над местом, где еще утром стояла заброшенная хибара, столбом взметнулся к небу зеленый дым; несколько хижин поблизости пылали, и вокруг носились с ушатами и ведрами переполошившиеся жители.

— О, Тенгри! — взвыл стражник. — Испортили такое дежурство!..

Он уже собирался пойти разобраться, в чем дело, как вдруг сильнейший пинок под зад поверг его наземь. Страж порядка пропахал носом землю, только что обильно политую его же собственной пенистой мочой.

— Коня! — раздался над ним требовательный голос. О, Эрлик! Все беды сразу! Неужто королевский гонец? С этими надменными выскочками шутки плохи — творят что хотят...

Охая и крихтя, стражник поднялся, потирая перепачканную скулу.

— Сейчас! — буркнул он. — Можно бы и повежливей...

— Молчать, ишачий помет! Забыл, с кем разговариваешь? — прорычал гонец, синеглазый здоровяк самого грозного вида.

— Виноват! — выдавил из себя угодливую улыбочку стражник.

«Из кемеров, видать, — смекнул он, торопливо ковыляя к конюшне, — эти в гору пошли, как помогли Таргитаю на трон взойти. Ишь — даже и не в форме. Одет как простой охотник. Видать, по секретному поручению спешит». Ругаясь про себя на чем свет стоит, стражник вывел из стойла сытого и отдохнувшего коня, и гонец в мгновение ока оказался в седле.

— Эй, а где твоя прежняя лошадь? — спросил у него несколько осмелевший солдат. — Давай сюда, надо ее попоной обтереть и в стойло поставить.

— По дороге пала! — неохотно буркнул мужик, хватаясь за поводья.

— А ярлык твой где? — неожиданно проявил бдительность опомнившийся страж, хватая лошадь под уздцы. — Ну-ка предъяви мне королевскую печать! Где она?

— Вот! — коротко ответил гонец и со всего размаху впечатал ему в челюсть здоровенным, как кувалда, кулаком.

— Да ты кто такой, будь ты неладен?! — промычал страж, выплевывая зубы.

— Я?! — Кемер вдруг страшно осклабился, оскалив белые, волчьи зубы. Глаза его жутко блеснули. — Я — Конан! Демон из этой... как ее... бездны Апсу! Страшно?! Аргх!.. — зарычал он раскатисто, как медведь, и, ударив пятками в бока резвого коня, ускакал прочь, оставив валяться на земле лишившегося чувств стражника.

Таргитай все скакал и скакал в безудержной погоне за упрямым зверем. Он не замечал, что деревья вокруг стали темнее, выше и гуще и что вскоре совсем невозможно будет найти дорогу в этих непролазных дебрях.

Кабан оказался на удивление резв, но быстроногий акалтегиец не отставал. И вот уже совсем близко толстая спина с темным продольным ремнем... Таргитай вытащил тяжелый шипастый чукмар, готовясь со всего маху переломить им хребет кабана. Неожиданно лес кончился — и вебрь, повизгивая, выскочил на небольшую опушку. Конь Таргитая вылетел за ним. Правитель издал победный клич, и в этот миг кабан, хрюкнув как-то особенно злорадно, вдруг брякнулся на землю, покатился по жухлой траве, и перед потрясенным Таргитаем предстал зловеще ухмыляющийся Заркум.

— Ну что — признал? — хохотнул колдун. — С кабаном справиться тебе, конечно, под силу, драгоценнейший правитель! Но вот с этой тварью — едва ли!

Жуткий рев сотряс лес, и на опушку из чащи вынесся чудовищный зверь.

— О, Уту! — прошептал правитель в ужасе.

Размерами эта тварь, пороспая жесткой рыжеватой шерстью, могла бы соперничать с вендийским слоном. Толстенные ноги напоминали колонны на Вратах Уту, огромную плоскую башку с маленькими мохнатыми подергивающимися ушами венчал чудовищный рог.

Жутко всхрипнув, единорог бросился в атаку. Оставалось либо бежать, либо принять бой и достойно встретить смерть. Но бежать бессмысленно — конь измотан погоней за кабаном-оборотнем, а чудовище легко догонит его — деревья ему не преграда... С отчаянным кличем Таргитай бросился навстречу монстру, подняв почти бесполезный чукмар.

Еще один прыжок — и огромный зверь, низко опустив голову, поднял на острие рога отчаянно ржущего красавца-скакуна. Таргитая выбросило из седла. Описав в воздухе дугу, он упал на землю, сильно ушибив ногу. Пытаясь

подняться, он с горечью наблюдал, как взбесившийся единорог превращает в кровавые лохмотья его прекрасного акалтегийца. Заметил он также, что лютый зверь даже не пытается напасть на стоящего неподалеку ухмыляющегося Заркума.

Покончив с жеребцом, монстр повернул острие окровавленного рога к Таргитаю и стал рыть передними ногами землю, готовясь к репающему, последнему броску. Мысленно Таргитай попрощался с Нэркес и с жизнью.

«Эх, был бы тут Конан — все было бы иначе! — невольно подумалось ему. — Зачем только ты предал меня, побратим? И где ты теперь, когда нужна твоя помощь?...»

— Кром! — раскатом грома пронеслось над опушкой.

— Конан?! — воскликнул правитель, не веря своим глазам. Яростный восторг охватил его.

А Конан, появившийся как нельзя вовремя, разогнал своего жеребца, как залихватский воин-гирканец, встал на круп обеими ногами и, зажав в зубах меч, неся навстречу единорогу, который еще не успел сообразить, что у него появился новый, и куда более опасный и опытный противник. Едва конь поравнялся с медлительным страпилицем, как киммериец валетел в воздух и приземлился точно на холке у монстра, который как раз нагнул свою рогатую башку. Будь на его месте голокожий носорог или слон Вендин, или Куша, трюк вряд ли удался бы. Но сейчас цепкие руки варвара сумели ухватиться за длинные космы первобытного зверя.

Единорог яростно взревел и, бешено вращая налитыми кровью глазами, стал совершать дикие скачки, пытаясь стряхнуть с шеи незваного гостя. Он метался по поляне с ужасающим ревом, однако Конан держался не хуже клещей. Улучив момент, он зажал могучую шею ногами и со всего размаху вонзил свой меч в основание черепа чудовища меж шейными позвонками.

Ужасающий рев огласил воздух. Косматая тварь в последний раз взметнула к небу свою рогатую морду и грузно повалилась навзничь. Конан едва успел соскочить, чтобы не оказаться насмерть придавленным исполинской тушей.

Шерстистый носорог — очевидно, один из последних представителей своего древнего рода — умирал долго. Судороги прокатывались по его огромному телу, глухие стоны вырывались из глотки, извергавшей на землю потоки черной крови. Наконец Конан, по рукоять вонзив свой меч в грудь монстра и с трудом достав до могучего сердца, прекратил агонию твари.

Заркума на поляне уже не было. Весь перепачканный кровью Конан, сверкнув белыми зубами, как ни в чем не бывало улыбнулся Таргитаю, который, прихрамывая, шел к нему навстречу.

— Ты снова спас меня, Конан? — прошептал юноша. — Так ты... Так ты...

— Я, я, — шутливо пробурчал Конан, утирая пот со лба.

— Так ты ... не предавал меня? — В мозгу Таргитая шла напряженная работа. — Неужто это все же... Нэркес?!

— Да, Нэркес! — просто кивнул Конан. — А помимо нее — Заркум и еще один наш старый знакомец...

— Не важно! — воскликнул Таргитай. — Для меня сейчас главное — что я вновь обрел друга. Прости меня, Конан! Я был несправедлив к тебе. Любовное безумие застило мне взор!

— Ничего, — проворчал киммериец. — С кем не бывает. Ошибки молодости, как говорится!

И друзья обнялись в порыве чувств. Конан, однако, быстро прервал излишества правителя.

— Ладно, сейчас не до болтовни, — сурово нахмурясь, сказал он. — Враг не дремлет. Нам надо спешить.

— Да куда спешить, — воскликнул восторженный Таргитай. — Сейчас выедем к свите, и я объявлю всем, что ты вновь с нами, и...

— Если успеем! — буркнул варвар. — Кахха — жив.

— Кахха?! — Лицо правителя вытянулось.

— Он самый!

Сердце правителя сжалось в предчувствии беды.

— Быстрее! — воскликнул юноша, вскакивая на коня позади Конана. — Только бы нам успеть!

...Когда наконец жеребец, отягощенный двойным грузом, выехал из чащи на опушку, Конан и Таргитая уже поняли, что опоздали. Свита в полном сборе окружала высокого всадника в золотой тиаре и горностаевом плаще, гордо восседавшего на акалтегийском жеребце, как две капли воды похожем на того, которого растерзал единорог. На друзей сурово взглянули черные глаза Таргитая. Лишь в глубине зрачков затаенно плясали желтые, змеинные огоньки. Овал лица, волосы, шрам над губой — все было один к одному.

— Надо же! — раздался негромкий, насмешливый голос лжеправителя. — Наш бывший друг Конан преподносит нам новый сюрприз. Только что он затеял покушение на меня, заманив в глубь леса. Надеялся, что я погиб, и заявился сюда с моим двойником. Но мне удалось спастись и опередить его. Увы, киммериец, — двор не нуждается ни в тебе, ни в этом шуте, которого ты с собой притащил. Взять обоих!

В тот же миг Конана и Таргитая спеленали метнувшиеся со всех сторон арканы. Засада была хорошо продумана.

Глава 5. Солнце в лицо

В келье Заркума опять пахло живым духом, — если только такое слово вообще применимо к нежити, завладевшей дворцом. В камине горел колдовской огонь, по-прежнему весело скалились черепа чудовищ — братьев демона Кантрагора, до сих пор рыскавшего где-то на задворках Вселенной, неутомимо гоняясь за Йолчи.

И змеевидное кресло опять было востребовано. И тот, кто теперь восседал на нем, к змеям имел самое прямое отношение, хотя по внешности его этого сказать было нельзя. Но как бы там ни было — в кресле сидел Кахха в облике Таргитая, а Заркум почтительно стоял рядом, хорошо сознавая, кто теперь истинный владыка Аргайма.

— Да, признаюсь честно, облик стигийца Джехути мне был куда ближе и родней, — молвил нааг. — Ну, да ничего. Я недолго буду пребывать в обличье этого презренного мальчишки. В тот знаменательный час, когда восстанет из пучин бездны Апсу великая праматерь Тиамат, я вновь приму облик наага. И тогда возродится господство моей древней расы! Можешь считать себя счастливым, Заркум! Ты будешь почти единственным из людского рода, допущенным к Высшей Власти. Ты увидишь торжество новой цивилизации — более утонченной и разумной, нежели тот бедлам, который устроили на планете теплокровные. Это будет новый мир — но он будет таким, каким был миллионы лет назад, в эру царствия Великих Драконов.

Да... — размечтавшись, продолжал Кахха. — Ты счастливчик, Заркум, ибо узришь зарю новой Эры Змей не как раб, но как преданный слуга, помощник и исполнитель нашей священной воли. Так будет! Так предрекли еще древние оракулы Зурхии — первого в мире государства, которое основали змеелюди!

Нааг возвел очи горе, наслаждаясь почтительным вниманием колдуна.

— В небытие канут все жалкие божки Века Людей — все эти Митры, Уту, Белы, Асуры... Новый Пантеон возглавят пробудившаяся Тиамат и ее великий сын — Сет, отец всех наагов. Им будут служить верой и правдой Нергал, Габрал, Дагот, Молох, Ваал. Надо будет подумать о расширении культа Черного Кракена, именуемого антильцами Ксотли, а также Иога, аколиты которого сохранились лишь в Дарфаре. Затем придется возродить орден Мутари — демонов, высасывающих жизненные силы. Ну, и естественно, мы вернем к жизни древнейшие божества Ахерона, Валузии, Грондара — тех, чьи имена внушают священный трепет всем верным служителям Первородного Хаоса.

— Ради этого стоило побывать в шкуре кабана. Давно я так быстро не бегал! — воспаленные глаза Заркума пылали безумным огнем.

— Да, — усмехнулся нааг, — а затем тебе пришлось попотеть в роли жеребца-акалтегийца. Ведь не мог же я выйти из леса в обнимку с колдуном Заркумом! Хотя, признаюсь, позже мне доставило удовольствие видеть, как вытянулись физиономии у этих царедворцев, когда я объявил, что почтенный Заркум восстановлен в сане Верховного Жреца Уту. Ну, ничего — пусть привыкают. Вскоре я сброшу маску, и они увидят истинный лик своего повелителя. И для этой цели нам нужен всего один предмет — заветный Шип Тиамат. Кусок божественной плоти, древней как сама земля, заключенной в голубой кристалл. Когда мы доберемся до заветной пещеры, где, таинственно блистая, возлежит талисман, кровь королевы и дочери правителя прольется на него — и кристалл растворится, высвободив необузданную титаническую силу!

— Да будет так! — торжественно молвил Заркум, обнажив в улыбке черные зубы. — И как же наша царственная птичка? Она уже готова к роли жертвенной гусыни?

— О, вполне! — осклабился Кахха. — Она все знает. И знаешь, как ей это удалось? В постели. В любовных утрадах я не хуже человека, но она заметила одну деталь. Оказывается, у меня отсутствовал солярный знак, наколотый на груди Таргитая. К несчастью, даже если бы я знал об этом, то не смог бы изобразить его на своем теле — для меня это было бы равнозначно прикосновению раскаленного железа. Пришлось поведать ей обо всем честно и открыто.

— И что же она? — с любопытством спросил Заркум.

— Поразительная женщина! Сначала изобразила испуг, а затем согласилась продолжать игру. Как я понял, ей все равно за кого идти замуж. — лишь бы одеть на голову кобну. Она готова спать даже со змеем ради этого.

— Ха! Что взять с женщины, случавшейся с собакой, медведем и пардусом! — зло ухмыльнулся Заркум.

— В самом деле? Великолепно! В древней Фавнии ценят бы ей не было! Ее, пожалуй, сделали бы там главной жрицей. Ну ничего, сейчас она будет участвовать в нашей мистерии — и не менее древней. Жертвенный нож станет ее последним любовником! — Змей усмехнулся. — Кстати, как продвигаются приготовления к нашей свадьбе и предстоящей экспедиции в Страну Грифов? Помни, что мы выступаем, как только закончится торжество. К сожалению, придется двигаться обычным образом — на лошадях, с большим караваном слуг, воинов и невольников. Но иной возможности нет.

— Приготовления идут полным ходом, — заверил Кахху Заркум и, ухмыльнувшись, добавил, — Нэркес принимает в них самое деятельное участие. Ей не терпится стать королевой, а затем добраться до заветных сокровищ грифов.

— Какое рвение! — иронично заметил нааг. — Поразительно, как многие люди торопят свою смерть. Кстати о смертниках — как поживают наши бунтовщики? Казним

их как можно скорее — и лучше всего в день свадьбы. Это будет мне лучшим подарком!

— Как будет угодно моему повелителю! — склонился в поклоне Заркум...

* * *

...С сырого, осклизлого каменного потолка вода капала монотонно, как из клепсидры — капля за каплей. В каменный склеп, запрятанный глубоко в недрах мрачного Зиккурата Уту, не проникало ни единого луча света, ни единого постороннего звука. Лишь один раз в сутки — а может, два раза, а может и раз в двое суток — сверху пленникам кидали объедки, которые хоть как-то поддерживали их заметно таявшие силы.

— По-моему, это конец, Конан, — прошептал Таргитай, сидевший, обхватив колени закованными в цепи руками и слепо уставившись в темноту. — Я не боюсь смерти, но не такого конца я ожидал. Я хотел погибнуть в бою, как настоящий воин. Судьба вновь посмеялась надо мной. В конце концов, мне нечего терять. Нэркес меня предала, честное имя мое втоптано в грязь проклятым змеем. Лишь об одном я жалею, Конан. Какой я был дурак — променял крепкую мужскую дружбу на злобную и хитрую бабенку! Прости меня, если сможешь. — И юноша зарылся в колени нечесаной, кудлатой головой.

Тихо звякнула цепь, и мускулистая рука грубовато потрепала правителя по плечу.

— Все в порядке, приятели! Не падай духом! Лично я считаю, что жизнь наша еще далеко не кончена. А в застенках мне томиться не впервой. Да и не всегда доводилось сидеть в такой хорошей компании. Однажды даже оказался в одной камере с кутрубом — малопрятный, надо сказать, был тип.

— Кутруб? Кто это?

— Такой волосатый детина с крылышками за спиной. Да еще и людоед к тому же. Но я нашел с ним общий язык — а потом мы выбрались из тюрьмы и задали жару проклятым стигийцам!

— Надо же! — голос Таргитая заметно повеселел.

Конан долго рассказывал о своих приключениях. Поведал и о яростном ненасытном духе Рана Риорды — Небесной Секиры, о свинорылом демоне из Мероз, о капризной Дайоме, ни за что не желавшей отпускать его от себя, о ристалищах Хаббы и Империиум-Цирка в Луксуре, о мудром Учителе, наделившем его молниями Митры, и о своей глупости, благодаря которой он утратил бесценный дар, — об этом, и еще о многом другом.

Наконец друзья заснули, невзирая на могильный холод каменного мешка и на воду, надоедливое капанье которой могло свести с ума. Обоим снились сны.

Таргитаю снились воздушные очертания пагод Кхитая, мудрые глаза Учителя Тан У, затем Великая Степь — и Солнце, заливавшее ее необозримые просторы своим щедрым живительным светом, которого он был так долго лишен в темнице.

Перед Конаном же нескончаемой чередой проносились темные тени — зубастые, рогатые, клыкастые, с щупальцами, жалами, клешнями, когтями, жадно тянущимися к нему. Ему снились все демоны и чудовища, которых ему довелось сразить на своем веку.

Здесь были закованные в шипастую броню ящеры Сета, уничтоженные им в Священной Роще, источавшие ядовитую слизь беспозвоночные твари из развалин Ларши и с подножия Проклятого Монолита, гигантские ползучие многоножки и удавы, летающие гарпии и гаргульи и не сравнимое ни с чем, а потому особенно жуткое Багровое Око...

Казалось, варвар, рожденный в бесприютных горах Киммерии, появился на свет лишь для того, чтобы беспрестанно убивать порождения Тьмы, поддерживая тем самым Великое Равновесие. И каждый раз, когда могучие руки Конана, крепко сжимавшие рукоять заговоренного меча или волшебной секиры, повергали в прах очередное исчадие Ада, из широкой груди вырывалось зычным кличем имя его сурового бога, а в последнее время и имя Митры; глаза же его поднимались к куполу неба, где сверкало животворящее око светлого божества.

Глухо застонав во сне, Конан увидел себя как бы со стороны — поднимающего руки кверху и жадно впитывающего ладонями великую солнечную силу. И вдруг он услышал гулкий неземной глас:

— Конан! Конан из Киммерии! Ты восстал среди диких скал Страны Извечной Тени! И вся твоя жизнь была наполнена стремлением к солнечному свету, которого так не доставало тебе во младенчестве! От звериных шкур и свирепых обычаев неукротимого варварства, от непосильного рабства бежал ты. Ты вырвался из плена веков, который есть ничто иное как плен Тьмы, ибо взор твой всегда был обращен к Солнцу! Ты не из тех, кто прячет глаза от солнечного света. Однажды сбылась твоя заветная мечта, и ты был посвящен в Слуги Света. Однако ты нарушил клятву и был лишен Священного Оружия, и вместе с Даром Митры разум временно покинул твой помрачившийся мозг.

Конан! Ты по праву заслужил, чтобы вернулась к тебе заветная сила, даруемая Богом Света. Великое Равновесие пошатнулось — восстанови его! Как только глаза твои опять узрят солнце, знай — Дар Митры вернулся к тебе! Используй его во благо! Но помни — если ты еще раз нарушишь главную заповедь Слуг Света и направишь свое оружие против просящего пощады — Дар навсегда покинет тебя, а вместе с ним и разум. Ты станешь безумцем до скончания дней твоих, как напоминание другим, посягающим на божественные законы! Помни об этом, Конан!

«Конан... Конан... Конан...» — отдавалось в его воспаленном мозгу. Прекрасные женские глаза смотрели на него с нежностью и мольбой. Глаза Белит, Дайомы, глаза Алмены, глаза Айя-Ни, Филиопы, Борты... И все они просили его об одном: «Помни, Конан... Конан... Конан...»

Нестерпимо яркий свет ударил в глаза. С хриплым криком «О, Митра!» — Конан очнулся. Несколько охранников, светя факелами и грязно ругаясь, спускались по неровной, высеченной в камне лестнице в их темную яму.

— Сево овеф, демон? — послышался чей-то смутно знакомый голос. Ну конечно же, стражник хотел сказать «чего

орешь, демон?» — да только многочисленные щели на месте выбитых зубов никак не позволяли ему выговорить слова нормально.

— Не пвизнал? — голос был полон злой, мстительной радости. — Ай-яй-яй! А я так обвадовался, когда ужнал, фто тебя наконец ижловили! Я тебе, конефно, благадавен — ведь мне дали нагваду жа шхватку с демоном и певевели в Авгаим — в охвану самово цавя. Но я никогда не пвощу, фто ты ифповтил мне дежувфтво и лифил пововины жубов!

— Вставь себе новые, — устало посоветовал Конан. Он, конечно же, узнал трусливого стражника из Кангара. Однако мысли его были заняты другим — чудесный голос все не шел у него из головы. Неужели, это правда? И он снова будет владеть молниями Митры? Невероятно. Да нет, очевидно, все это ему просто приснилось.

— Какой ховофий шовет! — издевательски хохотнул Шепелявый. — Я обявательно им вовповжуюфь, когда повуфю швою дову шокквиц гвифов! Я отолью шебе шикарные жубы из жолота! Мне это обефал Ево Вевифефтво — жа то, фто я буду усяствовать в твоей кажни, фкотина! Ну, пофевевивайфя, демон, давай! И ты тове, двойник поганый! Сково вы умвете, и офень неховофей смеветью!

— Ты слышал, Конан? — Таргитай встревоженно глянул на друга. — Эти ублюдки собираются за сокровищами грифов!

— Да, плохо дело, — шепнул в ответ варвар. — На самом деле им нужен Шип Тиамат — и это опасней всего!

— Слушай, Шепелявый, — обратился он к довольно хихикающему стражнику, преодолевая желание довершить дело, начатое им у кангарской караулки. — Когда же это вы за золотишком собираетесь?

— Нажывай меня Февевявым, наживай! — улыбнулся ему, как родному, страж. — Жато я офень шково шмогу нажвать тебя твупом. И ты им станефь задовго до тово, как мы отпавимфя жа шокквицами! Потому фто вап кажнят как важ певед швадьбой Ево Вевифефтва и пвеквафной Нэвкэш! Это будет шафтью швадебной цевемонии! Офень мило!

— Заткнись! — Конана передернуло, будто слизняк заполз ему за ворот. — А иначе, клянусь Кромом, останешься и вовсе без зубов. Руки у меня пока что целы!

Шепелявый побагровел от злости, но благоразумно промолчал, прикинув, что цепи, сковывавшие Конана, только помогут тому сдержать свою клятву перед Кромом.

— Конан! Она выйдет замуж за этого нелюдя! — в отчаянии простонал Таргитай. — Какое падение!

— Таргитай, пора тебе забыть Наркес! — одернул его Конан. — Эта стерва, ради того чтобы сидеть на троне, не то что со змеем — с жабой переспит! Ведь спала же она со свиньей! Потому что покойного Шульгу, да упокоит Эрлик его душу, человеком я, при всем желании, назвать не могу!

— О, Уту и Папай! — горько воскликнул Таргитай. — И я любил эту женщину! Какой позор!

— Не ты первый, не ты последний, которого обманула баба! — по-своему успокоил его киммериец.

* * *

Киммерийца и юного правителя привели в просторное причудливое помещение, чем-то напоминавшее Конану гладиаторскую арену в Халогге. В центре ее находилась круглая площадка не больше пяти-шести локтей в поперечнике, во все стороны от которой расходились, взбегаая вверх, ступени-трибуны, где восседал весь двор, встретивший смертников негодующими криками.

— Публика приветствует вас, почтенные комедианты! — раздался глумливый голос мнимого Таргитая, восседавшего на резном балконе в компании Заркума и Наркеса. Красотка выглядела ослепительно. Заметив гневный взгляд, который метнул в нее юноша, она послала несчастному Таргитая шуточный воздушный поцелуй.

Конан тяжелым взглядом обвел ряды разодетых в меха и в золото царедворцев. Окружение Хрустального Трона сильно изменилось за последнее время. На него глядели, нахально ухмыляясь, жирные рожи продажных приспешников Шульги, которых сам Конан, с согласия Таргитая, отправлял в ссылку и изгнание. Зато исчезли его боевые

друзья, получившие высокие посты при дворе после победы. И среди стражников, густо усеивавших все промежутки между трибунами, не было ни одного кемера.

— Ты хотел знать, куда девались все твои сторонники? — вновь слышался насмешливый голос Какхи, который, как обычно, читал все мысли. — Ну так — смотри!

Головы всех присутствующих повернулись налево — и друзья последовали их примеру. В стене неожиданно разехались створки, искусно стилизованные под камень, и перед зрителями предстало огромное, матово поблескивающее зеркало.

— Сейчас достопочтенный Заркум покажет ваших друзей!

Заркум с чувством собственного достоинства раскланялся и повел рукой с зажатым в ней алым кристаллом, послав из него пучок красного огня. Едва луч коснулся поверхности зеркала, матовый сумрак рассеялся, и перед глазами присутствующих предстала восточная караванная дорога, ведущая от Главных Врат Аргайма к равнинам Гиркании. Над дорогой вились стервятники. И добыча, обычно привлекающая их, была рядом. Ее было много — дорога с обеих сторон была утыкана столбами с поперечными перекладинами, на которых застыли в смертных корчах распятые люди.

Кровь ударила в голову Конана — он узнал многих распятых, чьи лица еще не успели обезобразить клювы падальщиков. Это были молодые кемеры — темники, сотники, десятники и просто воины из Гвардии Серебряных Грифов.

«Кром! — мелькнуло в голове Конана, — не дай мне умереть такой смертью. Пусть мне выпустят кишки из брюха или разможат голову дубиной — все лучше, чем становиться пищей стервятников и медленно издыхать под лучами палящего солнца, чувствуя свое бессилие. Все что угодно — только не это!» Какие-то смутные предчувствия шевельнулись в его душе — на миг ему показалось, что это он сам висит, безжалостно прибитый к кресту, и умирает от невыносимой жажды и зноя пустыни. Киммериец невольно вздрогнул.

— Пренеприятная смерть, не правда ли? — понимающе проговорил Кахха. — Но она вполне достойна подлых заговорщиков. Когда я выдворил тебя из Аргаима, они пытались поднять бунт, дабы свергнуть меня — законного наследника моего великого отца Колаксай! К счастью, Заркум вывел эту шайку на чистую воду. Увы, большая часть мятежников-кемеров скрылась в Рипейских горах. Но рано или поздно мы выкурим их оттуда — и тогда уставим столбами дорогу вплоть до Кангхи и Согарии! Я изведу это племя бунтарей, так похожих на тебя, Конан! Но ты можешь не переживать — тебя и твоего дружка, чье сходство со мной я признаю бесспорным, ждет другая смерть, более изысканная... Приступайте!

И Кахха небрежно махнул рукой. Тотчас же на площадке стражники вытолкнули избитого и окровавленного юношу. Черноволосая голова его моталась из стороны в сторону.

— Этого мы приберегли на закуску! — пояснил Кахха. — Он поможет вам получить представление о том, что вас ждет впереди.

Он щелкнул пальцами. Тотчас стражники задули все факелы, кроме одного, и в зале воцарилась полутьма. Люди на трибунах замолчали, напряженно ожидая чего-то необычайного. И неожиданно площадка начала проваливаться вниз, очень плавно и медленно. Вместе с ней спускался вниз связанный по рукам и ногам юноша. И вскоре он уже с головой опустился в открывшуюся яму.

К яме торжественным шагом подошел Заркум, облаченный в переливающуюся охряную тогу. За ним шли два жреца в пышных одеяниях, и с трудом несли большое, выпуклое и прозрачное, округлое стекло. Конан обратил внимание на то, что рука одного из жрецов, просвечивая сквозь стекло, невероятным образом искажалась и казалась несуразно большой. Странное стекло обладало непостижимой способностью увеличивать размеры предметов...

Жрецы осторожно опустили свою прозрачную ношу и, как крышкой, накрыли ею яму, где сидел злополучный пленник. Края ямы оказались вровень с кромкой стекла и

их дополнительно скрепили металлической полосой. Теперь юноша оказался, под стеклянным колпаком.

Среди публики, которая, вытянув шеи, разглядывала происходящее внизу, раздался смех. И, действительно, подпав под увеличивающее действие стекла, обреченный юноша выглядел как нельзя более комично. Голова, уши, нос, глаза, руки, ноги — все исказилось, увеличилось до гротеска.

Заунывный, леденящий душу голос Заркума моментально оборвал смехи в зале:

— О, Великий Уту! Уту Огненноокий, Уту Безжалостный, опаляющий землю своим знойным дыханием! Ты испепеляешь все живое своим божественным взглядом! Цветущие сады превращаются в выжженные пустыни, полноводные реки — в иссохшие трещины в земле, измученной жаждой! А долгими зимами покидаешь ты нас и глядишь издалека равнодушным и холодным взглядом, и нет тебе дела до страданий людей, дрожащих от лютого холода! Не гневись, о, неумолимый Уту! Дай нам теплое и влажное лето, дай нам мягкую зиму! Смилуйся над недостойными рабами и прими эту жертву!

— Он молится мрачной ипостаси Уту — Уту Безжалостному, — пояснил Таргитай, с тревогой вслушиваясь в безумные слова жреца.

— Его послушать — так Солнце самого Сета не лучше, — сплюнул Конан.

— О, Конан, взгляни наверх! — неожиданно воскликнул Таргитай.

Невидимый публике хор низких мужских голосов затянул мрачную торжественную песню. В потолке образовалось отверстие, до того закрытое специальной заслонкой. Нестерпимо яркий луч солнца ударил вниз, рассекая полумрак ослепительной струей.

Конан догадался, что они находятся на самом верхнем ярусе Зиккурта Уту, в знаменитом дреннем храме, о котором даже посвященные предпочитали говорить шепотом.

А луч тонким лезвием вспорол тьму и врезался точно в центр увеличительного стекла, накрывавшего яму с приговоренным к смерти. Небольшое белое пятнышко появи-

лось на поверхности стекла и точно такое же под ним, — на голове у ничего не подозревающего человека.

Время шло мучительно медленно. Тишина на трибунах была напряженной, а хор все пел... И вдруг лицо юноши в яме перекопилось от боли. Крик обреченного огласил зал, выведенный наружу хитроумным акустическим устройством. Зал охнул — волосы на голове жертвы, в том месте, где пласало белое пятнышко, задымились. Торжественное пение все усиливалось, но звериный крик боли и ужаса перекрывал его.

Ликующие вопли взорвали толпу царедворцев. А юноша корчился, пытаясь увернуться от безжалостного луча, но, увы, это было невозможно. Слуги Тьмы умело использовали животворящие лучи Митры, обращая их во зло. Никто в зале, кроме самого Каххи и Заркума, не знал, что они присутствуют при древнейшем ритуале, который отправляли еще безумные жрецы-правители Атлантиды.

И вот уже живой факел со звериным воем метался по тесной тюрьме, а система труб, одновременно выводившая звуки наружу и питавшая огонь воздухом, наполняла храм резким запахом горелого человеческого мяса. Песнь невидимого хора достигла апогея — это был подлинный гимн разрушительному Хаосу, уничтожающему все живое. И столько мрачного злобного торжества было в этом могучем реве, и он так гармонировал с воплями горящего заживо и криками толпы, что даже у видавшего виды киммерийца волосы встали дыбом. Голоса достигли самой высокой ноты и, слившись с криками умирающего и его мучителей, превратились в истошный вой. Заркум застыл над краем смертоносного стекла, воздев кверху костлявые руки, подобный статуе возмездия.

И вдруг вой оборвался. Жуткая тишина воцарилась в зале. Заслонка медленно закрыла щель, и луч исчез.

— Уту принял нашу жертву! — нарушил тишину замогильный голос Заркума, и храм взорвался восторженными воплями.

Конан с ненавистью глядел на оскаленные, перекопанные лица, в которых не было ничего человеческого. Он

горько сожалел, что в свое время не поступил с этими раззолоченными ублюдками так же, как Кахха с кемерами. Краем глаза он заметил горящий ненавистью взгляд Таргитая, устремленный на Наркес. Кровожадная похоть искажала ее прекрасные черты, пунцовые чувственные губки растянулись в жуткой гримасе, белые зубы скалились поволчьи...

— Держись, друг, — ободряюще прошептал Конан. — Умрем достойно, не выказав слабости!

— Я держусь, Конан, — отвечал Таргитай, весь белый от ненависти. — Просто мне стало страшно. Потому что на месте наага, рядом с Наркес, я увидел себя. Пусть я умру, но я до конца буду возносить благодарственные молитвы Тенгри и Папаку за то, что узрел истинный облик этой гадюки!

— Давай, двойник, пофевевивайфя! — Шепелявый, гнусно хихикнув, подтолкнул Таргитая вперед древком алебарды.

— Стой! — раздался голос Конана. — Первым туда пойду я!

— Э, нет! — прогнусавил Шепелявый. — Ево Вевифефто указал — фнафала кажнить двойника, а пвоквятый демон пофмотрит на ево муфения!

— Пусть его казнят первым! — неожиданно раздался звонкий голосок Наркес. — Таково мое желание! А дерзкому двойнику я дарую величайшую милость! Пусть свадьба наша состоится согласно древнему обряду — на глазах у всего двора! Прямо здесь я соединюсь с моим обожаемым государем, а все присутствующие на этой священной церемонии пусть возлягут с красивейшими из дев! И тогда Заркум принесет благодарственную жертву Уту. А двойник будет смотреть на это действие. Он так жаждал обладать моим телом — так пусть насладится этим зрелищем перед смертью!

— Отличная мысль! — воскликнул Кахха. — Да будет так!

Толпа царедворцев разразилась новой волной ликования, и их восторг усилился, когда множество обнаженных

стройных девушек выбежала к ним. Не теряя времени, они бросались в объятия мужчин. То же самое проделала и Наркес. При виде того, как его «суженая» похотливо обвила руками поджарый торс змея, Таргитай сплюнул и смачно выругался. Он понял задумку Наркес — лучшего способа поизмываться над ним перед смертью она и измыслить не могла.

Он отвернулся. Конан ободряюще кивнул ему.

— Прощай, друг! — воскликнул Таргитай. Слезы блеснули у него на глазах.

Киммериец уже стоял на выехавшей наружу площадке, с которой предусмотрительно смели прах сгоревшего юноши. Светлая улыбка озарила его лицо.

— Я не прощаюсь с тобой, Таргитай! — ответил он спокойно. — Встретимся в чертогах Крома! Я не сомневаюсь, что ты тоже попадешь туда!

Площадка поехала вниз.

...Наркес сладостно стонала, извиваясь под неугомонным Змеем. Давно она не испытывала такого наслаждения. Нааг был любовником, чьи возможности далеко превосходили человеческие, да к тому же на нее сейчас глядел и страдал этот соплик Таргитай. А скоро предсмертные вопли Конана доведут ее до экстаза! Конечно, жаль этого мускулистого варвара — он был бы так хорош в постели. Но невелика потеря — скоро она станет королевой Сакалибы и уж тогда найдет себе тысячи неугомонных варваров-рабов, которые смогут удовлетворить ее ненасытную похоть...

Смертоносный колпак захлопнулся над головой Конана. Он увидел, как Шепелявый глумливо помахал ему рукой. Сверху слышались стоны, чмокание, сопение и прочие отвратительные звуки бесстыжей оргии. Затем невидимый хор завел свой зауспокойный гимн, и луч солнца вновь упал на стекло. Зайчик заплясал на темени Конана. Такой на вид безобидный, резвящийся...

Конан напряг мышцы, сился порвать путы. Жилы вдулись у него на лбу, лицо побагровело, и веревки наконец лопнули. Конан удовлетворенно хмыкнул: даже длитель-

ный пост и сидение в каменном мешке не смогли подорвать его титаническую силу.

Подняв руки вверх, варвар попытался высадить стекло, но это оказалось совсем не просто — оно было надежно укреплено с наружной стороны. Тогда он начал с силой бить кулаком в гладкую поверхность стекла, стараясь разбить его. Но разбил лишь костяшки пальцев. Спасения не было.

Похоже, старуха-смерть, на этот раз решила серьезно взяться за киммерийца, так долго ускользавшего от ее крепких объятий.

Внезапно Конан почувствовал давно забытое, но ни с чем не сравнимое ощущение в кончиках пальцев. Луч солнца коснулся его лица, и вдруг синеватые искорки вспыхнули на его ладонях.

— О, Митра! — воскликнул Конан удивленно. Солнечное оружие вернулось к нему — сомнений не было! Луч из врага превратился в друг!

С победным рычанием киммериец поднял руки — и его ладони превратились в живую чашу, в которой завился, потрескивая, сине-фиолетовый огненный шар. Разящая молния сорвалась с его рук и устремилась вверх. Скоп солнечного огня коснулся смертоносного стекла — и оно попросту растаяло, не выдержав опаляющего жара Митры.

Схватившись руками за края ямы, Конан подтянулся и в мгновение ока очутился наверху. Его нападение стало для стражников полной неожиданностью. Успев заметить краешком глаза опеломленного Таргитая, Конан играючи вырвал меч у замкнувшегося на него Шепелявого, на ту-пом лице которого застыло выражение недоумения и беспредельного ужаса. С приветливой улыбкой киммериец вонзил свой меч в брюхо Шепелявого и извлек обратно, таща за собой кровавые петли кишков.

— Прощай, красавчик! Ты уж смотри, перед Нергалом постарайся не шепелявить! — весело прокричал Конан. — И не переживай! Раз уж ты занял мое место на Серых Равнинах — так и быть, я вместо тебя доберусь до сокровищ грифов!

Конан отпихнул обмякшее грузное тело на подскочивших к нему стражников и, пронзив мечом самого ретивого, подскочил к Таргитаю и одним взмахом окровавленного меча взрезал его пути.

— Чего встал! — гаркнул он на сбитого с толку правителя. — Давай, дерись!

Это возымело действие. Таргитай, дико взревев, столкнул лбами двух навалившихся на него солдат и, выхватив алебарду у одного из них, разрубил третьего, подбежавшего на подмогу, почти пополам.

Искорки опять вспыхнули у пальцев Конана, и он играючи послал молнию в бегущего к ним со всех ног дюжего воина, с головы до ног закованного в агадейские латы. Раздался звериный вопль, и труп со сквозной дырой, выжженной в доспехах и плоти, упал навзничь.

Визг и вопли ужаса раздались с трибун. Голые, встрепанные царедворцы и их подружки, обнаружив, что внизу идет отчаянная схватка, в панике кинулись к выходу из храма.

— Все вон отсюда, немедленно! — неожиданно раздался резкий голос Заркума, перекрывший несусветный шум. В его голосе явственно слышался страх. — Он владеет молниями Уту! Нет нам спасения! Бегите все!

— Спокойно! — Кахха был как всегда хладнокровен. — Найдем и на него управу! Играть с огнем опасно — и скоро он это узнает!

Рыча, Конан обернулся на ненавистный голос, поднимая ладони и готовясь поразить нелюдя солнечным оружием. Но ни Каххи, ни Наркеса, ни Заркума уже не было в храме. До него не сразу дошло, что зал вдруг резко опустел — не только царедворцы покинули его, но и стражники бежали, повинувшись команде наага. Конан и Таргитай, неожиданно для себя, остались одни. Киммериец в пылу битвы погнался за последними воюющими, отчаянно удиравшими наверх, но они успели улизнуть. Окованная железом и бронзой тяжелая дверь захлопнулась перед самым носом варвара.

Все попытки друзей выбраться наружу окончились неудачей. Из-за дверей слышался издевательский хохот наага.

— От судьбы не уйдешь, киммериец! — крикнул он. — Видно, все же предначертано тебе найти конец в этом храме!

— Захлопни свою поганую пасть!.. — Но как бы то ни было — а сила пока что была на стороне наага.

Киммериец попытался прожечь дверь молнией, но магия почему-то не возымела действия.

— Выбраться тебе не удастся, Конан! — вновь раздался насмешливый голос Каххи. — Древние жрецы Эрлика и Уту были людьми предусмотрительными, и против их охранных чар бессильны молнии твоего жалкого божка!

Кахха замолчал, и в наступившей тишине стал различим едва слышный свист. Киммериец и юный правитель, встревожившись, начали исследовать зал в поисках источника странных звуков. И наконец выяснилось, что свист раздается из ямы, которая едва не стала погребальным костром Конана и Таргитая.

— Сет и Нергал! — выругался варвар, неожиданно закашлявшись.

Он догадался, что вызывало свист. Храм, где их заточили, постепенно наполнялся удушливым газом. По всей видимости, яма для сжигания жертв была соединена с трубой, питавшей газом находящийся наверху Светоч Уту.

Становилось трудно дышать. Таргитай и Конан держались руками за грудь, разъедаемую ядовитой смесью, приступы жестокого кашля сотрясали их, на глаза наворачивались слезы. Весь зал постепенно наполнялся голубоватым, почти не различимым для глаз, газом.

— Но и это еще не все! — вновь заговорил нааг. — Вы и так задохнетесь здесь, в этом газе, но это будет слишком милосердная смерть для таких негодяев, как вы! Поэтому через несколько мгновений через трубы будет пущен огонь. О, это будет незабываемое зрелище! Весь воздух вспыхнет — и вы в мгновение ока обратитесь в факелы, и никакие молнии не помогут! Так прощайте же, искатели приключений! Да пожрет Отец Сет ваши душонки!

— Я ему задницу надеру, твоему Сету! — из последних сил прохрипел Конан, ударив кулаком в дверь.

И тут вспышка ярко-белого света ослепила отчаявшихся друзей.

«Конец!» — мелькнуло в головах у обоих. Сейчас ревущее пламя охватит их, и смерть поглотит их в огненных объятиях...

— Так и думал, пропадете вы тут без меня. На день нельзя одних оставить! — раздался вдруг чей-то очень знакомый ворчливый голос.

Зажмурившиеся было Конан и Таргитай открыли глаза, и их изумленным взорам предстал светящийся мириадами огней белый шар, повисший в воздухе перед ними. Внутри него, улыбаясь, стоял Йолчи. Протянув иссохшие руки, он крепко схватил опеломленных Конана и Таргитая и втащил их в светящийся круг.

Новая вспышка ослепила друзей. Их закружило в вихре, уносящемся в бездны пространства и времени. Но друзья успели заметить, как столб ревущего огня вырвался из ямы, и моментально весь храм вспыхнул синим пламенем.

— Сет! — донесся до них издали голос наага, полный ярости и отчаяния. — Проклятый старик! Он вытащил их из пекла!

— Бедный Кахха, — заметил Йолчи насмешливо. — С нами ему явно не сладить. Такой удар!

И белый сверкающий шар с захватывающей дух скоростью помчал их в глубь распахнувшейся звездной бездны по туннелю, пронзающему великую спираль Вселенной.

Глава 1. В Страну Аримаспов

Мерцающий белый шар, вспыхнув в последний раз, рассыпался на бесчисленное множество искр, которые постепенно угасали в кристально чистом, холодном воздухе гор. Конан, Таргитай и Йолчи стояли на небольшой, покрытой бурым ковром травы площадке, козырьком выдававшейся над крутым уступом скалы. Друзья огляделись. Со всех сторон их окружали Рипейские горы — белые известняковые скалы, в расщелинах которых росли искривленные сосны; могучие хребты, похожие на огромных спящих медведей с встопорщенной шерстью темной тайги на склонах.

Горная гряда уходила далеко на север и терялась в ледяном безмолвии легендарной Патении. Конан знал, что если долго пробираться через бескрайнюю тайгу, тянущуюся на запад от Рипейских гор, то можно — если не попадешь на обед к диким зверям и не менее диким лесовикам-людоедам — добраться до рубежей грозной Гипербореи, с которой у киммерийца были связаны самые неприятные воспоминания. Ученые мужи древности почему-то нарекли эту проклятую страну Счастливой. Но Конан твердо знал, что счастливым там может быть лишь мертвец, да и то если колдуны Братства Белой Руки не поднимут его из могилы.

В юности, когда Конан сражался вместе с дружиной Вулфера на северных рубежах Ванахейма и был взят в плен дружиной свирепого Рыжего Ярла, он исходил почти

все ледяные пустоши западной оконечности Туранского материка. А вот те земли, что лежали на восток от Рипейских гор, до сих пор оставались для него загадкой.

— За этими хребтами раскинулась затерянная угрюмая долина, в которой живут аримаспы и грифы, — молвил Йолчи. — Это таинственное плато — цель нашего путешествия. Мы должны добраться до сокровищ грифов прежде, чем это сделают наши враги. Мы просто обязаны остановить Кахху и Заркума, а иначе грянет большая беда.

— Ну, а что же тогда мы тут забыли? — воскликнул Таргитай. — Разве ты не мог сразу доставить нас в Страну Аримаспов? С твоей-то магией?

— Увы, дети мои! — удрученно вздохнул старый волшебник. — Моя магическая сила на исходе. Я истратил ее, когда скитался по мирам нашей Вселенной, а по пятам за мной гнался демон Кантрагор, посланный Заркумом. И хотя Вселенная безгранична и в ней множество миров, мне так и не удалось от него укрыться. Проклятый колдун знал, кого посылать! Я не могу уничтожить Кантрагора — ведь я не небожитель и даже не такой демон, как он. Моя магия направлена на созидание, а не на уничтожение. Единственное, что я мог — тянуть время, таская его за собой по виткам Великой Спирали. На это и ушла вся моя магия. Теперь мне понадобится довольно много времени, чтобы восстановить силы. Если бы мне не пришлось выручать вас обоих, меня хватило бы еще на одну телепортацию, и тогда я бы смог добраться до подземелий грифов. Честно говоря, я не ожидал, что нааг запрет вас в такой ловушке, из которой не способно вызволить даже твое Оружие, Конан. Коварная бестия, что ни говори! Ну что ж, мы тоже не лыком шиты!

— Так ты обо всем этом знаешь? И о даре Митры, вернувшемся ко мне? — удивился киммериец.

— Видишь ли, Конан, я спасал вас не одного человеколюбия ради. Были у меня и свои интересы. Я знал, что к тебе вернулись молнии Уту, и решил использовать это себе во благо. Так что, готовься к схватке! — И старик на удив-

ление проворно отскочил от недоумевающего киммерийца локтей на пять.

Йолчи поступил на редкость предусмотрительно, потому что не успел он договорить, как еще одна вспышка сотрясла округу, и зеленый шар, немного похожий на белый, которым пользовался Йолчи, застыл над горным выступом. Из шара выскочил хорошо знакомый Конану пятиглазый демон и бесцеремонно облапал его своими корявыми ручищами. Судя по всему, он запомнил Конана с прошлой, отнюдь не самой теплой встречи, или же, попросту, сгоряча перепутал его с Йолчи.

Как бы там ни было, тело киммерийца пронзила невыносимая боль. Ядовитая слизь обожгла его кожу похлеще солнечного луча, пропущенного через увеличительное стекло.

Конан изо всех сил пытался вырваться из страстных объятий Кантрагора и, похоже, неворотливый демон догадался, что напал не на того. Он отбросил Конана, как надоевшую игрушку, и, издав жуткий вопль, ринулся прямо на Йолчи.

Демон швырнул Конана так сильно, что тот упал на самый край выступа, и, не удержавшись, покатился вниз. Еще мгновение — и он полетит с огромной высоты. Таргитай метнулся к Конану и успел схватить его ногу.

Конан болтался вниз головой над необъятной бездной. Где-то далеко внизу блестела на солнце синеватая ленточка — горная река, текущая по дну ущелья. Судьба варвара была в руках Таргитая. Надолго ли хватит сил изможденному заключением юноше удерживать такого тяжелого мужчину, каким был Конан в свои тридцать два года? Сам Конан был не в том состоянии, чтобы размышлять на такие темы, однако, в его голове мелькнула мысль о смерти.

Молодой правитель обеими руками вцепился в ногу киммерийца и распластался на краю обрыва, рискуя в любой момент полететь в пропасть вслед за другом. Казалось, жилы Таргитая не выдержат такой нагрузки и вот-вот лопнут. Он прямо-таки слился с землей каждой клеточкой своего тела,

присосался к ней, стараясь почерпнуть у нее хотя бы толику ее могучей силы.

Тем временем ужасный демон все ближе и ближе подступал к Йолчи, прижимая его к скале. На счастье Конана и Таргитая, тварь так увлеклась своей целью, что не обращала на них никакого внимания.

Внезапно Таргитай почувствовал, что нога Конана начала потихоньку выскальзывать из его взмокших ладоней. Отчаянно закричав, юноша изо всех сил рванул Конана назад, и случилось чудо — Таргитай почти вытянул варвара из пропасти. Как только ноги киммерийца оказались над кромкой обрыва, он извернулся и ухватился за Таргитая руками. Последний отчаянный рывок — и Конан вне опасности. Времени на благодарности не было. Конан мгновенно вскочил на ноги, ощущая прилив сил, троекратно усиленный охватившей его яростью. Ну, сейчас он задаст этому шипастому оглоеду! Голубые искорки весело затрепачали вокруг пальцев, собираясь в огненный шар. Как приятно вновь испытывать это ощущение! Набрав в мощную грудь побольше воздуха, Конан проревел боевой киммерийский клич и пустил в гребенчатую спину демона молнию.

Дикий крик боли многократным эхом отозвался в пиках Рипейских гор. Казавшийся неуязвимым демон пошатнулся. В его спине зияла огромная рваная рана, из которой хлестал отвратительный, зловонный ихор. Но Контрагор был еще жив. Он повернулся и медленно пошел на киммерийца.

Конан пустил новую молнию, и она навсегда потушила кровавый свет пяти алчных глазниц твари и заодно снесла ему полбапки. Жалобно завывая Контрагор вертелся волчком на одном месте и истекал зеленоватой жижей, вместе с которой из его несуразного тела выходила жизнь. А охваченный азартом киммериец посылал все новые и новые молнии в издыхающую тварь, пока на ее месте не осталась дымиться кучка пепла.

Конан издал возглас ликования и, повернувшись в сторону Аргайма, торжествующе прокричал:

— Ну что, надрал я задницу твоему демону, а?

— Как хорошо, что демон не умеет просить пощады! — промолвил Йолчи, снисходительно поглядывая на веселящегося киммерийца.

— Ты-то уж помолчал бы! — огрызнулся Конан, понемногу приходя в себя. — Подставил меня этому воиючему варану, а теперь смеется!

— Ну, не сердись, Конан, не сердись! — Йолчи похлопал его по могучему плечу. — Надеюсь, ты не будешь на меня в обиде, если узнаешь, что Оружие Митры вернулось к тебе только благодаря моей ... хм, если так можно выразиться, протекции.

— Что-что? — Конан в недоумении поглядел на Йолчи.

— Именно так, мой горячий варвар! Бог Солнца Уту, он же Митра, он же Ра, и так далее, был очень сердит на тебя. Я с большим трудом убедил его вернуть тебе власть над молниями. В конце концов, он сдался, но серьезно предупредил, что не собирается во второй раз возвращать тебе рассудок. Мне пришлось за тебя поручиться.

— Так вот оно что! — протянул Конан. Он пристально поглядел на посмеивающегося кудесника. — Кто ты, Йолчи? — тихо спросил он. — Бог? Дух?

— Да нет, Конан, — ответил Йолчи, продолжая улыбаться, — я и не бог и не дух, хотя, пожалуй, ближе к последнему. Мне трудно объяснить тебе, кто я такой на самом деле. Придет время — и вы все узнаете, юноши! А пока считайте меня духовным наставником молодых героев, сражающихся с силами Зла. Можете называть меня Учителем, если это вас не обидит.

— Учитель? — переспросил Таргитай. — Так ты такой же, как Тан У?

Йолчи ласково посмотрел на юношу и кивнул.

— Ты можешь считать меня подобным ему, мой мальчик! Твой Учитель безвременно покинул тебя, но я пришел заменить его!

— Так вот почему ты мне его так сильно напоминаешь? — спросил Таргитай.

— Должно быть, так. Все Учителя похожи друг на друга. Не так ли, Конан? Ведь в твоей жизни тоже был Учитель?

— Да, — кивнул киммериец и помрачнел. — Он помог мне стать слугой Митры. К сожалению, я не оправдал его доверия.

— Не казни себя за это! — мягко сказал Йолчи. — И не сомневайся — мое доверие ты оправдаешь!

* * *

Процессия из трех человек — старец в одежде из лоскутков, увешанной всевозможными амулетами, и два высоких, молодых мужчины — двигалась по едва заметной тропе. Это была древняя потаенная тропа — так называемая дорога Пегого Быка, по которой поколения отчаянных смельчаков пробирались в загадочную Страну Аримаспов. Тропинка петляла меж могучих стволов вековых елей — вершины которых, как мачты, уходили в серое облачное небо, а корни намертво вросли в склоны древних кражей — и меж белоснежных берез, кроны которых уже позолотила ранняя северная осень.

Древняя тропа, ведущая к сказочным богатствам, была абсолютно безлюдной. Иногда Конану удавалось подстрелить неосторожную косулю или зазевавшегося зайца, который, обнаглев, выскакивал перед самым носом. Тут же, не отходя от тропы, служившей странникам путеводной нитью, они свеживали добычу, разводили костер, готовили и ели пищу, а затем отдыхали. Ночи были холодные, и к утру брови и ресницы Конана и Таргитая покрывались инеем, а роскошная седая борода Йолчи превращалась в сосульку.

Край был дик, суров и красив — особенной северной красотой. Нависавшие над тропой могучие ели и сосны, казалось, нашептывали древние саги о могучих богатырях, чьи могилы путники встречали на перевалах, о неведомых существах, тающихся в дебрях леса, о первобытных охотниках, крадущихся в глухой чаще, сжимая в руках каменные топоры... Однажды Конану почудилось, что в локтях ста пятидесяти от них на тропе стоит обросший человек в звериных шкурах с копьём в руках и пристально смотрит на путешественников. Однако не успел Конан

моргнуть, как дикарь исчез — будто растворился в воздухе. Недоумевая, киммериец оглянулся на спутников и по их напряженным лицам сразу понял, что это был не мираж.

Больше им дикари не встречались, но с того случая руки Конана и Таргитая все время лежали на рукоятках мечей — они постоянно чувствовали, что из дебрей за ними следят маленькие, свирепые глазки.

— Копыта Нергала! — вполголоса ругался Конан, окидывая зорким взглядом замершие в тревожном молчании окрестности. — Эти лесовики хуже пиктов! Те бы уже давно с воплями выпрыгнули на нас из-за деревьев! А эти, видно, хотят взять нас измором!

— Жители тайги не тронут нас, — заверил друзей Йолчи, — им не впервой встречать на своих землях пришельцев с юга. Местные дикари стараются не показываться на глаза, их пугает все, что лежит за пределами этих дремучих лесов. Хотя в бою они бывают свирепы. И уж если отряды работорговцев из Страны Городов находят их таежные становища — дикари защищают свою свободу с яростью волков.

— Что ж, их можно понять! — заметил Конан. — Набег работорговцев — главная беда всех северных варваров. Клянусь Кромом, на свете нет ничего хуже рабства! Разве только — колдовство.

— А по мне — все едино! — отозвался Таргитай. — Я рос в Кхитае и всего этого насмотрелся досыта! Нет рабства более жестокого, чем в Кхитае, и нет более злобных колдунов, чем маги Алого Кольца! Но больше всего я не люблю в кхитайцах — надменность. Жители Яшмового Государства свято верят в то, что лишь они — настоящие люди. Остальные для них грубые варвары, животные, годные лишь на то, чтобы сидеть в неволе у настоящих людей или же платить им дань.

— Жизнь всем воздает по заслугам, — заметил Йолчи. — В истории были случаи, когда варвары заставляли надменных и напыщенных горожан платить дань. Не за горами тот день, когда на Священный Нефритовый Престол

взойдет грубый и свирепый дикарь, который попреет все устои «незыблемого» Срединного Государства ногами, обувшими в сапоги из невыделанной бычьей кожи. А кичливым кхитайцам, как последним рабам, придется пасти на своих рисовых полях табуны косматых лошадей невежественных пришельцев. Да и аколитам Алого Кольца не долго осталось держать в страхе весь Восток. Найдется и на них управа, — загадочно молвил Йолчи и почему-то взглянул на Конана. Глаза его сияли живым солнечным светом. — И такое будет случаться всякий раз, когда жители цивилизованных стран слишком пресытятся, ослабнут в бесчисленных оргиях и захлебнутся в своей дикой бессмысленной жестокости по отношению к другим людям, которых они держат за скотов! Такова высшая справедливости! Раззолоченные тирании рухнут под копытами варварских коней, но через какое-то время появятся вновь и будут царить, пока разжиревших завоевателей не повергнут в прах новые орды — более сильные, дикие и голодные. Колесо истории не остановить, но ступицы его всякий раз возвращаются на прежнее место. Ничто не ново на этом свете, ничто!

— Не знаю, как другие страны, но вот Кхитай точно заслужил такую участь! — горячо воскликнул юноша. — Слишком уж бесчеловечны его законы. И их слишком много! Слишком много чиновников, которые указывают, как есть, как пить, как спать, как заниматься любовью и рожать детей, как сеять рис и как его собирать, во что одеваться, какие петь песни... Вдобавок ко всему, им еще надо платить за каждый шаг. Едешь в другой город — плати за отпускное свидетельство, за свидетельство об уплате налогов, за дорожное свидетельство и за свидетельство о въезде! Женишься — плати налог за свадьбу, налог за первую брачную ночь, за свидетельство о вводе в семью нового человека! Ну и так далее! Вздохнуть нельзя свободно! А не уплатишь все эти поборы в установленный срок — плати штраф, да еще и бамбуковыми палками по пяткам угостят! А потом еще придется давать взятку чиновнику, чтобы он разрешил уплатить налоги во внеурочное время! Иначе —

в долговую яму! А ведь есть еще и налоги в казну Императора, в казну монастырей и храмов! Потому-то крестьяне в Поднебесной и шатаются как былинки на ветру! А случись война — сколько семей пойдут по миру! Родители собственноручно продают маленьких девочек и мальчиков в публичные дома, чтобы дети не умерли с голоду! Нет, что ни говори, в моем государстве — все не так. Здесь больше свободы! Здесь почти так же, как в Великой Гирканской степи, где все люди — вольные как ветер! Хорошая здесь страна!

— И станет еще лучше, если очистить ее от всякого дерьма! — добавил Конан.

— Да, ты прав! — согласился Таргитай. — Но мы справимся с этим, я уверен! И когда я вновь взойду на Хрустальный Престол, я постараюсь искоренить все зло в моем государстве! И уж никогда не подпущу к себе таких женщин, как Наркес! — И правитель выразительно сплюнул.

— Как я тебе завидую, Конан! — доверительно продолжал он. — В женщинах ты разбираешься гораздо лучше, чем я! У тебя есть Борта — преданная и самоотверженная. Она всегда будет ждать тебя!

— Ждать-то она будет, это точно, — неожиданно опечалившись прробормотал киммериец. — Но я заставляю ее ждать слишком долго! Как она без меня? Где она теперь? Где ее искать?

— Зачем искать то, что само идет в руки? — раздался звонкий, девичий голос.

— Борта?! — Конан не поверил своим глазам, когда из-за елей вышла его возлюбленная — улыбающаяся, раздумывавшаяся от долгой быстрой ходьбы на горном воздухе, и все такая же красивая в своей охотничьей одежде. Борта появилась не одна. С ней пришли кемеры, скрывавшиеся в горах от наага, беззлобно ворчащая что-то себе под нос старая Мохира и Саидхан, нервно теребивший свою изрядно пордевшую бородавку.

— Я же сказал — ждать меня в караван-сарай! — шутливо насупив брови, прорычал Конан.

— Ты же знаешь, я не из тех, кто ждет у моря погоды! — воскликнула Бортэ, бросившись кимерийцу на шею, и Конан ощутил полузабытый вкус ее свежих губ...

* * *

... В такой большой компании идти в Страну Аримаспов стало гораздо веселее.

Бортэ поведала Конану и его друзьям свою историю.

После отъезда Конана она трое суток провела в обществе Саидхана, который был наповал сражен ее красотой и отнюдь не выказывал неудовольствия по поводу затянувшегося ареста. А вот Бортэ смертельно устала от его бесчисленных комплиментов и славословий.

— Рекомендую вам этого старца в качестве придворного менестреля, Ваше Величество, — шутливо заявила Бортэ Таргитаю. — В последние сутки нашего пребывания в караван-сараях в нем внезапно проснулся поэтический дар.

— Исключительно благодаря вам, моя госпожа, сияющая подобно утренней звезде, — пробормотал старик, глядя на девушку влюбленными глазами. Свои чувства он проявлял так наивно и откровенно, что кемеры начали переглядываться и подмигивать друг другу. Конан шутливо погрозил Саидхану кулаком, после чего старик заметно присмирел.

— И вот так все время, — со смехом пожаловалась Конану Бортэ. — Под конец я не выдержала и чуть было не отправила Саидхана на все четыре стороны, но сдержалась, помня о твоём наказе не отпускать его. Да и разве бы он ушел, этот прилипала? Как только я узнала, что ты попал в плен, я поспешила в Аргайм, ну и Саидхан, конечно, потащился за мной. В предместьях Аргайма я стала свидетельницей бойни, которую устроили в племени кемеров Аб-Сабал, Кахха и Заркум.

— Гвардии Серебряных Грифов больше не существует, Конан, — подтвердил ее слова пожилой, покрытый шрамами воин по имени Кайрат Одноглазый, судя по всему он был вожаком в отряде спасшихся кемеров. — Впрочем, славного племени кемеров тоже почти не существует. Весь

цвет нашего народа истреблен злодеями. К счастью, почти половине наших удалось избежать гибели и сейчас они скитаются по тайге и горам. Многие из них решили навсегда покинуть эту землю, Она оказалась такой негостеприимной! Они ушли на восток, в Загорье, в дикие степи и леса искать лучшую долю и новую родину. То, что случилось с нашим народом, — ужасно. Теперь-то мы знаем, что вы, Ваше Величество, сами стали жертвой подлой измены, но в те черные дни ваше имя стало бранным словом в устах кемеров. Простите меня за откровенность, но теперь вас в народе кличут не иначе, как правитель-предатель. Вас проклинаят за то, что вы жестоко извели отважное племя, без помощи которого вам никогда бы не удалось взойти на престол, и за то, что вы предали память отца, матери и дядей, приблизив к себе их убийцу — Заркума. Если бы люди знали, чьих это рук дело! Мне очень жаль!

— Ничего, ничего, — успокоил его Таргитай и опечаленно обратился к Конану: — Я же говорил, что нааг втоптал мое доброе имя в грязь!

— Измена, государь, страшная измена! — закивал Кайрат. — Но я и мои люди — верны вам! Вы можете во всем на меня положиться! В молодости — когда был поотчаяннее — я не раз путешествовал в Страну Аримаспов. Так что я смогу найти общий язык с великанами!

— А это правда, что они одноглазые? — полюбопытствовал Таргитай.

— Вранье, Ваше Величество, — ухмыльнулся Кайрат. — У них два глаза, как у обычных людей. А сказка про то, что у них только один глаз, да и тот во лбу, пошла от того, что они одевают на голову специальные повязки, на которые крепят фонарики. Этими фонариками они светят себе, когда спускаются в подземелья сражаться с грифами.

— И какие же они из себя, эти грифы? — поинтересовался Конан. — Ведь я всегда считал, что грифы — обычные стервятники.

— Э, нет, Конан, — Кайрат энергично замотал головой, — не путай тупых пожирателей падали с древними чудовищами, живущими в горных и подземных пещерах Страны

Аримаспов и вылетающих на поверхность земли только по ночам. Рипейские грифы — удивительные существа! У них тело льва, а крылья, шея и голова — птичьи. Они прекрасно видят в темноте. Но самое главное — грифы безмолвны! Именно это и вызывает жуткий страх! Ладно, если б они рычали, визжали или ревели, так нет. Даже нападая на врага, грифы хранят гробовое молчание... — торжественно и мрачно закончил свой рассказ Одноглазый.

— Добавьте к этому еще то, что они дети не нашего мира, — заметил Йолчи. — Когда-то в незапамятные времена, еще до Великого Потопа, неземные существа, которых обычно называют Богами Высших Сфер, привезли с собой эти молчаливые создания, идеально подходящие на роль цепных псов. С тех пор грифы свято блюдут заветы Высоких Богов, охраняя и постоянно приумножая их несметные богатства. В их подземельях есть нечто особенно ценное — то, что грифы стерегут как зеницу ока, то, что дороже, чем все золото, добываемое ими в недрах гор и в подземных золотоносных реках, уходящих в бездну Апсу. Самое великое сокровище грифов — Шип Тиамат.

* * *

— Они опережают нас примерно на полдня пути, — доложил военачальник Аб-Сабал, подъехав к Каххе, восседавшему в роскошном паланкине. Четыре неугоминых раба-аргиппея несли его во главе большой процессии, продвигавшейся по дороге Пегого Быка. Рядом, завернувшись в одеяло, подбитое рысьим мехом, мирно посапывала законная супруга Кахха и, милостью Уту, королева Сакалибы — прекрасная Нэркес.

С недавнего времени при королевском дворе вошел в моду рысий мех. А некоторые, наиболее ретивые придворные, уже сделали заказы златокузнецам на инкрустацию доспехов и эфэсов мечей змеиным орнаментом. Культ Отца-Змея постепенно проникал в Страну Городов, отравляя сознание и души людей.

— А могу ли я доверять твоим сведениям? — вкрадчиво спросил наага. Аб-Сабал проглотил комок, застрявший в

горле. За последние две седмицы молодой правитель сильно изменился. Власть, конечно, всех портит, но вот отец его таким не был. Очевидно, все из-за Заркума. А ведь поллуны назад никто себе такого и представить не мог. Как только Таргитая уговораздило приблизить к себе подлого чародея, который убил всю его семью? Колдовство, не иначе. А началось все с изгнания Конана из дворца. Впрочем, об этом Аб-Сабал не особо любил вспоминать, так как сам возвысился лишь благодаря той неприятной ночи. Аб-Сабал угодливо улыбнулся и ответил:

— Сведения абсолютно надежны, мой государь! Их регулярно доставляют наши лазутчики — аргиппеи. Они быстро нашли общий язык со своими местными соплеменниками из тайги, и теперь за бунтовщиками ведется неусыпное наблюдение.

— Ну что ж, прекрасно! — Наага задумался.

— Что будем делать, Ваше Величество? — вежливо прервал его размышление Аб-Сабал. — Прикажете догонять?

— Нет, не стоит. Мы придумаем кое-что получше. Сейчас же пришли ко мне Заркума. А твои люди пусть продолжат наблюдение.

— Будет исполнено! — и низко склонив голову, военачальник развернул коня и поскакал прочь от наага, на губах которого играла злобешая усмешка.

— Мы обгоним их, глупый человечешко! Обязательно обгоним! — произнес он и потрепал своей шершавой, униженной дорогами перстнями рукой бархатистую щеку сладко спавшей Нэркес.

* * *

По мере продвижения на северо-восток местность, окружавшая дорогу Пегого Быка, менялась на глазах. Тайга заметно поредела, ее сменили негостеприимные пустоши, заваленные горами камней, меж которыми росли низенькие, искривленные деревца. Горы тоже изменились. Все чаще попадались неприступные утесы, подавлявшие своим угрюмым величием.

— Мы уже совсем близко! — заявил Кайрат. — Скоро вы увидите знаменитых великанов!

Путники заметно волновались — еще никому из них, за исключением Кайрата и пары кемеров, не доводилось бывать в загадочной, приводившей в ужас Стране Аримаспов, известных своим суровым нравом. Спокойствие сохраняли лишь Кайрат, Йолчи и старая Мохира, которую соплеменники и внучка почти силком увели с собой из под Аргайма, где ей грозило заключение в подземельях Зиккурата Уту или даже страшная смерть в храме Уту Безжалостного. Похоже, бойкая старуха совсем ничего не боялась и, беззвучно шевеля губами, быстро перебирала связку амулетов из медвежьих и волчьих зубов. Глядя на нее, и у остальных появлялось желание не поддаваться страху. Однако волновались все — и Таргитай и даже киммериец, умело скрывавший свои чувства за каменной маской суровости.

Путники шли в напряженной тишине. Наконец они поднялись на крутой утес, за которым, по словам Кайрата, начинались владения аримаспов, и их глазам открылось потрясающее зрелище.

По краю огромного каменистого плато, со всех сторон окруженного неприступными скалами, в багряных лучах заходящего солнца медленно шествовала величественная процессия исполинов, одетых в звериные шкуры. Аримасы шли вперевалку, тяжело ступая огромными ногами, обутыми в несуразные сапоги.

Вероятно, на каждую пару ушла целая лосиная или оленья шкура. Хотя вереница великанов двигалась на значительном отдалении от остолбеневших путников, им были хорошо видны огромные мышцы, перекачавшиеся под грубой дубленой кожей, крупные черты мрачных лиц, большие, близко посаженные глаза, поблескивавшие из-под лохматых бровей. На низкие лбы исполинов были надеты кожаные повязки, в центре которых ярким беловато-желтым светом горели круглые фонари. Точь-в-точь, как рассказывал Кайрат. Издалека действительно могло показаться, что во лбу великана зловеще горит всего один глаз.

Несмотря на то что все исполины были почти в два раза выше Конана, шли они с трудом, сгибаясь под тяжестью

огромных, сшитых из шкур мешков, туго набитых чем-то твердым и увесистым. Шествие замыкали аримасы, которые несли большущие носилки, сделанные из стволов деревьев. На носилках лежали огромные, прикрытые шкурами окровавленные тела. Ветер донес до путников низкий стон, подобный раскату грома и исполненный неподдельного человеческого страдания.

— Они возвращаются с добычей из подземелий грифов, — прошептал Кайрат, провожая взглядом удаляющееся шествие гигантов. — Сегодня они взяли большую добычу. Если бы мы были настоящими купцами, то могли сорвать неплохой куш на торговле с ними.

— А если вы не купцы, то кто же? — низкий, раскатыстый бас проревел гирканские слова почти без акцента. Все мгновенно повернули головы на голос и увидели гиганта, который спокойно разглядывал пришельцев, сложив мощные руки на необъятной груди. На поясе аримаса висел огромный тесак.

— Меня зовут Агбал, — пророкотал аримасп, — и мне бы хотелось знать, кто вы и зачем явились в наш край, если не собираетесь с нами торговать?

Руки Конана и Таргитая невольно потянулись к мечам, но Йолчи вышел вперед и мягко остановил их. Волшебник смело подошел вплотную к великану — на фоне гиганта он казался ребенком с накладной седой бородой — и сделал странный знак в воздухе. Внимательно наблюдавший за его манипуляциями Агбал преобразился. Почтительно наклонив голову, он повторил знак, сотворенный старцем, и не без уважения в голосе проговорил:

— Прошу вас следовать за мной, мудрый старик и его спутники. Человеку, который *помнит*, всегда будет оказан теплый прием в нашей стране...

* * *

— Они уже в Стране Аримаспов, мой дорогой Заркум, — промолвил Кахха. Он вальяжно развалился на медвежьих и рысьих шкурах, разостланных на поляне. Отхлебнув из серебряного фиала терпкой аруки, которая, хоть немного, но

согревала его вечно холодную кровь, нааг продолжил свою беседу с колдуном, сидевшим у него в ногах.

— Проклятые бунтари опередили нас — во всяком случае, в этом меня заверял наш туповатый вояка Аб-Сабал. Но теперь настало время нам опередить их. Где твой мегакситар?

— Он готов! — произнес Заркум срывающимся голосом.

— Разводи костер! — сухо приказал Кахха. — И клики эту распутницу! Она побежала в лес собирать дурман-траву. Она жить без нее не может, совсем как аргишпейские шаманы. Приведи ее сюда. Мы должны прибыть на место втроем.

— А как же быть с рабами, воинами, лошадьми, свитой? — недоуменно спросил колдун. — Мы оставим их здесь?

— Да, они будут ждать здесь, — ухмыльнулся Кахха, — но не нас, а второй вселенской катастрофы. Я больше не нуждаюсь в людях. Как только Шип Тиамат окажется в моих руках, я обрету поддержку сил, могущество которых нельзя сравнить ни с чем. А за этот мусор из плоти и крови ты не переживай — я сам им займусь! Выполняй мой приказ!

Колдун бросился исполнять поручение, а Кахха встал и резко свистнул, подзывая к себе людей, расположившихся на отдых. Когда все — придворные, принявшие участие в экспедиции, воины во главе с Аб-Сабалом, невольники и даже повара — были в сборе, Лжетаргитай обратился к ним с краткой, но выразительной речью:

— Мои дорогие подданные! — молвил нааг со снисходительной улыбкой. — Я хочу поблагодарить вас за преданность мне, и за рвение, которое вы проявляли на протяжении этого многотрудного путешествия. Я хочу сделать вам небольшой подарок. Надеюсь, он порадует вас. И помните, когда мы доберемся до Страны Аримаспов, вам достанется гораздо больше сокровищ, чем сейчас! Держите же! — и, размахнувшись, нааг швырнул в толпу горсть ярких самоцветов, совсем недавно украшавших его змеиную корону.

Дикий вопль радости прогремел над лесом и, забыв о правилах хорошего тона и сословиях, их разделявших, люди, ругаясь и сталкиваясь лбами, начали ползать по поляне, лихорадочно собирая щедрые дары «правителя». Нааг с иронической усмешкой наблюдал за сценой торжества человеческой алчности.

Но вот, постепенно, движение на поляне стало стихать. Каждому досталось хотя бы по одному драгоценному камню. Их хватило на всех, как и рассчитывал коварный Змей. Лесная поляна представляла собой великолепный скульптурный ансамбль — группу людей, замерших в различных позах и переливавшихся синими, зелеными и красными огнями. Особенно живописен был сапфировый Аб-Сабал, застывший на четвереньках и недоуменно разглядывавший камень, подаривший ему столь странную смерть.

— Великолепно! — восхитилась Нэркес, которую Заркум привел из леса. — Какая красивая смерть!

— Да, — согласился нааг, пристально глядя ей в глаза, — но не всем суждено умереть так. Что ж, начнем. Жаль, что лошадей не интересуют драгоценности, но зато лошади интересуют волков и медведей. Ну и Сет с ними!

Языки магического костра поднимались высоко в небо, и его сполохи отражались в драгоценных статуях. Нааг уверенно швырнул в огонь большую горсть волшебного порошка. Два-три свистящих слова — и пламя взметнулось почти до деревьев, разорвав тьму и открыв взгляду величественную серую скалу.

— В этой скале находится потайной ход, ведущий прямо в подземелья грифов! — торжественно молвил Кахха.

Пока киммерийский ублюдок и его дружки будут наслаждаться гостеприимством аримаспов, мы уже доберемся до заветной цели. — И нааг уверенно вступил в поглотившее его зеленое пламя.

Нэркес, впервые присутствовавшая при этой сцене, вскрикнула, но уже через мгновение расширенными от изумления глазами узрела маленькую фигурку Змея, стоявшего у подножия неприступной скалы. Он сделал не-

сколько пассив в воздухе, и каменная твердыня, задрожав, стала расходиться в стороны, обнажая чернеющее пятно лаза.

— Вот это мастерство! — искренне восхитился Заркум. — Никакой крови девственниц, никакой мандрагоры! Повел руками — и все! Боистину, это великая раса! Последуем же за нашим властелином! — фанатично воскликнул он и, толкнув обомлевшую Нэркес в костер, прыгнул за нею. Вскоре, исчезнув в недрах древней скалы, троица направилась к заветному талисману, а на поляне остались лишь зеленоватые угольки, таинственно мерцавшие среди окаменевших людей...

Глава 2. В подземельях грифов

Кахха, Заркум и Нэркес шли по узкому, утыканному сталактитами и сталагмитами тоннелю, в незапамятные времена вырубленному неведомо кем в чреве скалы. Путь им освещал небольшой круглый шар, который Кахха выпустил из своей ладони, он плыл впереди по воздуху и рассеивал тьму ярким ровным голубоватым светом. Не только слуги Митры обладали даром разить врага с помощью небесного огня, древние нааги тоже использовали молнии, так называемые «Стрелы Сета». Но Кахха прекрасно знал, что это оружие не может противостоять мощи Великого Бога Света, ведь не без помощи священных молний Митры в древности был побежден сам Змеебог.

С прочими же существами — разумными, вооруженными копьями и мечами, или животными, с клыками, когтями и чешуей — «Стрелы Сета» могли легко справиться, даже жуткие безмолвные стражи мрачных подземелий, с которыми им суждено было встретиться в самом скором времени, не пугали их.

Но нааг был уверен, что «Стрелы Сета» окажутся ненужными. Достаточно будет показаться грифам в его подлинном обличье и с короной на голове. Хотя в ней и поубавилось камней, но сверкала она по-прежнему ярко и излучала ауру древней власти змеелюдей. Грифы покорятся ему, он в этом не сомневался. Им тоже известно древнее Зурийское Предсказание...

К рассвету следующего дня Агбал привел отряд Таргитая в поселение аримаспов. Оно представляло собой беспорядочное скопление огромных башен из гигантских валунов, не скрепленных каким-либо раствором, но положенных вплотную друг к другу без единого зазора. На высоте примерно семи локтей виднелись бесформенные провалы окон-бойниц. В каждом таком «доме» можно было запросто выдержать длительную осаду. Конан обратил внимание, что крыши всех башен густо утыканы заостренными железными пштырями, грозно смотрящими в небо в ожидании атаки тех, против кого они были поставлены, — Грифов. Поселение великанов буквально дышало войной, которая не прекращалась уже несколько тысяч лет.

В центре этого урюмого поселка-крепости находилось некоторое подобие площади, на которой возвышался грандиозный алтарь, сооруженный из базальтовой плиты на трех массивных каменных основаниях. По ребру плиты змеялся затейливый орнамент, глубоко врезаемый в камень. Высокое мастерство, с которым он был выполнен, заставляло думать, что его создали не аримаспы, грубый, примитивный быт которых отрицал саму идею искусства. В хитроумном переплетении узора глаз Конана уловил один мотив, повторяющийся с назойливым постоянством. Это была эмблема, не поддающаяся описанию, не похожая ни на один символ цивилизованных или варварских народов, таинственная, пугающая и завораживающая, обладающая некой притягательной силой. Удивительная эмблема немо свидетельствовала о непостижимой глубине, бесконечности, о неисчислимых веках, уходящих во тьму времен, когда человек был юн, и иные боги повелевали им...

Киммериец мучительно вспоминал, где же он мог видеть этот удивительный символ? Он знал его, точно знал! И с чем-то это его знание было связано: с одной стороны — с его прошлым, а с другой — с недавними действиями Йолчи. Ну конечно же! Именно такой знак волшебник начертил в воздухе перед Агбалом, а затем тот почтительно склонился перед стариком и назвал его тем, кто *помнит*... Кром! Да

это же... Конан уловил устремленный на него пронизательный взгляд Йолчи.

— Ты тоже знаешь, сын мой! — угадав его мысли, молвил старый кудесник. — Да, это символ Джеббала Сага — великого божества седой древности, которому поклонялись когда-то все: звери, птицы, люди, нелюди... Все, кроме нагов и грифов.

— О, Кром! — не удержавшись, воскликнул Конан. — Я слышал об этом божестве! Ну да, конечно же!

В голове его мгновенно промелькнули картины десятилетней давности: Заповедная роща в Пустошах Пиктов, недалеко от зингарской границы, могучий волк-проводник с разумным взглядом, который привел его и Сантидио к лесному обиталищу дриады Дестандази — служительницы древнейшего из культов; стая летучих мышей из числа тех, кто *помнит*, они помогли ему тогда справиться с ожившими каменными воинами короля Калениуса...

Были еще случаи в его жизни, когда случайный намек на то, чему поклонялись Древние, будоражил память, наполняя ее смутными видениями, выплывавшими из глубин подсознания... Вожак вендийских слонов, поклонявшийся символу, выбитому на плитах разрушенного забытого храма в глубине джунглей; загадочный черный музыкант с берегов Зархебы... Культ Джеббала Сага — таинственный и старый, как и сам мир.

— Аримаспы до сих пор поклоняются Сагу. Это их верховное и единственное божество, — прошептал Йолчи. — Ради Джеббала они проведут нас к Тому, кто поможет нам совладать с Тиамат...

...Люди шли через поселок, неуверенно оглядываясь; кое-кто уже заметил, что из некоторых домов-башен выходят аримаспы и с любопытством разглядывают их. Наконец из одной башни, которая была выше всех прочих, вышел белый как лунь старик-великан, опирающийся на исполинский посох. Не говоря ни слова, седовласый гигант присоединился к Агбалу. И лишь когда процессия достигла площади, старый аримасп подошел к людям и пророкотал, обращаясь к Йолчи:

— Что привело тебя сюда, исповедник воли Великого Сага? Для нас великая радость видеть в нашей заброшенной стране человека, который *помнит*. Давно, очень давно мы не видели людей, поклоняющихся Джеббалу. Лишь караваны торговцев приходили сюда, гонимые неуголимой жаждой золота. Но это были люди, забывшие о *святых заветах*... Так что же ты ищешь в Стране Аримаспов?

— Мне нужен Дух Огня,— после некоторого молчания молвил Йолчи,— срок его наказания истек. Для него настал час получить свободу и искупить свою вину перед *вышшими*. Силы Хаоса как никогда близки к пробуждению в этот день. Если черный монстр выпустит из бездны Апсу древнее чудовище, нам всем грозит страшная беда. Вашей расе и расе людей грозят смерть и рабство, если наступит новая Эра Змей. Со мной человек, который в силах освободить Духа Огня. Такова воля Джеббала Сага!

— Такова воля Джеббала Сага.,— повторил старый великан.— Хорошо. Агбал проведет вас к Духу Огня. Он знает дорогу.

* * *

Неожиданно черные крылатые тени закружились перед троицей, возглавляемой Змеем. В свете шаровой молнии они с замиранием сердца наконец-то узрели легендарных грифов. Древние неземные чудовища выглядели точно так, как их многократно описывали, но от этого они не переставали внушать страх, панический, первобытный, усугубляемый гробовым молчанием тварей.

Тела грифов покрывала крепкая, отливавшая сталью чешуя, но при этом львиным поджарым торсом и мощными лапами с когтями в три пальца длиной они походили на хищных зверей. По спине, украшенной парой необычных — перепончатых, как у нетопыря или древнего ящера, и в то же время покрытых чешуей — крыльев, втрое превышавших размах орлиных, шел шипастый костяной гребень, продолжавшийся на длинной шее и заканчивавшийся на маленькой, почти птичьей голове с торчащим длинным клювом.

Пасть внутри клюва была сплошь усеяна крепкими острыми зубами. С обеих сторон грозного клюва горели багряным огнем круглые, как плошки, глаза, в которых светился разум. Без всякого сомнения, грифы были разумной расой, однако в Иерархии Высших Богов, переселившихся на Землю из неведомого, призрачного мира, они занимали положение цепных псов.

При виде грифов, вьющихся под потолком тоннеля, Нэркес невольно взвизгнула, но властная рука Каххи сжала ее локоть с нечеловеческой силой. Онемев от ужаса, красавица посмотрела на эту руку, которая тут же превратилась в сухую синевато-зеленую чешуйчатую лапу ящера. Парализованная страхом Нэркес перевела взгляд на того, кто до сих пор представлял перед ней лишь в облике Таргитая. Нааг, гордо выпрямившись, стоял в своем истинном обличье, и на его безобразном голом черепе сверкала и переливалась древняя корона. Желтые немигающие глаза с вертикальными зрачками, внутри которых плясали свой магический танец кобры, были устремлены на чудовищ. И грифы признали своего нового повелителя. Они ждали его уже несколько тысяч лет. Невероятно древнее Предсказание предрекало им появление Короля-Змея, который освободит их от рабства Высших Богов.

«Ведите нас к Шипу Тиамат!» — отдал грифам мысленный приказ Кахха. Желтые глаза его горели торжеством...

* * *

Агбал вел Йолчи и его спутников все дальше и дальше, в глубину грозных скал, пики которых тонули в серых угрюмых облаках. Чем выше они поднимались, тем труднее становилось дышать, словно грудь изнутри начали покалывать сотни невидимых иголок. Пожалуй, лишь киммериец да бывалый Кайрат чувствовали себя вполне нормально. Был еще, правда, Йолчи, но его никто и не брал в расчет. Сухонький старичок двигался легко и уверенно, не отставая от тяжело вышагивавшего великана.

Конан с тревогой смотрел на Бортэ, лицо которой было бледным, а дыхание — прерывистым, и на ее бабу, которая

хоть и ловила воздух раскрытым ртом, но тем не менее упорно ковыляла вперед.

— Милая моя, почему бы вам с Мохирой не остаться внизу, в поселке и не подождать нас там? — предложил Конан Бортэ. Но та запротестовала:

— Я справлюсь, Конан. Мое место рядом с тобой. И за Мохиру можешь не бояться, она черпает силы из самой земли.

Киммериец с сомнением покачал головой:

— Дело ваше. Но дальше будет труднее.

И он пошел вперед, не оглядываясь на женщин и не выказывая жалости. Это было не в его привычках — рассыпаться в бесплодных и лживых сожалениях. Раз они решили идти дальше — это их дело, они знали, на что решились. Он не думал о жалости, но, случись беда, мог, не задумываясь, напоить женщин своей кровью, дабы вдохнуть в них новые силы, или же просто взвалить их на спину, если они не смогут идти. Он не обдумывал свои поступки — сама жизнь требовала от него совершать то или иное в зависимости от обстоятельств.

— Уже близко! — сообщил Агбал, до этого хранивший угрюмое молчание. — За следующим перевалом вы увидите скалу Духа Огня. — Поразмыслив немного, он добавил: — Можете считать себя первопроходцами. В этих горах еще ни разу за многие миллионы лет не ступала нога человека.

— Но даже здесь есть символ Джеббала Сага, — прошептал Йолчи, указывая на ближайший выступ скалы.

Из уст людей вырвался благоговейный вздох: глубоко в скальной породе была вырезана знакомая эмблема, которую не могла начертать человеческая рука. Волосатые предки людей еще ползали по деревьям, а знак могущества невероятно древнего божества уже был выбит на этом камне, и время не властвовало над ним.

* * *

Наконец-то он у цели! Заветная пещера открылась торжествующему взору наага, и ее стражи покорно привели его к средоточию сокровищ. Наркес и Заркум, широко

раскрыв от восхищения глаза, разглядывали сокровищницу грифов. А восхищаться было чем.

Пещера буквально переливалась множеством оттенков всех цветов радуги: своды ее были сплошь усыпаны драгоценными камнями, сверкавшими так, что глазам было больно. Аметисты, сапфиры, изумруды, топазы, рубины и сотни других камней, названия которых никто не знал, но от этого они не становились менее великолепными. Пол, облицованный плитами изумительного мрамора белого и пепельного тонов с розоватыми прожилками, тут и там устилали сплошным ковром драгоценности. Горы чистого золотого песка, который многие поколения грифов кропотливо намывали из подземной реки, текущей рядом с пещерой... Штабеля аккуратных слитков, каждый не меньше лошадиной головы — золото, платина, серебро, чистейшая медь и еще какой-то неизвестный в Хайборийскую эпоху металл, менявший свои цвета в зависимости от освещения.

— О, Эрлик! Да это же арихалк древних атлантов, — еле слышно выдохнул Заркум, — самый легкий из всех металлов!

Но и кроме арихалка — магического металла, секрет добычи которого вместе с Атлантидой поглотили волны Океана, — здесь было на что посмотреть. Сокровищам грифов могли бы позавидовать все правители и маги подлунного мира. Даже неисчислимые богатства Нефритового Императора Кхитая, Ездигерда Туранского и Ктесфона Стигийского показались бы жалкой кучкой мусора рядом с этим сверкающим великолепием.

В пещере грифов находилась целая гора всевозможных магических талисманов: сотни и тысячи волшебных камней, кристаллов, хрустальных шаров и пирамид, невероятные статуэтки забытых богов, отлитые из сплавов баснословной редкости по невероятно древним рецептам, — последние стигнувших цивилизаций, миллионы лет правивших землей, а затем исчезнувших с ее лица. Сокровища, равно дорогие и опасные, обещавшие безумцу, который завладел бы ими, новые вселенские катастрофы, падение целых царств

и цивилизаций, гибель континентов, тысячи мертвецов, оставшихся из могил...

Но не это привлекало горящий холодным огнем взор Короля-Змея. Отплясывающие бешеный танец кобры в его глазах были устремлены к небольшому шестигранному голубому кристаллу, выглядевшему довольно скромно на фоне ослепительных сокровищ и тем не менее венчавшему собой всю эту волшебную роскошь. В прозрачной голубизне кристалла просвечивало нечто темное и изогнутое — это был иссохший шип, сорванный некогда со шкуры невероятно древней прарептилии. Заветный *Шип Туамат!*

— Вот оно! Свершилось! — выдохнул Кахха. — Я у цели! Ничто не остановит меня! Теперь в моей власти будет повернуть Колесо Истории вспять. Или вообще остановить его бесконечное движение. С каких это пор Змеям стали нужны колеса?

Он повелительно вытянул руку — и два грифа, покорные его воле, взмыли вверх к вершине горы сокровищ, почти упиравшейся в потолок пещеры, и, бережно держа в лапах голубой кристалл, принесли его своему новому владельцу.

— Заркум, — медленно проговорил Кахха, поглаживая поблескивающий кристалл, — пора приступать к ритуалу. — Голова его медленно повернулась к Наркес, которая, остолбенев, пожирала глазами сокровища. Кривые желтые зубы разумного ящера обнажились в недоброй улыбке: — Можешь насладиться сокровищами, дитя мое! Купайся в них, зарывайся с головой, любуйся ими — они не превратят тебя в камень. Уж этой-то смерти ты избежишь.

Наркес уже готова была броситься к куче золотого песка, но нечто зловещее, проскользнувшее в ласковом, шипящем голосе Змея, заставило ее остановиться. Смутное предчувствие закралось в ее душу.

— Что вы хотите этим сказать, мой повелитель?

— То же, что и сделать, моя маленькая птичка! — Медленно капал с раздвоенного языка наага. — Тебя все же ожидает красивая смерть! Ты ее заслужила, не так ли? Ты

только подумай — испустить дух среди такой роскоши! Все твои мечты сбылись, моя распутная кошечка! Жаль, что ты не наагиня, ибо в душе твоей живет змея. Ты достигла всего, о чем мечтала долгие годы: ты королева, перед тобой невероятные богатства. Так пусть же теперь твоя смерть послужит исполнению моей мечты!

— Нет! — дико взывала Наркес и метнулась в сторону, но холодные, как сталь, когти грифов сомкнулись на ее теле, раздирая нежную, как лепесток розы, кожу.

— Твое представление подходит к концу, и оно служит началом нашего, величественного и страшного. Ибо конец — это всегда начало, — вкрадчиво произнес Кахха.

Наркес отчаянно забилась в когтях грифов. Плотноядно облизывающий губы Заркум подскочил к ней, замахиваясь жертвенным обсидиановым ножом с серебряной рукояткой в виде улыбающегося черепа...

* * *

Люди взопли на последний перевал, обозначенный символом Сага, и увидели удивительную картину. В серое сумрачное небо, изредка озарявшееся сполохами северного сияния, устремляла свой пик высокая и величественная скала, резко отличавшаяся от других, серых, как сумрачное небо, скал тем, что светилась изнутри розовато-алым светом. Цвет скалы менялся, когда в небе загоралось северное сияние. Каменная глыба начинала переливаться, становясь то серебристой, то изумрудно-зеленой, то лазурно-голубой. В те редкие мгновения, когда солнце прорывалось сквозь пелену туч и устремляло свои лучи к скале, она вспыхивала ярким золотом.

Неожиданно резкий вопль прорвал морозный горный воздух — вопль нечеловеческого существа, испытывающего невыносимые страдания. Однако в нем отнюдь не было слышно отчаяния или страха, в титаническом голосе звучали гнев и презрение.

— Смотрите! — Йолчи указал на вершину скалы.

Приглядевшись внимательнее, киммериец и его спутники увидели обнаженное тело, прикованное к скале цепями,

которые могли бы удержать огромного кушитского слона. Это было тело могучего, великолепно сложенного титана. Гигант, висевший на чудовищных цепях на вершине скалы, почти ничем не отличался от представителей человеческого рода, разве что медным, почти алым цветом кожи и необычайной красотой. Тело титана то и дело изгибалось дугой в тщетных попытках разорвать проклятые оковы, и тогда негодующий вопль вновь оглашал окрестности, и от этого звука содрогались скалы, и каменные глыбы устремлялись вниз.

Неожиданно несколько черных тевей промелькнули в серых облаках. Грифы, подобные тем, что встретились Каххе, Заркуму и Наркес в подземельях, кружились вокруг прикованного титана.

— Вот они, грифы! — воскликнул Йолчи, показывая в небо. — Эти безмолвные птицельвы прилетели истязать Духа Огня. Ради этого они даже покинули свои подземелья при свете дня!

Новый крик, исполненный невыносимой боли, прорезал напряженную тишину. Грифы один за другим подлетали к беззащитной жертве и терзали ее плоть острыми когтями и клювами.

— Они вырывают куски его плоти не случайно. Так повелели им Высшие Боги. К тому же, когда истерзанные клочья огненной плоти титана застывают, они превращаются в великолепные рубины, которые называются Кровь Огня, — пояснил Йолчи.

— Кром! — воскликнул Конан, искренне тронутый страданиями титана. — Да за что ему терпеть такое наказание? Чем тогда Высшие Боги лучше Сета или Нергала?

— Не нам, смертным, обсуждать деяния небожителей, — вздохнул Йолчи. — А Дух Огня сильно виноват перед ними. Ведь это именно он открыл древним атлантам и лемурийцам секрет Разрушителя Миров — оружия Высших Богов. Даже молнии Митры покажутся пустяком по сравнению с этим ужасным оружием. Оно сжигает все вокруг себя. Железо превращает в пыль, а камни — в пар. Свет, излучаемый им, ярче тысячи солнц, сияющих одновремен-

но. Оно может взорвать недра земли, и тогда океаны закипят, а материки расколются на части. В неумелых или злых руках это оружие может погубить все мироздание. И такое чуть не случилось однажды. Едва древние овладели Разрушителем Миров, как развязали страшную войну и выпустили на волю необузданную силу, что привела к Великой Катастрофе. С тех пор Дух Огня, так неосторожно доверивший смертным тайну богов, висит на этой скале, искупая свой грех. Но его час пробил. Спаси его, Конан!

— С удовольствием, — пробормотал киммериец. — Только придется забираться на скалу!

— Конан! А как же грифы? — В голосе Борты звучала тревога. — Ведь ты не сможешь пускать молнии, когда будешь карабкаться вверх.

— Грифов я беру на себя! — воскликнул Таргитай, выхватывая тугой гирканский «тройной» лук, сделанный из рогов горного козла.

Киммериец кивнул ему, скинул почти всю одежду и, оставшись в одной набедренной повязке, полез на скалу. Его бронзовое мускулистое тело почти не уступало титану в атлетической красоте, а ловкости, с которой он скользил вверх, извиваясь между камнями, могла бы позавидовать и змея. Цепкие пальцы Конана находили малейшую трещину в скале, малейший выступ, и киммериец стремительно продвигался вперед.

Тем временем Таргитай вынул из колчана штук пять стрел, наложил одну из них на тетиву, остальные зажал в зубах и прицелился. Натянув тетиву, рассчитанную на силу трех взрослых мужчин, до самого уха, он выпустил стрелу в небо. Тоненько свистнув, жалающая тростинка нашла свою цель. Острие вошло прямо в шею одного из грифов, увлеченно терзавшего Духа Огня. Однако чудище, по всей видимости, даже не заметило этого.

— Эрлик его раздери! — выругался Таргитай, вновь прицеливаясь в монстра. На этот раз он пытался попасть грифу в глаз, но с такого расстояния мог промахнуться даже такой меткий стрелок, как он.

— Вот что вам нужно, государы! — воскликнул Кайрат, подавая Таргитаю свой арбалет. — Хорошо, что купцы из Дамаста завезли эти полезные штуки и в Сакалибу!

— Отлично, — пробормотал Таргитай и выпустил из са-мострела тяжелый стальной штырь. — Это то, что надо!

Штырь достиг своей цели: фонтан черной крови забил из развороченной шеи грифа. Отчаянно дергаясь, чудовище стремительно полетело вниз. Два других грифа тут же отвлеклись от терзаемой жертвы и ринулись на людей, погубивших их собрата. Именно это и требовалось — отвлечь тварей от титана и Конана, подбиравшегося к нему. Но теперь опасность грозила тем, кто остался внизу. Два огромных крылатых чешуйчатых зверя с головами хищных птиц беззвучно летели с угрожающей скоростью, растопырив когтистые лапы.

Один из них, не теряя времени даром, накинулся на Таргитая, второй — на Кайрата, едва успевшего выставить вперед свой меч. Напоровшись брюхом на острие меча, гриф отпрянул, но, невзирая на глубокую рану, из которой зловонным ручьем полился зеленовато-черный ихор, вновь кинулся на кемера. Кайрат немного отступил и снова обрушил на тело чудовища смертоносное лезвие. На этот раз меч отхватил переднюю лапу грифа, а подоспевшая сзади Бортэ бесстрашно набросилась на него и начала наносить удары своим тесаком, пытаясь переломить гадине могучие крылья.

Сообразив, что хочет сделать Бортэ, Кайрат присоединился к бесстрашной девушке, и вскоре искалеченный монстр покатился по земле, обжигая людей ненавидящим взглядом. Однако тяжелая дубина Агбала, мгновенно разможжившая грифу череп, навек погасила его кровожадный взгляд. Тем временем второй гриф обхватил Таргитая лапами и повалил его наземь, нанося глубокие раны стальными когтями и клювом. Силы были явно неравными, но тут могучий аримасп легко (что казалось удивительным при его размерах), по-кошачьи, прыгнул на чудовище, уже собиравшееся праздновать победу, и сжал его чешуйчатую шею мощными руками. Огромные ладони

тиски крепко сжимали отчаянно бьющееся тело чудища, тут же выпустившего правителя, до тех пор, пока гриф не испустил дух. Брезгливо отбросив мертвую тварь, аримасп поддал ее ногой.

— Так мы справляемся с этой мерзостью, когда спускаемся в их подземелья за золотом, — коротко пояснил он людям. — Они могут одолеть нас, только если их слишком много.

Люди внизу ликовали, а киммериец почти добрался до тяжело дышавшего Духа Огня.

— Кром! — Конан невольно отпрянул от скованного титана. — Так и обжегся недолго!

Медно-красное тело Духа Огня источало жар, будто раскаленная печь. Огромная истерзанная грудь титана вздымалась и опускалась, из глубоких ран сбежали ручейки крови. Кровь Духа капала к его ногам и стекала вниз по скале, оставляя на ней борозды, напоминавшие потоки лавы. Кровавые полосы застывали на холодном воздухе, превращаясь в великолепные рубины.

— Ого! — хмыкнул киммериец, в последний раз подтягиваясь на руках и устраниваясь поудобнее на подходящем выступе рядом с прикованным титаном. Поникшая голова Духа Огня вдруг поднялась, и на Конана с мольбой взглянули огромные иссиня-черные глаза.

— Человек! — прохрипел титан. — Если ты тот, кого я жду, вызволи меня!

— Не знаю уж, кого ты тут ждешь, — пробормотал киммериец, позабыв о рубинах, — но если смогу — помогу. — В ладонях его опять заискрился голубовато-фиолетовый прозрачный шар. — Во имя Митры! — воскликнул Конан, и огненная молния испепелила тяжелые цепи.

— Спасибо, смертный! — раздался ликующий возглас освобожденного титана.

— Эй! — неожиданно испугавшись, воскликнул Конан. Он не подумал об одном: как титан удержится на скале, когда исчезнут оковы.

Но вместо того чтобы упасть вниз, Дух Огня расправил могучие руки и взмыл в воздух. Он описал в небе круг,

оставив за собой красноватый светящийся след, а затем с ним начали происходить какие-то странные изменения.

— Кром! Что это? — воскликнул изумленный варвар.

Было чему изумиться! В небе теперь кружил не титан, почти не отличимый от человека, а некое невообразимое существо. Больше всего оно напоминало гигантского крылатого лоса с шестью ногами. Языки пламени вырывались из ноздрей удивительного животного, и дымный след стлался за ним по воздуху.

— Это Шарабха! — раздался скрипучий голос Мохиры. — Священный Небесный Лось, Повелитель Огня! Я слышала легенду о нем от своей прабабки. И надо же, Тенгри сподобил меня увидеть его живьем...

— Да, это Шарабха! — подтвердил Йолчи слова мудрой старухи. — Это одна из ипостасей Духа Огня. Огненный Гений прекрасно понял, что он должен делать. Шарабхе по силам сразиться с Тиамат!

— Смотрите — он улетает! — послышались возгласы.

Небесный Лось стремительно летел в сторону Долины Аримаспов. Едва он скрылся из глаз, оставив за собой лишь клубящийся дымный след в сумрачном небе, как вдруг раскаты грома сотрясли воздух. Паутина молний прорезала мгновенно почерневший небосвод, и все вновь затихло, как перед бурей.

— О, Великий Уту! — воскликнул Йолчи, побледнев. — Шарабха не зря полетел в Долину Аримаспов. Он почувствовал приближение Тиамат! Это значит, что нааг уже добрался до талисмана. Скорее! Быть может, мы еще успеем остановить его!

— И как ты собираешься это сделать? — спросил у него Конан, который только что спустился со скалы.

— Да, как мы попадем в заветную пещеру? — присоединился к нему Таргитай.

— Я беру это на себя! — голос старика стал твердым. — Магическая сила постепенно возвращается ко мне. Рискну попробовать. Конан и Таргитай, встаньте рядом и возьмитесь за руки. Остальные должны пойти за Агбалом в поселок аримаспов и ждать нас там.

— Конан! Я с тобой! — отчаянно прозвенел голос Бортэ. Она птицей бросилась к киммерийцу.

— Нет, любимая! — голос Конана был тверже камня.

— Не останавливай ее, — проговорил Йолчи, положив руку на плечо киммерийца. — Возможно, ваша любовь может совладать с Тиамат. Возьми Бортэ за руку.

— Но ты же сам говорил, что перегрузки... — начал было удивленный Конан.

— Ничего, — вздохнул волшебник, — как-нибудь наскребу сил на четверых.

— Ах ты хитрый старикашка! — воскликнул Конан, но тут его окутало облако дыма, и он едва успел схватить Бортэ за руку...

* * *

Капли алой крови из перерезанного горла Нэркес падали на голубой кристалл. Прозрачная поверхность с шипением впитывала в себя кровь и вскоре стала заметно темнее. Наконец черная запекавшаяся корка, покрывшая камень, стала кусками отслаиваться, высвобождая иссохший шип, некогда венчавший спинной гребень праматери всех драконов.

— Шип высох! — прошипел Кахха. — Ему нужна влага! Только кровь напоит Шип, и тогда он оживет и начнет взывать к своей хозяйке, спящей тысячелетним сном в мрачных глубинах Бездны Апсу.

Зажав в сине-зеленой руке заветный талисман, нааг окунул его в хрустальный, доверху наполненный кровью Нэркес кубок, который держал трясущийся от одолевающего его безумия Заркум. Шип погрузился в алую жидкость и стал изменяться на глазах. Он распрямился, вырос... Кровь с шумом втягивалась в его поверхность, начавшую приобретать ядовито-зеленый цвет. И наконец свершилось! Шип, будто живое существо, внезапно вырвался из рук вытаращившего глаза Заркума и охваченный зеленовато-фиолетовым сиянием закачался в воздухе. А затем Шип закричал. В этом демоническом звуке, которого не выдержало бы ни одно человеческое ухо, слились воедино кличи всех

вымерших ящеров Земли, некогда ползавших в ее болотах, летавших в воздухе, бороздивших моря. Заркум зашатался, схватившись руками за окровавленные уши. Каххе же все было нипочем. Вплотную подойдя к краю пещеры, граничившему с подземной рекой, нааг стал горящими от нетерпения глазами вглядываться в глубь черных вод. Шип продолжал издавать свой первородный вопль, и вода в подземной реке забурлила и заклокотала, будто варево в гигантском котле.

— Сверхшается чудо, о котором мечтали все нааги, — прошептал Кахха. Он три раза хлопнул в ладоши, и Шип, ни на миг не умолкая, послушно прыгнул к нему в руки. — Надо выбираться отсюда и достойно встретить Великую Праматерь Драконов и Мать Отца Сета! Мы должны положить к ее исполинским ногам этот мир! — прошипел нааг Заркуму. Колдун посмотрел на него безумными глазами, и улыбка идиота скользнула по его обескровленным губам. Песня Шипа стала роковой для его слуха и рассудка.

— О, Сет! — недовольно воскликнул Кахха. — Был один толковый слуга, да и тот не выдержал. Низшая раса! Ну ничего, недолго вам осталось!

Нааг бесцеремонно схватил безумного колдуна за шиворот и отдал грифам ментальный приказ. Грозные чудовища покорно, как ягнята, бросились исполнять его поручение. Они принесли огромный роскошный ковер, сотканный из шерсти мамонтов и волосатых носорогов еще мастерами древнего Туле. Кахха, державший в руках поющий Шип, и бессмысленно похохатывающий Заркум уселись на него, а четыре могучих грифа повлекли ковер к выходу из подземелий. В сверкающей сокровищами пещере осталось лежать бездыханное тело Наркес.

А вода в подземной реке все клокотала и бурлила...

Глава 3. Пробуждение Тиамат

К ром! Мы опоздали! — прорычал Конан, увидев, что пещера пуста. Сокровища ослепляли своим блеском, но слуги Зла, завершив свое грязное дело, скрылись.

— Они пробудили Тиамат! — прошептал Йолчи. Бледный, как сама смерть, волшебник указал на куски почерневшего кристалла и на бездыханное тело Наркес. Рядом валялся окровавленный жертвенный нож, оброненный в спешке безумным колдуном.

Ослепительную красоту Наркес не отняла даже ужасная смерть. Даже несметные сокровища грифов не смогли затмить ее. Женщина, долгие годы вершившая судьбы правителей и полководцев, удивительным образом сочетавшая в себе тело богини и душу демоницы, лежала с перерезанным горлом, но от этого не стала менее прекрасной. Черная душа ее уже терзалась в самой жуткой из девяти преисподних Зандры, а тело, достойное резца гениального скульптора, по-прежнему вызывало восторг. Таргитай замер над убитой красавицей, до боли сжав кулаки.

— О, боги! Я так любил эту женщину! — наконец проговорил он и закрыл лицо руками. Плечи его тряслись. Конан и Йолчи хранили молчание, стараясь не глядеть в его сторону. Бортэ подошла к Таргитаю и ласково погладила его по черным спутанным волосам. Правитель будто очнулся. Глаза его были красны, но ни единой слезинки не выкатилось из них.

— Надо бросить ее тело собакам! — зло бросил он.

Бортэ покачала головой.

— Нет, государь! — негромко, но твердо возразила девушка. — Она и так уже наказана.

— Бортэ права, — поддержал ее киммериец. — Душу Нэркес уже терзает Нергал, а тело — ни при чем. Его надо захоронить со всеми почестями, подобающими особе королевской крови.

— Вряд ли мы успеем это сделать, — заметил Йолчи. В голосе его звучала тревога. — Как бы там ни было, но даже смерть Нэркес послужила силам Зла. Взгляните на воду — это Тиамат поднимается из глубин Апсу! Катастрофа идет в наш мир!

Действительно, подземная река, огибавшая пещеру грифов с одного края, заметно изменилась — воды ее бурлили, будто жуткое колдовское варево. Река все больше вздувалась и грозила выйти из берегов и затопить все подземные галереи и шахты, а в первую очередь — пещеру сокровищ!

— Надо немедленно убираться отсюда! — воскликнул Йолчи. — Скоро все вокруг покроет вода!

— Нергал раздери эту самую Тиамат! — проревел Конан. — Да ведь здесь такие сокровища! Кром! Не для того я так долго добирался до этой пещеры, чтобы все бросить!

Конан зачерпнул изрядную горсть золотого песка, но сухонькая ладошка Йолчи гневно ударила его по руке. Старец буравил киммерийца злым взглядом:

— Да пропади они пропадом, эти проклятые сокровища! Нам надо уходить немедленно! Скоро Тиамат прорвется наверх. Мы должны выбраться отсюда!

— И все же пара-тройка слитков не помешали бы! — пробурчал недовольный варвар. — Да на это золото я бы с потрохами купил самого Ездигерда!

— Раз так, хватай это треклятое золото и выбирайся из подземелий сам! Я тебе помогать не стану! — холодно отрезал Йолчи. — Да и не смог бы, даже если б и захотел! Золото и другие драгоценные металлы разрушает любые чары и делает телепортацию невозможной. Впрочем, решать тебе.

Я только хочу напомнить: не ты ли освободил из зеленого саркофага проклятого монстра?

Возразить было нечего и Конан глубоко вздохнул. Он не сомневался, что сумел бы, даже по уши нагрузившись золотом, выбраться на поверхность раньше, чем разбушевавшаяся стихия настигнет его. Но Йолчи был прав: вся каша заварилась из-за него, Конана. Стало быть, ему и расклебывать. Бросив прощальный взгляд на призывно мерцающие баснословные богатства, на которые можно было бы купить весь мир, варвар решительно повернулся к друзьям. Йолчи коротко кивнул ему, не произнеся ни слова, но Конан понял, что никто ничего другого от него и не ожидал, и внезапно устыдился своей слабости.

«Кром! В конце концов, я киммерийский варвар, а не заплывший жиром воротила из Шадизара, трясущийся над своими мешками с золотом!» — подумалось Конану, и неожиданно широкая улыбка озарила его, продубленное ветрами всего мира, лицо. Бортэ и Таргитай косо взглянули на него: особых поводов для радости не было, но Конан, расхохотавшись, с силой хлопнул их по плечам. В тот же миг их обволок белый искрящийся шар...

Могущественная магия Йолчи унесла Конана, Таргिताя и Бортэ на поверхность, к солнечному свету, туда, где они были по-настоящему нужны. А через некоторое время яростные черные волны захлестнули сверкающие горы драгоценностей и неподвижное тело Нэркес, ставшей их последней и единственной хозяйкой...

* * *

В Стране Аримаспов случилось невиданное. Грифы, липь изредка по ночам покидавшие свои шахты и пещеры, вдруг разом вылетели из ходов, которые вели в их подземную страну. Это было жутко и необычно, и, пожалуй, впервые страх проник в мужественные сердца аримаспов, ни разу не дрогнувших во время сражений с чудовищами в недрах земли. По всей долине шли лихорадочные приготовления к большой войне. В гигантских кузницах неутомимые мастера-великаны, с головы до ног покрытые блестящими

капельками пота, спешно ковали огромные двуручные мечи и топоры из стали, обмененной на золото. На грандиозном алтаре курился дымок — седовласый жрец аримаспов возносил молитвы Джеббалу Сагу.

К середине дня разведчики принесли недобрые вести: — Грифы образовали кольцо вокруг центра плато!

Лазутчикам не удалось разглядеть, кто же собирает подземную нечисть, да и что бы это им дало? Ведь они не могли и подумать, что тот, кто заставил повиноваться безмолвных чудовищ, держит в руках такое оружие, против которого окажутся бессильны все их исполинские мечи, топоры и дубины. Об этом догадывался лишь жрец, но пока он хранил молчание.

...Торжествующий Кахха стоял в центре круга, образованного грифами. В его руках продолжал выводить свои жуткие трели Шип Тиамат.

Нааг прекрасно понимал, что мог бы и не возвращать в мир Праматерь Драконов. Талисман, которым он теперь обладал, делал его величайшим магом мира. Он мог мгновенно перемещаться в любую точку Вселенной, мог мановением руки превращать навоз в чистое золото, но такие мелочи не интересовали Короля-Змея. Он осуществлял свою самую заветную мечту — возродить Эру Змей во всем ее былом великолепии. Ради этого он был готов уступить Тиамат и ее грозному отпрыску Сету власть над миром.

Кахха вдохновенно взмахнул тонкими сухими руками — и послушное ему крылатое воинство взмыло в воздух, сохраняя при этом строй. Издалека это выглядело очень красиво и величественно — черное живое кольцо поднялось и зависло над землей. Однако с тревогой взиравшие на это удивительное зрелище разведчики-аримаспы не замечали его красоты. Для них было ясно лишь одно: грифы выполняют недоступный пониманию ритуал.

Зато Кахха все прекрасно понимал. Он величаво восседал вместе с поскуливающим Заркумом на ковре из мамонтовой шерсти, который клювами и лапами удерживали в воздухе грифы. Зоркие глаза его уже успели заметить

изменения, происходившие внизу и предрекавшие скорое появление Матери Сета: под кольцом, которое образовывали в воздухе грифы, земля покрылась сетью трещин, как при подземных толчках. Нааг знал, что находиться сейчас внизу крайне опасно...

...Кемеры во главе с Кайратом Одноглазым сгрудились вокруг алтаря, где совершал моление седовласый жрец-великан. Большинство аримаспов тоже собрались на площади, напряженно ожидая, что скажет старик. Наконец он завершил обряд и обвел присутствующих тяжелым взглядом из-под нависших бровей.

— В горы! — коротко приказал он. — Всем срочно уходить в горы!

— Что ты говоришь, святой Урнамм?! — воскликнул Агбал. — Ты предлагаешь нам спастись бегством? Но никогда еще аримаспы не бежали от грифов!

— А теперь придется! — отрезал старый Урнамм. — Иначе всех нас поглотит разбушевавшаяся бездна Апсу.

* * *

Трещины змеились по земле, расплываясь все дальше и становясь все глубже и шире. Сквозь них начала пробиваться клочущая черная вода, и через несколько мгновений ревущие потоки выплеснулись на землю.

Аримаспы и присоединившиеся к ним кемеры едва успели добраться до безопасного места, как столб черной воды, прорвавший земную твердь, со всей яростью бушующей стихии обрушился на плато. Вода с ревом сметала все на своем пути, одинаково легко вырывая из земли деревья и огромные валуны и неся их с собой, как клочья шерсти. Наконец поток ударил в башни поселка аримаспов, и сложенные на века грандиозные постройки не устояли под его натиском. Замерев от ужаса, великаны смотрели, как рушатся их исполинские дома-крепости.

Но самое страшное ждало их впереди. Новый водяной смерч взмыл в воздух и плато, мгновенно превратившееся в чашу, до краев наполненную кипящей водой, сотряс рев невероятной силы. Вихрь сверкающих брызг разлетелся во

все стороны и, достигнув людей и великанов, обдал их обжигающим душем.

А в центре плато все росло и росло с невероятной скоростью *нечто* — бесформенное и черное. Исполинское чудовище, вышедшее из подземного океана Апсу, в мрачных глубинах которого оно дремало многие тысячелетия, раскачивало огромной уродливой башкой из стороны в сторону, оглашая округу жутким ревом. Над ним демоническим нимбом парило в небе кольцо грифов...

Свершилось! Змеиное сердце наага замерло от восторга, когда из необъятной, взвихрившейся клокочущую воду воронки к небу взметнулась гигантская туша Тиамат. Ее рев, от которого у людей и великанов кровь леденела в жилах, казался наагу прекрасней любой музыки. Краем глаза он успел заметить Заркума, который, трясаясь, будто в припадке, распластался на ковре и остекленевшими глазами разглядывал необъятное тело Праматери Драконов. Кахха слегка усмехнулся. Заркум мог лишь благодарить Эрлика, вовремя даровавшего ему глухоту и безумие, иначе его мозг просто не выдержал бы и вытек через глаза. Правда, если бы это произошло, нааг нисколько не пожалел бы о своем свихнувшемся помощнике, хотя старикашка еще мог пригодиться для каких-нибудь новых экспериментов с живой материей, когда Великая Праматерь и ее грозный сын воцарятся в мире и он, Король-Змей, сможет с чистой совестью уединиться в какой-нибудь цитадели и всецело посвятить себя магии. Заркум был довольно любопытным и ценным человечком, и только поэтому нааг не спихнул хныкающего идиота вниз — в зияющую в каких-то двадцати локтях от парящего в воздухе ковра бездонную пасть с черными зубами, которые могли легко искрошить любую из земных скал.

Тиамат была воистину необъятна и уродлива: гигантская плоская голова с огромными челюстями, усеянными семью рядами острейших копий-зубов, круглые выпуклые глаза, величиной с дом, невероятные бугры, рытвины, рога и наросты, покрывавшие серовато-синюю чешую, гребень из огромных шипов вдоль широкой и длинной спины, на

которой запросто могло разместиться пол-армии. Гребень этот поднимался вверх почти под прямым углом, однако самая верхушка его была будто срезана.

Прокричав несколько древних слов своего родного языка, потонувших в реве чудовища, Кахха благоговейно выпустил из рук Шип, который тотчас же стремительно полетел вниз к своей хозяйке, излучая ядовитое сияние. Шип, а точнее, крохотная верхушка центрального шипа спинного гребня, был как бы вторым сердцем чудовища, средоточием его магической энергии. Без него Тиамат оставалась всего лишь тупым исполинским ящером, он же делал ее самым жутким порождением Хаоса, которое когда-либо появлялось в нашем мире и которое могло уничтожить все живое вокруг. Верхушка шипа, долгие тысячелетия служившая самым могучим колдовским средством, упала точно на свое место, будто притянутая магнитом, и тут же раздался такой могучий рев, что нааг и Заркум едва не слетели с ковра. Гигантское туловище Тиамат на миг озарилось голубоватым свечением, и сразу вслед за этим страшные молнии прочертили небо...

— О, великий Тенгри! — в ужасе прошептал Саидхан, вместе с остальными людьми и великанами наблюдавший за чудовищем со склона горы, до которого еще не добралась упорно прибывающая вода. — Чудовище притягивает молнии!

И действительно, яркие голубые стрелы одна за другой устремлялись в верхушку спинного гребня Тиамат. Теперь ее тело, налитанное разрушительной энергией, высасываемой через Шип из самой природы, светилось постоянно. Глаза Тиамат вспыхнули синим зловещим огнем, из глубоких ноздрей, напоминавших кратеры внезапно пробудившихся вулканов, клубами повалил дым, как бы предвещая начинающееся извержение. Чудовищная пасть широко раскрылась и извергла столб пламени, который полетел прямо в сторону замерших в своем укрытии людей и великанов.

В толпе кемеров и аримапсов раздался крик ужаса, все бросились врассыпную, и вовремя: ослепительный взрыв

сотряс гору. Если бы не стремительно наступавшая вода, с пипением поглотившая пламя, оно пожрало бы все вокруг.

— Мы пропали! — раздались крики отчаявшихся. Многие аримаспы и кемеры погибли при взрыве. К счастью, Урнамм, Агбал, Кайрат, Мохира и Саидхан успели спастись. Увидев огромный ствол сосны, с корнем вывороченный из земли, люди и великаны схватились за него и бросились в воду, ища в ней спасения от огненных плевков чудовища. Их несло бурной водой, поднимавшейся все выше. Казалось, разбушевавшийся поток вот-вот захлестнет вершины скал, окаймлявших плато и отделявших его от внешнего мира.

Тиамат же все было нипочем — чем больше воды выплескивалось из недр земли, тем больше становилось ее исполинское туловище, выроставшее из бездны. Вот уже над водой показались огромные лапы с когтистыми плавниками, каждый из которых одним ударом мог легко повергнуть в прах Зиккурат Уту.

— Это катастрофа! — воскликнул Саидхан, пытаясь перекричать рев чудовища и раскаты грома. — Да она же затопит весь мир!

— Не думаю! — ответил ему Урнамм, выплевывая воду. — Пока ей будет достаточно и того, что она превратит наше плато в море. Как только из бездны покажется хвост твари, уровень воды перестанет повышаться. Но, конечно, если Тиамат захочет, она запросто устроит новый Всемирный Потоп.

— Вот напасть! — крикнул в отчаянии Саидхан. — Ну и где же колдун? Где правитель, Бортэ и Конан? Что он сделал с владычицей моего сердца?

...Едва белый шар рассыпался на мириады искр, потоки холодной как лед воды обрушились на Йолчи, Таргитая, Конана и Бортэ.

— Кром! — проревел киммериец. — Что это такое?

— Выбираясь на поверхность, — отозвался плывущий по собачьей Йолчи. — Тиамат устроила наводнение.

— Это все дело рук проклятого наага, — буркнул Конан, борясь с волнами, накатывавшими со стороны чудовища, смутно видневшегося вдалеке среди беснующихся вод. —

Ну и громадина эта самая Праматерь Драконов! Ее и на коне в три дня не обскать! Впрочем, чего ожидать от мамыши Сета? Эй, погоди-ка, что это? — Варвар указал на черное небо.

Таргитай, Бортэ и Йолчи поглядели наверх и издали восторженный крик. Оставляя дымящийся след в грозовых тучах, к месту, где бушевала Тиамат, стремительно летел огромный шестиногий лось.

— Ну, наконец-то! — воскликнул Йолчи.

— Давай, Шарабха, задай этой ящерице! — в тон ему послышался чей-то ворчливый, шамкающий голосок. Из бушевавших вод показалось огромное бревно, верхом на котором сидели два аримаспа и компания Кайрата, возглавляемая бойкой Мохирой.

— А ну, хватайтесь быстрее! — грозно закричала суровая старуха. — Колдун, тоже мне, Эрлик тебя раздерит! — накинулась она на Йолчи. — Едва не потопил мою внученьку! Если б не я...

— Да что бы мы вообще без тебя делали? — польстил старухе Конан, забираясь на бревно и втаскивая вслед за собой насквозь промокшую Бортэ.

— Ты здесь, моя госпожа! — обрадованно закричал Саидхан и услужливо протянул Бортэ руку, невзирая на то, что киммериец уже вытащил ее из воды.

— О, Тенгри! — обреченно вздохнула девушка. — Даже здесь он за свое!

Тем временем Дух Огня, перевоплощенный в огненного зверя, стремительно подлетел к неповоротливому чудовищу. Огромные заостренные копыта шести мощных ног Небесного Лося с размаху врезались в бугристую плоть Праматери Драконов, оскаленная пасть опалила ее огненным дыханием. Мириады искр разлетелись во все стороны: два титана сшиблись в отчаянной смертельной схватке.

Тотчас же гигантский хвост, покрытый зубчатыми шипами, с огромным игольчатым шаром величиной с порядочный обломок утеса вметнулся вверх, стараясь поразить неожиданного противника. Шарабха мгновенно отпрянул, но в тот же миг на него со всех сторон налетели грифы,

явно намеревавшиеся растерзать его в клочья. Стоило крылатым монстрам коснуться тела Шарабхи, как они тут же вспыхивали, словно мотыльки, и лишь пепел разлетался по ветру. Атака грифов прекратилась также быстро, как и началась.

Небесный Лось, избавившись от них, как от назойливых мух, вновь начал нападать на Тиамат. Он отчаянно бил копытами в ее шипастую шкуру, палил огнем, вгрызался огромными зубами, но могучий ящер был далеко не так уязвим, как его молчаливые помощники. Ни единого следа не оставалось на непробиваемом теле Тиамат. Исторгнув из бездонного чрева отвратительный рев, Праматерь Драконов выпустила сноп синева-белого огня, который ударился в бок Шарабхи.

Небесный Лось едва не опрокинулся от этого удара. В боку его появилась глубокая рваная рана, она быстро разрасталась, казалось, пламя, из которого было соткано тело Шарабхи, пожирало самое себя. В реве чудовища явственно послышалось торжество. А сверху, с летящего ковра, донесся едва различимый смех: злорадный — наага и скулящий — безумного Заркума...

Бревно, на котором сидели люди и великаны, носилось по волнам образовавшегося моря. Хотя вода почти перестала прибывать, пучина все еще волновалась: в самом центре ее шла грозная схватка. Две стихии схлестнулись здесь насмерть — вода и огонь. Конан с друзьями, затаив дыхание, наблюдали за титаническим сражением, от исхода которого зависела дальнейшая судьба мира.

— О, боги! — переменявшись в лице, закричал Йолчи. — Она поразила Духа Огня! Еще несколько атак Тиамат — и Шарабха погибнет!

— Еще бы! — пробормотал киммериец. — Вода огонь тушит! Ну, да ладно! Вы как хотите, а мне надоело быть зрителем.

И, помянув Крома, Конан с ловкостью водяного животного подцепил проплывавшее мимо бревно и перепрыгнул на него. Никто не успел остановить его, и варвар направил свое судно к месту битвы.

— Что он делает?! — в один голос завопили Бортэ и Таргитай.

— Он хочет пустить в ход молнии Митры, — вздохнул Йолчи. — Вот только, боюсь, вряд ли они помогут!

— А я верю в него, — прошептал Таргитай, с надеждой глядя на удаляющееся бревно.

Конан изо всех сил работал обеими руками, загребая воду и направляя бревно к сражавшимся исполинам. Наконец он подплыл к ним достаточно близко, чтобы можно было пустить в ход солнечное оружие. Однако, очутившись почти под боком Тиамат, которая, словно пик из Химелианской гряды, уходила в самые облака, Конан впервые усомнился в чудотворном даре Митры. Многие он повидал в жизни: и драконов, и гигантских змей, и грозных древних исполинов, — но такое... Киммериец на мгновение ощутил себя маленьким муравьишкой, плывущим на тростинке в луже воды, по которой шлепает уличный мальчишка. Во всяком случае, соотношение сил и размеров было примерно таким.

— Подумаешь, ящерица-переросток! — разозлившись на свою минутную слабость, прорычал киммериец. Он вдруг подумал, что во Вселенной есть такие существа, для которых грозная Праматерь Драконов покажется проказничающей мелюзгой. А если так, значит, Митра или какие-нибудь другие боги одолеют эту тварь. — Начнем с Митры, — решил варвар. — Получай, гадина! — заревел он, пуская целый сноп фиолетовых молний в беснующуюся Тиамат, которая уже явно одолевала отчаянно оборонявшегося Шарабху.

Но что это? Молнии Митры, сплетаясь в огненный жгут, мягко скользнули вверх, обволакивая необъятную тушу, и исчезли в верхушке спинного гребня. На какой-то миг гигантского ящера окутало золотисто-голубое свечение, а затем пасть Тиамат извергла такой мощный поток искрящейся энергии, что от удара этого ослепительно сверкнувшего бича у Шарабхи оторвало сразу две ноги. Тело Небесного Лося сотрясли судороги, дикий вопль боли и отчаяния прорезал небо, перекрыв даже торжествующий рев Тиамат. Дух Огня просил о помощи.

Но Конан не успел этого осознать. Он был настолько потрясен случившимся, что даже не сразу понял, что в его руки и ноги впились стальные когти грифов, которые стремительно поднимали его в поднебесье...

Киммериец очнулся на ковре — прямо перед усмевающимся Каххой. Проклятый Змей уже успел сковать его тело каким-то леденящим заклинанием, и варвар не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой. Что уж теперь говорить о молниях Митры!

— Вот мы и встретились, мой беспокойный приятель! — Желтые змеиные клыки наага ощерились в саркастической усмешке. За его костлявым плечом заходилась в припадке идиотского смеха Заркум. Конану даже стало на мгновение жаль колдуна — допрыгался, заигрывая с силами Мрака. —

Надеюсь, все случившееся заставит тебя философски осмыслить бытие, Конан! — надменно проговорил Кахха, скрестив сухие тонкие руки на чешуйчатой груди. — Недаром символ нашей расы — змея, заглатывающая свой хвост. Все в мире движется по кольцу, и все возвращается на круги своя. Возвращается Эра Змей и Драконов, а вы — потомки крыс и обезьян — вернетесь к прозябанию в древесных дуплах и норах, где будете трястись от ужаса перед Истинными Владыками Земли. И самое смешное, что начало этому положил именно ты, Конан, столь сильно ненавидящий Сета и его родичей! Ты пробудил меня от тысячелетнего сна в Зеленом Саркофаге, а я пробудил Тиамат. Затем где-нибудь далеко в Стигии пробудится великий отпрыск Тиамат — Отец Сет, и катастрофа, угрожающая твоей расе, разразится! А ты, жалкий человечешко, варварская душонка, еще пытался противостоять самой грозной силе в этом мире! Самонадеянный глупец! Впрочем, в этом всегда была ваша слабость. Вы слишком покорны душевным порывам. И никакие молнии Митры тебе не помогут.

— А ты освободи меня от своих колдовских оков, тогда поглядим! — угрожающе прорычал Конан.

— Ты считаешь меня дураком? — нааг снисходительно улыбнулся. — Нет, ты не возьмешь меня идиотскими уловками, на которые так падки людишки... Вроде тех, что

честь воина и мужчины требует дать врагу шанс на справедливый исход поединка и так далее. В конце концов, Конан, у меня тоже есть огненное оружие — Стрелы Сета, ничуть не уступающие твоим жалким молниям. Мы могли бы провести захватывающий поединок! Но это мне не интересно. Моя кровь холодна, как лед на вершинах твоих родных киммерийских гор. Да, да, ты не зря вспомнил свою родину! Скоро твое тело станет таким же холодным. Ты превратишься в такую же ледышку, как и Имир, но в отличие от него жизнь навсегда покинет твое тело. Дух твой отлетит на Серые Равнины, но я всегда смогу вызвать его оттуда, чтобы заставить служить мне верой и правдой.

Неожиданно оглушительный грохот и вспышка ослепительного света прервали напыщенную речь наага.

— О, Сет, — прошипел он, и киммериец заметил тень страха в его желтых раскосых глазах.

То, что увидел Кахха, повергло в ужас его ледяную душу. Призыв Шарабхи о помощи был услышан. Разорвав гряды черных туч, прямо с неба спускался окруженный ослепительно белым светом величественный бог. Гигантский торс его облачали грохочущие, как раскаты грома, доспехи, огромный куполообразный шлем был низко надвинут на суровое, испещренное шрамами величественное лицо. Исполненные руки, перевитые вздувшимися мускулами, сжимали меч. Вместо клинка из рукояти, рассекая черные, клубящиеся облака, вырастал пламенеющий багряный столб.

— Мардук! — в ужасе прошептал Кахха. — Но как же так?! Об этом ничего не было сказано в Зурийском Предсказании!

Да, в древнейшем Предсказании змеелюдей Зурии ничего не говорилось о втором сошествии Мардука на землю. Кахха слишком долго проспал в своем Зеленом Саркофаге и потому не мог знать о Железной Книге Склоса.

В небе прогремели слова Бога-Воителя:

— Клянусь Сагом! Опять эта гадина вылезла наружу! На этот раз я окончательно разделаюсь с тобой, Тиамат!

При виде Мардука, стремительно летящего в потоке ослепительного света и заносящего свой огненный меч,

Тиамат собралась в тугой, бугрящийся комок. На этот раз ее глотка исторгла шипение испуганной змеи. Вобрав в гребень несколько молний, Тиамат послала в грозного небожителя сноп огня. Взмах небесного меча — и плевков гадины рассыпался на сотни тысяч искр. В следующее мгновение мощнейший удар Мардука рассек надвое огромную башку и гребнистое тело Праматери Драконов. Как только разящий меч небожителя коснулся туловища Тиамат, с ней начали происходить странные изменения. Огромная туша, развалившись на две части, в последний раз озарилась вспышкой зеленоватого сияния, а затем, чернея и дымясь, начала оседать в воду. Вода вокруг гадины зашипела, превращаясь в клубы пара, которые заволокли небо, и Тиамат перестала существовать.

* * *

Конан стоял на вершине одной из скал, окаймлявших плато, которое превратилось в море. Рядом трепетал на ветру древний ковер, на котором его вместе с наагом и Заркумом принесли сюда, подальше от гибнущей Тиамат и от Мардука, празднующего победу, послушные грифы. Только они и были теперь единственной демонической силой, которой мог повелевать Кахха после крушения его грандиозных планов.

Резкие порывы ветра трепали черные непокорные волосы Конана. Он стоял, выпрямившись во весь рост, как статуя древнего героя. Киммериец не мог пошевелить даже пальцем и старался не смотреть на ноги, которые, как это уже было однажды на берегу Джаиха, вновь сковало ледяным панцирем, медленно и неумолимо ползущим вверх.

— Стань льдом, киммериец! — шипел Король-Змей, и кобры, плясавшие в его глазах, казалось, готовы были выпрыгнуть из неподвижных зрачков и излить свой яд.

Раскатистый хохот прозвучал ему в ответ.

— Наслаждайся, гад! — резко бросил ему киммериец. — Я умру улыбаясь. Пусть я освободил тебя от оков Зеленого Саркофага, но я дал свободу и Духу Огня. Ты вызвал Тиамат из бездны Апису, а Дух Огня — Мардука с Девятого Неба

Зандры! Великое Равновесие сохранено, и совесть моя чиста! Но она была бы еще чище, если б я смог превратить тебя в кучку пепла, змеинный выродок!

— И не надейся, человечек! — Улыбка Каххи источала яд тысячи тысяч змей. — На этой скале ты умрешь.

— Еще неизвестно, кто найдет здесь свою смерть! — прозвучал голос Йолчи.

Белый шар, появившийся на вершине, рассыпался, и оттуда с мечами в руках выскочили волшебник, Таргитай, Кайрат Одноглазый и Бортэ, которые тут же вступили в ожесточенную схватку с грифами. Нааг продолжал злорадно хохотать, наблюдая за ходом сражения. Но улыбка его мгновенно погасла, когда Йолчи выкрикнул слова древнего заклинания. Конан почувствовал, как сотня иголок покалывают его ноги — к ним возвратилась чувствительность. Чары наага больше не действовали, а значит, у варвара в руках снова были Молнии Митры.

— Кром и Митра! — вздохнул киммериец.

Через миг исход сражения стал ясен. Молнии одного за другим поражали грифов, оставляя от них лишь горстки пепла. Конан взглянул на перекошенное от ужаса лицо Заркума, в его расширенные безумные глаза и сплюнул: на такого жаль тратить молнию! Таргитай твердой рукой отстранил Конана.

— Оставь его мне, — попросил он. — У меня с ним свои счета.

Таргитай поднял меч, но правосудие Небес свершилось раньше, не дав правителю запечатать благородный металл поганой кровью слугителя Зла. Издав отчаянный звериный вопль, колдун, в глазах которого в последний миг зажегся разум, бросился со скалы. Наклонившись, Таргитай смотрел, как быстро летит тело Заркума, ударяясь о выступы и превращаясь в кровавые лохмотья...

Оставался нааг. Кахха стоял на краю пропасти, и в воздухе вокруг него мерцала защитная сфера. Теперь его не брали ни копьё, ни меч. Король-Змей собирался телепортироваться, но Йолчи, собрав все свои магические силы, держал его.

В руках Конана зажегся синевато-фиолетовый прозрачный переливающийся шар. Солнечное оружие наконец-то покарает отродье Сета! В глазах наага мелькнул ужас.

— Не делай этого, Конан,— просипел Кахха.— Ты все равно не прорвешь мою защиту.

Коротко хмыкнув, Конан метнул молнию, и переливающаяся сфера исчезла, будто ее и не существовало вовсе. И тогда... Тогда гордый, надменный и напыщенный Король-Змей вдруг упал на колени перед киммерийцем, как вассал перед грозным владыкой, смиренно сорвав с голого черепа ослепительную корону.

— Пощади! — заклинал нааг.— Именем всего, что для тебя свято! Сохрани мне жизни! Не дай погибнуть!

Случилось то, чего больше всего боялся Конан. Коварный монстр угадал его самые потаенные мысли, и теперь в его униженных завываниях слышалось скрытое, злорадное торжество.

— Ты не сделаешь этого, Конан! — внезапно пропел нежный голосок.

Белит?! Этот голос он узнал бы и на краю могилы, будучи столетним старцем! Киммериец ошалело глядел туда, где только что ползал нааг. Его прекрасная возлюбленная, его первая любовь стояла перед ним на коленях. Большие черные глаза смотрели на Конана из-под густых ресниц, алые губы, влажно поблескивая, шептали:

— Помни, Конан! Если ты еще раз нарушишь Главную Заповедь Слуг Света и направишь свое оружие против просящего пощады, Дар навсегда покинет тебя, а вместе с ним и разум! Навсегда! До конца дней своих ты будешь лишен разума в назидание другим дерзнувшим нарушить божественные заповеди. Помни, Конан!

«Конан... Конан... Конан...» — зывали к нему женские голоса, такие разные, но все одинаково ласковые, чарующие. Прекрасные глаза, сменяя друг друга, глядели на него с нежностью и мольбой. Глаза Белит, глаза Дайомы, глаза Айя-Ни, Алмены, Филиопы, Эйи, Бортэ... И все они просили об одном: «Помни, Конан... Конан... Конан...»

Бортэ!!! Будто бичом ударило Конана. Да вот же она, здесь, стоит позади, настоящая, живая, а вовсе не призрак, вызванный паскудной тварью!

«Жалко Бортэ! Сильно будет убиваться по мне», — мелькнуло в голове Конана, но искрящийся шар уже зажегся в его ладонях. Сверкнув, разящая молния ударила в то место, где ползал, меняя облики, Король-Змей. Нестерпимо яркий свет ударил в глаза, и все закружилось в мозгу Конана стремительным хороводом...

Кое-как разлепив веки, в которые било яркое солнце, Конан обнаружил, что лежит на скале. Над ним склонились встревоженные лица Бортэ, Кайрата и Таргитая. Проведя рукой по горевшему лицу, киммериец начал кое-что припоминать... Нааг, просящий пощады... Молния, сразившая его... Предостережение...

— Кром! — В следующее мгновение Конан уже был на ногах.— Дар Митры!...

Дар покинул его, это несомненно. Исчезла легкость, переполнявшая ранее все его существо. Конан вскинул руки и не ощутил приятного покалывания и треска молний у пальцев. Но разум?! Он все прекрасно осознавал! Не было бреда, кружащего голову, не было оупляющей пустоты в мозгу, как в прошлый раз, когда он впервые преступил Заповедь Митры.

— Так я не безумен? — недоумевающий взгляд сапфировых глаз Конана встретился с мудрым взглядом Йолчи.

— Нет, сын мой! — старик глубоко, прерывисто вздохнул, и было видно, что это далось ему с трудом. Старый волшебник лежал на ковре из мамонтовой шерсти, и сухонькое тело его казалось еще меньше на фоне грандиозного творения чудо-ткачей древнего Туле.

— Сделка состоялась. Только вот, к несчастью, Дар Митры уже никогда не вернется к тебе. Только это достойно сожаления, и больше ничего.— Йолчи слабо улыбнулся: жизненные силы на глазах покидали его.

— Что больше?! — воскликнул Конан. Оглядевшись вокруг, он встретил горестные лица Бортэ, Таргитая и Кайрата.

Страшная догадка осенила его.— Как?! — только и смог он спросить у умирающего шамана.

— Увы, Конан, в сделке с богами платой служит жизнь. Я заранее искупил твой грех перед Митрой. Боги назначают высокую цену, но это ничего. Я и так позволил себе многое. Ведь я, считай, уподобил себя древнему чудотворцу Эпимитреусу, который, совершая свою великую миссию на земле, прожил три обычные человеческие жизни. Я вернусь к вам в новом воплощении, дети мои! Один раз я уже проделал такой трюк, когда моя мятущаяся душа вселилась в тело умершего шамана иирков. Теперь я вновь отлетаю к Яшмовым Садам Небесного Императора.

— Тан У! — горестно воскликнул Таргитай.— Неужели ты опять покидаешь меня, Учитель?! — Юноша залился горькими слезами.

— Не плачь, Дуэн Ки! — ласково улыбнулся ему старый волшебник.— Я обязательно вернусь, и мы еще повоем! Потому что еще сидит в своей проклятой пагоде черный колдун Цзе и окутывает своей магией весь Кхитай. Ведь мы покараем его, не так ли?

Учитель Тан У умер с улыбкой на устах. Таргитай и Бортэ плакали, сидя над его телом, и даже в синих глазах киммерийца блеснула влага. Старый волшебник принес себя в жертву ради того, чтобы он, Конан, жил. Чтоб жила Бортэ. Чтоб жил Таргитай. Чтоб спокойно жил весь мир. Они умерли оба, Тан У и Кахха. Но как сильно смерть Тан У отличалась от кончины Короля-Змея! Первый ушел в бессмертие, а от второго осталась лишь кучка вонючего пепла...

Эпилог. На крыльях Борея

Дым поднимался над древним алтарем, посвященном Джеббалу Сагу. Дым от погребального костра шамана Йолчи и кхитайского мага Тан У, нашедшего на земле Сакалибы свое второе воплощение и вторую смерть. Конан, Таргитай и Кайрат по знаку, поданному суровым служителем древнего бога Урнаммом, одновременно зажгли костер с трех сторон и застыли в последнем почетном карауле. Пламя занялось мгновенно, легкие белоснежные волосы и борода старика вспыхнули, как пух, и вскоре все его сухонькое тело было объято огнем.

Алтарь Сага был достойным местом для последнего обряда старого волшебника. Когда на третий день после гибели Тиамат воды вернулись в подземные русла, оставив после себя густой слой вязкого ила, из которого то тут, то там торчали изломанные стволы деревьев и покрытые трещинами валуны, на месте, где прежде стоял поселок аримаспов, по-прежнему гордо возвышался алтарь. Воды потопа не коснулись его, словно испугавшись древнего божества. Саму же Долину Аримаспов потоп изменил сильно. Теперь в центре плато возвышалась огромная черная базальтовая глыба, разделенная надвое. В тускло поблескивающем камне опытный глаз мог рассмотреть черты сгнувшейся Праматери Драконов...

После потопа всю власть в Долине получили Дух Огня и Мардук, который, взяв на себя роль посланца Сага, объявил провинившемуся титану о прощении, которое даровали

ему Высшие Боги. Уцелевших во время катаклизмов и не повиновавшихся Богам грифов суровый Мардук вновь вернул в их подземелья, чтобы они собрали по крупицам все сокровища, которые утратили по своей вине, доверившись наагу. Впрочем, это было совсем не трудно, так как недра Рипейских гор почти целиком состояли из богатейших залежей золота, серебра, меди и драгоценных камней. И лишь древнее собрание магических предметов оказалось утерянным безвозвратно, но Мардук считал, что это только к лучшему.

Мардук обратил свое божественное внимание на киммерийца. Восседа на вершине новой горы, в которую его волшебный меч обратил исполинское чудовище, грозный бог наслаждался покоем и восторженным почитанием смертных, которым довелось воочию лицезреть живого бога. Киммерийца к Мардуку привел Дух Огня, оказавшийся на удивление славным малым. Если бы не медная кожа, источавшая жар, который не позволял приблизиться к титану ближе чем на два локтя, Дух Огня вполне сошел бы за великолепно сложенного человека, на полголовы возвышавшегося над Конаном. Дух Огня был довольно словоохотлив, а глядя на его веселую улыбку и цветущий вид, невозможно было даже предположить, что несколько тысяч лет его, прикованного к скале, терзали грифы, а он после этого еще и выдержал страшную битву с Тиамат.

— Ты оказал мне большую услугу, Конан, — заявил киммерийцу титан. — Проклятая цепь, которой был не страшен мой огонь, мне порядком поднадоела за эти тысячелетия.

— Кром! Я бы ни за что не выдержал так долго! — проворчал Конан, нисколько не завидуя долголетию титана. — Зубами бы перегрыз эти железки.

Дух Огня весело рассмеялся:

— Эти железки и мне не по зубам, а уж тебе тем более, хоть твои мужество и сила достойны преклонения. В свое время их ковал старый бог-кузнец Гевул Хромой.

— Никогда о нем не слышал, — пожал плечами Конан.

— Одни народы зовут его Вулканом, у других для него есть иные имена. Возможно, ты еще встретишься с ним в

своих странствиях, ведь его тоже изгнали на землю, как и меня.

— Ну да, скоро я со всеми небожителями познакомлюсь. Внукам расскажу, если жив буду к тому времени, так ведь не поверят, засмеют. Совсем спятил, скажут, наш дедок Конан! — усмехнулся киммериец. — А видать, знатный мастер этот самый хромой, раз кованые им цепи только молнии Митры смогли взять! Уж я-то в таких вещах толк знаю, отец у меня отменным кузнецом был!

— Да, Гевул — кузнец необыкновенный, — согласился Дух Огня, — можно даже сказать лучший в мире. Только при Мардуке ты его не упоминай. Потому что этот самый Гевул — большой шутник и однажды с Мардуком таксе учинил...

— Да ты и сам не лучше, — рассмеялся Конан, — если верить рассказам о тебе.

— И не говори, — притворно вздохнул титан, — сам сознаю что не то творю, а остановиться не могу. Карма, видишь ли, у меня такая.

— Чего? — поморщился варвар и подумал: «Спасу нет от этих мудреных словечек! Неужели нельзя попроще?»

— Ну, то есть рок, судьба..., — пояснил Дух Огня. — Видишь ли, даже титаны не могут изменить ее. Это дано лишь Высшим Богам, уж они-то любого могут забросить на Карусель Богов, а тогда — только держись... В общем, в тот раз и я туда попал. Знал, что нельзя атлантам секрет небесного огня выдавать, но так повелели Высшие Боги. Вот и сгинула Атлантида с Лемурией, а виноватым я оказался. И пришлось расплачиваться — повисеть чуть-чуть...

— Ничего себе чуть-чуть! — возмутился Конан.

— Понимаешь, для нас ведь время по-другому течет, — пояснил титан. — Для вас, людей, год, а для нас — сутки. Но все равно, знаешь ли, приятного мало. Грифы терзают, Боги даже не взглянут, словно меня и нет вовсе. Если б не люди, никто бы и не посочувствовал.

— Я слышал что-то о Похитителе Огня..., — заметил Конан. — Так это ты, значит?

— Именно! Южане зовут меня Впередсмотрящим Богом, а в Норджейме придумали имя покороче — Локи. Только вот Имир меня терпеть не может, да что с него взять? Ледяной ведь. Хотя, если бы не моя родина Муспельхейм, как ее называют асиры и ваны, вдохнувшая жизнь в глыбу льда, которая образовалась из воды Хвер гелмира, не видать бы этому самому Имиру своего снежного царства! Боги тоже бывают неблагодарными, но я не из таких. Я даже замолвил за тебя словечко Мардуку! Так что — держись молодцом...

Мардук, вальяжно развалившись, отдыхал на скале. Гигантские доспехи его были небрежно расшнурованы на боку, огромный, полыхающий светом меч и громоздкий шлем, в котором мог бы разместиться на ночлег отряд легионеров, лежали в стороне. Отдых расслабил Бога, и его лицо, испещренное десятками шрамов, выражало удовольствие.

— Ну что, Локи, ты привел ко мне этого варвара? — От грохочущего голоса небожителя волосы на голове Конана метнулись назад, как от порыва сильнейшего штормового ветра на побережьях Западного Океана.

— Конан из Киммерии перед тобой, о Величайший из Воителей! — крикнул в ответ Дух Огня.

Конан заметил, что хоть титану явно не по душе прозвище, данное ему ванами, но он и виду не подает из уважения перед грозным богом. Киммериец ощутил на себе пристальный взгляд сверкающих очей грозного божества, но не отвел глаз. Лицо Мардука расплылось в довольной улыбке.

— А ты, я гляжу, парень не промах, Конан из Киммерии! Ты меня не боишься?

— Даже смертоносный Сет не заставит меня дрожать, как трусливого барана! — гордо заявил Конан. — Никого я не боюсь.

— Верю, верю, — закивал Мардук, похотывая, и скала под ногами киммерийца заходила ходуном. — Дружнице Кром рассказывал мне однажды, как ты полез на него с кулаками!

— Да чего уж там! — Конан немного смутился. — Дело молодое было! А ты что, друг Крома?

— Еще бы! Мы с ним и друзья, и соседи. Его сияющий Чертог находится рядом с моим на Девятом Небе Зандры, там же и Балгалла, где пируют души ваниров и асиров. Частенько мы пировали вместе — я, Кром, Тор и Один. Когда песни пели, а когда и дрались. Чего не сделаешь, хлебнув лишнего.

— То-то грозы иногда бушуют, — понимающе усмехнулся варвар. — Вы, я вижу, на небесах зря время не теряете.

— Да, у нас весело, — согласился Мардук. — Вот попадешь в Чертоги Крома, сам увидишь. И к нам заглядывай. Особенно когда Папай навещает, такое начинается!.. С нами не заскучаешь! — И бог заговорщицки подмигнул киммерийцу.

— За приглашение, конечно, спасибо, — ответил Конан, — да только мне и тут пока не плохо. Да и друзья заждались, и женщина, наверное, затосковала...

— Я тебя и не тороплю, — захохотал в ответ Мардук. — Сам знаю, что еще не скоро мы увидим тебя на небесах. У тебя и здесь не все дела переделаны. Успеем попить, а пока скажи, чего желаешь, Конан?

— У меня есть два желания, — просто ответил киммериец.

— Излагай.

— Во-первых, — начал Конан, — я хочу попросить у тебя что-то вроде, э-э, концессии. Вот!

— То есть как это? — удивился Мардук, который, очевидно, не любил мудреных словечек не меньше самого Конана.

— Право на разработку рудников, — пояснил Конан, втайне гордясь, что выучил хотя бы одно ученое слово. — Короче говоря, пусть эти самые грифы мне отсыпят золота!

— Ну, и сколько же тебе надо, киммериец? — хмыкнул Мардук, с интересом разглядывая стоявшего перед ним человека.

— Так... — Конан на мгновение призадумался. — Примерно столько, чтобы Езигерда можно было бы купить со

всей его казной. В общем, золота должно хватить на то, чтобы этого сопляка как следует проучить, да еще и королевство купить.

— Какое тебе нужно королевство? — поинтересовался Мардук. — Кхитай? Вендия? Туран?

— Да нет, великовато будет, — отмахнулся Конан. — А вот Аквилония мне, пожалуй, подойдет.

— Так... — Мардук на мгновение приуныл, а затем усмехнулся: — Ну а второе желание?

— Второе — вернуться в Хайборийские земли, и как можно скорее... Куда-нибудь поближе к западным границам Турана, чтобы Ездигерда побыстрее достать! Уж он-то мне за все заплатит, паскуда!

— Губа у тебя, как я вижу, не дура! — ухмыльнулся Мардук. — Неплохо для варвара.

— На аппетит не жалуюсь, — хмыкнул Конан.

— Да вот только оба желания я сразу исполнить не могу, — развел исполинскими ручищами бог. — Придется выбирать. Так много золота вывезти отсюда я тебе не позволю. Не могу. Это нарушит завет Джеббала Сага. — Мардук понизил голос и указал здоровенным пальцем на небо. — Но ты будешь владеть этими сокровищами, если останешься здесь. Властью, которой наделил меня Саг, я могу назначить тебя правителем Страны Аримаспов и Грифов. Подумай, Конан! Ты станешь самым богатым правителем в мире! Сразу исполнятся все твои мечты: и разбогатеешь, и сядешь на трон. Да к тому же и твой дружок Таргитай по соседству будет править. Будете друг к другу в гости ездить, а? А против Ездигерда пошлешь огромную армию, его приведут к тебе на ошейнике, как собаку. Понимаешь, золото грифов не должно покидать пределов Рипейских гор, чтобы не нарушилось Великое Равновесие, созданное в незапамятные времена Великим Сагом.

— А как же аримаспы? — недовольно переспросил Конан. — Ведь они-то привороживают золотишко, и оно потихоньку уплывает во внешний мир.

— Вот именно, потихоньку! — кивнул Мардук. — Высшие Боги пошли на такую уступку Белу. Этот хитрый

ворюга сумел доказать, что скопившиеся в одном месте бесценные сокровища тоже нарушают Великое Равновесие. И кривой старикашка оказался прав, Нергал его задержал! Пусть золото грифов потихоньку расходуется по миру, маленьким ручейком пусть течет с Рипейских гор. Но никак нельзя допустить, чтобы все это золото, или его большая часть, оказалось в руках у кого-нибудь за пределами Рип. Это приведет к непредсказуемым последствиям. Также нельзя, чтобы золото потоком хлынуло на рынки, потому что тогда снова наступит Золотой Век, а это тоже разрушит Великое Равновесие. Так что выбирай, киммерец!

— А чем плох Золотой Век? — спросил Конан. — Я слышал, когда-то давно он уже приходил на землю, и все люди были богаты и счастливы.

— Золотой Век .., — задумчиво произнес небожитель. — Был, не был... Не все ли теперь едино? Скажу тебе лишь одно, Конан: люди сами разрушили свое счастье и утратили Золотой Век. Ему на смену пришла Квалиюга — эра алчности и насилия. И она будет продолжаться до тех пор, пока люди не вернутся к своим истокам.

Конан не совсем понял, что этим хотел сказать Мардук, и лишь недовольно повел могучими плечами.

— Да и зачем тебе Золотой Век, Конан? — вдруг рассмеялся Мардук. — Уверен, тебе бы он совершенно не понравился! Мир всеобщего благоденствия не для таких, как ты.

Конан на мгновение задумался и решил, что Мардук, пожалуй, прав.

— Да, — кивнул он, соглашаясь, — я бы тогда кинулся на меч.

— Скорее, повесился бы на своем ремне, — поправил его Мардук. — При Золотом Веке не бывает оружия.

— Ну, тогда это точно не для меня! — разочарованно протянул Конан.

— И я с тобой совершенно согласен! — расхохотался Мардук. — Да, парень, мы с тобой похожи! Ты настоящий варвар! Ну, Конан, ты выбрал? — спросил бог, немного успокоившись.

— Бери, пока дают! — услышал киммериец тихий шепот Духа Огня. — Он сегодня добрый. Сразу станешь богатейшим правителем мира.

— Да нет, — вздохнул Конан, — отправь-ка ты меня в Хайборийские земли. А богатство и корону я уж как-нибудь и сам себе добуду.

— Речь достойная мужчины, — одобрительно кивнул Мардук. — И рад бы тебя озолотить, да нельзя. Ничего в мире не делается даром, за все приходится платить. Ну что ж, ты выбрал свой путь, Конан из Киммерии. Не сворачивай с него. — И Мардук хлопнул в ладоши...

Не успел Конан и два раза вздохнуть, как обнаружил, что находится у входа в большую пещеру вместе с Духом Огня, который глядит на него, укоризненно покачивая головой. Было так холодно, что даже привычный к морозам киммериец невольно придвинулся поближе к источавшему тепло титану. Оглядевшись вокруг, Конан увидел, что со всех сторон ледяную пещеру окружают заснеженные горы. Северное сияние озаряло вечные снега и ледники, разукрашенная всеми цветами радуги безжизненные высоты, которые были, очевидно, так же далеки от Страны Аримаспов, как она от Аргайма. Ни зверей, ни птиц не было видно, лишь беспрестанно завывала вьюга, словно варвар попал в середину Розы Ветров.

— Это не Роза Ветров, Конан, — услышал до костей дрогший киммериец голос Духа Огня. — Она находится на острове, затерянном посреди Западного океана. А здесь — обиталище старика Борея. Он-то и отправит тебя на своих воздушных крыльях в Хайборийские земли.

— Что там, за этой пещерой? — стуча зубами, Конан указал на север, куда уходила гряда мрачных суровых гор.

— Там — ледяное безмолвие Патении, — задумчиво ответил Дух Огня. — Лишь белые медведи да рыжие обезьяны бродят там во мраке полярной ночи. А еще дальше, на вершине мира, когда-то давным-давно находилась Благословенная страна, где всегда было вечное лето, зеленели сады, пели птицы. Именно эту страну называли Гиперборей Счастливой, и обитали в ней жители, во всем равнявшие

себя с богами. Ведь даже их сутки равнялись суткам богов. В этой стране полгода длился яркий день, а полгода — ночная тьма. Воистину древние гиперборейцы были счастливы в своей удивительной стране. Само слово «Гиперборей» означало тогда «живущие выше Борея». Но настала эпоха Великих катаклизмов, и ледяной панцирь сковал страну Вечного Лета. И гиперборейцы бежали, утратив свое счастье, и превратились в касту мрачных и злобных колдунов...

— Теперь я понял, почему древние мудрецы называли гиперборейцев счастливыми, — прошептал Конан.

... С замирающим сердцем вступил киммериец в обиталище Северного Ветра. Оглядевшись, он обнаружил, что находится в огромной пещере, где легко разместилась бы аргаймская Цитадель Уту. Ослепительный холодный свет ударил в глаза — это высокие своды пещеры светились изнутри, то вспыхивая, то угасая. В центре пещеры Конан увидел большую, закрученную затейливой спиралью, раковину необычного нежно-розового цвета. Из гигантской горловины величественной раковины вырывался пронизывающий, почти осязаемый и видимый поток ветра, а она едва слышно пела, словно где-то вдали шумел морской прибой.

— Кром, — прошептал Конан, и его синие глаза широко раскрылись. Величественный лик старца с окладистой волнообразной бородой проступил на задней стене пещеры за поющей раковинной. Суровые мудрые глаза спокойно разглядывали Конана и Духа Огня из-под кустистых бровей.

— Зачем вы пришли в Обитель Ветра? — Неземной голос многогранным эхом прокатился под сводами пещеры.

— Именем Сага мы пришли к тебе, Великий Борея! — почтительно произнес Дух Огня. — Смертный по имени Конан из Киммерии просит тебя вернуть его в Хайборийские земли.

— А, это ты, Дух Огня, — проговорил Борея. — Вечно проказничающий мальчишка! Сколько раз ты устраивал пожары, пользуясь моим ветром!

— Виноват. — Титан склонил голову, но в его глазах заиграли лукавые огоньки.

— Ну да ладно! Так этого смертного я должен перенести в Хайборию? — Борей внимательно взглянул на варвара. — Конан из Киммерии, говоришь? Я люблю эту страну. Сколько раз я обдувал ее обледеневшие горы, сколько раз пел вечную Песню Снегов на ее вершинах и склонах! А куда тебя перенести, смертный? Может, в Аквилонию? В этой стране меня почитают, хотя и побаиваются. Ведь недаром они называют меня Аквилоном!

— О, нет, великий бог, — произнес Конан, еле скрывая свое волнение. Даже беседа с Мардуком не произвела на него такого впечатления, как разговор с бородатым суровым ликом, глядевшим на него из стены волшебной пещеры. — Мне нужно попасть на северо-западные рубежи Турана.

— Туран.. — задумчиво молвил Борей. — Там меня не любят. Туранцы слишком трясутся над своими цветущими садами и виноградниками. И если мое ледяное дыхание случайно поморозит взлелеянные ими лозы или персиковые деревья, то они проклинают меня. Глупцы! Червякам, вечно роющимся в навозе, не понять всю прелесть ледящего полета по необъятным просторам земли, необузданной игры с облаками в горных вершинах. Лишь гордые сыны Гиркании, которые любят, когда ветер свистит у них в ушах во время бешеной скачки по вольной степи, дикие ваниры, с буйными песнями бороздящие моря на своих драконоголовых ладьях, да неукротимые уроженцы Киммерийских гор могут понять меня. Только из уважения к твоей суровой стране я перенесу тебя к рубежам изнеженного Турана. Весело мне будет смотреть на то, как запрыгивают кичливые южане, когда снежный ураган прогуляется по их ухоженным садам! — Еле заметная усмешка скользнула по лицу Борей. — Ты готов лететь?

— Я еще не простился с друзьями и возлюбленной, — сказал Конан.

— Друзья и возлюбленная — это прекрасно, — молвил Борей. — У меня никогда не было возлюбленной, и не было друзей, но я хорошо тебя понимаю, смертный! Простись с ними, Конан, и жди сигнала свыше.

— Но кто укажет мне, когда я должен отправиться в путь? — недоуменно спросил киммериец.

— Тот, с чьим именем вы пришли просить меня о помощи.

Борей взглянул на потолок пещеры, и, подняв голову, Конан увидел начертанный на взмывающем вверх куполе пещеры священный символ Джеббала Сага...

* * *

... Корабль, готовый к путешествию по воздуху, наконец-то стоял у стен Аргаима. Конечно же, это было не то судно, на котором Конан бороздил воды Черного Побережья, и не та галера, с которой он держал в страхе всю южную часть моря Вилайет. Размерами это судно скорее напоминало ялик, на котором Конана прибило к скалистому Берегу Туманов и который превратила в щепки Великая Моржиха. На создание судна у Конана и его подручных, к сожалению, совершенно не знакомых с мореходством, ушло больше десяти дней. Большую часть работы киммериец проделал сам, но зато теперь он мог гордиться своим творением.

Его лодка была снабжена отличным косым парусом, а по обоим бортам были прочно прикреплены два больших крыла, на которые ушло немало пергамента, изъятых у королевских писарей. Кроме того, в днище были врезаны три оси с насаженными колесами, так что, приземлившись, судно могло еще долго ехать по степи или пустыне, как колесница.

Итак, «Заоблачный скиталец» был готов к далекому путешествию. И вот настал знаменательный день, когда на заре людям предстало удивительное видение: огромный знак Джеббала Сага зажегся на низком северном небе и тут же угас, как мираж. Это был сигнал. Пришла пора прощаться.

Слезы Борте обильно текли на широкую грудь киммерийца.

— Возьми меня с собой, Конан! — Девушка умоляюще взглянула на варвара.

— Нет, Бортэ! Тебе нечего делать с таким беспутным бродягой, как я, — ласково, но твердо сказал Конан, проводя закрутившей ладонью по ее нежной, влажной щеке. — Вечный скиталец должен быть один. К тому же здесь твоя родина, да и Мохира не выдержит разлуки с тобой. Прости, любимая! Помни обо мне — вот и все, что мне нужно. — И он тихонько подтолкнул плачущую девушку к пухлой старухе, которая, подковыляв к безутешной внучке, нежно обняла ее. Однако васильковые глаза Мохире тоже были полны слез.

— Таргитай! — Киммериец крепко обнял друга, который еле сдерживался, чтобы не зарыдать. — Поручаю тебе двух дорогих моему сердцу женщин. Надеюсь, ты не оставишь их.

— Ни за что, друг! — юный правитель с силой хлопнул по железному плечу киммерийца. — Мы еще встретимся?! — Таргитай скорее утверждал, чем спрашивал.

— Обязательно! — И Конан, подмигнув ему, широко улыбнулся.

Простившись с Кайратом Одноглазым, который был теперь Главнокомандующим и командиром Гвардии Серебряных Грифов, и с другими кемерами и поблагодарив их передать их горячий привет всем западным киммерийцам, Конан наконец-то поднялся на борт. Все было готово к далекому путешествию. Внизу стояли Бортэ, Таргитай, Мохира и Кайрат. Не видно было лишь старого плута Саидхана.

— Ну, этот теперь будет рад! — беззлобно усмехнулся Конан, вспомнив про страстную и безответную любовь старикашки к Бортэ...

Вдруг сильнейшие порывы ветра налетели с отрогов Рипейских гор, из далекой пещеры Борей. Конан на миг представил себе гигантскую поющую раковину и лик сурового Северного Ветра. Завывая, мощный вихрь налетел на корабль и, легко оторвав его от земли, понес на юг. Прощай Сакалиба! Прощайте, Бортэ, Таргитай! Прощайте, друзья! Доведется ли еще свидеться?

Далеко внизу пронеслось по Пасиртайской степи мимо-летное видение солнечного колеса Арганма Трехстенного, и

вскоре землю закрыли пушистые облака. «Скиталец» несся, разрывая их острым носом, ветер свистел в ушах Конана, надувал паруса и шевелил крылья небесного корабля. В этом монотонном свисте слышался голос Борей, напевающий киммерийцу об опаленных зноем равнинах Заморы, о персиковых садах Хоарезма, о соленой влаге океана.

На мгновение Конану вспомнилось, как когда-то давно, больше десяти лет назад, летел он над морем Билайет, взятый в плен небесным кораблем грондарского чародея Тоиланна. Но это был совсем иной полет. Тогда колдовской корабль несла в небе покоренная сила рабов. А «Заоблачный Скиталец» устремляла вперед великая мощь стихии и его, Конана, стальная воля. Позабыв обо всем, Конан во все горло запел боевую песнь Асгарда, которой научился еще в юности, и вдруг сквозь вой ветра и свист снастей услышал, что чей-то надтреснутый голосок пытается вторить ему. Молниеносно обернувшись, Конан увидел закутанного в дорожке меха маленького человечка, сидевшего посреди припасов, взятых в дорогу, и сжимавшего в руках бурдюк араки. Это был Саидхан, мертвецки пьяный.

— Во имя Иштар! — воскликнул изумленный Конан. — Что ты здесь делаешь, Нергалов выкормыш?

— О, в-великий воин, — пробормотал Саидхан, — прости, ч-что проник т-тайно на борт т-твоей чудесной ладьи! Н-но мне нестерпимо з-захотелось побывать в Х-хайбории перед смертью. К т-тому же у меня кое-что есть. — Заговорщицки улыбнувшись, старик извлек из-за пазухи два огромных, жарко пылающих рубина.

— О, да это же... Кровь Огня! — воскликнул Конан. — Ах хитрюга! Так ты подобрал эти камни, пока я освобождал титана?!

— Од-дин твой, од-дин — мой! — пролепетал старик, дрожащей рукой протягивая Конану драгоценность.

— Эге! — Голос Конана теперь звучал иначе. — Да на этом мы с тобой заработаем кучу деньжищ! Ай да молодец! — И он с такой силой хлопнул пьяного старика по сухонькому плечу, что тот навзничь опрокинулся на палубу.

Приподняв трясущуюся голову, Саидхан промычал:

— Я п-подумал, все равно Б-бортэ меня никогда не полюбит, и решил л-лететь с тобой. Т-только ты по достоинству можешь оценить мою тоску по ней. Я с-сложил про нее з-замечательную поэму. В-вот послушай! — И старик замогильным голосом начал читать свои вирши.

— Кром! — в ужасе заревел Конан. — Только не это!!!

* * *

...«Заоблачный Скиталец» стремительно несся на крыльях Борея к рубежам Турана. Огромный мир вновь лежал перед отважным киммерийцем. Сотни отчаянных, невероятных приключений ждали его. Пройдут годы, и зрелый муж Конан взойдет на Трон-Рубин. И долго при аквилонском дворе барды и менестрели будут петь Сагу о Неведомых Землях, о суровом крае Рипейских гор, где правит отважный правитель и где стерегут несметные сокровища грозные грифы...

ГЛАВА 1. Сыщик, ловец, жонглер

Весь Шадизар знал о том, что Ахамур Байса Саламбен Давгаль Умбрия Лучимия по прозвищу Пузо держит в кулаке все южные кварталы и добрую половину восточных.

И весь Шадизар уважал его за это и завидовал, как говорится, доброй завистью.

Ибо Шадизар испокон века благожелательно относился к мерзавцам.

— И все-таки, почтенный Ахамур,— говорил ему хромой горбатый гость душным вечером в просторной беседке посреди роскошного сада,— я никак не возьму в толк, почему тебя устраивает только... гм... волевое решение. Почему нельзя просто взять и договориться?

Пузо крикнул и почесал макушку, под которой вдруг зашевелилось нечто наподобие мысли. Но если это и была мысль, она не спешила прорваться к голосовым связкам сквозь напластования жира.

— На твоём месте,— продолжал ростовщик по имени Паквид Губар, не менее одиозная личность в Шадизаре, чем Пузо,— я бы не спешил рубить сплеча.

Пузо выковырнул из зубов волоконце копченого мяса. Он давно уже мог позволить себе самые дорогие и изысканные яства, но суровая молодость, отданная беспощадной борьбе за выживание, привила ему вкус к сытной и простой пище. Впрочем, для гостей он всегда приказывал ставить на стол деликатесные блюда. Но если кто-нибудь к этим

блюдам притрагивался, Ахамур, сам о том не подозревая, менялся в лице.

Паквид Губар давно это подметил и, являясь к Пузу с визитом, ел то же, что и хозяин.

— Послушай меня, ростовщик. — Ахамур наклонился в сторону собеседника, огромный живот, словно только и ждал этого момента, растекся по столу и целиком накрыл миску с копченым кроликом и соусом. — В моем деле слово «договориться» значит вовсе не то же самое, что в твоём. Ежели я нынче решаю с кем-нибудь договориться, то завтра ищи его за городскими воротами, во рву с мертвяками.

Губар слегка побледнел и поспешил уступчиво кивнуть.

— Да, я, конечно, не это имел в виду.

При этом он подумал:

«Хвала богам, что у нас с тобой разные сферы интересов. Не надо ничего делить, а значит, «договариваться». Из тебя никогда не получится ростовщик, и ты сам прекрасно это знаешь. Ты не способен дождаться, когда деньги, пущенные в дело, начнут давать прибыль. Если утром дашь кому-нибудь под процент, то уже вечером твои громилы побегут выколачивать долг и походя перережут должнику глотку. Ты живешь сегодняшним днем, все, что добываешь, тут же пускаешь на ветер. А из меня никогда не получился бы такой авторитетный главарь банды, как ты, хотя связей с мошенниками у меня не меньше, чем у тебя. Все дело в том, что воры ценят первобытную силу и лихость, а вовсе не мозги».

Кожа на широком лбу Ахамура сложилась в толстые складки. Он думал. В муках рождал мысль.

— Я дожил до преклонных лет, — заговорил он наконец, — и добился своего положения только потому, что ни разу не нарушил три закона моей жизни. — С этими словами он поднял палец. — Закон первый: никогда никому не уступай. — Рядом с указательным пальцем выпрямился средний. — Закон второй: не уступай никому никогда. И, наконец, третий закон. — Выпрямился и безымянный палец. — Ежели кому-нибудь уступишь, цена тебе — кусок дерьма.

— Чтобы следовать этим правилам, нужна поистине железная воля, — льстиво подтвердил Губар, — но ведь речь идет о совершенно особом случае...

Ахамур потупился и раздраженно пожевал губами. Он слыл человеком необычайно вспыльчивым и жестоким, и под его неотрывным взглядом Губар обеспокоенно заерзал.

Видимо, снова придя к какому-то решению, Пузо откинулся на спинку кресла и хлопнул в ладоши. Беспумно и стремительно, как летучая мышь, появился мажордом самого что ни на есть злодейского вида.

— Этого сюда, как его...

— Качвара, твоя светлость?

— Ага, его. Вот память, чтоб ее!

«Твоя светлость, — мысленно усмехнулся Паквид Губар. — Герцог он у воря, ни больше ни меньше. То же мне, иерархия». Он вспомнил герб на карете Пуза — лубочная золотая канарейка на ажурном поле — и похолодел. Ему конец, если хоть один мускул на лице дрогнет. Пузо очень легко обижается и никому не прощает обиды.

Но беспокоился ростовщик напрасно — лицо его не выдавало. Оно давно само по себе научилось хранить каменную безмятежность.

«Может, и за себя похлопотать? — подумал Губар. — Пусть воры и мне присвоят какой-нибудь титул, я ведь им не чужой все-таки. Ну да, держи карман... В преступном мире, как ни удивительно, деньги значат гораздо меньше, чем в высшем свете. Проще купить самый обыкновенный баронский титул у короля. А здесь важнее всего авторитет».

— Как рука? — поинтересовался Пузо.

Паквид благодарно улыбнулся, поднял правую руку, сжал кулак, растопырил короткие пальцы. На запястье багровели два рубца (он совсем недавно снял повязку), но кисть действовала исправно.

— Хорошие лекари способны творить чудеса. За хорошие деньги.

Пузо кивнул. Было непонятно, порадовала его эта новость или нет.

Двое рослых слуг, волосатых, как гориллы, привели в беседку Качвара. Насмерть перепуганный штафирка норovil упасть на колени и бессвязно молил о пощаде. Гориллам приходилось то и дело хватать его за шиворот и ставить на ноги. Пузо равнодушно посмотрел на него и перевел взгляд на гостя.

— Ты любишь смотреть, как подыхают презренные собаки? — спросил он.

— Я нахожу это зрелище весьма увлекательным, — тактично отозвался ростовщик.

— Этот пес вряд ли околеет увлекательно. Он просто трусливая мразь. — Пузо посмотрел на горилл. — Выпусти-те ему потроха. Но сначала подставьте таз, я не люблю ужинать в свинарнике.

Под вопли умирающего Качвара он отдал должное великолепно приготовленному мясу, свежей пшеничной лепешке с медом и терпкому красному вину. Губар с такой же жадностью поглощал те же яства, чем привел хозяина дома в миролюбивое расположение духа.

— Никто не мешал этой размазне, — пояснил он, когда гориллы уволокли мертвеца, — быть хорошим и живым слугой.

От него всего-то требовалось — исполнить мое поручение. Не спорю, кому-то оно могло показаться сложным. Так ведь Качвар даже палец о палец не ударил! Сразу отказаться не посмел — дрожал за свою шкуру. Предпочел клятвенно обещать, что живо обтяпает дельце, даже заявил, что ему это раз плюнуть. И вульгарно попытался сбежать. Знаешь, как я его нашел?

Паквид изобразил на лице живой интерес.

— Явился мой приятель и все рассказал, — проворчал Пузо. — И при этом он так мерзко хихикал! Пока ты науськиваешь на меня таких шавок, сказал он, я не поставлю на твою шкуру и ломаного гроша. Спокойной ночи и до новых неприятностей. — Он скрипнул зубами и вымолвил, будто харкнул: — Ненавижу!

Паквид понимающе кивнул и пригубил вина. И как можно смаковать эту дешевую гадость?

— Если бы Качвар сделал то, что от него требовалось, — задумчиво говорил Ахамур, — он бы сейчас сидел во главе стола на знатной пирушке. Я бы исполнял все его желания, точно сказочный волшебник из Пещеры Сбывшихся Чаяний. Денег надо? На тебе деньги. На бабу потянуло? Да на здоровье, вот тебе хоть дюжина. Дворянских кровей плюху добудем, только попроси. Вина? Пей, хоть залейся. Я хорошего не забываю. Помнишь, Паквид, как ты мне услугу оказал? Я что, в долгу остался?

— Нет. — Губар торопливо помотал головой. — Ты меня потом озолотил. Хотя было бы за что...

— Было за что! Я Паквида попросил: окажи услугу. И Паквид оказал. Головой, может, рисковал, а мне помог.

«А если б не помог, — уныло подумал Губар, — если б не спрятал у себя в доме твоих поделчиков, зарезавших на темной улице пьяного вельможу, — пришел бы ты Паквида».

— Качвара я ведь тоже просил об услуге. Просил, не приказывал. Вот чего я, Паквид, не люблю, так это когда бессовестно врут в глаза.

«Посмел бы он отказаться!» Конечно, вслух ростовщик этого не произнес.

— И ведь не он первый. Э-эх, народ пошел... — Пузо махнул перепачканной соусом рукой.

«Ого! — воскликнул про себя Паквид. — Выходит, ты не одному Качвару показал его собственные кишочки? Видно, тебя и впрямь допек бывший приятель?»

— Ты вот сидишь, Паквид и, наверное, голову ломаешь: «Чего это меня Ахамур позвал?» Ломаешь, верно?

Губар неопределенно пожал плечами.

— Угу, — утвердился в своей догадке Пузо. — Ребятки мои волнуются, вот какое дело. Не понимают меня ребятки.

— Если бы я мог чем-нибудь помочь... — уклончиво начал Паквид.

— То-то и оно, что можешь, — перебил Пузо.

«О, боги! — беззвучно взмолился Паквид. — Спасите!»

— Почту за честь, — сказал он.

По всей видимости, не всякая бессовестная ложь в глаза вызывала у Пуза отрицательные эмоции.

— Ты мне тут как-то про одного ушлого рассказывал, как бишь его... Тьфу, память! Ну, который тебе метку на лапе оставил.

— Конан! — Внешнее спокойствие не выдержало натиска ненависти и злобы. Лицо Паквида пошло красными пятнами.

— Во, точно. Ты тогда ни о чем не просил, а я ничего не обещал, но все-таки намотал на ус твою историю и велел присмотреть за молодцом. Ежели, думаю, опять от Губара помощь потребуется, будет потом чем расплатиться. — Он с ухмылкой поглядел ростовщику в глаза.

«Жирная свинья! — выругался тот про себя. — Мои люди с ног сбились, разыскивая Конана, а ты все время знал, где он прячется, но даже не намекнул. Может быть, он отсиживался где-нибудь в твоих кварталах, под твоим покровительством».

— Вот этого бы паренька на мое дельце подрядить, — медленно проговорил Пузо, словно спрашивал у Губара совета. — Он бы, может, и справился.

Ростовщик промолчал. Он старался взять себя в руки, боялся, что выдержка изменит ему.

— Не могу я больше своих ребяток дергать, — сказал Пузо. — Не понимают они меня. Думают, я их зазря гроблю, ради собственного удовольствия. Будто я тиран какой или деспот. А задарма подыхать никому не хочется, правильно я говорю?

С этим Губар согласился совершенно искренне. Он все еще не понимал, чего от него хочет Пузо. Но злость его присмирела. Растеклась по тайникам души.

— Вот и Качвара наверняка жалеть будут, — продолжал Пузо, ковыряя в нижней челюсти заостренной лучинкой в палец длиной — целая жменя ее сестренки стояла перед ним на столе в глазурованном глиняном горшочке. — А меня, понятное дело, корить. В глаза упрекнуть никто не посмеет, ну, да мне от этого не легче. Я ведь не полено бесчувственное, переживаю.

— Все мы люди, — дипломатично подтвердил Губар.

— Так вот, Паквид, — ласково проговорил Пузо, — нужна мне от тебя услуга. Сумеешь помочь — о чем хочешь проси...

«А не сумеешь — валяться тебе за воротами в канаве с гниющими трупами, — мысленно договорил за него Паквид. И выругался, опять же мысленно: — У-у, лицемер проклятый!»

— А не сумеешь, обиды держать не буду...

«Конечно, не будешь — после того, как глотку перережешь».

— Приведи ко мне того молодца.

— Конана? — Паквид не поверил собственным ушам.

— Его. Знаю, ты на него по сей день зуб точишь. Но будь другом, смирив гнев и разыщи его. И не убивай, пока у меня в нем нужда не отпадет.

— Где разыскать? — произнес ростовщик вмиг севшим голосом.

— Да хоть под землей, ежели он там схоронился. Потеряли его мои оболтусы. Он ведь особо не скрытничал — пьянствовал вовсю, куролесил, подвигами своими хвастался. Ну, они и расслабились маленько. Никуда, думали, не денется. А он, шельма, взял, да и пятки салом мазанул. В тот самый момент, когда мне понадобился.

— А если его нет в городе?

— Ежели его нет в городе, ищи за городом. Где ты его найдешь, мне, сказать по правде, нелюбопытно. Расходы оплачу до последнего гроша. Я ж почему к тебе обращаюсь, как ты думаешь? Да потому, что ты на этом деле собаку съел. Вечно тебе должников приходится разыскивать, которые когти нороят рвануть с твоими денежками. И с теми, кто расплатиться не может. По части сыска в этом городе тебе равных нет.

«Во всей Заморе мне равных нет, — с гордостью подумал Губар. — Везде у меня прочные связи, в каждом городе. Бывало, из другой страны должника привозили, связанного и в мешке. Вот только Конан, подлец, ушел. Недалеко, правда, — к Ахамуру под крылышко. Надежнее укрытия в Шадизаре найти невозможно. Но раз Конан и от Пуза сбежал... То теперь он мой».

— Так мы с тобой друг дружку поняли, — сказал Пузо. — Конан мне нужен целым и невредимым. И чем скорее приведешь, тем лучше.

— Приведу, — со вздохом обещал Губар. — Только ты больше никого об этом не проси, ладно? Не хочу, чтобы под ногами путались.

На самом деле он не хотел, чтобы кто-нибудь разыскал Конана раньше него. Просьба Ахамура равносильна приказу, если ты ее не выполнил — не важно, по какой причине, — тебе несдобровать.

— А когда он свое дело сделает, — сказал Пузо, — я тебе его подарю. Клянусь честью герцога.

* * *

— Гнилуха говорит, сейчас тут буча начнется, — говорил Конану лупоглазый беспризорник. — Тебе лучше когти рвануть.

Конан сплюнул в сердцах. Он уйму времени угробил, расхваливая перед богатым аквилонским путешественником свой товар — пышный ковер иранистанской работы. Жалко было упускать такого покупателя. Но предупреждению Гнилухи верить стоило. Вожак шайки нищих, которые днем подворовывали, а по ночам спали на этом базаре, слов на ветер не бросал.

— Кто на этот раз? — зло спросил он оборванца. На прошлой неделе побоище устроили хауранские торговцы — возмутились, когда местные бандиты обложили их непомерным «налогом». Крови пролилось немало, не обошлось и без полудесятка убитых с обеих сторон. Конан в той потасовке не участвовал — никто не догадался его нанять.

— По твою душу, — с чисто детским злорадством ответил вестник. — Гнилуха говорит, двадцать или двадцать пять жлобов, все при мечях или дубинах. Я сам двоих засек, морды — что твой прилавок.

— Кажется, у тебя проблемы? — язвительно поинтересовался аквилонец. — Для хорошего торговца в базарный день личные заботы — непозволительная роскошь. — Он по-

грузил холеные длинные пальцы в пышный ворс ковра. — Ты уверен, что это шерсть горного козленка, а не заурядная овчина? И краски не ярковаты ли для настоящей иранистанской работы? Уважающие себя ткачи год, а то и два, выдерживают свое изделие на солнце, прежде чем выставить его на продажу.

Аквилонец был высок, хорошо сложен и держался очень самоуверенно. На его боку висела длинная шпага с усыпанной камнями гардой, рядом с ней — стилет в изящных серебряных ножнах. Одет он был тоже во все дорогое, но излишняя кичливость наряда выдавала недворянское происхождение путешественника. Всего вероятнее, он просто завидовал прославленным аквилонским рыцарям и старался подражать им в одежде и манерах.

— Ты на что намекаешь, почтенный? — вежливо поинтересовался Конан, обеспокоенно косясь по сторонам.

— На то, что ты, почтенный — самый настоящий жулик, — весело отвечивал аквилонец.

Рядом с ним стояли двое рослых телохранителей, приученных не снимать ладони с рукояти меча. Богатырского сложения киммерийца с тяжелым клинком на боку они разглядывали с явным недружелюбием, но вызывающий тон хозяина не послужил для них сигналом изготовиться к бою, и это вмиг насторожило Конана. «Они уже готовы напасть, — подумал он. — Внезапно и неуловимо, как кебры».

— А поскольку я на дух не переношу жуликов, — буднично добавил покупатель, — я намерен отдать тебя в руки стражи.

Вжикнула сталь, и в грудь Конана уперлись три клинка.

— Еще Гнилуха велел тебе сказать, — ухмыляясь, проговорил малец, который с откровенным наслаждением следил за развитием ситуации, — что тех жлобов на базар привел какой-то аквилонский петух.

— Ах ты, щенок! — хором вскричали Конан и аквилонец.

Мальчишка с хохотом шмыгнул под прилавок — только его и видели. Аквилонский путешественник, судя по всему, был вспыльчив, но умел моментально успокаиваться.

— Странные у тебя друзья, почтенный торговец, — улыбаясь одной стороной рта, проговорил он.

С этим Конан не был согласен. Ничего тут странного нет. Конечно, Гнилуха мог бы предупредить его гораздо раньше, едва заметил опасность. И тогда бы Конан скрылся по-тихому — мало ли заранее продуманных путей для бегства? Заплати любому мусорицику два-три золотых, и он будет рад вывезти тебя под кучей гнилья на своей телеге со вторым дном, специально для таких «торговцев», как Конан, и предназначенной (на базарах облавы не редкость). Но за кем тогда погонятся ловцы, опрокидывая лотки и рассыпая по земле снедь, которую вечером бродяги соберут, поделят и съедят за милую душу? Гнилуха неплохо относится к Конану, даже устроил приказчиком к торговцу поддельными иранистанскими коврами, — но он вырос и состарился среди городского отребья и привык выше всего ставить собственный шкурный интерес. Вот и послал мальчишку к Конану за миг до того, как тот сам обнаружил опасность. Теперь у Гнилухи совесть чиста, да к тому же он услугу оказал — предупредил, что, помимо аквилонского хлыща с двумя телохранителями, тут целая толпа недругов киммерийца.

— Медленно выходи из-за прилавка, — улыбаясь, говорил лжепокупатель, — и не притрагивайся к мечу. Спротивляться нет смысла, ты сам слышал — тут кругом мои люди.

— Тебя кто нанял? — хмуро спросил Конан, не трогаясь с места.

— Ну, что тебе ответить, Конан? Тот, кто достаточно богат, чтобы нанимать настоящих профессионалов, платит не за болтовню, а за работу. Прикуси язык и делай, что говорю. Еще одно слово, и я в тебе проковыряю дырку. А ну, выходи! — рявкнул он. — Считаю до...

Он не успел договорить. Он не успел даже заметить, как меч Конана покинул ножны и метнулся вперед и вверх. Он не успел даже осознать свою смерть.

Аквилонец рухнул на колени, вцепился левой рукой в поддельный ковер из овечьей шерсти и, заваливаясь на-

взничь, потянул его на себя. Телохранители обладали прекрасной реакцией, но она в этот раз подчинилась инстинкту самосохранения, а не здравому смыслу. Вместо того чтобы просто ткнуть мечами вперед и пронзить Конана, оба отпрыгнули от удара, который предназначался не им. Они тотчас опомнились и с ревом бросились на киммерийца, но тот уже успел изо всех сил толкнуть на них прилавок с тяжелыми коврами, развернулся и бросился наутек.

Кто-то кинулся ему под ноги. Конан подпрыгнул изо всех сил, развернулся в прыжке и рубанул мечом. Мимо. С ревом налетел крепыш в кожаных доспехах, но кистень — не самое лучшее оружие для поединка с искусным бойцом на мечах. Не сносить бы глущу бритой головы, если бы к нему на помощь не спешили двое телохранителей аквилонца и еще несколько охотников на человека.

В такой ситуации Конану оставалось только спасаться бегством. Он припустил со всех ног, отшвыривая и сбивая встречных, рассыпая штабеля товаров; вслед ему летели вопли преследователей и разъяренных торговцев. Еще один бритоголовый попытался загородить дорогу, он так неожиданно выпрыгнул из-за телеги, что Конан не успел его зарубить. Он облапил Конана, заорал: «Вот он! Держу!» — и получил по макушке рукоятью меча.

«А ведь они хотят меня поймать, а не прикончить, — сообразил Конан. — Чьи это люди?» И тут он вспомнил, где видел точно таких же бритоголовых битюгов — в загородном особняке Паквида Губара. В недалеком прошлом Конан мог стать одним из них — если бы прошел испытание до конца, если бы уничтожил несколько таких же, как он сам, солдат удачи, которые польстились на легкую работу и хорошую плату.

Сразу двое слуг Губара прыгнули на него с торгового ряда. Мимо одного Конан проскочил, другого серьезно ранил, и тот со стоном провалился в щель между прилавком и двуколкой с яблоками.

Киммериец оглянулся на бегу. За ним гналась толпа человек в тридцать, из них не больше четверти были вооружены. Остальные — обычные посетители базара — при-

няли его за вора и решили развлечься погоней. Конан не позабывал бы тому из них, кто сумел бы первым его настичь. Но не им было тягаться в беге с киммерийцем, которому доводилось преследовать оленей на горных тропах.

Базар был обнесен стеной из виноградных лоз, не то чтобы очень высокой, но перепрыгнуть невозможно даже с разбегу. Встречные шарахались в стороны перед бегущим рослым варваром с окровавленным мечом; возможно, их пугал не столько меч, сколько звериный оскал киммерийца. Ближайшие ворота были на запоре, их стерегли четверо, в том числе один бритоголовый.

Пегая лошадь, сонно жевавшая овес, взвилась на дыбы, когда Конан плашмя огрел ее по крупу мечом и дико заорал в ухо. В следующее мгновение она галопом понеслась вперед, телега, накрытая кожаным тентом, оглушительно загрела по булыжной мостовой. Конан, успевший спрятать меч в ножны, перескочил через задний борт телеги, выпрямился, повернулся кругом, ухватился обеими руками за медную дугу, подпрыгнул и сделал кувырок назад.

И вот он на крыше фургончика. Трясло немилосердно, в любой момент он мог сорваться и шлепнуться на мостовую; тогда бы его, оглушенного падением, непременно настигли преследователи. Конан сомневался, что люди Губара справятся с ним; скорее всего, бритоголовые даже будут защищать его от вошедшей в разг толпы бездельников. Но это была всего лишь догадка, и Конану очень хотелось, чтобы она догадкой и осталась. Стоя на полусогнутых ногах, балансируя раскинутыми руками, он ждал, когда повозка приблизится к забору на улочке, кольцом обнимающей торговые ряды. И вот — момент, который не повторится!

Под негодующий хоровой возглас толпы он изо всех сил оттолкнулся ногами от тента и, кошкой изворачиваясь в воздухе, перемахнул через ограду. Та содрогнулась под ударом его тела; руками Конан успел накрепко вцепиться в колья из корявых стволов винограда. За оградой прогремела телега; топот множества ног зазвучал громче. Едва

Конан отпрянул от изгороди, несколько человек подпрыгнули, схватились за колья и стали карабкаться с другой стороны, а кто-то особенно сметливый просунул в щель руку с кривым ножом, пытаясь достать Конана.

Ворота распахнулись, четверо с мечами выбежали на улицу. Но Конан уже не боялся, что его догонят. Налегке, да на короткой дистанции, он бы не уступил и скаковой лошади.

Рев погони затих вдали. Конан перешел на шаг. Он лишь слегка запыхался да разгорелись щеки. Ему было весело. Почти сразу он спохватился, что радоваться нет причин.

«Где теперь прятаться? — подумал он. — Если даже на базаре нашли, узнали под личиной торговца... Стоило ли красить хной волосы, отращивать и завивать на восточный манер бороду?»

Он сворачивал из переулка в переулок, пересекал проходные дворы, пока не решил, что слуги Губара безнадежно потеряли его. Вот и улица Срезанных Кошечков, в двух шагах отсюда — Ярмарочная площадь.

На краю площади Конан вошел в знакомый кабачок. Здесь всегда было относительно чисто и уютно, и здесь, он знал, долго ему не просидеть. Если люди Губара решат обыскать город, рано или поздно обязательно заглянут сюда. Он заказал жареной солонины с луком и мозговым горошком и большую кружку вина.

Сидя у окна, он неторопливо ел и глядел на площадь. Днем там всегда работал цирк и два-три балагана, а по вечерам столько гуляк собиралось, что яблоку было негде упасть.

На этой ярмарке он несколько раз встречал одного своего знакомого. В свое время они с этим человеком нашли общий язык, и Конану показалось, что в случае чего можно будет обратиться к нему за помощью.

Уже не раз обстоятельства побуждали его сделать это. Но всякий раз его что-то останавливало, подворачивался другой способ решить свои проблемы. И только теперь он отважился.

Зазывалы ФEFима обладали поистине лужеными глотками, однако им не приходилось надрываться. В цирк на Ярмарочной площади публика и так валила валом. С тех пор как талантливый жонглер внезапно разбогател и купил огромный шелковый шатер у нечистого на руку и вечно пьяного хоарезмийца Маагра, цирк перестал славиться оргиями и кровавыми побоищами и приобрел славу вполне приличного заведения, куда можно безбоязненно прийти даже с детьми. На его арене уже не крушили друг другу черепа добрые молодцы из разных бандитских шайк, что не так давно стало чуть ли не ритуалом, а также главным источником доходов хоарезмийца. В Шадизаре было несколько десятков крупных и мелких воровских кланов, они постоянно боролись за влияние, и поножовщина была делом совершенно обычным. Городские власти смотрели на это сквозь пальцы, если только конфликтующие стороны не нарушали «приличий», то есть не устраивали побоищ в людных местах, где могла пролиться кровь ни в чем не повинных зевак.

Маагр, дневавший и ночевавший в таверне напротив цирка, локти кусал от досады. Деньги, вырученные за продажу цирка, быстро таяли, — не только вино и шлюхи, но и азартные игры постоянно требовали финансовых жертв. К тому же его дважды крупно обокрали, как он подозревал, по наводке хозяина таверны. Правда, несколько десятков золотых монет еще осталось в укромном местечке, но они вызывали слезы, напоминая Маагру о пущенном на ветер богатстве.

Впрочем, жгучая злоба быстро сушила слезы, когда Маагр поглядывал из окна или дверного проема таверны на свое бывшее имущество. Эх, дурак он, дурак! А ведь какие были счастливые денечки! Совсем недавно под этим куполом объявлялись огромные ставки, и под вой обезумевших от запаха крови рядов победители с хохотом вздымали мечи и кулаки, а служители хватили за ноги и уволакивали с арены побежденных. Да, при Маагре это стало чуть ли не ритуалом, доброй традицией — воры не резали друг дружку

в подворотнях, а красиво и достойно выставляли на арену своих бойцов. И тот главарь, чьи люди выходили из боя живыми, получал все. А Маагру доставалась плата за билеты и кое-что от щедрот счастливого победителя.

Сидя на грязной деревянной скамье, он смотрел, как последний прохожий, зачарованный музыкой флейт и цимбалов, прельщенный голосами зазывал, платит три медные монеты и входит в цирк, как мальчишки в пестрых нарядах задерживают белый шелковый полог. Начинается представление, уныло подумал Маагр. Сначала плясуны и акробаты заведут народ, потом удалые казаки-запорожцы покажут чудеса джигитовки, будут и жонглеры, и толстопузые клоуны-чревоугодники — под шуточки и кривлянье целого быка сожрут в антракте. Фокус, конечно, — жратву незаметно скинут в подпол. Но как на публику действует...

Маагр скрипнул зубами. При нем в цирке не было фокусников. Клоуны были и акробаты, и жонглеры, а вот фокусов он не терпел. При нем все было по-настоящему. Даже медвежий бой. Это сейчас на здорового мужика напавляют медвежьей шкуру, и он топчется, мотает башкой и ревет — изображает косолапого. А добрый молодец охаживает его бутафорской дубиной и хохмит, потешает зрителей. Нет, Маагру чуть ли не еженедельно приходилось покупать медведя и еще чаще — нанимать нового бойца взамен безвременно ушедшего. Зато у него был цирк, а не балаган. Тьфу, мерзость!

И тут его взгляд привлек атлетически сложенный человек, подошедший к одному из скользящих зазывал. У него была черная с рыжим отливом борода и тронутые сединой длинные волосы, но Маагр весь свой век скоротал в цирке и чуть ли не с материнским молоком впитал умение распознавать трюки. Грим, сразу сообразил он. Седина и навденные морщины на лице изрядно старили незнакомца, но прямая осанка, тигриная поступь и, вообще, уверенность, сквозившая в каждом движении, выдавали его истинный возраст. Не больше двадцати. На нем был полосатый халат, подпоясанный алым кушаком, шелковые шаровары и замшевые сапожки с загнутыми носками, но одежда восточ-

ного торговца шла ему, как журавлю ряса. Гораздо проще было бы представить его в неброских и надежных доспехах воина-северянина. Эту догадку подтверждал и длинный меч в потертых ножнах, висевший на боку заgrimированного. Да, меч плохо соответствовал наряду, но вполне подходил к телосложению владельца.

Маагр не мог слышать, о чем говорит незнакомец с лужгающим тыквенным семечком зазывалой, но любопытство выиграло и без того. Буркнув хозяину таверны: «Не убирай, приду — долакаю», он оставил на столе полупустой кувшин дешевого вина и вышел на площадь.

Человек в полосатом халате кивнул зазывале и направился ко входу. Служитель цирка нагнулся и спрятал монету в башмак, а не в кошелек на поясе, где лежали деньги за билеты. Мальчишка у входа приподнял и сразу опустил за незнакомцем полог. Будь Маагр по-прежнему хозяином заведения, он бы голову оторвал обоим. Даже для опоздавших на представление вход только по билетам, это железное правило. Странно, раньше он не замечал за ними такой вольности, у Фефима народ вышколенный. Разве что...

Разве что незнакомец заплатил не за вход в цирк. Его бы и так пустили. Просто он хотел что-то узнать, ответ его устроил, вот он и отблагодарил зазывалу монеткой.

Подойдя к молодому служителю, Маагр спросил первое, что пришло в голову:

— Фефим у себя?

Парень неторопливо раскусил семечку, сплюнул шелуху на мостовую и ухмыльнулся.

— У себя-то у себя, но ему не до тебя.

Маагр раздраженно поджал губы. Его в этом цирке уже не считали своим. О, времена!

— Мне надо с ним потолковать.

— Что, время некуда девать? — улыбался зазывала.

«Рифмач доморощенный! — мысленно выругался Маагр. — Будь я твоим хозяином...»

— У меня к нему срочное дело.

— Так плати и ступай себе смело, — не полез в карман за словом зазывала. — Заплати-ка за билет, без билета ходу нет.

Задушив в глотке проклятие, Маагр расстался с тремя медными монетами и взамен получил клочок белого холста с красным штампом — изображением бараньей головы. Билет тут же пришлось отдать мальчишке, который с явной неохотой отодвинул перед Маагром полог.

Вход закрылся, и бывший владелец цирка оказался в полумраке, в праздничном гуле аплодисментов, музыки, смеха и возбужденных голосов. Он повернулся, сделал три шага, прижался ухом к стенке шатра как раз напротив зазывалы, другое ухо закрыл ладонью и услышал то, что хотел услышать.

— Этому Фефим нужен, тому Фефим нужен, — ворчал зазывала. — Всем сегодня Фефим нужен.

— Маагр этот — сволочь, каких поискать, — громко произнес мальчишка у полога. — Ты-то у нас новенький, а вот мне довелось тут еще при нем поработать. Мишек в зверинце кормил, навоз из-под них выносил. Так он меня, гад, хотел под Пузо положить.

— Под пузо? — недоуменно переспросил зазывала.

— Ты что, и Пузо не знаешь? Ну, деревня! Он в нашем славном Шадизаре первейший бандюга. Выродок, каких свет не видывал. Спасибо Фефиму — предупредил. Ну, я и чесанул отсюда, понятное дело. А потом вернулся, когда Фефим у сводника дерьмового дело откупил...

Маагр поморщился и выпрямился. «Так-так, детки, — думал он с укором, пробираясь в темноте под ярусами скамеек. — А я-то о вас заботился. Кормил, поил, одевал, зарабатывать давал. И теперь, выходит, я сволочь, каких поискать? Вот и жди от людей благодарности».

Комнату Фефима он разыскал без труда — еще бы, ведь когда-то это были его собственные покои. Здесь он считал прибыль, развлекался с молоденькими актрисами, за кувшином вина договаривался с вожакami местного жулья о предстоящих «спектаклях». Здесь он был уважаемым человеком.

Вот и она — знакомая тисовая дверь в «святая святых». Она чуть приотворена, из комнаты доносятся голоса. Неторопливая, рассудительная речь Фефима и резкий, властный

голос незнакомца. Ладонь Маагра привычно легла на дверную филенку... и застыла. Он пришел не за тем, чтобы говорить с Фефимом. Он пришел, чтобы слушать.

— Говорю тебе, здесь опасно,— убеждал гостя новый хозяин цирка.— Только что тут побывали двое бритых, тебя ищут по всему городу.

— Угрожали? — спросил гость.

— Ну, что ты. Я же теперь не просто ярмарочный жонглер. Я — видная персона. У меня есть деньги, и это — самое главное. Всем плевать, как я ими обзавелся, важно, что они у меня есть. Паквид Губар вовсе не забыл меня, просто теперь он считает, что мы с ним одного поля ягода. Таких врагов, как я, он отправляет на Серые Равнины только при удобном случае. Слишком уж много нас, чтобы к каждому посылать шайку головорезов. И вдобавок мы на чеку — тех двух бандитов я велел обезоружить и связать, прежде чем позволил им раскрыть рты. Так что угрожать они не осмелились.

— И чего он ко мне прицепился? — задумчиво произнес гость.— Не понимаю.

— А что тут непонятного? — сказал Фефим.— За тобой ведь никто не стоит. Пока тебя прикрывал Пузо, Губар не посмел бы тебя пальцем тронуть, а теперь Пузо сам интересуется, куда ты запропастился.

— А ты откуда знаешь? — настороженно спросил гость.

— Город у нас не шибко велик, слухам тесно. Мне сказали, что Пузо тебе помогал и рассчитывал на ответную услугу. А ты ответил черной неблагодарностью, то есть попросту сбежал. Пузо очень обиделся. А когда он на кого-то обижается, этот «кто-то», можно сказать, больше не жилец.

— Да он меня замучил, как клещ на мошонке,— сердито проговорил «восточный торговец».— Каждый день подсылал холуев, они твердили, что скоро от меня потребуется какая-то услуга.

— Да, это на него похоже,— со смехом сказал Фефим.— Если он ради тебя хоть пальцем шевельнул, значит, ты его должник до гробовой доски. Самое неприятное, что он и сам в это верит.

За дверью сидел на корточках красноносый неряшливый старик и внимал с замиранием сердца. Не важно, кто этот незнакомец. Важно, что Фефим, судя по тону, вот-вот согласится ему помочь.

«Ты у меня в руках,— торжествующе подумал Маагр.— Ты — мой шанс оказать услугу Пузу и Паквиду Губару. За это мне дадут денег, и я куплю этот цирк. Паквид и Пузо не откажут, ведь они хорошо помнят славные былые денечки, бои свирепых гладиаторов и любовные оргии на кровавой арене. Им нужен прежний Маагр. Не такой, как сейчас. На худой конец, кто-нибудь из них сам купит цирк, а меня назначит управляющим».

— Ну, ладно.

Маагр услышал, как незнакомец встает, и сам испуганно поднялся.

— Я у тебя время отнял. Извини, Фефим. Ты ведь мне ничего не должен, я просто так зашел, дай, думаю, проведу знакомого. Пойду, пожалуй.

— Пстой,— буркнул Фефим.— Сядь. Разве я сказал «нет»?

— Ты сказал, тут опасно. Зачем тебе рисковать?

— Сядь, говорю. И послушай, что я придумал, пока мы с тобой языки чесали...

ГЛАВА 2. Доносчик, охотник, дичь

До особняка Губара Маагр добрался почти к полуночи. Сначала он сунулся в старый городской дом, но служанка сказала, что ростовщик отправился в загородную резиденцию и намерен провести там дня три, не меньше, а в город будет приезжать по делам, — если Маагр хочет с ним встретиться, пусть наймет паланкин или повозку, и его отвезут. Надо было внять совету, но Маагр вздумал торговаться с носильщиками паланкинов, а потом с возчиками, и всякий раз цена ему (ему, проматывающему целое состояние!) казалась непомерной. И он побрел пешком, хоть и знал, что завтра, быть может, прокутит с девками больше денег, чем стоит любой из этих возков. Скарденность — это болезнь, размышлял он. Стоит ею обзавестись, и потом очень трудно избавиться. И бедных она, как ни странно, одолевает чаще, чем богатых. Хотя, казалось бы, что терять бедняку? Но он дорожит последним грошом, чтобы выронить его через дырку в кармане.

Он дал себе слово не скопидомничать, когда вновь разбогатеет. Цирк всегда покрывает любые расходы. Надо жить на широкую ногу, чтобы каждый день приносил радость. Ведь их, этих деньков, осталось не так уж много. Старик морщился от боли, медленно переставляя варикозные ноги.

Быстро таял день, с востока, с далеких отрогов Казаньских гор, дул холодный ветер. Маагр стучал зубами и держался за саднящую поясницу. Кому-то придется заплатить за его муки. Вспомнился мальчишка у входа в цирк, назвав-

ший его сволочью. Старик приподнял верхнюю губу, оскалил редкие и острые, как у ласки, зубы. «Ты еще не знаешь, малыш, какая я сволочь. Погоди, щенок, ты будешь в ногах у меня валяться, умолять о заступничестве... когда я расскажу Пузу о твоём побеге». Пузо ничего не забывает, подумал он. Ни плохого, ни хорошего. Этим он и знаменит.

Дворец нависал над ним во мраке, и холодом дышали его стены, как будто не рады были ночному гостю. На стук Маагра ворота ответили надменным молчанием. Напрасно Маагр вертел головой, высматривая над каменной оградой головы сторожей. «Неужели все спят?» — растерянно подумал старик. Вряд ли. Он знал Паквида Губара. Куда бы ни шел ростовщик, на небольшом отдалении за ним следовала группа вооруженных и бдительных телохранителей. Они ни на миг не упускали хозяина из виду. И всегда молчали.

«Сторожа здесь, — подумал Маагр. — Смотрят на меня. И молчат». Он снова взялся за тяжелое бронзовое кольцо, свисающее из тигриной пасти, и постучал громче. Потом закричал:

— Меня зовут Маагр, я хочу поговорить с Паквидом Губаром. Это очень важно.

— Не кричи, Маагр, и брось оружие, если оно у тебя есть, — негромко сказали ему сзади. Что-то острое кольнуло в затылок, на подбородок легла сильная пятерня.

— Хорошо, хорошо, — сказал Маагр с улыбкой. Он нисколько не испугался. Бдительность — дело святое. — Он двумя пальцами вытянул из ножен кинжал с тонким лезвием и уронил на землю.

Пятерня быстро обшарила его, а потом стражник спросил, дыша в ухо жареным луком:

— Ты хочешь просить денег или отдать долг?

— Ни то, ни другое, — надменно ответил Маагр. — Я...

— Ты похож на оборванца. — В голосе стражника слышался упрек. — Клиенты моего господина — люди солидные. Какие у тебя рекомендации?

— Зачем нужны рекомендации, — вспылал Маагр, — если я не собираюсь просить денег в долг? У меня к Паквиду дело совсем иного свойства...

— Я все понял,— перебил любитель жареного лука.— Извини, что задаю лишние вопросы.

С этими словами он повернул Маагра спиной к воротам, отступил на шаг и дал крепкого пинка. Старик с визгом растянулся на краю подъемного моста, едва не свалился в ров.

Пока он садился и тер ушибы, стражник отошел довольно далеко вдоль стены — видимо, ему вменялось в обязанности патрулировать вокруг особняка и спрашивать ночных гостей о цели визита.

«Надо было сказать ему, что хочу просить об отсрочке платежа»,— досадуя на себя, подумал Маагр. И крикнул вслед бритоголовому крепышу:

— Я хочу поговорить о киммерийце по имени Конан.

Слуга Губара резко повернулся кругом, подошел к воротам и ударил бронзовым кольцом два раза слабо и два раза погромче.

— Сегодняшний условный стук,— пояснил он Маагру.— Ничего страшного, если ты zapomнишь. Завтра он будет совсем другой.

* * *

— Я уже третий сон досматривал,— упрекнул Губар, протирая глаза. — А тебе какого демона не спится?

«Переигрываешь»,— мысленно сказал ему Маагр.— Ты еще не ложился. У тебя кожа на морде дряблая, нездоровая, если бы спал, обязательно бы пролежни остались. Кого обдурить хочешь? Старого циркача?»

Он пожал плечами.

— Я подумал, что завтра утром могу тебя здесь не встретить,— сказал он,— а Конан может не дожидаться, когда состоится наш разговор.

— Так ты его выследил?

Маагр кивнул.

— Твоя цена? — сухо поинтересовался ростовщик.

Маагр назвал свою цену. И Губар, разумеется, счел ее слишком высокой.

— Мы не будем торговаться,— твердо обещал Маагр.— Или мы сейчас ударим по рукам, или я уйду. К Пузу.

Сам о том не подозревая, он наступил Губару на большую мозоль.

— Ну допустим, я соглашусь,— моментально уступил ростовщик. Однако он бы не был Паквидом Губаром, если бы не выдвинул встречное условие: — Но половина прибыли от твоего цирка — мне.

— Треть,— проворчал Маагр.— Еще одну треть придется уступить Пузу.

— Боги! — Паквид сокрушенно вздохнул, и на сей раз он не притворялся.— Ну, откуда ты, пьянь подзаборная, все знаешь?

Маагр многозначительно усмехнулся. Он бы не сказал, что знает все. Но он о многом догадывался.

— Этот город добром не кончит,— уверенно предрек Губар.— Ладно, твоя взяла. Выкладывай.

— Деньги вперед,— проявил Маагр вполне обоснованную осторожность.

Лишь когда сухие старческие руки прижали к животу тяжелый мешочек золота, Маагр пересказал беседу, которую подслушал в цирке.

— И это все? — Паквид изобразил разочарование.— И за это мне пришлось расстаться с полутысячей золотых монеток?

— Они скоро вернутся,— поспешил его ободрить Маагр.— И каждая приведет ласковую миловидную подружку, а то и двух. Мой цирк — выгодное предприятие.

— Сегодня Конан ушел от двух десятков моих отборных людей,— сказал Паквид.— Он стоял на рынке за прилавком. Мои орлы перекрыли ворота, и Конан оказался в ловушке. Но он все равно сбежал, да еще заколол лучшего фехтовальщика в городе, аквилонского дворянина, который учил моих людей владеть мечом.

— А Конан знал, что твой аквилонец — лучший фехтовальщик в городе? — невинно осведомился Маагр.

— Наверное, он и сейчас об этом не знает,— невозмутимо ответил Паквид,— но дело не в этом. Что рынок, что цирк — никакой разницы. Много народу, много суеты. А наружу выскочить еще проще, чем на рынке, ведь там не

стены, а одна видимость. Понимаешь, к чему я клоню? Если даже там будет целая сотня моих людей, у него все равно останется шанс.

Старик ухмыльнулся, нежно поглаживая мешок с золотом.

— Не останется,— сказал он,— если все сделаешь, как я скажу.

Он изложил свой план. Паквид выслушал, не перебивая, а потом удовлетворенно кивнул.

— Похоже на дело. Ладно, рискнем. Да не прижимай ты так деньги, селезенку раздавишь. А она тебе еще пригодится. Не бойся, не отниму. Цирк твой. Только с чего ты взял, что Фефим его тебе уступит?

— Фефим? — Маагр хитро улыбнулся. — А разве я сказал, что собираюсь покупать цирк у Фефима?

— У кого же тогда?

— Конечно, у его наследника.

Паквид хлопнул себя по ляжкам и расхохотался.

— А мне нравится этот шустрый старичок! Ладно, Маагр, если спроводишь Фефима на Серые Равнины, я не буду претендовать на долю прибыли от цирка. Так ты говоришь, он полагает, будто я попытаюсь его прикончить только при удобном случае? Что ж, пожалуй, он прав. Вот и будем считать, что настал удобный случай. Моя доля в прибыли — цена его головы.

Он повернулся к дверному проему и крикнул:

— Слуга!

Появился бритоголовый рослый мужчина средних лет в свободной одежде.

— Приготовь для моего гостя комнату, он сегодня заночует здесь. Дай ему все, что попросит. И обязательно хорошего вина. — Он посмотрел на старика. — Ты ведь соскучился по хорошему вину, правда, Маагр?

* * *

При жизни это был необычайно крупный и, судя по громадным клыкам и когтям, свирепый экземпляр пещерного медведя. По словам Фефима, он задавил двух зверо-

ловов, когда его пытались взять живьем в Казанкийских горах. Остальным пришлось его убить, и теперь в его шкуре клоун — рослый, тяжелорукий и кривоногий мужчина — потешает на арене зрителей.

Киммериец заплатил клоуну за вынужденный простой, и тот, кланяясь и бормоча благодарности, удалился в кабак. Теперь Конану предстояло ходить в медвежьей шкуре — не только на арене, но и между представлениями. Надежный человек из служителей цирка будет носить ему пищу и чистить его клетку. Конан несколько дней поживет под звериной личиной, а после, когда поулягутся страсти, найдет себе в городе другую безопасную «берлогу».

Опытный портной потрудились на славу — швы были совершенно незаметны, остались только три отверстия: под хвостом, чтобы справлять нужду, и на запястьях, чтобы просовывать кисти, ну и, разумеется, смотровое, то бишь грозная зубастая пасть. Довольно сложный механизм позволял раскрывать и закрывать ее, сгибая и разгибая в локте левую руку.

— А ну-ка, порычи,— велел Конану Фефим.

Хлипкие стены комнаты затряслись от дикого, полного первобытной ярости рева.

— Походи на задних лапах.

Конан опустился на четвереньки и, виляя задом, прошелся взад-вперед.

— Потрясающе! — восхитился Фефим. — Да у тебя природный дар! Но все-таки надо немного потренироваться.

«Медведь» встал на задние лапы, растопырил передние и, мотая косматой башкой, с рычанием двинулся на Фефима.

— Ну-ну, полегче,— рассмеялся владелец цирка. — А то укротителей позову.

— Мне большое зеркало нужно,— сказал Конан.

— Велю принести. Сегодня вечером тебе на арену, а пока тут побудь. Нет, ну надо же, до чего похож! Еще бы чуть-чуть вжиться в образ и можно настоящего мишку изобразить. Вот был бы номер, а? Чутьочку бутафорской крови...

— До вечера вживусь,— уверенно пообещал Конан.

— Ну, это вряд ли потребуется,— улыбнулся Фефим.— Ты ведь у нас всего на несколько дней. Хотя... Скажи-ка, ты твердо знаешь, что твое призвание — не цирк?

— Просто я вырос в горах и часто охотился на медведей,— объяснил Конан.— Изучил все их повадки. А иначе бы ноги с голодухи протянул.

Владелец цирка понимающе покивал. Ему явно нравилась идея насчет медведя, неотличимого от настоящего. Он помнил представления Маагра, помнил, какой бурей восторга публика встречала жестокие ристалища людей и зверей. На место нынешнего «косолапого» взять артиста потолковее, с природным талантом, как у Конана. Поработать над шкурой, чтобы облегала тело, а не болталась, как на пугале. Ватой, что ли, подбить? Отшлифовать все движения. И пускай «мишка» выступает трижды в день, утром и вечером на арене, а днем в клетке, как украшение зверинца. Будет рычать из-за решетки и кидаться на посетителей, как настоящий. Даже лучше настоящего — ведь это будет его работа.

В дверь постучали. Конан быстро отошел в дальний угол, спрятался за вешалками с цирковыми костюмами. Фефим отворил дверь. За ней стоял мальчик в пестром наряде, помощник зазывалы.

— Неприятности, хозяин.

Фефим насторожился. Недаром почуяло его сердце беду, как только в цирке появился Конан.

— В чем дело?

— Охотнику нашему ногу сломали. Так что заменять надо номер с медведем. И афишу снимать...

— Постой,— перебил Фефим.— Как это — сломали? Кто сломал? За что? И где он сейчас?

— У себя в фургончике валяется, гимнастки ему шину ставят. Говорит, в переулке нищий старикашка милостыню попросил, ну, парнишка наш его и послал куда подальше. А нищий возьми да как тресни его посохом по колену! И тут, откуда ни возьмись, целая толпа бродяг. Ободрали его как липку, побили ногами и палками и ушли с песнями. Нога в двух местах сломана, ребро вроде тоже. И насчет черепа у него сомнения.

— Что ж это он,— расстроено спросил Фефим,— гроша для нищего пожалел? Эх, дурак, дурак!

— Да он бы не пожалел, кабы тот по-человечески попросил. Не в хамской манере.

Фефим тяжело вздохнул.

— Ну вот... Гвоздь программы псу под хвост.

— Так уж сразу и гвоздь.— Мальчик ободряюще улыбнулся.— А ты сам выступи. Тряхни стариной. Хочешь, я постою с яблоком на голове, а ты в него ножички помечешь?

Фефим запустил пальцы в мальчишеский чуб, дружки потеревил.

— Для этого мне упражняться надо каждый день, а не большого господина из себя корчить. Ты лучше вот что сделай... Помнишь, сегодня утром к нам один силач навывался, спрашивал, нет ли для него какой работенки? Якфик его зовут, он у Маагра гладиатором был, вернее, бойцом с медведями.

— Помню, конечно. Покрутился тут и ушел несолоно хлебавши.

— А куда ушел, не знаешь?

— Знаю, конечно. В кабак. Он там вино лакает с Маагром наперегонки. Вспоминает счастливые прежние денечки.

При упоминании о Маагре Фефим недовольно поморщился.

— Много ли Якфик видел тех счастливых деньков? — раздраженно произнес он.— Он ведь у Маагра и недели не прослужил, а со мной не захотел остаться. Скучно, говорит, без риска.

— Ага, помню я тех рискованных,— с ухмылочкой сказал мальчик.— Одного за другим с арены уволокивали. А потом я с совочком приходил, кишки подбирал.

— Якфик вроде не из дураков,— задумчиво проговорил Фефим.— Соображает быстро и на язык боек. Выучит несколько расхожих шуточек, и готов охотник.

— Лютый он,— мрачно сказал мальчик.— Костолом. Все они, гладиаторы, бешеные.

Фефим снова поморщился.

— Жалко номер снимать,— сказал он.— Зови Якфика.

Охотник был под стать зверю — широкоплеч, волосат, грозен. Массивные челюсти выступали далеко вперед, надбровные дуги сходились над переносицей, образуя рельефный вал. Шея, казалось, отсутствовала вовсе. Якфик был грузен, но проворен, как кошка, — об этом говорило каждое его движение. Конан сразу понял, что под толстым слоем сала прячется мощная мускулатура.

— Это твой партнер, — сказал ему ФEFИМ. — Ты уж с ним поосторожней.

Якфик угрюмо кивнул и окинул медведя оценивающим взглядом, как мясник осматривает предназначенную к разделке тушу.

— Не забывай ни на миг, что это клоунада, — обеспокоенно добавил ФEFИМ. — На этот раз ставок на твою жизнь не будет.

Якфик снова кивнул.

— Твоя задача публику развеселить.

— Это мы запросто, — обещал Якфик на удивление ясным и бодрым голосом.

— Дубину мы тебе дадим бутафорскую...

— Это еще почему? — возмущенно перебил он хозяина цирка.

— На всякий случай.

— Да что ты, ФEFИМ, — обиженно махнул рукой охотник. — За кого ты меня принимаешь? Бутафорскую дубину публика сразу отличит. Давай я выйду с настоящей, он, — Якфик указал подбородком на Конана, — сразу ее вырвет, мы начнем бороться, и я его одолею. Все будет, как в жизни. Да не бойся ты за него, я же все-таки артист.

— Без году неделя, — проворчал ФEFИМ. Но было видно: ему и самому хочется, чтобы все было, как в жизни. — Ладно, будь по-твоему. Но смотри у меня, если что.

Под нарастающий рокот барабанов исполинский медведь выбежал на арену. Свирепо рыча и мотая головой, оставляя позади на песке следы когтистых лап, он дви-

нулся на бесстрашного юношу из дикого горного племени.

— Вы только взгляните на них, почтеннейшая публика! — говорил во весь голос облаченный в черное с золотыми блестками ФEFИМ. — Совсем недавно они решили поохотиться и покинули свои пещеры. Много дней подстерегали они дичь в родных горах, и наконец спустились на равнину и встретились здесь, в этом цирке. Но что это? Кажется, наши дорогие гости совсем не прочь закусить друг дружкой?

Зрители рассмеялись и сразу умолкли. Медведь запрокинул голову и огласил купол душераздирающим рыком, а дикарь, потрясая тяжелой узловатой дубиной, нечленораздельно выкрикнул боевой клич своего племени.

— Ну, зачем же так сердиться? — с упреком произнес ФEFИМ. — Разве нельзя разойтись по-хорошему?

Якфик оскалил зубы и потряс кулаком, медведь вскинулся на дыбы и сразу опустился на четвереньки.

— Вот ведь упрямцы! — ФEFИМ укоризненно покачал головой. — Может, все-таки помириться? Я тогда обоим поставлю выпивку, даю слово.

Всем своим видом «упрямцы» демонстрировали неумеренную ярость, и наиболее легковверным зрителям уже начало казаться, что на арене — самые настоящие медведь и дикарь.

— А может быть, вы, дражайшая публика, — обратился ФEFИМ к зрителям, — попросите их уладить дело миром?

Цирк ответил гробовым молчанием. Шадизарцы не для того платили за вход по три монеты, чтобы мирить гладиаторов, пусть даже липовых. Тем более, что многие зрители помнили «настоящий цирк» Маагра.

— Понятно. — ФEFИМ сокрушенно вздохнул. — Что ж, видимо, здравомыслие должно отступить под натиском первобытных инстинктов. И то сказать: не нам с вами, любезные господа, учить этих детей природы, кого и когда им есть. Пускай победит сильнейший! — торжественно возгласил он, и цирк ответил шквалом аплодисментов.

Медведь снова поднялся на задние лапы и утробно зарычал. Якфик с хохотом выставил перед собой дубину.

— Я вижу решение по крайней мере половины моих проблем, — обратился он к зрителям. — Большую и теплую шкуру, с которой не страшны любые холода, а под ней — довольно много жилистого, но вполне съедобного мяса.

Медведь двинулся на него, махая страшными лапами.

— Когти тоже пригодятся — сделаю ожерелье для моей возлюбленной.

Зверю эта идея явно не понравилась. Он взревел, из разинутой пасти потекла слюна. Для этого Конану пришлось раздавить зубами рыбий пузырь, заполненный оливковым маслом.

— А голову подарю шаману племени, — рассуждал практичный дикарь. — Взамен он будет отгонять от моего очага злых духов.

На скамейках уже плакали испуганные дети. Взрослые заворуженно смотрели. «Сегодня они еще не верят, что медведь настоящий, — подумал Фефим, — но завтра-послезавтра поверят обязательно. Конан — настоящий талант. Где еще такого отыщешь, когда он уйдет?»

— Что ж ты, братец, такой тощий? — осведомился Якфик у медведя. — Кожа да кости. Будь ты пожирнее, я б натопил медвежьего сала. В наших горах это лучшее средство от всех болезней.

Конан упал на четвереньки и бросился на зубоскала. Тот с хохотом отскочил и перебежал на край арены.

— Тощий, зато проворный! Но не надейся, братец, растолстеть за мой счет.

— Прошу делать ставки! — раздался вдруг визгливый старческий голос. — Два к одному на дикаря!

Фефим оглянулся на кричавшего. Маагр! Ах ты, старый неисправимый прохвост!

— Никаких ставок! — громко заявил он. — У нас личное заведение.

Но к Маагру уже пробирались между рядами скамеек несколько человек, на ходу доставали из кошельков деньги. Старик азартно сверкал глазами и хихикал, подставляя шапку.

— Господин в третьем ряду, — сказал, глядя на него, Фефим, — немедленно прекратите. Иначе я распоряжусь, чтобы вас вывели.

Маагр будто не слышал. Он вскочил на скамью и затряс над головой шапкой с деньгами, крича: «Ставки! Ставки!» Зрители шумели, к старику подходили все новые люди. Но хватало и тех, кто возмущенно кричал. Фефим тихонько выругался.

Тем временем медведь снова кинулся на охотника. На сей раз тот не отступил, а широко размахнулся дубиной и ударил зверя по лапе. Он бил вполсилы, и все же Конан едва не взвыл от боли; своевременно вспомнил, что ему полагается рычать.

Он приподнял голову и сквозь клыкастую пасть посмотрел на противника. Якфик ухмыльнулся и подмигнул, а затем поманил его свободной рукой. Конан двинулся к нему — на сей раз осторожнее — и получил не менее болезненный удар по левому бедру.

— Ты что, олух? — спросил он, не боясь, что его услышат на зрительских скамейках. — Поосторожнее нельзя?

Якфик осклабился, загукал, завертел дубиной над головой и ринулся в атаку. Конан получил дубиной в грудь, затем охотник метко пнул его в живот и кулаком, точно молотом, саданул по уху. Драться он умел и, судя по всему, любил.

Конан основательно разозлился и следующий натиск встретил ударом лапы наотмашь — разумеется, тыльной стороной ладони, чтобы не поранить противника когтями. От крепкой затрепины тот свалился на песок, но ничуть не обдумался, лишь стал вести себя осмотрительнее. Он подставил дубину, словно позволял, как было условлено, вырвать ее, но в последний момент резко ткнул ею вперед, и у Конана свет померк перед глазами от сильного удара по лбу.

Обморок длился всего мгновение, и киммериец даже сумел устоять на ногах, но, придя в себя, обнаружил, что ничего не видит — Якфик в прыжке попал ногой по медвежьему носу, и пасть, она же смотровое отверстие, сдвинулась вбок. Конан ударил по ней лапой, чтобы поправить, и

с неуместной досадой подумал, что столь тщательно созданный образ трещит по швам. Теперь даже младенцам ясно, что в шкуре пещерного хищника прячется человек.

— Скотина, — тихо обругал он Якфика.

— Кто скотина? — переспросил тот во весь голос. — Ты кого назвал скотиной, косматое тучело?

Сокрушительный удар по голове поверг Конана на песок арены. Якфик отшвырнул дубину и стал пинать Конана ногами, а потом бросился на него сверху и замолотил громадными, как тыквы, кулачищами. Киммериец не чувствовал боли; сознание быстро покидало его. Собрав последние силы, он успел только раз ткнуть наугад, точно вилами, когтистой лапой и услышал болезненный возглас.

— Да разнимите же их! — раздался испуганный голос какого-то зрителя.

— Ставки! Ставки! — заполошно вопил старик в третьем ряду.

— Проклятье! — воскликнул Фефим.

И Конан утонул во мраке.

* * *

— Дышит, — с облегчением произнес Фефим. Он поднялся с колен и обвел взглядом взволнованную толпу зрителей и своих людей.

— Посторонних прошу разойтись. — И добавил громче: — Представление окончено. Это был последний номер. — Он поманил пальцем троих служителей. — Надо его перенести ко мне.

Служители кивнули и взялись за дело. Фефим поглядел на Якфика — тот сидел на песке и зажимал окровавленной ладонью пробитую шею. Взгляд его мутнел, было видно, что он вот-вот потеряет сознание.

— Помогите этому дураку! — распорядился Фефим. — Лекаря позовите!

Кто-то из мальчишек бегом бросился за лекарем. Владелец цирка отыскал взглядом Маагра. Старик потрясал шапкой с деньгами и возбужденно подпрыгивал на скамейке.

Фефим стиснул кулаки и поднялся к нему, перешагивая через скамьи.

— Старая свинья! Это ты его подговорил?

Маагр расхохотался.

— Тебе понравилось, Фефим? Это был настоящий цирк, правда? Кровь на арене. Смерть на арене. Как в добрые старые времена. Ставки! — выкрикнул он и встряхнул шапку. — Дражайшая публика, ваше удовольствие — наше удовольствие! Делайте ставки!

— Вышвырните вон мерзавца! — кипя от ярости, приказал Фефим. — А если еще раз посмеет сунуться в мой цирк, хорошенько отдубасьте палками. Если даже прикончите, я с удовольствием заплачу штраф в суде.

Двое крепких служителей заломили Маагру руки. Тот брыкался и визгливо хохотал, брызгая слюной.

— Скоро все вернется! — разносился его крик под куполом цирка. — Скоро все вернется!

Словно из-под земли рядом с Фефимом выросли несколько бритоголовых в неброской одежде. Крепкие буковые дубинки обрушились на головы служителей цирка, и те как подкошенные рухнули поперек скамьи. Маагр сразу успокоился и с хрустом покрутил плечами — вправил суставы.

— Что это значит?! — воскликнул Фефим.

Сзади кто-то схватил его за волосы, двое бритоголовых вцепились в руки. Красноносый старик усмехнулся.

— Это значит, мой мальчик, что ты нам оказал неоценимую услугу. Но больше от тебя никаких услуг не требуется.

«Конан!» — с тревогой подумал хозяин цирка.

Краем глаза он уловил блеск. Из шапки с деньгами вынырнул костлявый и прозрачный, точно воощенным шелком обтянутый, кулак. В нем уже успела согреться рукоятка кинжала с коротким и тонким лезвием.

ГЛАВА 3. Медведь, юнга, капитан

В стальной клетке зашевелился зверь. Медленно поднялся на четыре лапы, пошатнулся, встряхнул косматой головой и взвыл человеческим голосом. Затем выругался. Лапы разъехались, и медведь плюхнулся на живот.

Присные Ахамура, сидевшие вокруг клетки на скамейках и просто на земле под фруктовыми и декоративными деревьями, дружно захохотали. Им вторил визгливый, захлебывающийся смех Маагра. Паквид Губар выразил свое веселье кривой улыбкой. Только Пузо остался серьезен. Он угрюмо смотрел на клетку, полагая, что радоваться преждевременно.

Из бурых запястий зверя высунулись две загорелые человеческие кисти, схватились за прутья решетки. Рывками перемещая руки вверх, медведь кое-как поднялся на задние лапы. Потом ухватил себя за шкуру на животе, рванул изо всех сил. Затрепали нитки, образовалась широкая прореха. В несколько резких, яростных движений Конан освободился от шкуры и пинком отправил ее в угол.

Люди Пуза — весьма живописное сборище шадизарских бандитов, с малолетства привыкших не страшиться ни зверей, ни людей и почитать лишь закон кулака и ножа, — потешались вовсю. Они сделали свое дело — дождались, когда люди Губара выволокут из цирка клетку с оглушенным «медведем», помогли им отбиться от разъяренных артистов и служителей цирка и перенесли пленника в надежные стены «резиденции» Пуза. Здесь они не боялись ни городской стражи

(да если на то пошло, они вообще ее не боялись), ни циркачей, жаждущих отомстить за кровь хозяина. Они заслужили выпивку, еду и потеху. Выпивку и еду они уже получили — каждому был выдан вместительный кубок или оплетенная бутылка, и в сад вынесли несколько больших корзин съестного, — а потехой будет скорая расправа над отступником, каковым бандиты считали Конана.

Но их главарь строил иные планы. Глядя в перекошенное злостью лицо киммерийца, на огромную лиловую шишку посередине лба, Пузо улыбнулся, как ему самому казалось, дружелюбно и ободряюще.

— Остынь, кипяток, — сказал он. — Здесь тебе не цирк. Если так охота корчить из себя пещерное чудовище, зачем было шкуру сбрасывать?

Шайка заржала.

— А у него линька началась, — хихикая, пояснил Маагр. — И к тому же блохи заели.

— Ты, Конан, правда, расслабься, — посоветовал Ахамур еще добродушнее. — Разговор нам с тобой серьезный предстоит. Присядь, успокойся. Может, хочешь горло промочить? — Он щелкнул пальцами. — Вина гостю!

Один из приспешников подскочил к клетке, просунул между прутьями кубок с вином. Он был осторожен, но все-таки не учел тигриной ловкости и стремительности пленника.

Конан наступил ему на предплечье, опустил на короточки, аккуратно, чтобы не разлить вино, забрал кубок у верещавшего от боли бандита и оглушил его ударом огромного кулака по макушке.

Только после этого он последовал совету Пуза — сел и успокоился.

— А ты и впрямь шустрый, — удовлетворенно заметил Пузо.

— Хочешь мне что-то предложить, — сообразил Конан. Глотнув вина, он спросил: — Работенку?

— Точно. — Ахамур сузил глаза. — И догадливый.

— Тут любой дурак догадается. Слышал я, что ты меня ищешь, да решил, посчитаться хочешь. Выходит, ошибся я. Если б ты на меня зуб держал, просто подослал бы убийцу,

и дело с концом. Все знают, Пузо — дядька крутой, но пустого риска не любит. Нет, раз уж ты за меня так серьезно взялся, раз велел холоуям отбить меня и через полгорода на себе тащить, — значит, нужен я тебе.

Пузо согласно кивнул. Ему нравился этот юноша. Сразу приглянулся, когда, сбежав от Губара, попросил у него убежища. Только независимый нрав киммерийца помешал Пузу сразу взять его к себе телохранителем. Главарь бандитов решил хорошенько присмотреться к чужестранцу. Приказал своим людям оберегать его и все разумные просьбы выполнять. «Если не подойдет он мне, — решил он тогда, — выдам Губару». Но Конан вскоре сбежал, так и оставшись для него загадкой.

— Вот и хорошо, что не надо нам ходить вокруг да около. Поговорим о деле.

— А вот так не пойдет, — заупрямился Конан. — Не будет никаких разговоров о деле, пока ты меня из этой клетки не выпустишь.

— Выпущу, непременно выпущу, — пообещал Пузо, — как только мы с тобой поладим. А и не поладим, все равно выпущу. Отвезут тебя за ворота и в ров скинут. Мертвого, конечно. На что ты мне, живой, будешь нужен?

Конан предпочел ответить угрюмым молчанием. Сочтя его за признание довода неопровержимым, Ахамур хлопнул в ладоши.

— Все — кыш! Хватайте жратву и бегом отсюда! Пак-вид, Маагр, это и вас касается.

Маагр подобострастно закивал и рысью кинулся к выходу из сада, Губар встал и удалился неторопливо, степенно, пряча от взора Ахамура перекошенное гневом лицо. Ему несколько не понравилось, что Пузо явно причислил его к своим холоуям.

— Эй! — крикнул Пузо вслед приспешникам. — А это мне выносить прикажете?

Четверо поспешили назад, ухватили за руки и за ноги все еще не пришедшего в себя товарища и бегом вынесли из сада. Ахамур проводил их безучастным взглядом и повернулся к Конану.

— Вот что я тебе скажу, голубок. Мы с тобой не первый день знакомы. В этом вонючем городишке меня каждая собака знает и подтвердит мои слова, если вдруг усомнишься. Есть у меня два главных правила, я им с малолетства следую. Наверное, я их с молоком матери впитал, за что буду до гроба благодарен шлюхе, которая меня родила. Никому не уступай и ничего не забывай. Вот такие нехитрые правила. Смекаешь, к чему я клоню?

Конан, разумеется, отрицательно покачал головой.

— Знаешь, бывают в жизни случаи, когда тебя припрут к стенке и даже не рыпнуться. Кажется, пиши пропало. Бывало с тобой такое?

Киммериец кивнул.

— Ну, и как же ты выкручивался? — поинтересовался Пузо.

— Да по-разному, — уклончиво ответил Конан.

— Выслушивал, наверное, претензии, а потом бил недруга по башке, как сегодня моего недоумка, и уходил преспокойненько, верно?

— Бывало и так.

— Вот то-то и оно. — Пузо с глубокомысленным видом поднял толстый волосатый палец. — Не бывает безвыходных положений. И не бывает единственного выхода, этаким мышинной норки, в которую тебе дадут протиснуться, если по-быстрому скинешь жир. Знал бы ты, парень, сколько раз всякие друзья-приятели приставляли ножик к моему горлу и говорили: ну давай, Ахамур, худей. А то больно у тебя живот велик, ты им чуть ли не полгорода накрыл. Выбирай: или ты покойник, или отдай нам все, что нажил праведно и неправедно, а потом забейся в норку и сопи себе на здоровье, только носа не кажи. Много их было, ой, много! И где они все? А я — вот он, винцо попиваю, девочек щупаю и половиной шадизарской сволочи помыкаю. И с тобой имею честь беседовать. И никто никогда, — назидательно заключил Пузо, — не заставлял и не заставит меня пойти наперекор моей совести.

«Было б чему идти наперекор», — усмехнулся про себя Конан.

— Вот и сейчас нашелся приятель,— сказал Ахамур,— который меня припер к стенке. Правда, этот не требует, чтобы я с ним поделился деньгами и властью. Ни то, ни другое ему не нужно. Станный тип, не правда ли, Конан?

По некотором размышлении киммериец сказал:

— Пожалуй.

— Ты когда-нибудь встречал человека, которому не нужны деньги и власть?

Конан снова был вынужден задуматься. На своем коротком веку он встречал самых разных людей.

— Нет такого человека,— уверенно заявил Пузо.— Нет, не было и не родится никогда.

— А твой приятель? — удивленно спросил Конан.

— Разве я сказал, что он человек?

Пузо умолк, чтобы вволю насладиться замешательством собеседника. Потом снисходительно пояснил:

— Мой приятель — идол племени юйтши, островитянина моря Вилайет. Вернее, дух, обитавший в каменной статуэтке. До недавнего времени он был моим верным помощником. Когда-то, в романтической юности, довелось мне ходить по морю на купеческом судне...

* * *

Он проклинал свою мать — за то, что родила его на свет и бросила, когда ему не исполнилось и пяти. Он проклинал своего приемного отца — вора-домушника, который учил его лазать по ночам в чужие окна и отпирать двери, а в тринадцать лет продал его капитану торгового судна. Он проклинал своего «опекуна» — потому, что не выносил произвола над собой.

С тех пор, как на купеческом корабле «Воля ветров» появился юнга, у капитана и команды не было лучшего развлечения, чем издеваться над ним. «Ахамур, нож в зубы и бегом на мачту — ты сегодня еще не соскребал с топа помет чаек». «Ахамур, мне не нравится, что ты толстеешь. На море лучший способ похудеть — меньше жрать и больше работать. А ну, живо драить палубу!» «Молодец, Ахамур. Ты хорошо потрудишься и заслужишь награду. Дарю

тебе галльон — он твой до конца плавания. И чтоб ни пятнышка, понял?»

«Когда я буду капитаном,— мысленно говорил мальчик жестокосердным морским бродягам, тая за угодливой улыбкой кипучую ярость,— вы у меня будете чистить галльон языком».

Но он понимал, что никогда не станет капитаном. Он ненавидел море и совершенно не выносил качку. Ежеутренне стогая с топа и рей наглых чаек, так и нороящих загадить оснастку, он едва не терял сознание от страха высоты. Уже будучи взрослым, Ахамур чуть ли не каждую ночь возвращался во сне в те годы, полные невыразимых мучений и безумного страха — вот он болтается в вышине, под нежными голубыми разводами облаков, и вот сейчас легонько дунет ветерок, и он, точно капля белого птичьего помета, разобьется о палубу под хохот безжалостных матросов.

Он мечтал о твердой почве под ногами. И чтобы ни единой наглой рожи, ни единой подлой души поблизости. Забиться бы, как мышь, в норку...

— Ахамур,— сказал ему однажды капитан, вонзая в плечо крепкие просмоленные пальцы,— видишь остров прямо по курсу?

Мальчик заслонил пухлой ладошкой глаза от солнца, посмотрел на северо-восток и увидел впереди тонкую дымчатую полосу.

— Остров Каменных Истуканов,— сказал капитан,— древнее капище язычников юйтши. Он не так велик и знаменит, как остров Железных Идолов, это просто клочок безжизненной суши. Ходят слухи, что здесь иногда отсиживаются пираты, но ведь с таким удальцом, как ты, нам никакие разбойники не страшны, верно я говорю?

Ахамур съежился — он давно привык к тому, что капитанская похвала неразлучна с гнусными шутками. Вот и сейчас седой шкипер оправдал худшие ожидания мальчика.

— Нам нужна питьевая вода,— сказал бывалый мореход. — Так нужна, что ради трех паршивых бочонков я готов рискнуть старой шлюпкой и одним дармоедом. Постарайся высадиться в укромном местечке, чтобы пира-

ты или дикари, если они сейчас на острове, тебя не заметили. Мы простои́м ночь на якоре, но под парусом — чтобы в случае чего удрать. Это нелегкая работенка, Ахамур, — ветерок свежее, нас будет сильно сносить, и никому из всей команды не удастся сомкнуть глаз. Понял, к чему я клоню, дружок? Если к утру не воротиться, мы уйдем. А вернешься без воды — пеняй на себя.

— А если там вообще нет воды? — одеревенелым от страха языком спросил мальчик.

Капитан пожал широкими плечами.

— Тогда можешь считать, что судьба плюет тебе в рожу.

* * *

Судьба и впрямь не слишком благоволила несчастному юнге. Шестивесельная шлюпка, ведомая одной парой маленьких неопытных рук, у самого берега была подхвачена сильным прибоем и застряла между острыми рифами, которые торчали из воды, точно окаменелые челюсти исполинской древней акулы, одной из тех, что во времена незапамятные рыскали в этом море.

Мальчик чуть не разрыдался в голос, когда обнаружил, что уровень прилива сейчас на верхнем пределе и море уже не вызовет шлюпку из ловушки. Для этого нужны по меньшей мере двое сильных мужчин.

Переноса бочонок на берег, он сорвался с рифа и вымок до нитки. А когда выполз на сушу, сообразил, что выбрал не слишком удачное место для высадки. Здесь прямо над тонкой полоской каменистого пляжа вздымалась трудноодолимая круча, и не было видно пути в обход. Подыскивая, по совету капитана, укромное местечко, он начисто позабыл о том, что надо подобраться с бочонками к источнику питьевой воды, а потом еще и переправить их, уже наполненные, к шлюпке. В каждый бочонок, по его прикидкам, должно было втиснуться не меньше пяти ведер воды, — как, спрашивается, не расколоть их, скатывая с такой крутизны?

«А может быть, капитан просто решил отделаться от меня? — с тоской подумал Ахамур. — Понял, что моряк из

меня никогда не получится, вот и придумал высадить на необитаемый остров».

Предположение казалось настолько обоснованным, что мальчик задрожал от страха.

А вдруг корабль так и не встал на якорь? Вдруг он уже ушел?

Ахамур повернулся к морю, но ничего не разглядел в незаметно подкрававшихся сумерках.

Он открыл рот, чтобы выругаться, — и прикусил язык. Остров не был необитаемым. Откуда-то из-за обрыва ветер донес взрыв нечеловеческого, неописуемо дикого хохота.

* * *

«Он чужой, — говорили голоса. — Он не молится нам. Он не юйтиши».

Вздрагивая и озираясь на каждом шагу, при любом шорохе падая ничком и замирая, Ахамур пробирался в глубь острова, к каменному сооружению посреди столовидной горы, каковую представлял собой остров Каменных Истуканов.

«Зачем он пришел? — вопрошали голоса. — Мы его не звали».

Никогда в жизни он не видел, чтобы луна и звезды светили так ярко. Словно задались целью лишить его малейшего укрытия. Но он не замечал и своих недоброжелателей — тех, кому принадлежали голоса. Хотя им тоже негде было спрятаться.

Впрочем, это его нисколько не успокаивало. Он уже понял, что голоса звучат у него в голове.

«Капище, — вспомнил он, снова поглядев на каменное сооружение. — На этом острове язычники поклоняются своим богам или демонам. Наверное, это и есть демоны».

— Он нас не любит, — обиженно заявил кто-то.

— А сам-то ты себя любишь, Яшмовый? — язвительно поинтересовался другой. — Только и знаешь, что ныть и жаловаться на судьбу. Забыл золотое правило: «уважай себя сам, тогда и другие тебя уважают».

— Все бы тебе морали читать, Халцедоновый, — проворчал третий невидимый островитянин. — А ты бы лучше

поинтересовался у нашего гостя, зачем он сюда явился неожиданно-негаданно.

— Ну, уж коли ты, Ониковый, просишь, — насмешливо откликнулся Халцедоновый. — Как я посмею тебе отказать? Эй ты, недолговечный, что за нелегкая тебя принесла? Лучше отвечай правдиво, мы шуток шутить не любим.

— Я моряк, — хрипло ответил Ахамур. — Мне нужна питьевая вода. Там мой корабль. — В этом он вовсе не был уверен, но на всякий случай показал рукой назад.

— Мне нужна питьевая вода! — зло передразнил Яшмовый. — Ему нужна наша питьевая вода. Все они, люди, из одного камня тесаны. Являются незванными-непрошеными и говорят: было ваше, стало наше. А известно ли тебе, недолговечный, что ты идешь не по земле, а по костям бесчисленных любителей чужой питьевой воды?

Мальчик этого, разумеется, не знал.

— Они тоже не знали, — уверил его Халцедоновый. — Ты не подумай о нас плохо, дружок. Мы не изверги какие-нибудь, чтобы убивать из-за пустяка. Просто мы свято блюдем свои принципы, которые сами же на досуге и выдумываем. А досуга у нас хоть отбавляй, мы же не скитаемся по морям и чужим странам, как некоторые смертные бездельники.

— А я бы поскитался. — В голосе Ониксового мальчику почудился тоскливый вздох.

— Ониковый, не знаю, как Яшмового, а меня ты уже замучил своей романтикой дальних странствий. Честное слово, если найдется дурак, который согласится забрать тебя отсюда вместе со всеми твоими причудами, — ноги ему облобызаю.

— Так вот, моряк, — обратился к Ахамуру Яшмовый, — воду мы бесплатно не раздаем. Что в мире смертных, что в мире духов закон один — услуга за услугу. Ты на нашем острове человек новый, а вот будь на твоём месте юйтши, он бы сразу все понял. Мы можем дать тебе все, о чем ни попросишь, — но не «за так». Понял?

— «За так» мы готовы поделиться с тобой только свободным временем, все равно его некуда девать, — подхватил Халцедоновый. — Но уж тогда не взыщи, что перед

смертью небо с овчинку покажется. На развлечения мы горазды. Для того и созданы, как нам кажется.

— А мне надоели здешние развлечения, — посетовал Ониковый. — Все одно и то же. Убили, зажарили, поплясали вокруг костра, съели. Не мы, конечно. Юйтши, наши приверженцы.

Халцедоновый хихикнул.

— Ониковый у нас привереда. Но когда ему мажут лоб свежей кровью, он почему-то не брызжит.

— Мне обрыдло однообразие, — пожаловался Ониковый, как решил мальчик, не своим братьям, а ему.

— Ты сам разрабатывал ритуал, — напомнил Яшмовый. — Да и чего еще требовать от скудоумных, неизобретательных дикарей? Все их таланты без остатка отданы ловле рыбы.

— Но ведь мы посылаем богатый улов, — возразил Ониковый, — всякий раз, когда они просят.

— И что, наши дары идут впровод? — Халцедоновый был явно не из тех, кто лезет за словом в карман, если так можно выразиться о бестелесном, а потому бескарманном духе. — Юйтши всякий раз пожирают только часть рыбы, остальное благополучно тухнет. И снова им приходится голодать, пока в их руки не попадает какой-нибудь купец или пират, или просто бродяга, которого можно принести нам в жертву.

— Вот я и говорю, скупища. — Ониковый отчетливо вздохнул. — Порочный круг.

— В этом море водятся пираты, — неохотно произнес Яшмовый. — Давайте как-нибудь попробуем с ними договориться. Может, ты и прав, Ониковый, — насчет того, что нам пора обновить паству.

Ониковый возмущенно фыркнул.

— Кто бы говорил?! Или ты забыл, кто однажды вас убеждал попробовать с пиратами? Не прошло и полвека, и ты выдаешь мои слова за свои. А чем дело кончилось в тот раз? Вы с Халцедоновым довели их до умопомрачения, они передрались, а затем попрыгали с обрыва и разбились, и море унесло их трупы. Наверное, кто-то все-таки остался жив, и когда вновь обрел рассудок, обо всем рассказал

другим морским разбойникам. С тех пор пиратские суда обходят наш уютный островок стороной.

Мальчик слушал потусторонних спорщиков, замирая от страха. Какая там вода — унести бы ноги! Добраться до моря и прыгнуть в волны, как те безумные пираты, а там будь, что будет. Ни о чем другом он уже не мечтал. Видимо, островные боги (или демоны?) отчетливо улавливали страх юнги. Но никто ему не сочувствовал. Кроме разве что сущности по имени Ониксовый.

— Может, все-таки отпустим ребенка? — спросил он своих товарищей.

— Так вот сразу возьмем и отпустим? — проворчал Яшмовый. У него был неприятный, кашляюще-дребезжащий голос. Если б Ахамур не знал почти наверняка, что голос принадлежит бесплотному духу, он бы вообразил его обладателя дряхлым капризным старикашкой, у которого вечно болит и не разгибается спина и который любит устраивать окрестной детворе мелкие пакости. — А он потом на все море раструбит, что Каменные Истуканы растрескались от скуки и церемонятся с нахлебниками. Этак через неделю сюда целая толпа набегит за нашей питьевой водой.

Сам того не желая, он подал Ониксовому идею, и тот поспешил за нее ухватиться.

— Вот именно, Яшмовый! Он расскажет обо всем сорочичам, и у нас будет новая паства. Больше мы никого отсюда не выпустим. Пускай они нас боготворят, пускай молятся, выдумывают разные обряды и ритуалы. Нам ведь только этого и надо, верно?

— А жертвы? — вмешался Халцедоновый. — Откуда возьмутся жертвы, если их не отпускать с острова? Да и что хорошего в том, что они день-деньской будут нам мозолить глаза? Я, конечно, люблю компанию, но и к уединению успел привыкнуть.

Наступило молчание. С замиранием сердца, готовый вот-вот упасть в обморок, мальчик ждал решения своей участи. Похоже, Яшмовый и Халцедоновый всерьез обдумывали идею Ониксового, а тот напряженно искал новый довод в свою пользу.

— Чем хороши дикари? — проговорил Яшмовый. — Приплыли — уплыли. Никаких неудобств.

— Ну да, никаких неудобств, — согласился Ониксовый. — Кроме скуки и, как следствие, вечной грызни между собой. Мы до смерти надоели друг другу, неужели вы этого еще не поняли? Мы перестаем цапаться, только когда находим себе иное развлечение. То есть, когда на нашем острове появляются люди. Друзья мои, я же не требую принять решение раз и навсегда. Давайте только попробуем. Дадим цивилизованным людям поселиться на острове, а если они будут нам докучать, долго ли от них избавиться? Между прочим, мы сможем даже устраивать между собой войны, и люди будут нашими солдатами. Все, как у больших богов.

— А вот эта идея мне уже нравится, — неохотно признал Халцедоновый. — Я бы хотел иметь собственную армию религиозных фанатиков. И даже распространить свое влияние на ближайшие острова.

— А потом тебе захочется покорить весь мир смертных, — насмешливо произнес Яшмовый. — Вот уж правду говорят, аппетит приходит во время еды.

— А что? — сердито спросил Халцедоновый. — Чем я хуже других? Почему я должен прозябать на заброшенном островке, когда остальные боги купаются в людском обожании?

— Точно за такие же речи, — сказал Ониксовый, — вы меня называете неисправимым мечтателем и безнадежным романтиком. Ах, друзья мои, до чего же вы непоследовательны!

— Ладно, я за то, чтобы попробовать. — Упрек явно задел Халцедонова за живое. — Но что от этого меняется? Яшмовый все равно ни за что не согласится, а без него мы не...

— Отчего же? (Мальчик услышал кашляюще-дребезжащий смех). Я согласен попробовать. Давайте отпустим ребенка. Моряк, ты уверен, что на корабле ждут твоего возвращения с питьевой водой?

— Нет. — Ахамур облизал пересохшие губы. — Боюсь, что корабль ушел. Меня просто бросили.

Яшмовый снова захихикал.

— Возможно, твои подозрения не лишены оснований, маленький мореплаватель. Но ты все-таки рискнешь, верно? Наберешь питьевой воды, сядешь в лодку и поплывешь на поиски корабля. А иначе тебе придется жить на острове. Впрочем, мы тебя не гоним. Оставайся, если хочешь, и будь нашим священнослужителем.

Ахамур встретил это предложение без всякого восторга.

— Я бы предпочел вернуться, — хрипло произнес он. — Но мне не хватит сил перенести бочки с водой в шлюпку. А если я вернусь без воды, меня изобьют до смерти и сбросят за борт. К тому же моя шлюпка застряла между камнями...

— Насчет этого не волнуйся, — сказал Ониксовый. — К тому времени, как ты вернешься на берег, все будет устроено. Плыви спокойно и ничего не бойся. На корабле тебя и пальцем никто тронуть не посмеет. Ибо теперь, — в его голосе зазвучала торжественная нотка, — ты — под моим личным покровительством.

— Э, э! — возмутился Яшмовый. — С какой это стати — под твоим? У нас на него прав не меньше, чем у тебя.

— Да, верно, — поддержал его Халцедоновый.

— Этот недолговечный — мой! — твердо заявил Ониксовый. — Если б не мое заступничество, вы бы его уже умертвили из-за паршивого глотка питьевой воды.

— Ты нарушаешь закон, который придумывал вместе с нами, — раздраженно произнес Яшмовый. — Все, что на этом острове находится, принадлежит всем нам. Личного имущества здесь нет и быть не может.

— Я беру ребенка, а вы всех, кого он приведет, — предложил Ониксовый. — А закон предлагаю сейчас же и отменить. Или вы забыли, что мы собрались воевать между собой? А воевать боги могут только руками смертных, это непреложный принцип мироздания. Не мы его устанавливали, не нам и отменять. Войска придется делить, и я готов уступить свою долю. Ради мальчика.

— На что он тебе?

— Отныне он под моей опекой до тех пор, пока не прогневает меня. Я хочу покинуть этот постылый остров и повидать другие страны. Теперь этот мальчик принадлежит мне,

как и мое каменное тело. Считайте его моим средством передвижения. — Гораздо более ласковым тоном он обратился к Ахамуру: — Не бойся меня, малыш. И никого не бойся. Никто тебя не обидит, пока я тебе покровительствую.

* * *

На баке старого купеческого судна «Воля ветров» капитан и лоцман то переглядывались друг с другом, то снова устремляли на север изумленные взоры. Вся команда выбилась из сил за бессонную ночь, сражаясь с налетевшим неожиданно-негаданно шквалом, а на рассвете корабль напоролся на риф и получил пробоину в левом борту. В трюм хлынула круто посоленная вилайетская вода. Пробоину можно было легко заткнуть товарами, которыми был под завязку набит трюм, но тут капитан допустил непростительную промашку: не желая портить тюки с шелком и атласом, он распорядился перенести из другого трюма запасной парус и с его помощью устранить течь. С этой задачей команда справилась, однако нижние штуки тканей пострадали. И тут, как назло, снова налетел ураганный ветер и растерзал в клочья самый большой прямой парус на единственной мачте.

Поистине, воля ветров в этот день была злой. Капитан торгового судна клял себя за неосмотрительность, матросы глядели на него с упреком. Все понимали, что парус-затычку теперь придется вынимать, и уйма товара будет безнадежно испорчена.

Но не эти горькие мысли заставляли капитана изумленно смотреть вдаль. Толстый неуклюжий мальчишка — бесполезный рот, никогда не упускающий случая заблевать палубу, — возвращался. Греб против сильного течения, которое вопреки все той же воле ветров принесло корабль обратно к острову.

Капитан, высаживая Ахамура на клочок суши, о котором среди моряков ходила дурная слава, нисколько не сомневался, что видит сопляка в последний раз в жизни. И вот он плывет обратно.

— Но ведь вчера, — оторопело произнес кривоногий плешивый лоцман, — тут не было никакого течения.

— И откуда берется ветер? — Капитан указал на кудрявые облака. — Взгляни, они не движутся! Чудеса, да и только!

Средняя пара весел поднималась и опускалась, словно по собственной воле. Но мальчик, хоть и греб против вероятного сильного течения, вовсе не выглядел изнуренным. Словно провел ночь на пуховой перине, а не выбивался из сил на чужом, возможно таящем опасности, острове.

— Боги, смилуйтесь над нами, — пролепетал лощман. — Он везет воду!

Лодка заметно оседала на корму, где лежали три вместительных бочонка.

— Этого не может быть, — пробасил капитан.

— А что, если ему помогли? — предположил кто-то из матросов. — Дали воды и отпустили с миром?

Капитан недоверчиво покачал головой.

— Об этом острове такие страсти рассказывают...

Шлюпка ткнулась носом в борт судна. Раздался гнусавый голос Ахамура:

— Капитан! Капитан! Я привез воду!

Капитан и лощман снова переглянулись.

— Шлюпку на борт, — буркнул капитан.

К борту кинулось полдюжины крепких матросов. Ахамур поднялся сам по веревочному трапу, его круглая физиономия сияла торжеством. Матросы вынули из шлюпки бочонки и поставили на палубу.

— А вот этот легкий! — воскликнул один из матросов, прижав бочонок к животу и стуча по нему ладонью.

— Пустой, что ли? — В глазах капитана сверкнула злоба. — Ахамур! Я, кажется, велел привезти три бочонка воды!

Улыбка сгинула без следа, лицо мальчика исказилось страхом и недоумением.

— Он не пустой, — сказал матрос. — В нем чегой-то брякает. — Он легонько встряхнул бочонок, внутри громыхнуло.

— Открой, — велел ему капитан. И обратился к Ахамуру: — Кто тебе помог? Юйтши?

— Нет. — Мальчик энергично замотал головой. — Там сейчас нет юйтши. Мне помогли их покровители.

— Ух ты! — воскликнул матрос.

К нему бросились его товарищи. Руки матроса утонули в бочонке, а затем на свет появилось каменное изваяние.

— Красотища! — восхитился лощман.

Скорее всего, похвала относилась не к чертам истукана, а к материалу, из которого он был изготовлен. Просвечивающий камень в бледных лучистых прожилках сразу чем-то пленял взгляд. Матовый отлив поверхности смягчал ядовитую желтизну, которая, казалось, кипела в глубине. Камень наводил на мысль о застывшем ведьмином вареве.

— Это дорогой камень, — тоном знатока произнес капитан. — Медовый оникс называется.

— А работа какая тонкая! — сказал, разглядывая идола, лощман.

Резец скульптора показал малейшие детали, буквально каждый волосок на теле. Вместе с тем истукан был невероятно уродлив, походил на помесь дикого кабана с обезьяной, увенчанной рваными собачьими ушами. Глаза были огромны и начисто вылезли из орбит — два мутно-желтых шарика, прикрепленных к черепу чуть ли не на висках. Широкий скошенный лоб был в бурых пятнах — матросы безошибочно узнали засохшую кровь.

— В Хоарезме за него большие деньги можно выручить, — проговорил капитан, подсчитывая в уме, на какую сумму уже испорчено товара и сколько его еще подмокнет, когда из пробоины вынут парус. Пожалуй, этот идол покроет львиную долю убытков. А что, если на острове есть и другие сокровища? Капитан повернулся к Ахамуру. — Украл?

— Нет. — Мальчик настороженно зыркнул на него. — Это подарок.

Матросы встретили эту наглую ложь оглушительным хохотом.

— И кто же тот щедрый человек, — поинтересовался капитан, — который дарит такие дорогие вещи ничемным ленивым мальчишкам?

— Это не человек, — признался мальчик, и в тот же миг у него в голове цыкнул Ониковый: «Молчи, Ахамур. Говорить с ними буду я». — Это не человек, — повторил юнга, удивленно вслушиваясь в собственный голос, — это два человека, щедрее

которых не найти в целом мире. Они давным-давно поселились на острове Каменных Истуканов; один взял себе имя Яшмовый, другой — Халцедоновый. Их жизнь однообразна и скучна, а потому они неописуемо рады каждому гостю, и единственное их стремление — угодить. Меня там ждал поистине царский прием, я был обласкан, накормлен, развлечен и вдобавок получил вот этот великолепный подарок. И еще мне дали питьевой воды и ничего не потребовали взамен.

— Он как-то странно говорит, — заметил лоцман. — Точно по писаному. И где это видано, чтобы за питьевую воду с моряка брали плату?

— Тут вообще чересчур много странного. — Капитан насутился. — Станный ветер, странное течение. Идол тоже загадочный. Там есть еще такие? — спросил он Ахамура.

— По меньшей мере, два, — честно ответил мальчик.

— Гм... — Капитан взглянул на лоцмана. — В этом плавании у нас большие убытки. Может, рискнем, а? Посмотрим, что делается на острове? Что это за отшельники, и с чего вдруг такая щедрость?

— Плохие слухи об этой земле ходят, ой, плохие. — Лоцман с сомнением поскреб щетинистый подбородок и поглядел на желтого идола.

— Но три драгоценных истукана... — Капитан криво улыбнулся. — По-моему, овчинка стоит выделки.

— Там есть и другие сокровища, — подал голос мальчик. И уточнил: — Так утверждают гостеприимные отшельники. Они откопали пиратский клад и теперь не знают, куда его девать.

Ни один уважающий себя вилайетский моряк, будь он трезв или пьян, не станет всерьез говорить о пиратскихкладах, ибо в тавернах Хоарезма, Аграпура и других портовых городов на восточном берегу моря Вилайет эта тема давным-давно набила оскомину. Но здесь, рядом с загадочным островом, при виде драгоценного изваяния, прибывшего на борт «Воли ветров» в пустом бочонке для воды, лица моряков зажглись золотой лихорадкой.

— А вдруг это западня? — высказал лоцман закономерное подозрение.

— Но ведь юнга вернулся живым и здоровым, — логично возразил капитан. — Будь на острове юйтши, нашего жирного гусенка попросту насадили бы на вертел. На коварный стговор с ним у этих дикарей не хватило бы мозгов. К тому же они не знают нашего языка.

— А вдруг там пираты? — спросил один из матросов. — Они народ хитрый, запросто могли подговорить мальчишку.

— Пираты? — Капитан рассмеялся. — Я знаю несколько пиратских шкиперов, у них при одном упоминании об острове Каменных Истуканов волосы встают дыбом, а зубы от тряски вылетают из десен. Пиратов туда никакими посулами не заманишь. Но кто-то из них рассказывал мне, что на этом острове действительно стоят три жутких идола, им поклоняются дикие рыбаки-людоеды. Похоже, эта желтая обезьянка — один из тех идолов. По мне, так он выглядит вполне симпатично.

— Пираты, — поддержал капитана старый матрос, — не додумались бы положить в бочку каменного болвана. Это слишком ненадежная приманка для морских купцов. Нет, пираты бы насыпали золота или серебра.

— Все-таки, думается мне, надо побывать на острове, — сказал капитан. — Познакомиться с добрыми отшельниками. Может быть, даже заключить с ними сделку. Наверняка их одежда давно превратилась в лохмотья... а у нас есть несколько штук ткани, которые все равно сгниют, пока мы их доведем до Акита. Да и вообще, стоянка не помешает — реку надо заменить, парус новый поставить. Все, решено. Но сначала подойдем к острову на шлюпках — разведем, пройдет ли судно между рифами. Малыш, — обратился он к Ахамуру, и впервые мальчик не увидел в его улыбке плохо скрытой угрозы, — мы сейчас бросим якорь и высадимся на остров. Поглядим на твоих щедрых отшельников. А ты жди нас здесь.

* * *

Едва гребцы по команде капитана оттолкнулись веслами от борта корабля, сильное течение подхватило обе

шлюпки и быстро понесло их к острову. Точно такое же течение совсем недавно несло одну из этих шлюпок в противоположном направлении, помогая Ахамуру добраться до судна.

Поистине этот остров был щедр на чудеса. Мальчик, опираясь на планшир, провожал команду странным взглядом. У его ног на палубе «купца» стоял открытый бочонок, в нем матово сияла в косых лучах утреннего солнца уродливая голова Ониксового.

— Один я не так силен, как в компании моих друзей,— проговорил в мозгу Ахамура голос идола,— но кое на что способен. Ахамур, я помогу тебе, если ты сможешь мне. От тебя требуется лишь немного уважения, которого я, как божество, несомненно, заслуживаю. Кроме того, ты должен брать меня с собой, куда бы ни направлялся. Ну и, разумеется, изредка приносить человеческие жертвы. Не то, чтобы я остро нуждался в них, но зачем бросать многолетнюю привычку? Скажи, мальчик, ты способен убить человека?

Ахамур пожал плечами и ответил вслух:

— Не знаю.

— Зато я знаю. Ты только что обрек на верную смерть целую дюжину человеческих существ. Конечно, их нельзя назвать твоими друзьями, ведь они обращались с тобой очень плохо, но тем не менее ты сделал это с завидным хладнокровием.

— Но твои братья,— произнес мальчик,— говорили, что пока не собираются их убивать.

— Мои братья,— возразил Ониксовый,— создания очень капризные и непредсказуемые. Но одно несомненно: рано или поздно твои приятели начнут их раздражать, и тогда с ними будет покончено, а на остров вернутся примитивные и покорные юйтши.

ГЛАВА 4. Заказчик, танцовщица, жрица

Пузо надолго замолк, потом исподлобья взглянул на Конана, взял с тарелки заостренную щепку и принялся ковыряться в зубах.

— Ты мне его найдешь,— произнес он угрюмо.

— Что, у тебя стянули идола? — недоверчиво спросил Конан. — Да неужели сыскался такой смельчак, который обокрал грозного вожака шадизарских воров и грабителей?

— Поглядел бы я на того, кто осмелится стащить у меня хоть ломаный грош,— проворчал Пузо. — Впрочем, надо признаться, такие безумцы находились — воровская порода неисправима. Чем недостижимее цель, тем больше охотников сломать себе шею на пути к ней. Однако существование Ониксового я хранил в сугубой тайне — он стоял в моей личной молельне, потайной комнате, куда вел потайной ход. Когда у меня возникали проблемы, я приходил к нему сам, когда ему от меня что-то нужно было, я слышал его голос вот здесь. — Он стукнул себя по виску испачканным жиром пальцем.

— И часто,— поинтересовался Конан,— он тебя звал? Пузо пожал плечами.

— Довольно часто. Божок оказался довольно капризен — то требовал вынести его на прогулку, то ему не нравилась человеческая жертва, и он приказывал ее заманить, то хотел, чтобы его постамент инкрустировали драгоценными камнями. И я заставлял слуг выносить его на улицу в занавешенном паланкине, покупал на рынке до-

рогих рабов на заклятие, платил огромные деньги жадным ювелирам. Сказать по правде, мы с Ониксовым всегда находили общий язык, и я не совсем понимаю, что на него нашло...

— Так он сбежал? — предположил Конан.

Ахамур тяжело вздохнул.

— Он прожил у меня — если так можно выразиться о каменном истукане — двадцать с лишним лет и ни в чем не знал отказа. Но зато и мне здорово помог. Своим преуспеванием я не так обязан собственным талантам, как помощи этого сверхъестественного существа. По сути, оно и сделало меня тем, кто я есть. Ониксовый предупреждал о кознях недругов, подсказывал, как побольше выгадать в том или ином деле, помогал ладить с властями и находить лазейки в законе. Вряд ли без него я бы добился своего нынешнего положения.

— По-моему, ты себя недооцениваешь. — Было непонятно, всерьез это сказано, или Конан посмеивается про себя. — Удалец, который еще мальчишкой в одиночку привел судно в порт...

— Забавляешься? — Пузо насупил. — Я тоже всласть позабавлюсь, когда найду воров. В том, что найду, я ни сколько не сомневаюсь. Если ты мне в этом не поможешь, подниму на ноги всех жуликов Шадизара. От них в этом городе нигде не укроешься, это все равно что в муравейнике прятаться от муравьев. — Его щеки побагровели от гнева, пальцы до белизны в суставах сжались в кулаки.

Конан благоразумно решил на время сменить тему.

— Расскажи, как ты добрался до берега.

Пузо скривился — должно быть, воспоминания были не из приятных.

— Ониксовый — довольно сильный божок, но мореход из него никудышный. В борту у нас была изрядная пробина, заделать ее и поставить парус даже с помощью идола было невозможно. Оставалось лишь надеяться, что течение и ветер донесут нас до берега, прежде чем мы пойдем ко дну. Все это я ему доходчиво объяснил, а он в ответ рассмелся и произнес какую-то тарабарщину, не иначе, закли-

нание. И тут я едва не спятил от страха. Кажется, он завихрил течение, создал что-то вроде смерча из воды и ветра; тот вздыбился над морем и понес «Волю ветров» к берегу. Меня крутило вместе с кораблем так жестоко, что я дал себе клятву на тысячу полетов стрелы не приближаться к морю, если останусь жив. Мы довольно быстро долетели до реки Ильбарс и двинулись вверх по течению, пугая тамошний люд; возле города Аkit смерч унялся, и мы рухнули на мелководье. Со всех сторон набежала толпа портового отребья. Не увидев на борту акипажа, эти негодяи пришли в восторг и в один миг очистили наши трюмы. Я им не препятствовал, наоборот, прикинулся одним из них и унес на берег бочонок с Ониксовым. И с тех пор мы с ним жили душа в душу...

Он скривил губы и потер виски, словно его беспокоила мигрень.

— Я знаю прохвостов, которые его украли, но ты их не ищи. Ими займутся другие. Я бы не стал с тобой связываться ради троих жалких негодяев, которым жить осталось не больше суток. Если только о них еще не позаботился наш общий друг. — Пузо ухмыльнулся, а в следующий миг скривился от боли и схватился за голову.

— О-о-о, проклятый идол...

Он со стоном прислонился к решетке, не замечая, что оказался в опасной близости от Конана. Но тот не собирался нападать, по крайней мере, до тех пор, пока не услышит подробности. История Пуза заинтриговала его. Подумать только, главарь бандитов, при одном воспоминании о котором у тысяч шадизарцев стынет кровь в жилах, почти всю жизнь пронянчился с каменной куклой. И все его везение целиком зависело от ее благосклонности.

«Хотелось бы мне взглянуть на храбрецов, — подумал Конан, — бросивших вызов самому Пузу!»

В этот момент Пузо пришел в себя и отпрянул от решетки. Лицо его стало серым, скулы обострились, во взоре поубавилось самоуверенности.

— Прежде чем взяться за твой заказ, — сказал Конан беззаботным тоном, — я должен узнать все подробности. А

также условия нашего договора. Но я согласен их обсуждать только в более подходящей обстановке.

— Эй, лодыри тупые! — оглушительно прокричал Пузо. На его зов сбежались охранники. — Свяжите ему руки. Надеюсь, он будет вести себя хорошо, а нет — пускай пеняет на себя. Мы продолжим беседу в моем кабинете.

Охранники боязливо выполнили приказ, отвели Конана в роскошный кабинет и толкнули к мягкому креслу. Конан держался с ангельским спокойствием. За его спиной по знаку Пуза встал слуга — чтобы прислуживать за столом. Точнее, чтобы кормить связанного с ложки.

Ахамур, громко пыхтя, уселся напротив Конана, аккуратно расположил живот на коленях. По его лицу струился пот.

— И кто же те наглые прохвосты, которых везде ищут? — спросил Конан.

— Девка сказала, что ее зовут Дана. Но имя наверняка не настоящее. Красотка, каких поискать. Волосы — длинные и светлые, немного вьются. Настоящая блондинка, а это в Шадизаре такая же редкость, как раскаявшийся вор. Она меня совсем с ума свела — такие коленца выкидывала, что я на стенку готов был лезть. «Зингарские любовные танцы» — вот как называется, да еще она при этом баллады под бубен пела и раздевалась помаленьку. Не девка, а лесной пожар.

— А в постели небось еще горячее, чем в танце, — предположил Конан.

— Врать не буду, — ответил Пузо, — не знаю. Говорю тебе, совсем она меня охмурила. Я, конечно, мог ее силой взять, так нет же, захотел добром поладить. И так и сяк пробовал, да у нее всегда отговорки находились. Мол, куда спешить, сладенький мой, я и так твоя, сама ни о чем другом не мечтаю, без тебя мне свет не мил и все такое прочее. Короче говоря, всякий вечер оставался я не солоно хлебавши, одними обещаниями сыт.

— Зингарские плясуньи, — кивнул Конан, — свое дело туго знают. Будут тебя за нос водить и завтраками кормить, пока все денежки не выудят. Их этому специально учат.

— Ониксовый ее сразу незалюбил — почуял беду. Каждый день требовал, чтобы я ее в жертву принес, на худой конец, просто выгнал в шею. Да мне жалко было, я все чего-то ждал, надеялся... — Пузо горестно вздохнул. — Вот и дождался.

Он с силой потер виски.

— Да, девочка что надо, я в них знаю толк. Фигурка превосходная, грация врожденная. Наверняка она и сейчас где-нибудь отплясывает. Ничего, в каждом злачном местечке кто-нибудь из моих ребят пасется, так что рано или поздно вернется ко мне беглянка. И уж тогда ей не отвертеться от моих ласк, — зловеще добавил Ахамур.

— Как же ей удалось твою тайную кумирню найти и идола стянуть?

— Тут я сам дал маху. Впервые за двадцать лет показал Ониксового чужому человеку. До того дня ни одна живая душа о покровителе моем не ведала, кроме самых надежных слуг. Я, конечно, Дана ничего не объяснял, просто упомянул между делом, что истукан — вещь древняя и дорогая. Уж очень хотелось похвастаться. Само собой, в одиночку Дана это дельце провернуть не могла, а потому нашла себе дружков-соучастников. Я тебя с ними обязательно познакомлю — слово герцога. Один моих охранников оглушил — видать, силищи он неимоверной, а другой в дом через крошечное слуховое оконце проник, все хитроумные замки одолел, схватил идола и был таков. И как он в оконце протиснулся — ума не приложу. Ничего, у меня руки длинные, дотянутся и до этого пролазы.

«Пролаза? — завертелось в голове у Конана. — Что-то знакомое». Конан напряг память. Ну, конечно! Есть у него знакомый вор, которому по заслугам досталась кличка Пролаза. Вместе с ним Конан попал в передрагу у Паквида Губара, вместе с ним едва ноги унес из загородного дома подлого ростовщика. Вполне возможно, кража истукана — его рук дело. А девица по описанию очень уж смахивает на Сабу, авантюристку, каких поискать. Но кто же тот, третий?

Конан вновь прислушался к речи Пуза. Тот говорил неторопливо, сильно растягивая гласные, и при этом выпячивал подбородок.

— Я-то в это время с девчонкой был. Неделю она меня в черном теле держала, а потом говорит: «Ну вот, жеребчик мой ненаглядный, теперь я вся твоя. Только прикажи слугам отсюда выйти, я их стесняюсь». Я, как последний дурак, обрадовался и велел холоуям убираться вон. Дана мне своими руками вина подала, чмокнула в лысину и в пляс пустилась — чтобы меня распалить и самой для любви разогреться. Вот уж не думал, что я, старый сом, когда-нибудь на такой простенький крючок попадусь. А Ониксовый на помощь меня звал, когда его уносили. Так кричал, что у меня сердце разрывалось. Но я в то время уже на полу валялся, шевельнуться не мог. Дана, стерва этакая, даже не подождала, пока на меня снотворное подействует. «Пойду,— говорит,— губы подмалюю». Только ее и видели.

— Да, ловко тебя провели,— усмехнулся Конан.— Только я не пойму, что ты так волнуешься. Ониксовый — не простой идол, такого украсть легче, чем спрятать. Наверняка он тебя позовет, ты найдешь его, и дело с концом.

— Э, брат, не все так просто. Когда слуги наткнулись во дворе на оглушенных стражников, прибежали ко мне и мало-мальски привели в чувство, я их сразу по следу идола пустил. И вот что они у ограды подобрали. — Пузо достал из кармана круглый бледно-желтый камешек.— Это его глаз. Видать, когда воры через ограду лезли, выронили они Ониксового и разбили. И теперь его дух где-то бродит или прячется. И злится на меня. Не дает мне покоя, твердит, как попутай: «О, мое прекрасное желтое тело! Ахамур, я доверил тебе хранить мое драгоценное тело, а ты его не сберег! Не будет тебе прощения!» Я эти слова наизусть уже выучил. И каждый раз — точно булавой по черепу; сил моих больше нет терпеть. Найди его, Конан! Что хочешь с ним сделай, но только избавь меня от этой проклятой напасти. И тогда ступай на все четыре стороны. Никто тебя пальцем тронуть не посмеет во всем Шадизаре, клянусь честью герцога, век добычи не видать!

— И это вся твоя благодарность? — с ухмылочкой спросил Конан.— А мне говорили, что ты умеешь платить по счетам.

— Умею, умею, но кто тут у кого в долгу? — Пузо скривился и прижал ладони к вискам.— Не перегибай палку, Конан, тебе ведь жизнь отыгрывать. И не вздумай еще раз меня обмануть. Удерешь — пеняй на себя. А проболтаешься...

Хозяину дома вдруг стало не до угроз — в его голове снова зазвучал голос смертельно обиженного покровителя. Обхватив голову руками, Пузо взвыл:

— Слуги! Где вы, чтоб вас демоны заживо сожрали?! Компресс!

* * *

Теряясь в догадках и сомнениях, Конан шагал по грязным кривым улочкам Шадизара. По тем же улочкам навстречу ему с востока, с пыльных отрогов Казанкийских гор, затекала ночная мгла.

Чудеса, размышлял Конан. Он достаточно долго прожил под крылышком Пуза, чтобы разобраться в его характере. Но сегодня этот безжалостный головорез, обладатель непреклонной воли и потрясающего везения, изрядно его удивил. Подумать только, всеми своими успехами Пузо обязан каменному изваянию с безвестного вилайетского островка! И теперь идол прогневался на него и решил наказать за небрежение. О примирении не может быть и речи — Пузо всегда любой ценой избавляется от недоброжелателей, это для него дело чести. Видимо, об этом знает и Ониксовый и на пощаду не рассчитывает. А значит, они теперь смертельные враги. Кто кого.

«И меня,— подумал Конан,— Пузо выбрал своим оружием. Я должен убить бога, ни больше ни меньше. Неважно, кто он, Ониксовый,— бог или демон, все равно это бесплотный дух. Как же его одолеть? — Он невесело ухмыльнулся.— Работенка в самый раз для смертного. Не проще ли сбежать из города? Здесь от подручных Ахамура и Губара уже не спрячешься... Или все-таки рискнуть,

вдруг удастся найти Ониксового и как-нибудь договориться с ним, чтобы оставил Пузо в покое? Забобрить его, предложить новое тело или собрать по кусочкам, склеить старое. Подружиться с ним, чтобы помогал мне, как раньше Пузу...»

Бесплодные мечты, подумал Конан. Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что. Просто бред какой-то.

Ноги будто сами по себе несли его в западные кварталы — должно быть, мысли о Пролазе бродили где-то в недрах сознания. «Если это и не он постарался, — размышлял Конан, — то наверняка подскажет, кого мне искать. Таких ловких домупников, как он, даже в славном Шадизаре по пальцам пересчитать».

Он вступил в жуткие трущобы. Под ногами чавкали нечистоты, от кабаков несло рвотой и тухлятиной. Конан знал, что он уже почти у цели. Он не забыл слова Пролазы о том, где его следует искать, если понадобится помощь. Прощаясь с Конаном за воротами особняка Паквида Губара, тот сказал, что нередко заглядывает в таверну «Все радости рая».

Наконец Конан остановился на каменном крыльце, — вероятно, оно давно лелеяло мечту познакомиться с метлой и скребком. Над покосившейся дверью покачивалась на ржавых цепях вывеска с изображением скрещенных окорока и бутылки. Конан потянул дверь на себя. Под радостями рая, видимо, в первую очередь подразумевались невыносимый смрад, мощные напластования грязи и громкий крысиный писк.

Прежде чем войти в таверну, Конан оглянулся — нет ли «хвоста»? Пузо вполне мог послать своих людей, чтобы присматривали за киммерийцем. Но улица была безлюдна, если не считать пьянчуги, чьи босые ноги торчали из высохшей сточной канавы. Конан переступил порог и направился к хозяину таверны.

— Пролаза здесь? — спросил он без обиняков, протягивая на ладони серебряную монету. Грузный шадизарец поднял косматые брови — видимо, это означало, что сам он за Пролазу не дал бы и ломаного медяка.

— Последняя дверь справа по коридору. — Он указал наверх. — Твой Пролаза уже третьи сутки не просыхает. Так недолго и ноги протянуть — при его-то телосложении.

Поднявшись по скрипучей лестнице, Конан увидел пять дверей. Последняя была чуть приоткрыта. На соломенном матрасе валялся пьяный в стельку Пролаза, на его скуле красовался свежий синяк, из раскрытого рта высовывался обложенный язык.

— Эй, приятель. — Конан пнул его в бедро. — А я-то считал тебя человеком приличным.

— Отстань... желтое тело... — пробормотал Пролаза.

«А вот это уже интересно». Конан спустился на первый этаж и распорядился:

— Приготовь для моего друга ванну.

На этот раз у хозяина таверны не только брови полезли на лоб, но и глаза едва не выскочили из орбит. Но он кивнул, как только оправился от изумления.

— Ванна на заднем дворе. Правда, вода не очень теплая, зато благовоний хоть отбавляй.

Конан криво улыбнулся и снова направился к лестнице. Вскоре он вернулся, неся под мышкой тщедушного Пролазу, и вышел через черный ход. Несколько погружений в бочку с холодной вонючей водой сделали свое дело — Пролаза открыл глаза.

— Верните мое тело... мое прекрасное желтое тело... — Он захныкал.

— Успокойся, красавчик, твое тело никому не нужно, — проворчал Конан. — Разве что Пузу...

Услышав последнее слово, Пролаза начал необратимо трезветь.

— Кто? Что? — Мутный настороженный взгляд остановился на Конане. — При чем тут Пузо? — Пролаза слегка заикался.

Конан ласково улыбнулся.

— При том, что он тебя ищет по всему Шадизару.

— Меня?

Конан кивнул. Пролаза охнул и с головой ушел в воду. А когда вынырнул, спросил:

— А ты кто такой?

— Тебе что, память отшибло? — Конан с силой встряхнул Пролазу за плечи. — У-у, пьяны!

— А-а... — На лице вора появилось осмысленное выражение. — Лунная Лыдинка... Ты — Конан из Киммерии. Помню. Я сам тебе сказал, где меня искать. И теперь ты... нанялся к Пузу? — От страха у него затрясся подбородок.

— Пошли. — Конан вытащил его из бочки и, крепко держа за шиворот, повел в таверну. Они поднялись по лестнице, оставив на ступеньках мокрые следы. Наверху, в коридоре, Пролаза снова захныкал.

— Похоже, на этот раз ты влип крепко, — сказал Конан, усаживаясь в комнате на стул. — Рассказывай.

Пролаза бессильно опустился на матрас, обхватил колени тощими руками. Из матраса с возмущенным писком выскочил крысенок и скрылся за кучей хлама в углу.

— Что рассказывать?

— Все, что знаешь о краже идола из медового оникса. Учти, кое-что я уже и сам знаю. Поймаю тебя на лжи — отведу к Пузу.

— Конан, ты ведь этого не сделаешь, правда? — Пролаза подобострастно заглянул киммерийцу в глаза. — В прошлый раз ты себя вел как настоящий рыцарь.

— В прошлый раз, — проворчал Конан, — один мой знакомый тоже держался, как подобает мужчине, а нынче он просто пьяный и вонючий отброс. Давай, Пролаза, выкладывай все, что знаешь. Некогда мне с тобой сюсюкать.

— А если я все расскажу, ты мне поможешь? — робко спросил вор.

— Посмотрим. Пока ничего не обещаю.

Пролаза тяжело вздохнул и вдруг с криком схватился за голову.

— Ладно, ладно! Я все расскажу, лишь бы этот желтый ублюдок у меня в голове наконец заткнулся. Сил моих больше нет!

Конан ждал, поражаясь собственной выдержке. Оплеуху, что ли, отвесить Пролазе?

— Это меня Саба подговорила, — сказал вор. — Помнишь Сабу? Нахальная такая, белобрысая.

— Помню.

— Так вот, сперли мы у Пуза какого-то желтого болвана, и не знаю, как Саба, а я большей глупости в жизни своей не делал. Подцепил я от этого идола страшную хворь, и нет мне теперь покоя ни днем, ни ночью... — Пролаза закатил глаза.

— Это тебе наука. Что с идолом? Продали?

— Хотели продать и деньги поделить, да вот случилась по дороге неприятность. Я его держал, вроде крепко, да он такой скользкий, камень-то шлифованный... Упал, когда мы через ограду лезли. Ты ведь знаешь, какая у Пуза ограда высоченная. Упал и — вдребезги. Поделили мы обломки на двоих, да и разошлись. Вот и весь сказ.

— На троих, — сказал Конан.

— Чего? — Пролаза изобразил недоумение.

— На троих вы его поделили, — произнес Конан уверенно. — Трое вас там было. Ты, Саба и еще какой-то силач. Саба о хозяйине дома позаботилась, силач — о стражниках, а ты вынес идола. И кто был этот третий?

Пролаза тяжело вздохнул.

— Конан, да разве это важно? Мой тебе совет, не суйся ты в это дело, с ним морока одна. У меня день-деньской башка раскалывается, хоть в петлю лезь. И постоянно кто-то бубнит: «Ах, мое тело, мое прекрасное каменное тело, верните мое драгоценное тело!» Мука мученическая, если б не вино, помер бы, наверное. Ты лучше держись от нас подальше, здоровее будешь.

— Где Саба? — перебил Конан.

— Саба? — Пролаза насторожился. — А с чего ты взял, что я знаю?

— Ну, если ты не знаешь, то Пузо раньше меня ее найдет. А уж она тебя выгораживать не станет. Ей своя жизнь дороже.

— Хорошо, хорошо, не сердись только, — зачастил Пролаза. — Я подскажу, где ее искать.

— Вместе пойдем.

Пролаза раскрыл было рот, но, встретив ледяной взгляд киммерийца, понял, что спорить бесполезно.

Конан вышел из таверны и, время от времени подталкивая Пролазу в спину, шагал по мостовой. Они пробирались узкими переулками, стараясь обходить людные места и площади. Путь был неблизок, вдобавок уже почти стемнело.

Правую руку Конан не снимал с меча, при каждом подозрительном шорохе до середины выдвигал клинок из ножен, но об опасности не думал. Он с молодых лет привык доверяться своим инстинктам.

Наконец Пролаза подвел его к обветшалому каменному строению под черепичной крышей. Главный вход был освещен, дверь открыта нараспашку, на улицу прорывалась музыка. Конан сразу узнал храм секты кадуцеев — малочисленных и, по слухам, безобидных почитателей змей. Пролаза не рискнул войти через парадную дверь; забежав в переулок и велел Конану заслонить его от прохожих, он вынул из-за пазухи связку отмычек и вскоре отворил маленькую дверцу в глухой стене.

Они переступили порог и оказались в просторном зале. Посередине, на подковообразной арене, огороженной барьером, подобно цирковой, происходило священнодействие. Вокруг арены кольцами поднимались скамейки для прихожан. Храм был не очень щедро освещен, зато шума хватало с избытком — звенели бубны, тренькали струны, и жрецы в белых сутанах на арене не в лад играли на странных изогнутых флейтах; самый рослый и плечистый из них истязал большой барабан.

Под эту «музыку» в центре арены по-змеиному извивалась полуголая старуха с распущенными до пояса седыми волосами. Два живых питона обвивали ее туловище и руки и качали головами в такт движениям. Лицо старухи пряталось под зеленой маской, изображавшей голову кобры. На песке арены несколько самых настоящих змей, упитанных гадюк, тоже «танцевали», поднимаясь на хвостах. Казалось, женщина нисколько не боится их — словно еще младенцем играла не с куклами, а с живыми ядовитыми гадами.

А питоны-то не теряются, ухмыльнулся Конан, глядя, как змеи скользят по телу старухи. От такого сильного, тугого тела не отказалась бы любая молодлица.

Наконец музыка стихла, питоны точно по команде сползли на песок, и в освещенный свечами круг жрецы ввели двух девушек. Совершенно нагие, они сразу приковали к себе внимание Конана. Раскатилась барабанная дробь, взвизгнули флейты, грянули бубны — начало было многообещающим. Но тут Пролаза толкнул Конана под нижнее ребро.

— Не зевай. Она уходит.

Женщина-змея незаметно отступила в темноту.

— Ничего, я знаю, где ее комната, — шепнул Пролаза и повел Конана узким темным коридором вдоль каменной стены.

— Так эта старуха — Саба? — недоверчиво спросил Конан.

Пролаза не ответил. Они шли ощупью. Время от времени совсем рядом раздавалось подозрительное шипение.

— Впрочем, мне еще тогда показалось, в ней есть что-то змеиное, — рассудительно произнес киммериец. — Очень уж она хладнокровная.

Они вошли в тесную комнатку. Женщина-змея в шелковом красном халате сидела перед большим, во всю стену, зеркалом, влажной тряпичей снимала грим со щек. По плечам рассыпались пышные светлые локоны, в сиянии свечей они отливали золотом. Рядом на подлокотнике кресла висел седой парик.

— Пошли вон, кобели проклятые, — зло сказала она, не поворачиваясь. — Стоило ли рысы надевать, чтобы потом за юбками бегать? Оставьте меня в покое, и так голова трепит, без ваших елейных речей.

— Саба, это же я, — сладенько пропел Пролаза. — Твой друг.

Саба со стоном потерла лоб и вдруг, вспомнив, что друзей у нее нет, резко обернулась. Гримаса боли на лице сменилась тревогой.

— Конан? Какими судьбами? — Похоже, боль отпустила. Саба улыбнулась. — Здравствуй, котенок. Рада, что ты жив-здоров. А я тут, видишь, подрабатываю. Платят мало, зато кормят сносно. Если б еще жрецы не приставали...

— С твоими-то способностями работать за харчи? — Конан рассмеялся.

— Видишь ли, Конан, — серьезным тоном проговорила Саба, — я теперь совсем другая. Порядочная, хочешь верь, хочешь не верь. Пускай мой путь не устлан розами, зато я добываю хлеб честным трудом. И пусть он нелегок и неблагодарен, я его не стыжусь. — Она гордо вскинула голову. — Любой труд заслуживает уважения, и я не понимаю, что тут...

Пролаза не дал ей договорить.

— Саба, — пискнул он, — я ему все рассказал про идола.

Отреагировала она мгновенно, — седой парик попал Пролазе в лицо, а от кувшина, полетевшего следом, немедля увернулся.

— Тощий придурок! — Она кипела от злости. — Да я тебя питону живьем скормлю!

— А ты знаешь, радость моя, что тебя повсюду ищут? — осадил ее Конан. Саба перевела на него возмущенный взгляд.

— Знаю ли! Он еще спрашивает! Да я это логово месяц готовила. Никто бы до скончания века не додумался меня здесь искать. И не нашел бы, если б не этот. — Она люто свернула глазами в сторону Пролазы и повернула голову к Конану. — Ты что же думаешь, я извращенка, чтобы тут с гадюками целоваться? А от жрецов по сто раз на дню отпихиваться — это, по-твоему, сплошное удовольствие? Да я всех этих гадов ползучих и ходячих с детства ненавижу. — Неожиданно она смолкла и прижала ладони к глазам. — О-о-о! Опять!

— И у тебя? — с сочувствием спросил Пролаза. — «Прекрасное тело, мое драгоценное тело, вы разбили мое тело...»

— Заткнись! — крикнула Саба. — Мало мне этого нытья внутри головы, теперь еще и снаружи!

— Выходит, я не один такой, — эгоистично обрадовался Пролаза. — Прекрасная новость, мне даже легчало чуток.

— Ах ты, тля никчемушная! — вспылила Саба. — Еще рот разевать смеешь! Если б не твои корявые руки, все было бы в порядке!

— Руки мои тут ни при чем. Если б не твои цыплячьи мозги, мы бы вообще не сунулись к Пузу. Добыча грошова, а неприятностей полон короб.

— Ребята, знаете что, — проговорил Конан, усаживаясь верхом на скамью, — чем ссориться, вы бы лучше подумали, как теперь быть. Сдается мне, на этот раз вам не сносить голов. Пузо шутить не любит, да и Ониксовый, похоже, крепко на вас осерчал.

— Что ты о нем знаешь? — тотчас спросила Саба.

— Только то, что вы его украли и разбили и что он теперь в большой обиде не только на вас, но и на Пузо, который не сберег его драгоценное тело.

— А ты тут при чем? — не отставала Саба.

— Да, в самом деле, — присоединился к ней Пролаза.

— Пузо мне велел разобраться с идолом, — честно ответил Конан.

Пролаза даже присел от страха.

— Значит, он тебя нанял, — срывающимся голосом произнес вор.

— Можно и так сказать.

Саба вскочила с кресла, в ее руке блеснул неизвестно откуда появившийся тонкий клинок.

— Только подойди! — прошипела она. — Кишки выпущу!

— Да вы не волнуйтесь, — улыбнулся Конан. — Я друзей не предаю. К тому же Пузо поручил мне найти идола, а не вас. Просто я подумал, раз этот идол — наша общая проблема, то решать ее лучше сообща. Но если эта идея вам не нравится, — пожал он плечами, — я поищу другой способ. — Он встал и направился к выходу.

Первой взяла себя в руки Саба.

— Конан, не обижайся, — промурлыкала она. — В наше суровое время порядочной девушке нельзя расставаться с оружием. — Саба откинула полу халата, обнажив стройную ногу. На кожаном ремешке, обвивавшем бедра, висели изящные ножны.

Конан смягчился.

— Ладно. Значит, мы вместе?

— Для начала попробуем найти идола, а там будет видно,— сказала Саба.— С такой болью в голове белый свет не мил. Уж лучше самой к Пузу пойти, чем так мучиться.

— Уж лучше все-таки помучиться,— возразил Пролаза.

— Где осколки? — спросил Конан.— Один у Пуза, это я точно знаю. А где остальные? Они могут навести нас на след.

— Я свои уже продал,— Пролаза сокрушенно вздохнул.— При первой же возможности. Есть в моем квартале одна лавчонка, хозяин — мой друг детства. Камешки ему приглянулись, заплатил он за них по-королевски. На полжизни хватит.

— Еще бы,— усмехнулась Саба.— Жить-то тебе недолго осталось. Недельку, и это если очень повезет. А моя доля в целости и сохранности, я ее на черный день приберегла. А может, оставлю насовсем, отдам ювелиру, пускай бус наделает.— Она подошла к платяному шкафу, достала внушительной величины узел, развязала и из вороха дамского белья вынула бледно-желтую голову идола.

— А где же ваш третий? — поинтересовался Конан.

— Дорида? — беззаботно сказала Саба.— Кто ж ее знает.

— Так это была Дорида!

— Ага. У Дорида силица бычья, без нее мы бы не справились. Трудно было ее уговорить, ни за что не хотела с Пузом связываться. Это Пролаза придумал, чтобы она переделалась мужчиной,— тогда только и согласилась. Ушла потом от нас, а куда — не сказала.

— Надо ее найти,— сказал Конан.— Я вот что предлагаю: для начала попробуем собрать идола по кускам. Может, тогда Ониксовый согласится вернуться в тело.

— А если не согласится? — приуныл Пролаза.— Да и где их искать, обломки-то? Пока будем разыскивать, спят от боли и его нытья. Или Пузо нас прикончит.

— Кажется, я знаю, что делать.— Саба загадочно улыбнулась, сверкнув ровными белыми зубами.— Где вы, по-вашему, сейчас находитесь?

— В святилище кадуцеев,— озадаченно ответил Пролаза.

— А что за дом стоит через улицу?

— Храм Деркэто, богини страсти.

— Точно. А в храме Деркэто жриц — хоть пруд пруди, и кое с кем из них я знакома. Может, они подскажут, где искать Ониксового. Слышала я, такие божки не могут подолгу обходиться без тела, кровавых жертв и поклонения. Может, новоеместилище себе подыскал? Мои девчонки поколдуют чутко и узнают.

— Так что же мы сидим? — Конан встал.— Веди к девчонкам.

— Да, пожалуй, сейчас самое время. Служба в храме только что кончилась.— Саба надела седой парик, запахнула халат.— Идите за мной.

* * *

Они вышли из святилища через черный ход, подошли к длинному, приземистому строению, больше похожему на казарму или постоялый двор, чем на храм. На стук Сабы щуплая девочка-подросток отворила дверь и застыла на пороге, разглядывая Сабу и незнакомых мужчин.

— Это я, Туса, танцовщица,— бархатным голосом сказала Саба и протянула девочке серебряную монету.— Мне надо Мелинду повидать.

Девочка молча уступила дорогу. Саба безошибочно нашла путь в полумраке и остановилась возле алькова, отгороженного занавеской из плотной ткани. Подергав занавеску, она позвала:

— Мелинда? Душа моя, ты одна?

— А, Туса. Входи, милочка.

Томный голос доносился с ложа посреди алькова и принадлежал пышнотелой жрице с роскошными золотистокаштановыми волосами, раскинувшейся на несвежих простынях в чем мать родила. Рядом с ней сидел по-восточному невысокий узкоплечий юноша в набедренной повязке, глуповато улыбался и смотрел в пустоту. При виде гостей он не шевельнулся, зато жрица довольно заурчала.

— Вот этот может возлечь со мною рядом.— Пальцем с рубиновом перстнем она указала на Пролазу.— А

к тебе, каланча, я сначала присмотрюсь,— бросила она Конану.

Пролаза не замедлил воспользоваться приглашением, юноша в набедренной повязке не возразил ни словом, ни жестом. Казалось, он пребывает в ступоре или трансе.

— Он был стоек до конца,— пояснила Мелинда, с насмешкой поглядев на него,— но теперь это выжитый лимон. Ну, все, малыш, пора освобождать место. Иди домой.

Видя, что юноша не реагирует, она с силой толкнула его в плечо, и он, точно чурбан, с шумом повалился на пол.

— Ступай, ступай.— Жрица вытянула ногу и пнула его розовой пяткой.

Изнуренный любовник замычал и на четвереньках пополз в коридор. Туда же через занавеску полетела его одежда. Конан укоризненно покачал головой — надо же было довести человека до такого состояния.

Ласково погладив Пролазу по бедру, Мелинда произнесла:

— Туса, давай начнем парами, без затей, а уж там...

— Послушай, Мелинда, мы ведь к тебе по делу,— не без раздражения произнесла Саба.

Мелинда перевела на нее карие с поволокой глаза и разочарованно протянула:

— Жа-аль. А я думала, это паломники.

— Они со мной.

— По-моему, они и со мной не откажутся.— Она ущипнула Пролазу за колено, которое торчало из большой прорехи в штанине. Тот захихикал.

— Помнишь, ты мне обещала погадать? — спросила Саба.

— Пожалуйста, в любое время.— Холеная женская ладонь уверенно заползла в прореху и двинулась вверх по бедру Пролазы. Он осклабился и вытаращил от удовольствия глаза.

— Да пожалей ты его,— проворчала Саба.— У него и так голова болит.

— Брунда,— ухмыльнулась Мелинда.— Лучшего лекарства от мигрени, чем *это дело*, еще не придумано. Голову я ему вылечу, а вот насчет всего остального...

— Мелинда! Мне срочно нужна твоя помощь. А потом можешь делать с ним все, что захочешь.

С недовольным вздохом жрица отпустила Пролазу, встала и подошла к круглому столику красного дерева, заставленному всевозможными шкатулками и склянками.

— Мы ищем божка, который обитал в ониксовой статуе. Статуя разбилась, божок взъялся на нас, и сейчас его голос звучит у нас в головах. Он грозит нас убить. Ты можешь его найти?

Мелинда повернулась к ней и горделиво подбоченилась.

— Нет ничего невозможного для жрицы, которая однажды нашла молодого красивого любовника для старой, хромой, одноглазой и горбатой нищенки.

«Хочется верить»,— Конан усмехнулся.

Мелинда ненадолго призадумалась.

— Без колдовства тут не обойтись. Для ритуала не помешала бы пара-тройка девственников, но в Шадизаре их днем с огнем не сыщешь, а сейчас уже за полночь. Придется обойтись подручными средствами. Туса, иди-ка сюда.

Саба приблизилась к любвеобильной жрице и села на кровать, Мелинда положила руки ей на голову, лицо ее стало торжественно-серьезным. Не отрывая рук от Сабы, она начала переступать с ноги на ногу, задвигала коленями и задом, затрясла грудью. Это был танец — дикарский, примитивный до неприличия, но жрица отдавалась ему со всей страстью, хотя при этом не сходила с места и не произносила ни звука.

Кожа ее покрылась потом, глаза закатились, язык то и дело высовывался изо рта и снова прятался, облизав губы. Конан вдруг ощутил сильный зуд внизу живота; покосившись на Пролазу, он обнаружил, что тот зачарованно тянется к задку Мелинды и неуклюже повторяет ее движения. Конан посмотрел на столик. Над позолоченной чашей, стоявшей на нем, вился парок. Он подошел ближе, наклонился. На вид — самая обыкновенная вода. Внезапно ее гладь заиграла красками, на ней замелькали человеческие силуэты.

— Это же храм Иштара! — удивленно воскликнул Пролаза, когда Конан схватил его за руку и подтащил к столику.— Бывал я там, доводилось.

Они рассмотрели огромную, во всю стену, бронзовую статую Иштар. Грозная богиня сидела верхом на чудовище с острыми кривыми рогами, клыкастой пастью и раскинутыми крыльями. Морда чудовища появилась в чаше крупным планом. Взгляд выпученных глаз зверя казался осмысленным, чудилось, из глотки вот-вот вырвется свирепый рык. «Ну, этих двоих я уже знаю, а ты кто такой? — зазвучал в голове Конана чужой голос. — А-а, наемник Ахамура! Глупец! Ты хоть понимаешь, с кем связался? На что ты надеешься, недолговечный?»

Киммериец настолько опешил, что не успел ответить. Изображение растаяло, зазвучал стон. Конан обернулся к Мелинде. Она стояла, прижимая ладони к потной груди, и часто, шумно дышала.

— Кто это был? — глухо спросила Саба.

Измученная жрица рухнула на кровать. Теперь она выглядела ничуть не лучше только что выгнанного ею любовника.

— Урук, — хрипло ответила Мелинда, как только слегка перевела дух. — Небесный бык богини Иштар. Мне не доводилось слышать о чудесах в ее храме, но из этого вовсе не следует, что богиня его не посещает. Ваш приятель вселился в первого попавшегося идола — им оказался Урук. Это форменное посягательство на чужие права. — Мелинда показала пальцем вверх. — У них за такие дела по головке не гладят.

— Ониксовый мог вселиться в статую богини, — рассудительно произнес Конан, — но, очевидно, не рискнул.

— Скорее всего, так и было, — подтвердила Мелинда. — Урук — божество третьей руки, возможно, того же ранга, что и ваш приятель. А Иштар — богиня известная и очень могущественная. У нее много статуй в разных городах, и у быка их хватает, но боги никогда по своей воле не делятся престижем. Держу пари на ночь восторгов с любым из вас, да хоть со всеми тремя, — добавила неукротимая жрица, — что очень скоро Ониксового выгонят в шею из чужого тела, и ему придется подыскивать себе новое пристанище.

ГЛАВА 5. Бык, гладиатор, василиск

Конан шел впереди, на шаг от него отставала Саба, за ними семенил Пролаза.

— Эй, да что вы так торопитесь? — спросил он громким шепотом. — Тут на цыпочках идти надо, до логова Пуза рукой подать. Лезем на рожон...

— Знаешь, что я думаю, — сказала Конану Саба, пропустив мимо ушей слова Пролазы. — Идола мы разбили совсем недалеко от храма Иштар. Видно, потеряв тело, он с перепугу залез в первую попавшуюся статую, и теперь ему там очень беспокойно, потому что она принадлежит не ему. Сдается мне, не так уж и силен наш общий друг. Угрожать мастак, а как дойдет до дела...

— Если так оно и есть, можно считать, нам повезло, — произнес Конан. — Мы с ним без труда договоримся.

На небольшой площади перед храмом сидело и лежало десятка полтора нищих. Конан поднял одного из них за шиворот, легонько встряхнул для остротки.

— По какому поводу сборище, достопочтенный? Нищий испуганно заморгал.

— Ждем открытия храма. Тут подлинные чудеса творятся, неужто вы еще не слышали? Урук человеческим голосом заговорил. Я своими ушами слышал, как он обещал бедных сделать богатыми, увечных здоровыми, тверезых пьяными...

— Понятно. — Конан разжал пальцы, и нищий мешком осел на мостовую. — Ониксовый набирает паству. Рисковый парень. Ох, чует мое сердце, возьмется за него Иштар.

— ...Дураков хитрыми,— бубнил нищий,— трусливых наглыми...

— На рассвете сюда народ валом повалит,— уверенно сказал Пролаза, кивком указывая на попрошайку.— Милостыни будет вволю. Прячься! — воскликнул он вдруг.

С противоположного конца площади к ним вразвалочку направлялись пятеро или шестеро оборванцев дюжего телосложения, каждый при мече или дубине. Конан взялся за рукоять меча, но благоразумная Саба потянула его за рукав — стычка с ночными грабителями рядом с домом Пуза была чревата осложнениями. Их быстрое отступление в ближайший переулок лишь ободрило бандитов, которые с глухими возгласами пустились в погоню.

— Надо от них избавиться по-тихому,— торопливо прошептал Конан.— Придется нам разойтись. Встречаемся у двери в храм.

Пролаза было запротестовал, но Саба заставила его умолкнуть, двинув кулаком в бок. Бандиты уже приблизились и перешли на шаг. Только рослый и широкоплечий Конан с длинным мечом на бедре внушал им опасения; у его спутников они не заметили оружия.

Саба и Пролаза одновременно бросились вправо и влево от Конана и скрылись в закоулках. Киммериец повернулся и бросился бежать. За его спиной звучал частый топот. Оглянувшись, он увидел, что шайка разделилась, но большая ее часть — трое самых крепких бандитов — преследует его. Он мог без труда убежать от них, но это не входило в его план. За ближайшим поворотом он остановился и вынул меч.

Бандиты, преследовавшие его, ожидали схватки, но не резни. Стремительный и свирепый, как пантера, северянин застиг их врасплох, никому не дал шанса скрестить с ним оружие. Он обрушился на них беззвучным ураганом, трижды молниеносно повернулся кругом, держа меч в вытянутых руках, а затем хладнокровно опустился на корточки возле ближайшего мертвеца и вытер клинок о его одежду. И, не глядя на убитых, пошел обратно к площади.

Он задержался на том месте, где расстался со своими спутниками. Огляделся по сторонам и негромко свистнул. Ответом ему было молчание. Решив, что Пролаза и Саба, если остались живы, сразу направились к храму Иштар, он спрятал меч в ножны и пошел на площадь.

Они ждали его у входа. Саба ухмылялась, Пролаза нервно посмеивался. У светловолосой женщины край подола был в темных пятнах, тщедушный вор зажимал тряпкой неглубокую рану на левом предплечье.

Конан с облегчением вздохнул.

— Теперь можно и в храм,— сказала Саба.— Грехи замаливать.

— Без стенобитной машины? — Конан указал на тяжелую, обитую медью стрельчатую дверь. Наверняка она была заперта изнутри на несколько засовов.

— Не беспокойся.— В полумраке блеснули зубы Пролазы.— Пока я на задворках с тем оборванцем в прятки играл, кое-что заприметил. Пошли.

Поплутав на захламленном заднем дворе, они отыскивали труп бандита с умело перерезанным горлом — Пролазе он служил ориентиром. Одна из клетей справа от покойника находилась как раз под чердачным окном. Конану не составило труда забраться на крышу клетки, оттуда он протянул руку Сабе, а затем помог забраться Пролазе.

— Саба, становись ему на плечи,— скомандовал немец.— А я залезу на тебя.

— Ты? — возмутилась молодая женщина.— Залезешь на меня? Только в розовых мечтах!

— Тьфу ты! — осерчал Пролаза.— Я же не в этом смысле. Успокойся, в моих розовых мечтах нынче только Мелинда.

Стоя на плечах кряхтящей от натуги и ругающейся Сабы, он ковырял ножом оконную раму. Ожерелье из отмычек, с которым Пролаза никогда не расставался, на этот раз ему не понадобилось. Затем, извиваясь ужом, он полез в окошко и надолго скрылся с глаз. Когда Саба заявила, что терпение у нее лопнуло, сейчас она на все плюнет и пойдет домой, сверху ей на голову свалилась толстая пыльная веревка.

С чердака они по крутой узкой лестнице спустились на хоры. Конан поминал вполголоса Крома, то и дело увязая в паутине, спотыкаясь о вещи, которые, на его взгляд, не могли иметь никакого отношения к храму. Наконец они увидели медное изваяние — Иштар, сидящую верхом на крылатом чудовище с бычьей головой. Бросались в глаза огромные гениталии быка и столь же непомерной величины груди и живот Иштар — они символизировали плодородие.

— А, явился,— прозвучал в голове Конана сварливый голос.— Ты уже знаешь, что эта парочка сделала с моим любимым телом? Сколько себя помню, я обитал в благородном медовом ониксе, а теперь по их вине вынужден ютиться в этой кастрюле. Знаешь, почему они до сих пор живы? Я еще не придумал казни, которой они достойны. Головная боль — это цветочки, клянусь рогами этого чудища. Да ты хоть представляешь себе, недолговечный, что значит не иметь собственного тела? Жалкий человечешко, тебе не вообразить даже крошечной толики моего смятения. Верни мне мое тело! — заорал он вдруг, и Конану показалось, будто храм наполнился медным гулом. Саба и Пролаза одновременно вскрикнули и скорчились от боли.

— Я был таким счастливым,— пожаловался Урук.— Жизнь казалась волшебной сказкой, я никому не желал зла. Пузо меня слушался беспрекословно, исполнял любое мое желание. Но он меня предал! — снова перешел на крик Ониксовый.— И скоро поплатится за это! И эти два червяка, которых ты привел с собой, и та глупая усатая шемитка! Что это у меня внизу?

Конан сообразил, что Ониксовый имеет в виду громадный детородный орган быка.

— Такая же штука болтается между ног у Пуза, он гордится ею больше, чем своими куриными мозгами. За чем это нужно богу, ответь, человечешка! — Это был крик души.— Верните мне мое тело!

— Послушай, Ониксовый,— сказал Конан,— если я возвращу тебе тело или раздобуду точно такое же, ты останешься в покое Пузо и моих друзей?

— Шемитка и маленький вор твои друзья? — спросил Ониксовый после недолгих раздумий.— И девка тоже?

— Да,— ответил Конан.

— Девку я в покое не оставлю,— сказал Ониксовый.— Она мне нужна.

— Для чего,— удивился Конан.

— Я хочу, чтобы ее принесли мне в жертву. Она меня ненавидит, я это чувствую. Да, пусть будет так. Верни мне ониксовое тело, убей предателя Пузо и намажь мой лоб кровью белокурой танцовщицы. Если выполнишь эти три задания, останешься жив. На рассвете в храме соберется много верующих. Они хотят чуда и получают его — я буду говорить с ними. Пообещаю все, что ни захотят, а взамен потребую, чтобы они расправились с моими врагами. Пони-маешь, к чему я клоню, киммериец? У тебя и так земля горит под ногами, как тебе нравится мысль, что, кроме бандитов Пуза и слуг ростовщика, за тобой будут охотиться сотни религиозных фанатиков? Учти, от Пуза и Губара спрятаться можно, но тот меня — нигде.

«Кажется, на этот раз я влип»,— обреченно подумал Конан.

Он потянул к лестнице стонающих спутников.

— Пошли на свежий воздух. Здесь нам больше делать нечего.

— А кстати, как Урук отнесся к твоему вселению? — обернулся Конан к медному быку уже на хорах.

— Какой еще Урук? — мрачно отозвался Ониксовый.— Не знаю я никакого Урука.

Они вернулись на чердак и по веревке спустились в грязный двор.

— Ну, я пошла.— Саба шагнула в сторону.

— Эй, куда это ты собралась? — Конан поймал ее за рукав.

— Домой. К питонам, барабанам и кадуцеям.

— Бесполезно. От Ониксового под старушечьей личной не спрячешься. Нет, мы поступим по-другому. Надо собрать по кускам его тело, лишь тогда у нас появится шанс.

— Ага, и принести меня в жертву этой медной кастрюле,— добавила Саба,— и сразиться с тысячью головорезов Пуза и фанатиков Иштар.

— Если мы восстановим его тело,— увещающе произнес Конан,— и покажем его Ониксовому, и пригрозим снова разбить, если не согласится на наши условия, он наверняка дрогнет.— Киммериец повернулся к Пролазе.— Сейчас же дуй в лавчонку, где продал свою часть идола. Хоть выкупи, хоть укради, хоть глотку хозяину перережь, но чтобы утром камни были у Сабы. Там и встретимся.

— Я иду с тобой,— сказал он Сабе.— Мне надо выпаться, чует мое сердце, завтра будет трудный день.

— Ну, ты шустрый! — с притворным недовольством протянула Саба, но видно было, что в ее голове созрел какой-то план.— А ты чего зенки вылупил? — набросилась она на Пролазу, который все еще стоял рядом. — Сказано тебе — дуй, вот и дуй.

— Я тоже с вами,— заныл Пролаза.— Меня Мелинда ждет.

— Ничего, подождет,— усмехнулся Конан.— Небось не соскучится. Гляди, Пролаза, если утром не увижу твоих камешков, к Мелинде наведаться ты уже никогда не захочешь.

Пролаза испуганно ойкнул и скрылся в темноте.

Обратный путь прошел без приключений. Но в храме кадуцеев, в камерке Сабы, их обоих ждал сюрприз — на кровати лежал покрытый страшными синяками, но улыбающийся во сне молодой циркач.

— Фефим! — изумился Конан.— Как ты здесь оказался?

Жонглер открыл глаза, обескровленные губы растянулись шире. Конан вопросительно посмотрел на Сабу.

— Он сам мне эту нору подыскал по старой дружбе,— объяснила девушка.— Кадуцей — бабники, каких свет не видывал, но язык за зубами держать умеют.

— К тому же они мои друзья и прекрасные лекари,— добавил Фефим.— Я ведь сюда на карачках еле приполз, не верил, что выживу. Маагр, подонок, ножом прямо в сердце бил, да я успел чуток повернуться, лезвие о ребро задело и

вкось прошло. Потом меня ногами попинали да разок другой дубинкой по ребрам стукнули. Ничего, кадуцей говорят, заживет, как на собаке. У них во всех лекарствах змеинный яд содержится, хочешь верь, хочешь...

— Придется втроем тут спать,— перебила Саба.— Впрочем, если кто хочет заглянуть в храм Деркэто...

Намек повис в воздухе — усталый Конан и полуживой Фефим охотней разделили бы ложе с огнедышащим драконом, чем с неистовыми жрицами страсти. Во сне Саба стонала и ворочалась — ей досаждал Ониксовый. Его голос звучал и в голове у Конана, хоть и не сопровождался болью. «Они разбили мое тело,— ныло сверхъестественное существо,— мое прекрасное драгоценное тело. Верни мне мое тело, киммериец. Выполни три условия и останешься жив. И даже займешь место Пуза, если согласишься во всем меня слушаться. О, мое тело, мое любимое тело...»

Когда они проснулись, солнце сияло вовсю. Конан отменно выспался и прекрасно себя чувствовал. У Сабы кожа приобрела нездоровый цвет, но все-таки выглядела гораздо лучше, чем лицо Фефима, которое казалось одним сплошным кровоподтеком.

— А что, Фефим,— сказал Конан,— не заглянуть ли мне сегодня в твой цирк?

Жонглер сокрушенно вздохнул.

— Маагр снова превратил его в скотобойню. Кадуцей рассказывали, вчера вечером по всему городу глашатаи вопили, что нынче состоится представление, как в «старые добрые времена». Снова будут поединки с медведями, бои гладиаторов и ставки на победителя.

— Я вчера ничего такого не слышал,— сказал Конан.— Слишком занят был. Надо же, совсем отстал от жизни. Ну ничего, сегодня догоню.

— Что тебе там делать? — удивился Фефим.

— Хочу поискать Дориду, нашу старую знакомую. Ночью, когда мы сюда возвращались, Саба кое-что про нее рассказала. Дорида — баба храбрая и сильная, но не шибко умная, и очень любит биться об заклад. Обычно она с хлеба

на воду перебивается, но если удастся сорвать куш, быстро его проигрывает.

— Это точно, — кивнул Фефим. — Когда до меня в цирке Маагр хозяйничал, я ее там часто видел. Случалось ей и на арене подраться.

— Если Дорида еще не сбыла свою часть оникса, — продолжал Конан, — я ее уговорю, чтобы отдала.

Фефим уже знал со слов Сабы и Конана, что в его несчастьях косвенно виноват каменный идол с одного из вилайетских островов. Он дотронулся до саднящей раны, поморщился и сказал:

— Саба, ты оставайся здесь, жди Пролазу. А я пойду с Конаном. Потолкую со своими ребятами, как бы заплатить Маагру должок.

— Если он тебя узнает, — предупредила Саба, — на этот раз живым не уйдешь.

Фефим хмыкнул и подсел к зеркалу.

— Где тут твоя косметика?

На глазах у Конана и Сабы произошло чудо — циркач превратился в деревенского парня с жидкой бороденкой, прической под горшок и глупейшим выражением на лице. Саба ненадолго отлучилась и принесла ему маскарадный костюм — рваные холщовые штаны, не очень чистую домотканую рубаху и старые деревянные башмаки. Судя по остаткам красного лака, их трудный и долгий жизненный путь начинался с сельской ярмарки.

— У Мелинды много шмотья скопилось, — пояснила Саба. — Приходят к ней в штанах, а уходят...

Фефим переоделся. Башмаки оказались впору, зато штаны и рубаха чересчур коротки, но кто на улице будет приглядываться к какому-то простолыдину? Саба переводила пристальный взгляд с Конана на Фефима и обратно. Она напряженно думала, время от времени хватаясь за виски.

— Мы пошли, — сказал Фефим. — Пожелай нам удачи.

— Удачи, — с натянутой улыбкой отозвалась Саба.

Путь был неблизок, но Конан и Фефим не боялись опоздать на дневное представление. На улицах Шадизара

кипела жизнь, и чуть ли не на всех перекрестках зазывалы Маагра надрывали глотки. «Спешите в знаменитый цирк Маагра! Сегодня — после долгого перерыва — незабываемое зрелище! Кто любит острые ощущения, получит их с лихвой! Человек в смертельном поединке с диким зверем! Только у нас! Спешите, спешите! Принимаются любые ставки! За один день цирк сделает вас богачом!»

В этот день цирк манил уже не мам с детишками, а дюжих молодых людей, искателей приключений. Кому-то сегодня повезет, и он выиграет целое состояние, другой может запросто потерять накопленное за годы, а кто-то, наверное, распрощается с жизнью.

Конан не слишком задумывался о переменчивости фортуны. Его вела вполне определенная цель. Во-первых, он хотел поквитаться с мерзавцем, который отделал его, когда он был в шкуре медведя. Во-вторых, у Фефима отобрали цирк, принадлежавший ему по праву. В трудную минуту Фефим выручил его — долг платежом красен. И в-третьих, надо найти Дориду. То и дело им попадались бандиты Пуза, и Конан радовался, что рядом с ним нет Пролазы или Сабы. У него на глазах двое крепышей заломили руки рыжеволосой долговой женщины, которая вполне годилась Сабе в матери, и в один миг затащили ее в переулок, — только корзина со снедью, которую выронила бедняжка, осталась на мостовой. Фефима бандиты не узнавали, а Конана провожали колючими взорами, но не приближались. Несомненно, Пузо запретил его трогать до особого распоряжения.

Народ валом валил в цирк, зазывалы у входа едва успевали продавать и отбирать билеты. Конан пробился к порогу, по мере возможности защищая Фефима от напористых шадизарцев, которые награждали друг друга тумакми, орали и протягивали серебряные монеты — стоимость билета в цирк с возвращением Маагра поднялась в несколько раз. Конан тоже расплатился и наконец оказался в душном полумраке. Не оглядываясь на Фефима, даже виду не подавая, что знаком с ним, он спустился к арене и занял место в четвертом ряду. Фефим сел в пятом за его спиной, чуть сбоку.

Вскоре громкая музыка возвестила о начале представления, с бессвязной приветственной речью к зрителям обратился Маагр, а затем на арену выпустили двух огромных диких кабанов. Вместе со шквалом аплодисментов на них обрушился полуголый гандерландец по имени Сагранапил, специально, по словам Маагра, покинувший свою суровую родину, «чтобы принять участие в нашем изысканном представлении». Гандерландец, внешне очень похожий на своих щетинистых противников, виртуозно владел секирой, и «изысканное представление» очень быстро свелось к обычному забойю скота. Чтобы не разочаровывать публику, Сагранапил артистически вошел в раж и с помощью все той же секиры играючи освеживал кабанов, а затем ловко разделал туши.

С ног до головы перепачканный кровью, он под оглушительный туш удалился с арены, а Маагр занял его место, чтобы объявить следующий номер.

— Кровь на арене! — вопил он. — Смерть на арене!

С настоящим бурым медведем вышел сразиться один из телохранителей Пуза, жестокий и алчный. Конан сразу его узнал.

— Делайте ставки! — визгливо кричал Маагр. — Звериная сила против человеческого ума! Первобытная хитрость против современного боевого искусства!

На человеке были кожаные доспехи, оружием ему служил короткий кинжал; медведю перед схваткой на передние лапы надели тяжелые стальные рукавицы с прямыми трехгранными когтями. К тому же зверь был в полтора раза выше своего противника, и, похоже, его давно не кормили.

Телохранитель Пуза ловко уворачивался и умело работал кинжалом, но не так-то просто убить громадного разъяренного зверя. Истекая кровью, медведь махнул лапой, зацепил когтями голову своего врага, и бородатая щека превратилась в страшные лохмотья. Человек с воем отпрянул, медведь кинулся следом, упав на четвереньки, и получил сокрушительный удар кинжалом под левую лопатку. Но его громадные клыки уже сомкнулись на обнаженной лодыжке гладиатора; зрители на нижних рядах услышали треск разгрызаемой кости. За ним последовал истошный

воплъ. Околевающий зверь всей своей тяжестью придавил к песку арены изувеченного противника. В последний раз поднялась и опустилась могучая лапа в стальной рукавице, и вопль оборвался — у человека был раскрыт череп.

Публика недовольно загомонила — впрочем, без особого возмущения. На этот раз все, кто делал ставки, остались с носом, выиграло только заведение, но зрелище того стоило. Конан перевел взгляд на Маагра, тот трясся от смеха и возбужденно потирал ладони. Он был в родной стихии.

Конан обернулся к Фефиму и шепнул:

— Демон с ним, с Маагром, он свое еще получит. Ищи Дорида.

Он снова и снова окидывал взглядом зрительный зал, но нигде не замечал рослой шемитки. В конце концов он смирился с мыслью, что только зря потерял время. Бой с медведем пробудил неприятные воспоминания, и Конан сомневался, что досидит до конца представления. Между тем Маагр вышел на арену, уже прибранную и посыпанную свежим песком, чтобы объявить следующий поединок. Публика притихла.

— А сейчас, — закричал старик, — гвоздь нашей программы. — непобедимый и беспощадный Якфик, лучший охотник своего свирепого и дикого племени, гладиатор по призванию, покоритель наших кровожадных сердец! Вчера в смертельном поединке он получил серьезную рану, но это не укротило отчаянного смельчака! Он рвется в бой, он вожделеет сырого мяса, он рычит от нетерпения и злобы! Тот из вас, кто рискнет сразиться с ним и выйдет из боя победителем, получит двадцать золотых монет!

Музыка грянула с удвоенной силой — на арене появился Якфик, вчерашний противник Конана. Выглядел он не лучшим образом. Короткая толстая шея пряталась под грязным окровавленным тряпичным жгутом, отчего казалось, будто голова растет прямо из плеч. Маленькие тусклые глазки неподвижно смотрели под ноги, на лице застыла унылая гримаса. Он едва переставлял ноги, и в его облике не было и сотой доли той свирепости, которую ему приписывал Маагр. Конан без труда разгадал нехитрый

трику. Рана Якфика не так уж и серьезна, он нарочно прикидывается полуживым, соблазняя драчливых, но не слишком уверенных в себе зрителей попытать счастья. Скорее всего, своим болезненным обликом Якфик обязан не столько удару Конана, сколько умелым рукам циркового гримера. Сейчас рискованные зрители будут выходить на арену один за другим, рассчитывая на легкую победу, — и умирать. И с каждой победой Якфика все выше будут подниматься ставки. До тех пор, предположил Конан, пока не исчезнут желающие ставить на его противника. И тогда на него поставит хитрец Маагр, у которого наверняка припасен боец — не чета Якфику. Он выйдет на арену свежий, полный сил и без труда расправится с измотанным фаворитом. И Якфик так и не узнает, что его гибель была предопределена и что он, польстившись на пригоршню золота, подарил Маагру целое состояние.

Конан неторопливо встал.

— Конан, не смей, — взмолился Фетим. — Сейчас не время. Вдруг он тебя прикончит? Ты не смотри, что он такой квелый, они с Маагром нарочно...

— Я знаю, — не оборачиваясь, буркнул киммериец.

Конан спустился к арене и одним высоким прыжком одолел решетчатый барьер.

— Ну, здравствуй, охотничек, — произнес он с усмешкой.

Якфик сдул черную прядь волос, упавшую на лоб, глухо выругался и потянул меч из ножен.

— Конан?! — тихо воскликнул за его спиной растерявшийся Маагр. — Что ты здесь делаешь?

— Хочу маленько подзаработать, — невинным тоном ответил киммериец.

Как он и предполагал, гибель Якфика в первом же поединке никоим образом не входила в планы алчного старика.

— Сейчас не время. — Сам о том не подозревая, Маагр слово в слово повторил предостережение Фетима. — А вдруг он тебя прикончит? Или забыл, что у тебя сейчас важная работа? Я все Пузу расскажу...

— Маагр, — с упреком в голосе произнес Конан, — не томи народ.

Публика и впрямь уже начала волноваться. Обведя ряды растерянным взором, Маагр понял, что положение у него безвыходное, и с фальшивой бодростью в голосе объявил:

— Против Якфика — непобедимый Конан из Киммерии.

Переждав гром аплодисментов, Конан посмотрел Якфику в глаза и криво улыбнулся.

— Вчера ты назвал меня косматым чучелом, — холодно произнес он. — По-моему, ты это сделал напрасно.

* * *

Публика ликовала. Большинство зрителей, впечатленные уверенностью и силой, которые сквозили в каждом движении Конана, поставили на него. И не прогадали.

Служители схватили мертвеца за ноги и уволокли с арены, Конан направился к барьеру, но тут Маагр закричал во всю силу легких:

— Представление продолжается! Кто сразится с Конаном, лучшим гладиатором Шадизара? Победителю — тридцать золотых!

— Драться больше не буду, — громко заявил Конан.

— Смотрите, Конан испугался! — завопил Маагр. — Он еще не видел противника, но уже сомневается в себе! Кто же так напугал грозного Конана! Скорее выйди к нам, незнакомец! Мы ждем тебя, затаив дыхание!

Конан выругался про себя. Из зала доносились язвительные возгласы и смешки.

— Маагр, — зло бросил он старику, — ты что, умом тронулся? Забыл, что у меня важное дело? Если я погибну по твоей вине, Пузо с тебя живого шкуру сдерет.

Но предостережение не образумило старика. Видимо, ненависть и алчность помрачили его рассудок.

— Конан испугался женщины! — заверещал Маагр.

Из-за кулис на арену неторопливо вышла хмурая женщина богатырского сложения. При виде нее Конан чуть не застонал от отчаяния. Маагр захохотал.

— Не правда ли, она настоящая красавица?

Услышав этот комплимент, угловатая тяжелорукая шемитка раздраженно сплюнула. Одежду ей заменяли доспехи из кожи и стали, голова была непокрыта, волосы стянуты в «конский хвост» на затылке. Редкие усы над маленькими, всегда поджатыми губами придавали мрачности ее облику. Она слегка кивнула Конану, давая понять, что узнала его, но не произнесла ни слова.

— Ее зовут Дорида, — сообщил Маагр, — и те из вас, кто бывал в моем цирке в старые добрые времена, помнят славные поединки, из которых она всегда выходила победительницей. Южанка Дорида — превосходный боец на мечах, стоит ли удивляться, что бывалые воины трепещут, когда слышат ее имя?

— Я не буду драться, — твердо повторил Конан.

Маагр зашелся хохотом.

— Смотрите-ка, наш победитель дрожит за свою шкуру! Конан приблизился к Дориде и тихо произнес:

— Мы не должны драться.

— Почему? — равнодушно спросила Дорида.

— Я пришел сюда, потому что искал тебя. Мне нужна твоя помощь. Я все знаю про Ониксового.

Дорида несколько мгновений думала, потом проворчала:

— Маагр тоже знает, что я участвовала в краже идола. Пронюхал, когда я пыталась сбыть добычу. Я у него в руках, если откажусь драться на этой арене, он меня выдаст Пузу.

— Почтеннейшая публика, глядите! — надрывал голосовые связки Маагр. — Могучий Конан из Киммерии струсил впервые в жизни! Он испугался женщины, и это случилось в моем цирке! Сегодня об этом узнает весь Шадизар, а завтра — вся Замора!

— Видишь? — спросила Дорида Конана. — У нас нет выхода.

— Ошибаешься, — уверенно возразил Конан. — Подожди, я все улажу.

Он направился к Маагру.

— Ну так что, киммериец, — спросил, ухмыляясь, старик, — все-таки надумал сразиться с моим бойцом?

— Ладно, Маагр, твоя взяла, — с притворной покорностью сказал Конан. — Я буду обещен, если откажусь сражаться. Поэтому мне сейчас придется убить Дориду.

— Или сдохнуть самому! — Маагр захихикал.

— Не думаю, что у меня меньше шансов на победу, чем у нее. Но в любом случае, кто-нибудь из нас умрет. Вот только интересно, как на это посмотрит Пузо?

— А при чем тут Пузо? — Маагр насторожился. — Когда я тебя отговаривал от поединка с Якфиком, разве ты думал о том, что скажет Пузо?

— А сейчас думаю. — Конан ухмыльнулся. — Пузо поручил мне важную работу, и теперь, выходит, я ее не выполню. Как ты думаешь, с кого он за это спросит? А если погибнет Дорида, он тоже не придет в восторг.

— Это почему же? — Маагр спрашивал беззаботным тоном, но в глазах мелькнула опаска.

— Не прикидывайся, будто не знаешь. Дорида украла то, что принадлежит Пузу. Он поручил мне разыскать ее и доставить к нему целой и невредимой. Потому-то я и пришел в твой цирк — мне шепнули, что ты прячешь воровку. Так оно и вышло. Как видишь, с Якфиком я сразился не только для того, чтобы отдать должок. Надо было выманить Дориду. Я обвел тебя вокруг пальца, как последнего олуха.

Маагр позеленел от страха, челюсть отвисла, зрачки расширились.

— Не надейся спрятать концы в воду, старый прохвост, — добивал его Конан. — Кто бы из нас ни погиб в этом поединке, Пузо сразу узнает всю правду и тупым ножом разрежет тебя на кусочки. Я все предусмотрел и, прежде чем идти сюда, объяснил помощникам, что делать в случае моей смерти.

От страха и бессильной злобы Маагр покрылся холодным потом. Конан выжидающе смотрел на старика, а того била крупная дрожь. Наконец Маагр грязно выпругался и отвернулся.

— А сейчас — наш прославленный номер! Битва зверей! Под градом возмущенных воплей Конан подошел к Дориде, решительно взял за руку и увел с арены.

* * *

Возле выхода из цирка Конан резко свернул в коридор и жестом поманил за собой спутников. Они остановились в полумраке, прислушались. Никто не шел за ними следом. Представление было в самом разгаре.

— Веди в зверинец, — сказал Конан Фефиму.

Звери встретили их рычанием и шипением. Обиталище рогохвостого василиска располагалось между клетками хорайянских гепардов и кешанских человекообразных обезьян — очень шумных и беспокойных тварей с огромными клыками, налитыми кровью глазами и густой черной шерстью по всему телу. Василиск с подозрением уставился на непрошенных гостей, раскрыл змеиную пасть с ядовитыми зубами и выпустил раздвоенный язык; его чешуйчатый хвост нервно ерзал по полу.

— И как ты ухитрилась спрятать камни в его клетке? — Конан с уважением посмотрел на Дориду.

— Мне сказали, что он любит зеленых гусениц, — коротко ответила шемитка.

— Большинство зверей мы покупаем детенышами, — пояснил Фефим, — и стараемся найти подход к каждому. Внимательно наблюдаем за ними, изучаем повадки, привычки. Если бросить в клетку василиска горсть зеленых гусениц, он позабудет обо всем на свете, пока не съест последнюю. — Фефим подошел к клетке с кешанскими гориллами. — Проще всего поладить с обезьянами, иногда бывает достаточно вежливого обращения. Друзья, я вас умоляю, ведите себя потише, — без тени насмешки сказал он косматым монстрам. Обезьяны притихли, словно и впрямь поняли просьбу жонглера.

Конан с интересом разглядывал василиска. Помимо хвоста с гроздьё острых когтей на конце и ядовитых зубов в пасти ящер имел сильные лапы и небольшие кожистые крылья. Вряд ли они позволяли летать, но, возможно, смяг-

чали падение с большой высоты. От Фефима Конан узнал, что этот маленький дракон попал в Замору из далекого таинственного Кхитая; даже там василиски считаются редкостью. В неволе они не размножаются, самки откладывают яйца только под сенью густых и влажных тропических лесов, на развалинах древних городов. По слухам, когда-то предки этих рептилий были разумны и служили властителям тех городов верными и послушными стражниками.

— Если бы не безумная любовь к зеленым гусеницам, — сказал Фефим, — василиски и сейчас были бы лучшими сторожами на свете. Кому придет в голову лезть в клетку к такой твари?

— Значит, дело только за гусеницами. — Конан огляделся по сторонам. — Что-то я ни одной тут не вижу.

Дорида молча сняла с пояса кошелек, развязала его и вытряхнула на ладонь дюжину упитанных волосатых гусениц.

— Решила на всякий случай при себе запас держать, — хмуро объяснила она. — Они дохнут быстро, пришлось нанять мальчишку из цирковых, чтобы каждый день новых добывал.

Гусеницы полетели в клетку. Знакомый взмах человеческой руки привлек внимание рептилии. Чудовищная тварь бросилась в угол и застыла как вкопанная, склонив чешуйчатую голову к полу. Коричневый раздвоенный язык выныривал и снова исчезал, одну за другой унося гусениц в пасть.

В движениях шемитки не было ничего лишнего. Она беззвучно отворила дверцу клетки, на цыпочках перебежала к противоположной стенке, упала на колени и разгребла землю руками. И, прижимая к груди объемистый узелок, выскочила из клетки.

— Готово! — Дорида вытерла ладонью вспотевший лоб.

— Ты уверена? — Конан с невеселой улыбкой глядел в клетку. Посреди нее на полу валялся обломок ониксовой статуэтки — маленькая желтая кисть с растопыренными пальцами.

— Проклятье! — Дорида слегка трянула узелок, и еще два-три обломка Ониксового вывалились из прорехи. — Дура криворукая! — обругала она себя.

— Гусеницы остались? — деловито спросил Фефим.

Шемитка торопливо вывернула наизнанку кошелек.

— Ни одной.

Конан неохотно взялся за меч.

— Кажется, нашему зеленому другу сегодня не повезло.

Фефим удержал его за предплечье.

— погоди. У меня есть идея получше.

Он распахнул дверцу и спокойно вошел в клетку. Василиск резко изогнул шею и зашипел. Фефим громко зацокал языком.

Конан не заметил, как его меч выскользнул из ножен. Он схватился за дверцу и потянул на себя, но Фефим протестующе замахал на него рукой.

— Не вмешивайся. Я знаю, что делаю.

Василиск прыгнул к нему и застыл на задних лапах. Успокаивающе цокая, Фефим позволил липкому языку коснуться его руки; в следующее мгновение дракон утратил к нему всякий интерес. Жонглер подобрал с пола обломок Ониксового и неспешно вышел из клетки.

— Я каждый день приносил ему гусениц, — ухмыляясь, произнес Фефим. — Он меня считает кем-то вроде родной мамашки.

— Мог бы сразу предупредить, — проворчала Дорида.

— Ты почти не рисковала. Он совсем старый и очень плохо видит, к тому же у него давным-давно вырваны ядовитые зубы. Разве мальчишка, которого ты наняла, не сказал об этом? — Глядя в изумленное лицо Дорида, жонглер расхохотался. — На то и цирк, чтобы разыгрывать слишком доверчивых.

ГЛАВА 6. Вор, горбунья, пленник

В тот день Пролаза проснулся поздно — сказала трудная ночь и беспробудное пьянство последних дней, а главное, впервые с тех пор, как он разбил мстительного идола, головная боль оставила его в покое. При свете дня убогая комнатенка своим видом вызывала тошноту. Пролаза попытался восстановить в уме события минувшей ночи, но тут в его голове зазвучал голос Ониксового.

— Недолговечный, я дал тебе выпастись. Оценил? Тебе предстоит важное дело, к тому же я сегодня добр. — Действительно, в «голосе» божка не было обычного раздражения и злости. — Мне принесли в жертву упитанного барашка, — поделился радостью Ониксовый. — Я испытываю прилив сил. Приятно, когда тебя любят и уважают. И все-таки я жду не дождусь, когда почувствую на своем лбу кровь наглой девки. И когда возвращусь в мое любимое тело. А теперь... — зловец добавил он и умолк.

Пролаза схватился за голову и рухнул на кровать.

— О, Бел! — запричитал немедиец. — Да это страшнее любого похмелья!

— Это тебе за то, что разбил мое драгоценное тело, — сказала жестокое божество. — А сейчас принимайся за работу.

Боль утихла, и Пролаза вспомнил поручение, которое дал ему Конан. Надо выкупить обломки идола. Выкупить? Немедиец мрачно усмехнулся. Да где это видано, чтобы он, Пролаза, что-то покупал? Для тех, кто молится богу воров

Белу, это смертный грех. Пролаза просто берет, что ему нравится, и делает ноги.

Он пораскинул мозгами. Леивон, лавочник, которому он продал свою часть Ониксового, имеет привычку заглядывать по утрам в таверну «Все радости рая», чтобы пропустить кружку-другую дешевого вина и поболтать с хозяином.

В этот час лавка обычно пустует. Вроде бы и неудобно красть у друга детства, который вдобавок щедро заплатил за оникс, но... впервой, что ли? Да и кому, как не Пролазе, знать, что на самом деле эти камни стоят в десять раз дороже? «Нажиться на мне хотел, кровосос! Я тут из-за пригоршни монет такие пытки терплю, а он сидит и в ус не дует! Ни тебе риска, ни бессонных ночей,— знай гребни денежки лопатой!» Распалив таким образом праведный гнев в душе, Пролаза вышел на задний двор.

Решив на всякий случай прихватить с собой деньги, он нашел за грудой отбросов крысиную нору и запустил в нее руку. Тяжелый сверток с золотыми монетами лежал на месте.

Как он и ожидал, лавка оказалась на запоре. Но он знал, что на задний двор выходит крошечное оконце. Тому, кого по заслугам зовут Пролазой, оно вполне способно послужить дверью. Никем не замеченный, вор обогнул дом, с кошачьей ловкостью залез на старую колючую сливу и по сухой скрипучей ветке добрался до окна.

В лавке было душно и пыльно, и пахло ветхостью. Наспех пошарив по полкам, немедиец нырнул под прилавок, где, как он знал, хранились сундуки, запиравшиеся на ключ. Сняв с шеи ожерелье из отмычек, Пролаза одолел замок выбранного наугад сундука и нашел большой кожаный кошелек с обломками идола. Когда он опускал крышку, на лестнице раздались тяжелые шаги, и в лавку спустилась Хафранида — жена Леивона. Ее появление застигло Пролазу врасплох — совсем недавно Леивон хвастал при нем, что выгнал из дому «эту подлую свинью с осиным жалом на вонючем языке». Неужели «любящие супруги» успели помириться?

Хафранида и в девичестве не считалась первой красавицей Шадизара, а замужем за Леивоном раздалась вширь настолько, что тело ее теперь походило на грушу. Она непрестанно пыхтела, будто любое движение давалось ей ценой огромного труда.

— Проклятый греховодник,— раздраженно бубнила Хафранида,— и куда только додумался запрятать кубышку? Уж я-то знаю, что денег у него куры не клюют. Пусть я жирная уродина, пусть от меня всегда воняет, пусть мое место в канаве, но это мои деньги, моими потом и кровью нажитые! Кто вел хозяйство, пока этот пьяница и прелюбодей шляется по кабакам и домам терпимости? — Хафранида заглядывала во все горшки подряд, рылась в ларях, простукивала стены и половицы. Похоже, она несколько не опасалась, что в любой момент в лавку может вернуться хозяин и задать ей трепку. Напрасно Пролаза, затаивший дыхание под прилавком, ждал, когда она уйдет. Хафранида то и дело наклонялась самым неграциозным образом, показывая Пролазе грязные дряблые ляжки. Наконец она опустила на четвереньки, залезла под стойку и столкнулась с немедийцем нос к носу.

— Помнишь, Хафранида, как мы вдвоем любовались закатом? — проникновенно осведомился вор. — Как ласкали друг друга под сенью деревьев в ночной прохладе? Я узнал, что ты больше не жена Леивону, и пришел за тобой, как обещал.

Хафранида ойкнула от неожиданности.

— Но это было двенадцать лет назад! — воскликнула она.

— Но я же поклялся любить тебя вечно,— не растерялся Пролаза.

— Да, поклялся — чтобы затащить под сень деревьев,— прошипела Хафранида. — А потом только тебя и видели. Сдается мне, ты не за мной пришел, а за моими деньгами.

— Ну что ты, милая. — Пролаза укоризненно покачал головой. — Неужто забыла, как хорошо нам было вместе?

Клянусь милостью Бела, я люблю тебя и обещаю любить еще много раз. Только не кричи.

Взор Хафраниды затуманился, в ней боролись два чувства — похоть и жадность. Очень скоро жадность одержала чистую победу.

— Караул! — завопила она. — Помогите! Грабят, обдирают как липку, отнимают последний грош! Держи вора!

Пролаза вскочил на ноги, ушибив голову о прилавок, и кинулся к двери. Тяжеловесная Хафранида топала сзади и оглашала лавку истошными воплями. Рывком отодвинув засов, немедиец распахнул дверь, занес ногу над крыльцом, но в этот момент короткопалая пятерня сгребла его ворот.

— Помогите! — заверещала Хафранида, словно не она поймала вора, а он ее. — Убивают!

Пролаза не заметил, как оказался на коленях. Хафранида крикнула, припечатывая жирный кулак к уху бывшего любовника. Тот, пискнув от страха и боли, наугад ударил кошельком с камнями, рванулся изо всех сил и кубарем скатился по крыльцу, оставив в руках разъяренной жены лавочника почти треть рубахи. Задний двор Пролаза пересек на четвереньках — Хафранида буквально наступала ему на пятки и любую попытку встать беспощадно пресекала могучими пинками.

Только за хлипкой калиткой щуплый немедиец получил простор для маневра. «Надо же было так влипнуть! — клял он на бегу свое невезение. — Теперь толстуха растрезвонит обо мне по всей округе. Так и с Леивоном поспорить недолго». Последняя мысль вызвала у него улыбку. Помириться с Леивоном будет нетрудно — он все простит бывшему другу детства, когда тот опять явится к нему сбывать краденое. Дело превыше всего. Но это случится еще не скоро, а сейчас Леивон будет рвать и метать. Обязательно кого-нибудь наймет, чтобы вытряс душу из Пролазы. Так что в таверну «Все радости рая» пока лучше не возвращаться. Какой он все-таки умница, что прихватил с собой деньги! Теперь придется искать другое логово, отсиживаться... А может, бросить все и податься куда глаза глядят? Оставить воровской промысел, зажить честно. Нет,

подумал он печально. Чему не бывать, тому не бывать. Для праведной жизни он недостаточно богат. Вдобавок, идол не отпустит. Да, этот изверг на краю света достанет.

«Пожалуй, — решил он, — сейчас лучше не мудрить, а отнести камешки Конану. И побыть у него на подхвате до поры до времени. Рядом с ним как-то спокойнее. Да, так и сделаю. А там жизнь что-нибудь присоветует».

Он шел самой короткой дорогой к храму кадуцеев. Близился полдень, скоро должна была начаться молитва, так что Пролаза надеялся застать Сабу у себя. При мысли о Сабе взор его мечтательно затуманился, поэтому он едва не наскочил на Леивона, который изрядно навеселе возвращался в лавку из таверны.

— Привет, Леивон, — бросил ему Пролаза, не укорачивая шага. — Прощай и прости.

Леивон икнул и проводил его озадаченным взглядом.

* * *

Погруженная в тоскливые раздумья, Саба сидела перед зеркалом. «Да, я красива, — говорила она себе. — Но красота гораздо чаще приносит беду, чем благополучие. В этом я уже тысячу раз убедилась на собственном горьком опыте. И сейчас... эти огромные зеленые глаза и чудесные золотые волосы разве спасут меня от заклятия на алтаре проклятого медного рогоносца? Конану и Пролазе наверняка своя шкура дороже, ФEFим еле жив от ран и побоев, а больше надеяться не на кого».

— Не на кого, красавица, не на кого, — эхом откликнулся в ее голове Ониксовый. — С твоим прекрасным телом поступят подобно тому, как ты поступила с моим, ибо такова моя воля.

— Все меня бросили, — пожаловалась Саба вслух, — только ты, злой бездушный истукан, не даешь покоя.

— Барашек был хорош, красавица, но я жду тебя. И дня не пройдет, как тебя погубят те, кого ты считаешь своими друзьями. Со мной тоже так было. Ахамур уверял, что любит меня. Клялся пуще собственного глаза беречь мое тело. И где оно теперь? — Вспомнив о своем теле,

Ониксовый, как всегда, тотчас пришел в неистовство и обрушил на Сабу волну головной боли. — Верните мое тело! Прекрасное ониковое тело!

— Заткнись! — Саба ударила себя по голове черепаховым гребнем, но от этого ей ничуть не полегчало.

«На мужчин надеяться не стоит, — подумала Саба, когда боль отпустила. — Только на собственные силы. Помнится, жрицы Деркато рассказывали про одного известного мага, который изгоняет злых демонов. Возможно, этот могучий волшебник за хорошую плату избавит меня от Ониксового. Мне все равно, что он сделает с этим противным божком, лишь бы остаться живой. Пускай он заточит Ониксового в какой-нибудь сосуд или... — Ее взгляд скользнул по полкам и остановился на статуэтке Бела, бога воров. — ...Или в эту фигурку. Избавиться от нее будет гораздо проще, чем от огромного медного Урука. Зарою его поглубже в землю, или брошу в морскую пучину, или найму бродягу, чтобы унес статуэтку подальше от Шадизара, туда, где Ониксовому будет не до меня. Короче говоря, что-нибудь придумаю, или колдун даст дельный совет. И для этого вовсе незачем ждать, когда будет восстановлен ониковый идол. Вот только хватит ли у меня денег, чтобы расплатиться с магом?

Ничего, — решила она. — Красота — тоже товар. Правда, я его берегу на черный день, но похоже, этот день уже настал».

Она почувствовала, как за спиной шелохнулась занавеска, и обернулась.

— А, Пролаза, — рассеянно сказала она. — Ну, что тебе?

— Как это — что тебе? — опешил Пролаза. — Мы же договорились. Я принес свою часть идола.

— Выкупил у лавочника? — равнодушно поинтересовалась Саба, поворачиваясь к зеркалу и принимаясь гребнем пушить золотистую челку.

— Выкупил? Ты шутишь? — Пролаза гордо выпятил грудь. — Может, и не такой удалец, как Конан, но свое ремесло знаю.

— Что верно, то верно, ты вор, каких поискать, — подтвердила Саба, и Пролаза гордо расправил грудь — он обо-

жал похвалу. — Стало быть, и камешки добыл, и денежки сберег. Кстати, ты их, случайно, с собой не прихватил?

— А что? — Пролаза насторожился, но рука, непроизвольно скользнувшая за пазуху, выдала его.

Саба снова отвернулась к зеркалу.

— Да ничего, какое мне дело. — Она широко улыбнулась, глядя на отражение Пролазы. — Может, ты есть хочешь?

Пролаза неопределенно пожал плечами и вдруг почувствовал волчий аппетит. Несколько дней кряду он почти ничего не ел — вино притупляло голод. За минувшую ночь он полностью протрезвел, однако подкрепиться так и не удосужился.

— Мне просто интересно, зачем нужны деньги человеку с твоим подходом к жизни, — сказала Саба, вставая и накрывая на стол. — Все, что понравится, можно украсть. Правда, на что тебе деньги?

— Пускай лежат, целее будут, — уклончиво ответил Пролаза.

— Скучный ты человек. — Из сундука Саба достала копченый окорок, черствые лепешки и блюдо с фруктами; кувшин вина и горшочек янтарного меда уже стояли на столе. Водрузив рядом с ними два оловянных кубка, она вкрадчиво произнесла: — Я-то думала, все воры мечтают стать такими, как Пузо. Иметь породистых лошадей, дворецкого, садовника. Жить в роскоши, требовать, чтобы тебя называли «твоя светлость», повелевать судьбами. — Саба мечтательно улыбнулась и подняла очи горе. — Все-таки как это здорово, когда для тебя не существует несбыточных желаний.

Она обняла за плечи Пролазу и усадила на скамью.

— На кой демон мне все это надо? — неуверенно сказал немедиец, намазывая лепешку медом и сглатывая слюнки. — Держать полный дом дармоедов, решать за всех. Нет уж, пусть у них самих головы болят. — Случайное упоминание о головной боли заставило его поморщиться. — Мне и так скучать не приходится.

Саба разлила вино по кубкам и присела рядом, соблазнительно закинув ногу на ногу.

— Выпьем за удачу,— предложила она.— И чтоб голова не болела.

Не сводя глаз с длинных ног Сабы, Пролаза выпил до дна. Саба лишь пригубила вино. Затем она одним движением скинула с себя халат, подняла его поясок и взяла с постели небольшую подушку. Пролаза следил за ее действиями, раскрыв от изумления рот.

— Привяжи-ка мне ее к спине.

— Это еще зачем?

— Потому что я так хочу.— Саба раздраженно топнула ногой.— Ну же, быстрее! Пока я не передумала.

— А-а, понял! — Щуплый немедиец просиял и подмигнул обнаженной блондинке.— Ты, наверное, хочешь показать мне новый способ любви. Тебя жрицы Деркэто научили?

Саба прыснула.

— Нет, кадуцей. Они чему хочешь научат.

Пояском халата Пролаза притянул к ее спине подушку. Затем его ладони решительно соскользнули на ее бедра, но Саба рывком высвободилась.

— Дурак! С чего ты возомнил, что я хочу быть твоей?

— Но ты же...— Пролаза раскрыл рот от удивления.

Саба напялила поверх подушки черное платье-балахон, приладила огромный горбатый нос, под ним приклеила небольшие усы, надела всклокоченный седой парик. На глазах у немедийца она превратилась в отвратительную старуху-горбунью.

— Ты, голубшик, пошла пока,— прошамкала она,— а я по делам иббегаю.

— Поспать? — Пролаза зевнул.— Но я совсем не хочу спать.— И тут он понял, что проваливается в сон, глаза неудержимо слипались.— Проклятая ведьма! Чем ты меня отравила!

— Не бойша, голубшик, не помрешь,— пообещала Саба.

«Да я и впрямь дурак,— подумал Пролаза, растягиваясь на полу.— Эх, плакали мои денежки!»

Саба сняла с него обрывки грязной рубахи. К телу вора был привязан довольно тяжелый сверток. Золото! Саба

улыбнулась. Теперь ей вполне хватит денег, чтобы расплатиться с колдуном. Перед тем как уйти, она окинула презрительным взглядом распластанного на полу Пролазу.

— Вот и Пузо точно так же валялся у моих ног,— произнесла она вслух.— Два сапога пара, всего-то и разницы между вами, что один вор, а другой бандит.— Прихватив статуэтку Бела, она заковыляла к выходу.

* * *

Глаза старика метали молнии, обрюзгшее красное лицо то и дело кривилось от ярости. Но, как только двое гориллоподобных бандитов втолкнули в комнату ФEFИМА и встали обочь двери, гримаса бешенства сменилась зловещей ухмылкой.

— Попался, жонглериска! — процедил он сквозь зубы.— Вчера тебе посчастливилось остаться в живых, зачем же ты, глупец, снова пришел сюда? Неужели надеялся, что я, старый циркач, не узнаю тебя под личиной деревенского дурня? Но теперь ты мне кровью заплатишь за срыв представления.

— Тебе? — изобразил недоумение ФEFИМ.— А я полагал, это мой цирк.

— Со вчерашнего дня он не твой. Ты не оправдал моих надежд, жонглер. Я тебе доверил процветающее заведение, а ты его превратил в нищую богадельню. Считай, что я выкупил у тебя цирк.

ФEFИМ отрицательно покачал головой.

— Тебе это не по карману, Маагр. И не надейся, что я подпишу купчую, испугавшись твоих угроз. Ты нарушаешь закон, и я подам жалобу...

Маагр расхохотался.

— Кому? Всесильному Митре? У него полно дел и без тебя. А с властями я договорюсь без труда. В Шадизаре только один настоящий властитель — его сиятельство Деньги. Заруби это на своем носу, фигляр. В этом городе у меня полно влиятельных друзей, и они не допустят, чтобы в таком доходном заведении, как мой цирк, глупые мамы утирали сопли плаксивым детям.

— У меня тоже есть друзья.

— Это кто же? — Маагр презрительно выпятил нижнюю губу. — Конан? Всех остальных твоих друзей я в шею выгнал из цирка, сейчас, наверное, они кланчат милостыню возле храмов. Кстати, объясни, что тебя свело с Конаном? Еще вчера я охотился за этим варваром, с большим трудом поймал его и доставил к Пузу, а сегодня он как ни в чем не бывало рассказывает по городу в твоей компании! И что ему понадобилось в клетке василиска?

Маагр выжидающе смотрел Фефиму в глаза. Тот молчал.

— Мои люди следили за вами, пока ты не расстался с Конаном и Доридой. Куда они пошли? Где вы договорились встретиться? Ответь, Фефим, — вкрадчиво проговорил Маагр. — Хотя бы из уважения к моим сединам.

Не дождавшись ответа, он кивнул одному из бандитов.

— Ильяз, попробуй его убедить, что старших надо слушаться.

Смутлолицый телохранитель Маагра ослабил и шагнул к Фефиму.

— Слышал, что сказал дедушка? — весело спросил он, и у Маагра свет померк в глазах от сокрушительного удара. Из расквашенных губ потекла кровь.

— Что тебя связывает с Конаном? — спросил Маагр, с ненавистью глядя на жонглера. — Зачем ему понадобилась Дорида? Что было спрятано в клетке василиска?

Смуглый здоровяк отвел ногу и пнул Фефима носком сапога под колено. А затем всадил кулак в живот. Маагр захихикал.

— Ильяз любит свою работу. Он никогда не торопится прикончить жертву. Обязательно растягивает удовольствие.

Впрочем, довольно скоро Маагр понял, что даже Ильяз, при всей его любви к своему жестокому ремеслу, не всемогущ. Пленник явно вознамерился умереть, но не выдать своих тайн ни под какими пытками. Глядя, как он содрогается под шквалом ударов, Маагр вдруг поймал себя на том, что не испытывает душевного подъема. Нет, ему мало видеть, как испустит дух этот жонглирешка. Сначала надо

сломить его волю, вырвать у него тайну. Добиться, чтобы он предал своих друзей.

Внезапно у старика родилась идея.

«Отведу-ка я его к Губару, — решил он. — У ростовщика гораздо больше опыта в таких делах. Фефим его старый должник, и Губар, наверняка, обрадуется встрече. К тому же, чует мое сердце, Конан только на словах служит Пузу, а на самом деле ведет двойную игру. Если мы с Губаром получим доказательства и представим их Пузу, дерзкому киммерийцу не сносить головы».

* * *

Те же здоровяки, что избили Фефима до полусмерти, принесли таз с водой, умыли и перевязали жонглера. Затем схватили его под руки и выволокли из цирка. Позади семенил Маагр. При виде покрытого синяками пленника в изорванной и окровавленной одежде прохожие неодобрительно качали головами, но не слишком удивлялись — в Шадизаре такое зрелище никому не было в диковинку. Многие из них узнавали Фефима, но немногие верили, что он выйдет живым из этой переделки.

Маагр остановил первую попавшуюся повозку. Ею оказалась боевая колесница городской стражи, совершавшая регулярный объезд центральных кварталов. За серебряную монету трое блюстителей порядка, в недалеком прошлом заурядные уличные бандиты, охотно попрыгали на мостовую и уже в пешем порядке решительно атаковали ближайшую таверну. На колеснице остался только ездовой. Дожидаясь, пока Маагр и его присные погрузят бесчувственное тело Фефима и усядутся сами, он проводил соратников завистливым взглядом и хлестнул рысаков вожжами.

Обитые медью широкие колеса оглушительно гремели на булыжной мостовой. Этим же путем Маагр тащился пешком более суток назад. Брел, птаясь от похмелья и не имея за душой ничего, кроме смутных надежд. А теперь он снова хозяин цирка, и отборные костоломы из личной стражи Губара подчиняются ему беспрекословно. «С ростовщи-

ком надо быть повежливее», — напомнил себе Маагр, опасливо косясь на своих подручных.

Губар был в загородном особняке, играл сам с собой в старинную настольную игру под названием шахматы. По слухам, она родилась где-то на востоке еще во времена Кула, царя атлантов. Шахматы считались игрой мудрецов и аристократов, в некоторых странах людям из низших сословий было запрещено прикасаться к ним под страхом смерти. Губар с самого утра сидел над доской, настроение у него было премерзкое; хитроумные комбинации ходов рассыпались, едва успев сложиться. Почему-то на месте короля Губар то и дело представлял Пузо, а сам себе казался даже не фигурой, а всего лишь пешкой, которой позволено ходить только вперед и только на одну клетку. Ему, едва ли не самому богатому ростовщику Шадизара!

«Ничего, — мрачно сказал себе Паквид Губар. — Пешка становится ферзем, когда добирается до противоположного края доски. А ферзя король боится, как чумы».

Паквид поднял глаза. В гостиную вошел бритоголовый слуга.

— Господин, пришел старик, который был здесь вчера. Говорит, у него для тебя приятный сюрприз.

Губар недовольно пожевал губами и проворчал:

— Ненавижу сюрпризы. Больше всего на свете я люблю предсказуемость, Маагру пора давно намотать это на ус. Веди сюда старого пьянчугу.

Широкая спина слуги на миг застыла в дверном проеме и исчезла. Через некоторое время худосочный неопрятный старик втолкнул в гостиную пленника со связанными за спиной руками. Следом вошли двое верзил.

Губар окинул Фефима недоумевающим взглядом.

— Значит, он еще жив? Зачем ты его привел, Маагр? Кажется, мы с тобой давно решили его судьбу. Ты что, старый клоун, из ума выжил, что повадился беспокоить меня по пустякам? Хочешь навсегда распрощаться с цирком?

Маагр втянул голову в плечи.

— Не сердись, Губар. Он, конечно, умрет, но сначала должен кое-что нам рассказать. Он замешан в каких-то

темных делишках Конана, и я решил, что нам с тобой не мешает узнать о них. Они вместе побывали у меня в цирке, что-то искали в зверинце.

При упоминании о Конане Губар смягчился.

— Вот как? Пожалуй, это и впрямь любопытно. — Ростовщик внимательно посмотрел на Фефима. — Похоже, ты уже пробовал выколлотить из него правду. И что, не добился успеха?

Маагр кивнул, и Губар задумался. До сих пор он считал, что знает, для чего Пузу понадобился Конан. Чтобы найти божка, который чем-то прогневал злопамятного главаря шадизарского преступного клана. Возможно, тогда в беседке Пузо открыл ему далеко не всю правду. Губар давным-давно усвоил золотое правило, что о врагах надо знать как можно больше. Пузо не то что враг, но и другом его не назовешь. Кто знает, на что способен таинственный божок? А вдруг пешке с его помощью удастся попасть в ферзи?

Его размышления прервал неуверенный голос Маагра:

— Я подумал, может, ты сам захочешь потолковать со старым знакомым?

— Ладно, плут. Ступай. Можешь считать, что угодил.

Губар склонился над шахматной доской и решительно атаковал белой пешкой черную ладью, подставляя под удар коня.

— Гм... И это что же, вся благодарность? — Маагр не спешил уходить.

Губар нахмурился. По роду профессии ему часто приходилось расставаться с деньгами, но он никогда не приходил от этого в восторг. Однако ссориться с Маагром не резон. У старика настоящая деловая хватка, но ему остро необходимы подъемные, чтобы цирк в самом ближайшем будущем начал приносить прибыль.

— Пятьсот золотых монет на один месяц, — буркнул он. — Без процентов. Скажи моему казначею, он выдаст.

Губар отвернулся, давая понять, что разговор окончен. Маагр неопределенно хмыкнул и направился к выходу. Впрочем, старик был доволен — на большее он и не рассчитывал.

ГЛАВА 7. Маг, евнух, союзник

Путь Сабы лежал через центр города. Тут и там на глаза попадались знакомые физиономии жуликов, сутенеров и убийц самого разного пошиба.

Вон сидит на углу, праздно жуя яблоко, знаменитый кулачный боец Пехас, напротив него шушукается о чем-то с приятелями непревзойденный карманник Цап, еще дальше по улице упитанная шлюха Богиня хмуро и хищно высматривает среди прохожих прилично одетых мужчин, а ее громадный, сильный и спокойный, как верблюд, сутенер по кличке Слепень разинул щербатый рот в могучем зевке.

Никого из них Саба не опасалась. Она всегда работала одна, стараясь держаться подальше от таких ненадежных компаний, как воровские и бандитские шайки, поэтому мало кто в городе знал ее в лицо. А сейчас, в обличье старой горбуны, ей и вовсе ничто не грозило. Выдать ее могли только светлые волосы, потому что своим людям Пузо велел искать блондинку, но на голове Сабы сидел безобразный седой парик, который она предусмотрительно смазала жиром, чтобы космы казались грязными.

Прихрамывая, она подошла к Слепню и игриво подмигнула.

— Ну что, кабанчик, пошалим?

Цап окинул горбатую грязнулю взглядом, исполненным омерзения, и дал ей такого пинка, что Саба отлетела в сторону.

— Не хочешь — не надо, — уступчиво произнесла Саба и заковыляла прочь, потирая ушибленное место и давая себе клятву впредь воздерживаться от рискованных шуток, тем более «в образе», как говорят артисты.

Месса, известный всей Заморе предсказатель, магистр черной магии и, по слухам, тайный жрец Сета, жил в самом богатом квартале Шадизара. Его двухэтажный дом из темно-серого камня, напоминающий древний замок, нагонял страх даже на отчаянных храбрецов. Высокая бронзовая решетка, покрытая черной патиной, огораживала двор, который зарос неухоженной зеленью. Поговаривали, что этот двор охраняют ядовитые разумные змеи, прячущиеся в высокой траве. Ворота никогда не запирались, напротив, днем и ночью были распахнуты настежь, словно приглашали всех желающих приобщиться к таинствам волшебства. Но желающих находилось немного. Об этом доме и о самом Мессе ходили самые жуткие слухи. Поговаривали, что его мана огромна, но использует ее он только во зло, только во имя Сета и только за очень большую плату. Поэтому клиентами Мессы были в основном влиятельные и беспринципные люди, богачи, желающие во что бы то ни стало насолить своим конкурентам и личным врагам. Как правило, после визита к Мессе клиент держал рот на замке и тайну общения с ним уносил в могилу.

Но на сей раз ворота оказались затворены. Саба толкнула створку, и петли жалобно скрипнули, наводя на мысль, что последний гость побывал в этом доме очень давно. Прихрамывая, Саба пошла по гравиевой дорожке, внимательно глядя под ноги, но так и не увидела ни одной змеи. Однако ее не оставляло ощущение, будто за ней наблюдают несколько пар глаз. Но напрасно она озиралась по сторонам. Запущенный сад выглядел совершенно пустым. Небольшой пруд возле тропинки зарос тиной, несколько крупных желтых кувшинок едва оживляли пейзаж. Саба подошла к дому, который при ближайшем рассмотрении оказался очень ветхим, поднялась на каменное крыльцо и постучала в дверь. Никто не отозвался. Тогда она взялась за дверную ручку. Снова раздался скрип петель. Она сту-

пила в сумрачный коридор, из его глубины повеяло холодом, хотя на улице стояла нещадная летняя жара. Саба увидела несколько дверей, которые вели в комнаты нижнего этажа. Она подергала двери за ручки, но они не поддавались — видимо, были заперты на ключ или засов.

— Есть тут кто-нибудь? — осведомилась Саба срывающимся голосом. И чуть было не добавила «живой» — коридор с его полумраком и холодом очень напоминал склеп. Эхо повторило ее вопрос, ответа же не последовало. Саба медленно двинулась вверх по широкой деревянной лестнице с высокими перилами. Она всегда считала себя смелой, но тут заметила, что у нее трясутся поджилки и пересохло во рту.

— Магистр Месса! — позвала она. — Где вы?

Отворив ближайшую дверь, Саба шагнула в проем и оказалась в просторном полутемном зале. И оцепенела от неожиданности и страха. На фоне зашторенного окна выделялся злоедающий силуэт. Высокий человек в черном плаще до пят стоял к ней спиной, длинные черные с проседью волосы спадали на плечи. Но не облик его был грозен, а некая невидимая сила, исходившая из него и заполнявшая зал. Мана, догадалась Саба. Значит, правду говорят, что мана настоящих волшебников, целиком отдавших себя постижению законов магии, в буквальном смысле осязаема.

Маг не шевелился, даже, казалось, не дышал, погруженный в абсолютный покой, который не имел ничего общего с покоем статуи или бездействующего автомата. Гораздо больше это напоминало летаргический сон смертоносной рептилии, переживающей зиму в своей норе. Или покой айсберга, веками дрейфующего в северных морях, терпеливо ждущего своего часа, чтобы проломить днище купеческой галеры или пиратского драккара.

«Целыми днями он стоит вот так у окна и глядит в щель между занавесками на прохожих. Разум его отдыхает, тело впитывает и накапливает энегрию, нисходящую с небес, а память запечатлевает все увиденное. И никому из проходящих случайно под этим окном невдомек, что его

облик, поведение, а может быть, и мысли уже утонули в глубине безбрежного и безмятежного сознания черного мага, и когда-нибудь, возможно, они всплывут на поверхность и послужат целям, которые, скорее всего, не будут иметь ничего общего с целями этого случайного прохожего».

Конечно, это была всего лишь догадка, но из-за нее по груди Сабы побежала струйка холодного пота.

— Ты не та, за кого себя выдаешь, — глухим голосом произнес Месса. — Что за дурацкий маскарад? Как ты посмела явиться ко мне в таком виде?

Колдун повернулся к Сабе и вперил в нее грозный взгляд.

— Прости, великий магистр, — подобострастно сказала она. — К тебе это не имеет никакого отношения. У меня много врагов, и они меня ищут; чтобы добраться до твоего дома, я была вынуждена переодеться нищенкой.

— Все, что происходит в моем доме, имеет ко мне отношение, — раздраженно проговорил Месса. — Мой тебе совет, женщина: никогда не шути с магами. Если кто-нибудь из них захочет в ответ пошутить с тобой, результат может оказаться плачевным. Признаюсь, я сейчас едва одолел соблазн превратить тебя в старую горбатую каргу.

Саба почувствовала, что подушка у нее на спине намокла от пота. Магистр величавым жестом указал ей на кресло с высокой спинкой и уселся в точно такое же кресло напротив.

— Насколько я понимаю, ты пришла по важному делу и не с пустыми руками.

Саба нерешительно опустилась в кресло в двух шагах от Мессы. Лицо его по-прежнему оставалось в тени, но желтоватые глаза светились, и Саба почти физически ощущала угрозу и холод, исходящие от них.

— Ты очень волнуешься, — сказал Месса. — А ну-ка, сними маскарадный костюм, я хочу видеть, какова ты на самом деле.

Саба нехотя сняла парик, отклеила усы, стянула через голову черный балахон. С пояском от халата пришлось повозиться, но наконец и подушка упала на пол. Месса бесстрастно смотрел на длинные золотистые волосы, рассы-

павшиеся по нагим плечам. После долгого молчания он сказал:

— Я видел тебя у кадуцеев. Ты танцовщица, женщина-змея. — Поразмыслив несколько мгновений, он спросил: — Почему кадуцей? Это слабая, малоизвестная и бедная секта. Они никудышные маги и посредственные лекари. Ты красивая и талантливая актриса, и заслуживаешь лучшей участи. Со змеями можно танцевать и в храме Сета.

Сабу передернуло — каких только ужасов не рассказывали о шадизарском храме Сета. Видимо, иной реакции Месса не ожидал, поскольку спросил гораздо миролюбивее:

— Какова твоя просьба?

Саба вновь уселась в кресло.

— Один злобный идол по кличке Ониксовый замыслил сжить меня со свету. Мы с друзьями случайно разбили его, и он поклялся отомстить. Сейчас его душа забралась в медного быка богини Иштар. Я хочу, чтобы ты его пересадил в эту статуэтку. — Она нагнулась за своим балахоном и достала из кармана изваяние Бела.

— Бел? — Голос мага вновь понизился до злого шепота. — Ты осмелилась принести Бела в дом, где не почитают никаких богов, кроме Сета?

— Я не поклоняюсь Белу, — испуганно пролепетала Саба. — Иначе разве бы попросила, чтобы в его статуэтку загоняли какого-то жалкого божка? Кого я должна была принести? Сета? Да за такую дерзость ты бы меня превратил в мокрицу и растер по полу каблуком.

Видимо, доводы Сабы убедили магистра — он неопределенно хмыкнул.

— У меня лишь одно желание — избавиться от проклятого идола. Мне все равно, куда ты его посадишь, в статую Бела или глиняный горшок. Спаси меня, и я щедро заплачу.

Месса согласно кивнул, видимо, он ничего не имел против денег. Саба достала из балахона два тяжелых кошелька с золотыми монетами — свой и Пролазин. Бледная рука с длинными нервными пальцами дважды протянулась к Сабе, и кошельки спрятались в складках мантии.

— Хорошо, я совершу ритуал, — сказал он. — Но клянись молчать до гроба обо всем, что здесь увидишь. Если проговоришься, я позабочусь о том, чтобы ты плясала в храме Сета, и никакие кадуцей тебя не спасут.

Ритуал выглядел совершенно невинно — никаких жертвоприношений, сложных заклинаний и манипуляций с амулетами, талисманами, фетишами и колдовскими снадобьями. Месса молча бродил по залу, иногда останавливался и делал неторопливые пассы. О статуэтке Бела он, казалось, начисто забыл. Потом он надолго устроился в кресле и как будто задремал.

Довольно скоро Саба предположила, что ее просто-напросто дурачат. «Почему он боится, что я проговорюсь? — недоумевала она. — О чем тут можно проговориться?» Ей случалось бывать у магов и гадалок, и те визиты были по меньшей мере впечатляющими... «Вот именно — впечатляющими, — сообразила она вдруг. — Маги и гадалки лезли из кожи вон, чтобы я не приняла их за шарлатанов. Чего только не вытворяли, каких только фокусов не показывали. А Месса незаметно делает свое дело и при этом не старается пустить пыль в глаза. Считает это ниже своего достоинства. Но все-таки он заботится о своей репутации, а она, как известно, складывается не только из того, что о себе думает маг, но и из того, что о нем говорят клиенты. А ведь они тоже ходят к шарлатанам — им есть с чем сравнивать. И они тоже разевают рты от изумления, когда Месса за огромные деньги бьет, как им кажется, баклуши. Вот об этом-то им и запрещено рассказывать под страхом жуткого наказания. О результате рассказывать можно, о процессе — ни-ни».

— Ты не только красива и талантлива, но еще и сообразительна, — произнес Месса, заставив Сабу вздрогнуть от неожиданности.

— Ты... прочел мои мысли? — спросила она, как только оправилась от растерянности.

— Я их читаю с того момента, когда ты надумала пойти ко мне. Это было правильное решение, такая сложная задача в этом городе по плечу только магистру Мессе. Но

прежде чем Ониксовый перейдет в твою статуэтку, я должен тебя кое о чем предупредить. Больше всего на свете он дорожит двумя вещами: своим телом и поклонением людей. Сейчас у него есть тело, к которому он мало-мальски привык, и есть многочисленная фанатичная паства, о которой раньше он даже мечтать не смел. Вряд ли стоит придавать значение его жалобам — боги, как известно, создания чрезвычайно капризные. Понимаешь, к чему я клоню, женщина? Новое тело может не понравиться Ониксовому. А если и понравится, это вовсе не значит, что он решит оставить тебя в покое. Кроме того, мои заклятия будут действительны, пока статуэтка цела и невредима. Твой злобный божок обладает огромным могуществом, об истинных размерах которого, возможно, он и сам не подозревает. И пусть он сам никогда не решится разрушить собственное тело, каким бы плохим оно ему ни казалось, он способен в слепом гневe сокрушить все вокруг. И если при этом статуэтка Бела пострадает, Ониксовый снова окажется на свободе.

— Надеюсь, — хрипло промолвила Саба, — к этому времени я уже успею от него избавиться.

— Я тебя предупредил. Слуги Сета уже разбужены, и сейчас Ониксовый будет здесь.

Статуэтка Бела стояла рядом с Сабой на низком столике резного эбенового дерева. Внезапно стены задрожали, в окно, не потревожив занавесок, ворвался голубоватый смерч и заметался по комнате. Все кругом расплылось, потеряло нормальные очертания, Сабу снова объял липкий страх, в голове вспыхнула привычная уже боль. Глаза неподвижно сидящего в кресле мага засветились алым, голубой смерч добрался до статуэтки, та подпрыгнула на столике, и Саба вдруг пришла в себя. По ее щекам струился ледяной пот. Месса сидел, уронив голову на грудь. Обряд экзорцизма отнял у него все силы.

— Я пойду? — спросила Саба, вставая.

Месса молчал. Саба шагнула вперед, склонилась над ним и поняла, что он жив, просто очень устал. В глубине ее души шевельнулось сочувствие.

— Иди, — ответил он наконец, — только не забывай мое предостережение. Раньше Ониксовый лишь ненавидел тебя, теперь же, когда ты стала хозяйкой его нового тела, он вдобавок тебя боится. Возможно, новое тело изменило его характер, возможно, ты сумеешь договориться с божком, найдешь к нему подход, и он будет о тебе заботиться, как о своем прежнем хозяине. Но лучше все-таки от него избавиться. — Силы возвращались к магу, он приподнял голову; глаза снова сияли желтым. — Почитай Сета, и он, возможно, защитит тебя. И помни: в любую минуту Бел может заявить о своих правах на эту статуэтку, и я не берусь предсказать, что тогда произойдет.

Статуэтка мирно стояла на столе. Ониксовый не подавал признаков жизни. Как будто ничего и не случилось. Саба торопливо надела балахон, нахлобучила парик; возиться с липовым горбом и усами не было времени. Торопливо сунув в карман статуэтку, она вышла из дома.

Понемногу ее отпустил страх, вернулось ощущение реальности. Домой возвращаться не хотелось, возможно, там ее поджидал разгневанный Пролаза, а к разговору с ним она еще не была готова. Ноги сами собой несли ее по шумной людной улице к базару. Все чаще по пути встречались попрошайки всех мастей — слепые, безногие, безумные, покрытые жуткими язвами. Уличные музыканты играли на самых диковинных инструментах, фокусники превращали медные монеты в разноцветных жуков, которые тут же разбегались, крупный попугай лупоглазой разряженной гадалки предсказывал судьбу, чередуя пророчества с площадной бранью, длинноволосый худощавый бретер с болезненной бледностью на лице прямо на мостовой давал урок фехтования толстому и неуклюжему купчику, трясущаяся от старости немедийка заговором лечила чирей на ноге бедному странствующему дворянину. В Шадизаре всегда хватало желающих заработать нетрадиционным способом.

Саба, предусмотрительно сберегшая пригоршню монет из кошелька Пролазы, вспомнила, что страшно голодна и хочет пить — с утра маковой росинки во рту не было. На

базаре, поторговавшись для приличия, она купила горячую пшеничную лепешку с шафраном, жареную гусиную грудку и кувшинчик слабого пива и отошла в тень раскидистого дерева, где уже сидели прямо на земле несколько мужчин и женщин и подкреплялись кто купленной, а кто украденной снедью. Никто из них не обратил внимания на седую нищенку, лишь молодому крепышу в неброской одежде ее лицо показалось знакомым. Может, и впрямь только показалось? Следя за старухой краем глаза, крепыш сдвинул на глаза соломенную шляпу и почесал бритый затылок.

«Где же я ее видел?»

* * *

Губар наслаждался покоем. В последние дни навалилась уйма хлопот, вдобавок ко всему прочему приходилось гоняться за Конаном и пресмыкаться перед Пузо. Он считал, что заслужил отдых. В целом дела шли неплохо, у Губара даже возникла мысль отправить на запад, в богатую Аквилонию, караван с шадизарскими товарами. Как всегда и везде, деньги делали деньги, но чем быстрее росло богатство Губара, тем беспокойнее было у него на душе. Увы, даже деньги не могли решить все проблемы на свете.

Все чаще он мечтал снискать уважение бандитов Шадизара. Но мечта эта даже ему самому казалась несбыточной. Для таких заправил преступного мира, как Пузо, он был всего лишь мальчишкой на побегушках. Но ведь Губар давно уже не мальчик, у него борода с проседью, лицо как печеное яблоко. И ростовщик из кожи вон лез, чтобы в высших кругах шадизарской знати его считали своим. Дабы не ударить перед аристократами лицом в грязь, он тратил огромные суммы. Построил и с роскошью обставил великолепный загородный особняк, обзавелся породистыми лошадьми и шикарной каретой. Последним его приобретением был... гарем. Да, ему по карману содержать четырех красавиц, и пусть лопнут глаза у завистников! Другое дело, что жены ему не нужны, он вообще не питает интереса к женщинам, но об этом никто и никогда не узнает. Пускай все думают, что он греховодник под стать Пузу. В Шадизаре

каждый мало-мальски уважающий себя аристократ имеет наложниц.

Пузо покачивался в гамаке под сенью высоких кустов жасмина. Кругом благоухали яркие цветы, а в небольшом пруду прямо перед ним плескались, точно русалки, четыре обнаженные женщины. Все они были молоды и красивы, и все принадлежали к разным народам. Жен для Губара подыскивал евнух Хаггари, не жалея денег на выкуп и в точности исполняя все указания хозяина, и в загородном особняке ростовщика поселилась смуглая крутобедрая вендийка, похожая на желтую кувшинку дочь Кхитая, черная как ночная мгла кушитка и некогда гордая рыжеволосая бритунка. Они были обречены провести остаток своих дней (в лучшем случае — остаток дней Губара) в этом столь же негостеприимном, сколь и богатом поместье; единственной их обязанностью было вызывать черную зависть у редких гостей. На ночь их запирали в павильоне, а днем выпускали в сад.

Прислуживал им евнух Хаггари — неописуемо жестокий, рано обрюзгший и женоподобный. В детстве его украли и тайно увезли в чужую страну жрица из некой изуверской секты. Эта жрица и ее сподвижницы видели свою святую миссию в том, чтобы оскотить всех мужчин на свете. Впоследствии жрицы переловили поодиночке и безжалостно умертвили, но перед тем они успели изувечить несколько десятков взрослых мужчин и без малого тысячу мальчиков. С тех пор к женщинам Хаггари относился, по словам Губара, «с некоторым закономерным предубеждением», а попросту говоря, боялся их, презирал и ненавидел и никогда не упускал случая отомстить им за свои давние страдания. Когда его мучительница, сделав свое черное дело, бросила маленького Хаггари на произвол судьбы, он едва не умер от голода, затем прибил к шайке малолетних грабителей и убийц и сразу проявил такую лютую жестокость, что устранил даже своих товарищей. Шайка рассеялась, Хаггари снова остался один и мыкался на шадизарских улицах, пока Губар не застал его за невиннейшим из любимых занятий — Хаггари распарывал живой кошке жи-

вот, чтобы зашить в нее живую мышь. Примечательно, что и кошка, и мышь были самками.

Узнав о беде мальчика, Губар решил, что такой человек в его гареме просто незаменим. Юному Хаггари было запрещено покидать владения Губара, да он и сам к этому не стремился, — на улицах Шадизара его ждали только насмешки. За верную службу ростовщик раз в месяц отдавал ему одну из своих жен на целую ночь. Хаггари мог делать с ней все, что захочет, не поощрялись только физические увечья. По меньшей мере четырежды в месяц из его каморки всю ночь напролет доносились истошные женские вопли. Но утром жизнь шла своим чередом, на теле жертвы не оставалось никаких следов пыток — Хаггари дорожил своим местом.

Губар считал, что безумный страх его жен перед злым евнухом — лучшая гарантия их повиновения. За любой проступок бедняжек карали внеочередной ночью в сторожке Хаггари. Когда к ростовщику наведывался с визитом знатный гость, красавиц наряжали в дорогие одежды и драгоценности; сразу после ухода гостя богатое убранство отправлялось в сундук до нового приема.

Убежать от Губара было практически невозможно, дом и сад были буквально напичканы смертоносными ловушками. Их было великое множество, и чуть ли не каждый день появлялись новые, еще более опасные и хитроумные; в памяти Губара уже не уместались местонахождение и принцип действия их всех. В последние дни он то и дело ловил себя на боязни посещать некоторые участки дома и сада. Что уж тут говорить о слугах! Каждому из них дозволялось знать только свой маршрут, малейшее отклонение от него (из любопытства или по расхлябанности) заканчивалось плачевно. Если бы ростовщик не заставлял своих слуг брить головы, у них бы, наверное, все время стояли дыбом волосы.

И все-таки Губару чего-то не хватало.

«Что означает в Шадизаре мое имя? — размышлял он, покачиваясь в гамаке. — У одних оно вызывает зависть, у других — страх, у третьих — любопытство. Но для влия-

тельных людей города я как был, так и остался мрачным уродливым кровососом, разбогатевшим до неприличия простолюдином. Когда же удача постучится в мои двери и вдобавок к деньгам подарит власть и достоинство?»

Встретившись взглядом с бритункой, Губар указательными пальцами изобразил в воздухе полуовал. Женщина знала, что это означает. Выбравшись из воды, она наполнила чашу охлажденным белым вином и семенящей раблепной походкой приблизилась к своему господину. И униженно опустилась перед ним на колени. Разглядывая бледное, почти не тронутое загаром лицо бритунки, Губар самодовольно улыбнулся. «Ну, и где же твои хваленые смелость и непреклонность, бритунская гордычка? — вопрошала его улыбка. — Должно быть, навсегда остались в сторожке Хаггари».

Он взял кубок и буркнул, не шевеля губами:

— Прочь.

«Предположим, я и в самом деле кровосос, урод и простолюдин, — подумал он, вмиг забыв о бритунке. — Но я ничем не хуже Пуза, сына шлюхи, воровского герцога. По крайней мере, я не настолько глуп, чтобы заводить себе врагов среди обитателей потустороннего мира. У меня и на земле хватает недругов. Хотелось бы знать, есть ли у Конана шанс выполнить поручение Пуза. А что, если... — Мысль была настолько страшна, что Губар покрылся потом, несмотря на жару. — А что, если все-таки рискнуть? Подружиться с идиолом? Заручиться его покровительством? Но для этого по меньшей мере надо знать об идоле все, что знает Конан. Конан! Ему поручено расправиться с божком, значит, я окажу божку услугу, если остановлю киммерийца. По словам Маагра, варвару помогал Фефим. Проклятый жонглер! Надо любой ценой вырвать у него правду. Может, поручить это евнуху? Будь на месте жонглера женщина, я бы не колебался, — подумал ростовщик. — Но с мужчинами Хаггари обращаться не умеет. Как и любой изверг, он черпает свои силы в слабости жертвы. Хладнокровие и стойкость Фефима могут вывести кастрата из себя, и тогда он запросто убьет пленника, не добившись от него признания. Нет, лучше воспользоваться проверенными метода-

ми. Не так уж много времени нужно, чтобы упрямец запел соловьем».

В этот момент дверь дома медленно отворилась, и в сад бесшумно выскользнул Хаггари. Сильно сутулясь, он направился напрямик к Губару.

— Ну, что тебе? — недовольно спросил Губар.

— На базаре поймана воровка Саба. Она здесь. — Хаггари застыл, дожидаясь распоряжений.

Губара разморило на жаре, заниматься делами не хотелось.

— Вознагради тех, кто поймал воровку, и давай ее сюда. Проведем с ней правоучительную беседу.

Хаггари просиял — он обожал «правоучительные беседы» с женщинами. Со всех ног евнух припустил к двери. Вскоре он привел в сад Сабу. Ее руки были связаны за спиной.

— Сопротивлялась, — пояснил Хаггари. — Пырнула ножом какого-то олуха с базара, когда он помогал нашему человеку ее скрутить.

— Здравствуй, Саба, — сказал Губар. — Как жалко ты выглядишь в этом рубище. Должно быть, украденное у меня золото не пошло впрок. Впрочем, я сам виноват, не сказал тебе еще при первой нашей встрече, что на чужом горе счастья не построишь. Правда, Хаггари? — обратился он к евнуху.

— Воровать грешно, — совершенно серьезно отозвался Хаггари. — Так учила меня приемная мать. И наказывала, когда я не слушался. Наказать ее, хозяин?

— Да, пожалуй, только отведи куда-нибудь подальше. А потом возвращайтесь, нам предстоит важный разговор.

Улыбаясь до ушей, Хаггари схватил дрожащую от страха Сабу и как паук муху потащил к своему жилищу, но по пути не выдержал соблазна из всех сил дернуть ее за волосы. Поскольку это произошло на самом краю пруда, он и глазом моргнуть не успел, как оказался в воде, среди визжащих с перепугу женщин. В руке он сжимал грязный седой парик. Саба тряхнула светлыми волосами и расхохоталась, а на лице Губара появилась улыбка. Отплевываясь, евнух полез на сушу.

— Постой, Хаггари, — сказал Губар, когда евнух с перекошенным от злости лицом снова вцепился в Сабу. — Остынь. — Он вопросительно посмотрел на Сабу. — Скажи-ка, красавица, почему тебя ищет Пузо?

— Пузо? — переспросила Саба излишне беззаботным тоном. — Да он просто влюбился в меня.

По лицу Губара расплзалась ухмылка.

— И чем же тебя не устраивает такой прекрасный кавалер?

— Я еще слишком молода, чтобы полюбить по-настоящему, — не задумываясь, ответила Саба. — Я дорожу свободой.

— Хозяин, подари мне эту суку, — с жаром произнес евнух.

— Нет, Хаггари, — рассмеялся Губар. — Возлюбленная самого Пуза — слишком важная персона. Я займусь ею сам. Для начала устрою ей встречу со старым знакомым, симпатичным молодым жонглером, он, наверное, уже затосковал в одиночестве. А ну-ка, обыщи нашу гостью, вдруг она что-нибудь украла на базаре.

Евнух коршуном бросился на Сабу. И мига не прошло, как он торжествующе поднял в руке статуэтку Бела.

— Деревяшка какая-то. — Он снова ощупал Сабу и ничего не нашел.

— Подай-ка. — Губар с интересом повертел деревянную статуэтку в руке. — Дешевая поделка. Зачем она тебе? — спросил он Сабу.

Та слегка растерялась. Может, рассказать Губару про идола? Нет, пожалуй не стоит.

— Как сорока, — упрекнул ее Губар. — Тащишь все, что плохо лежит. И не стыдно?

— Хозяин, — канючил евнух, — позволь, я ее воспитаю.

— Это мой талисман, — сказала Саба. — Я его всюду ношу с собой. Бел — бог воров, разве не знаешь?

С лицом Губара вдруг произошла перемена — улыбка исчезла, глаза округлились, челюсть слегка отвисла. Но вскоре выражение полной растерянности сменилось мрачной радостью. Губар победоносно глянул на Сабу.

— Да что ты говоришь? А по-моему, это не Бел, а кто-то другой. Ты знаешь, Саба, мне чем-то нравится эта статуэтка. Надеюсь, ты не будешь в обиде, если она украсит мой домашний алтарь.— Он перевел задумчивый взгляд на евнуха.— Хагтари, отведи нашу гостью к жонглеру.

* * *

Кто-то безжалостно тряс Пролазу за плечо.

— Эй, плут! А ну, вставай. Что это ты разоспался среди бела дня, размозжи тебя Кром?

Пролаза с трудом приоткрыл один глаз и спросил заплетаящимся языком:

— Конан? Где это я?

— В храме кадуцеев. У меня тоже вопрос имеется. Где твоя часть идола?

Пролаза испуганно огляделся по сторонам. Мешочек с ониксом нетронутым лежал на туалетном столике. Немедленно с облегчением вздохнул, дотронулся до груди, и тут его глаза едва не вылезли из орбит.

— Саба! — воскликнул он, вскакивая на ноги.— Она удрала вместе с моими деньгами!

Конан невесело усмехнулся.

— А перед этим попотчевала тебя винцом?

— Точно.— Вор сокрушенно потупился.— Наверное, Бел отвернулся от меня.

— Похоже, у нас изрядно прибавилось забот,— сказал Конан.— Красотка решила уладить дельце с Ониковым по своему разумению. Думаю, ничем хорошим это для нее не кончится. Надо ее найти.

С этим Пролаза был вполне согласен. Найти плутовку и отобрать украденные деньги!

— Ладно, давай займемся делом.— Конан развязал узел с бельем и вынул голову Оникового. Затем с помощью Пролазы он соединил все обломки, и со стола на них глянуло желтое одноглазое чудовище.

— А, Кром! — выругался Конан.— Как же это я не подумался забрать у Пуза глаз?

— Да, верно, в спешке мы его потеряли,— сказал Пролаза, с любопытством разглядывая идола.— К тому же темно было. А знаешь, Конан, этот божок уже не ноет в моей голове. Может, почуял, что мы его собрали?

— Возможно. Но не думаю, что ему понравится быть одноглазым.

— Не беда.— Пролаза порылся среди побрякушек Сабы, выудил огромную красную бусину и приставил на место глаза.

Конан нахмурился. Отчего-то идол выглядел теперь еще более зловещим.

— Не пойдет,— решил киммериец.— Нет смысла рисковать, лучше еще разок наведаться к Пузу. Заодно узнаю, не его ли ребята схватили Фефима.— Увидев недоумение и страх в глазах Пролазы, Конан пояснил: — Это случилось, как только мы расстались возле цирка. Похоже, его опознали. Меня потом знакомый цирковой мальчишка догнал, рассказал, что нашего приятеля скрутили какие-то здоровенные дядьки. Не желаешь прогуляться со мной? Бояться нечего, ведь Пузо тебя в лицо не знает.

— Ну уж нет! — Пролаза отрицательно замотал головой.— Я к его дому и на полет стрелы не подойду. Лучше я здесь тебя дождусь, заодно попробую склеить это чудовище.

* * *

С деревянной статуэткой в руке Губар приблизился к алтарю. С узкой резной полочки на него равнодушно взирала добрая дюжина древних языческих идолов Заморы. Когда в жизни Губара возникала сложная ситуация, он приходил к ним, чтобы просить о защите и покровительстве. В свое время он приобрел этих идолов за бесценок — в Шадизаре они давно были не в чести, веру людскую успешно поделили между собой более могучие божества Митра, Иштар, Сет, Бел и другие. Но у этих великих богов, рассуждал Губар, слишком много дел, пустяковой подачи от них приходится ждать годами. К тому же любое посещение храма — это болезненный удар по кошельку, что-то, а подаяния из богатых прихожан жрецы выжимать умеют.

У языческих божков есть кое-какая сила, зато почти не осталось приверженцев; тем выше они должны ценить поклонение такого выдающегося человека, как шадизарский ростовщик Паквид Губар. И они действительно иногда помогали, но чаще Губара выручали его природная хитрость и сила характера.

«Быть может, с твоей помощью я наконец добьюсь успеха?» — подумал он, протирая статуэтку Бела полой шелкового халата.

«Почему бы и нет?» — зазвучало голове. Губар был готов к этому, но все-таки содрогнулся. С полки на него ревниво смотрели деревянные, каменные и металлические истуканы. По спине ростовщика бежали мурашки.

— Не очень красивое тело, — сказал он вслух. — Впрочем, ничего удивительного, ведь его для тебя выбирала воровка. У нее дурной вкус.

— Девчонка просто схватила первую статуэтку, которая под руку подвернулась. Мне она тоже не нравится. Я хочу прежнее тело, на худой конец, вырезанное из целого изумруда величиной с тыкву.

У Губара глаза полезли на лоб.

— Жадина, — правильно расценил его реакцию Ониксовый. — Все вы, люди, из одного камня тесаны. Пузо тоже скупился, а чем это для него кончилось?

— Пузо? — тупо переспросил Губар. — По-моему, он все еще жив и здоров.

— Смею тебя уверить, его дни сочтены. А также этих дерзких воров, которые меня разбили. Пусть они сколько угодно перекидывают меня из тела в тело, это их не спасет. Как не спасет любого, кто осмелится бросить вызов гордому богу с острова Каменных Истуканов, который беспощаден к врагам, зато милостив к верным и послушным друзьям, и глупцу Ахамуру не следовало забывать, кому он обязан своим...

«Так вот оно что! — Губар больше не слушал распалившегося божка. — Вот кто сделал Пузо Пузом! А ведь я подозревал, чувствовал! Не мог, никак не мог этот грязный ублюдок своим куцым умишком достигнуть всего, что он достиг. Теперь его местечко свободно, и я, быть может...»

— А знаешь, ростовщик Губар, ты мне нравишься, — сказала деревянная статуэтка. — Я заглянул в темные глубины твоего существа и вижу там мысли и чувства, которые вполне способен разделить с тобой. Если хочешь, я помогу добиться того, о чем ты мечтаешь. Подчиняйся мне во всем, и удача не заставит себя долго ждать. Потому что удача — это всего лишь следствие правильных поступков. Конечно, я небескорыстен, но просьбы мои вряд ли покажутся тебе слишком обременительными. Возможно, когда-нибудь тебе захочется сделать даже больше, чем я попрошу. Согласен?

— Согласен! — Губар ликовал. — Наконец-то у него появится могущественный союзник. А какая прекрасная возможность насолить Пузу!

— С этим я тебе обязательно помогу, — обещал прочитавший его мысли идол. — А сейчас слушай, чем ты можешь мне угодить. Во-первых, я обожаю прогулки, и слуги Пуза выносили меня в крытом паланкине. Еще на острове я привык любоваться оргиями, и здесь Пузо нередко устраивал их в мою честь, и через дырочку в ширме я видел, как он развлекается с женщинами...

— О, за этим дело не станет, — любезно пообещал Губар. — Я покажу тебе, как это делает Хагтари, Пузу такое и не снилось.

— В-третьих, нужны жертвы, лучше всего человеческие, от них у меня прибавляется сил. Для начала можешь зарезать на моем алтаре дерзкую воровку Сабу. Правда, она, сама того не желая, оказала мне услугу, пересадив из медной кастрюли в это тело и познакомив с тобой, но раз уж я обещал, что ее убьют в мою честь, пусть так и будет. И в-четвертых, я тебе все-таки советую подумать о приличном теле для меня. На худой конец, проследи за тем, чтобы Конан починил и вернул мне ониксовое. Кстати, Губар, где ты собираешься держать меня? Неужели среди этих дешевых и никчемных кукол? Мое место только в сокровищнице.

Губар бережно прижал к груди статуэтку Бела и, ступая по толстому мягкому ковру, направился к выходу. Языческие кумиры на полке проводили его мрачными взорами.

Глава 8. Кумир, павлин, друг

Жара отхлынула, покрасневшее солнце стремительно опускалось к горизонту. Конан спешил к дому Пуза, стараясь лишний раз не попадаться на глаза бандитам. На его пути стоял храм Иштар, площадь была запружена народом и гудела, как растревоженный улей. Заинтересованный, Конан решил заглянуть в храм, для этого пришлось пустить в ход локти. Здание было набито битком, прихожане буквально сидели друг на друге и говорили только о сегодняшнем знамении.

— Представляешь, почтенный Баик,— говорил один седой старец другому,— из головы Урука выскочила огромная голубая звезда и заметалась по всему храму, словно искала праведную голову, чтобы опуститься на нее. Потом замерла на миг и вылетела в двери. Видимо, мы недостаточно праведны, если божество не снизошло до того, чтобы остаться с нами.

— Может, десяти жертвенных баранов ему показалось мало? — предположил Баик.

— Двадцать баранов! — сердито поправил сосед.— Двадцать жирных баранов закололи жрецы на его алтаре, а он...

— Да какие там двадцаты! — вскричал пылкий юноша в небольшом отдалении.— Тридцать баранов! Я сам считал!

— Я тоже считал! Их было не меньше полусотни! — загалдели рядом.

— Ну, ты загнул! Какие там полсотни! Правильно было сказано, тридцать, но не баранов, а огромных породистых

коров! Я пожертвовал на них последнюю горсть золота и теперь остался ни с чем!

— И я!

— И я!

— Жрецы! Верните наши деньги! Где вы прячетесь, нечестивые мошенники! А ну, выходите, а то мы весь храм по камешку разнесем!

В храме Иштар назревала буря. Конан посмотрел на Урука. В глазах медного идола больше не теплилась жизнь. «Похоже, я снова опоздал», — с этой мыслью Конан двинулся к выходу.

— Вернись, Урук! — вопили разъяренные прихожане, швыряя в идола всем, что попадалось под руку.— Ты обещал сделать нищих богатыми. Ты не должен бросать нас, это непорочно!

— Во всем виноваты жрецы! — крикнул кто-то.— Это они не удержали Урука! Он насмотрелся на этих воров, обжор и прелюбодеев и решил, что каков поп, таков и приход.

— Бей жрецов!

Когда Конан вырвался на площадь, в храме уже бушевал праведный гнев толпы, которому позавидовал бы любой ураган.

* * *

Вот и дом Пуза. Конан остановился у высокой каменной ограды. Как теперь быть? Войти открыто? Почти без утайки рассказать о своих скромных успехах и попросить глаз идола? А вдруг успехи покажутся Пузу настолько скромными, что он придет в бешенство и прикажет слугам умертвить Конана на месте? Вдруг он уже пронюхал, что Конан вступил в сговор с ворами, которые разбили Ониксового? Вдруг толстый бандит считает, что вреда от киммерийца больше, чем пользы?

А что, если незаметно перелезть через ограду, разыскать Пузу, залечь неподалеку и последить за ним, послушать, о чем он говорит с холуями? Выяснить, в каком он настроении. Вечер погожий, хозяин дома, наверное, отдыхает в саду. Понадеявшись на это, Конан больше не раздумывал.

Ограду он преодолел беспрепятственно, но потом пришлось затаиться в кустах — подождать, пока мимо пройдут двое стражников с длинными ножами на поясах. Конан много раз бывал в этом саду и хорошо запомнил маршруты караула. Бесшумно, как летучая мышь, киммериец скользнул под соседний куст, потом ползком между клумбами двинулся к большой беседке, обсаженной розами. В беседке горел свет и виднелись человеческие силуэты. Осторожно раздвинув стебли, Конан втиснулся между розовыми кустами и дощатой стенкой. Розовые колючки вмиг покрыли его лицо и руки мелкими царапинами, но стоило пойти на такую жертву ради уверенности, что никто из охранников не заглянет сюда. И в самом деле, кому придет в голову, что человек в здравом уме способен забраться в розовые кусты?

Конан напряг слух и прежде всего услышал сосредоточенное чавканье и хруст разгрызаемых костей. Из беседки умопомрачительно пахло копченым кроликом. У Конана потекли слюнки, он вспомнил, что с утра ничего не ел. В животе забурчало так громко, что он встревожился: вдруг услышат? За дощатой стенкой раздалось аппетитное бульканье, затем трапезничающий блаженно рыгнул и со стуком опустил посудину. Конана охватила черная зависть.

— Хозяин, — слышался вдруг подбострастный голос, — есть новости.

Ответом было молчание. Конан предположил, что Пузо жестом велел слуге излагать.

— Губар схватил воровку Дану.

— Дану? Эту подлую суку? Попалась наконец! — Судя по голосу, Пузо несказанно обрадовался. — Ну, так в чем дело? Почему она еще не здесь?

— Твоя светлость, дело в том, что Губар ее прячет. Наш человек из его охраны шепнул...

— Прячет? Он что, умом тронулся? Да я его в бараний рог!

— Это еще не все, хозяин. Циркач Маагр укрывал у себя другую воровку, Дориду. Ту, которая наших парней оглушила, когда идола твоего умыкнули.

— Маагр? Старый пьяница? Да как он посмел! Ну, теперь ему не сносить красноносой башки!

— И это еще не все, твоя светлость. Северянин Конан, которому ты дельце поручил, Дориду из цирка увел и где-то спрятал.

— И Конан? То-то он как в воду канул. Предал меня, значит. Что ж они, сговорились? А? Почуяли слабость, да и решили втроем навалиться? Неужто... — В голосе Пуза зазвучала растерянность. — Неужто их Ониксовый переманил?

— Ониксовый, хозяин? — тупо переспросил слуга.

— Проклятье! — кипятился Пузо. — Никому верить нельзя. Пока ты силен, все тебе пятки лижут, а как... Ну, что стоишь? — заорал он на слугу. — Конана найди! Маагра за шкуру и сюда! Сам поезжай к Губару, скажи, с огнем он играет! Чтобы живо Дану ко мне доставил, иначе пусть пеняет на себя!

Раздался частый топот — слуга побежал исполнять поручения.

— Эх, натура людская, подлая, — сокрушенно произнес Пузо. — Никому верить нельзя. Ты о них как о родных детях заботишься, а они...

Он машинально потянулся к блюду, оторвал кусок кроличьего мяса и вонзил в него зубы. Да так и замер от неожиданности.

— Ты хотел меня видеть? — Конан быстро и бесшумно приблизился к главарю шадизарских преступников.

Пузо смотрел на него вытаращенными глазами. Нижняя челюсть отпала, крольчатина вывалилась изо рта. Руки Конана потянулись к его горлу, и Пузо, сипя от ужаса, заслонился жирными руками.

Пальцы киммерийца коснулись его груди, сомкнулись на большой бледно-желтой бусине, рванули. Золотая цепочка лопнула почти беззвучно.

— Стража! — пискнул Пузо. — Грабят.

— Для тебя же стараюсь, — с укором произнес Конан. Глаз Ониксового отправился к нему за пазуху. Киммериец заботливо поднял с колен Пуза кусок крольчатины и вот-

кнул перепуганному бандиту в рот.— Ты кушай, кушай. Все будет хорошо.

С этими словами он перемахнул через стенку беседки и метнулся к каменной ограде.

* * *

Путь от особняка Пуза до храма кадуцеев Конан одолел бегом и, чуть пошатываясь от усталости, ворвался в келью Сабы.

— Пролаза! Ты здесь?

Кромешная мгла не ответила. Конан ощупью приблизился к туалетному столику и нашел канделябр. Пришлось повозиться с кресалом, чтобы затеплить огарок свечи. Комната была пуста. Вместе с Пролазой сгинул и идол — в этом киммериец убедился, перевернув все вверх дном.

— Распотроши меня Кром! Вот и верь после этого людям.

Исчезновение Пролазы не столько разозлило, сколько огорчило Конана — он-то считал немедийца человеком по своему порядочным. Он вспомнил, что утром у Пролазы не болела голова. Должно быть, воришка решил, что его беды позади и счел за лучшее просто-напросто смыться с дорогими камнями. И теперь ищи его, свищи.

В отчаянии Конан топнул ногой и выругался. Но досадовать было некогда. В эти самые мгновения к загородному дому Губара на коне или в наемной повозке ехал посланник Пуза. Надо было его опередить.

Второпях сунув за пазуху несколько черствых лепешек, Конан бросился к выходу.

* * *

— Я приготовил тебе подарок, — сообщила статуэтка Бела. — Завтра губернатор дает ужин в честь совершеннолетия своей единственной дочери. Там будут присутствовать только избранные. Утром получишь приглашение.

— Как тебе это удалось? — Губар поймал себя на том, что его рот расплывается в счастливой улыбке.

— Это было несложно. Губернатор имеет обыкновение дремать после обеда. Сегодня я явился к нему во сне и

объяснил, как важно человеку на его должности иметь друзей среди состоятельных и добропорядочных горожан. А заодно внушил, что якшаться с преступниками наподобие Пуза — дурной тон.

Ростовщик расхохотался. Если так пойдет и дальше, Пузо очень скоро останется ни с чем. Он еще в ногах у Губара валяться будет, кланчить крохи со стола.

— Спасибо, Ониксовый! Я твой должник.

— Долг платежом красен, — без обиняков заявил божок. — Я жажду человеческой крови.

— Завтра, — твердо пообещал Губар. — Завтра ты получишь свою жертву.

— Пусть это будет девушка из твоего пруда, пепельная блондинка с большими синими глазами. Она мне понравилась.

— Лиз?! — воскликнул Губар. — Но мы же договаривались о Сабе!

— Саба может подождать. Сейчас я хочу крови Лиз.

— Проклятье! Нет, Ониксовый, я не согласен. Кого хочешь бери, только не Лиз. Она самая красивая из моих жен, настоящая бритунка благородных кровей. Половина шадизарской знати мне завидует. Вдобавок, она обошлась в целое состояние. Возьми лучше Сабу, какая тебе разница.

— Сначала будет Лиз, — непреклонно заявил Ониксовый. — Потом чернокожая женщина. У меня еще не было чернокожих.

— Кушитка? О, тысяча демонов! Этак ты меня совсем без жен оставишь. Помилуй, где это видано, чтобы в жертву богам приносили членов собственной семьи? Ты хоть представляешь, какие ужасные слухи поползут по городу?

— Обязательно поползут, — злоецо подтвердил Ониксовый, — если ты меня рассердишь. Ужасные слухи о том, что я с тобой сделал. А чтобы не казаться голословным...

Паквид Губар взвыл и схватился за горло. Глаза его выпучились, язык вывалился и вмиг посинел. Через несколько мгновений, которые показались ростовщику вечностью, удушье отпустило, зато в животе вспыхнула невыносимая боль. Она перекочевала в колено — казалось, в него

вцепился клыками громадный сторожевой пес. Затем боль ударила в пах. Придя в себя, Губар обнаружил, что сидит на полу, истерически всхлипывает и размазывает по щекам слезы.

— А теперь согласен? — холодно поинтересовался божок.

— Нет, — дрожащим голосом произнес Губар.

Дом затрясся, пол под ногами ростовщика заходил ходуном. Статуэтка Бела упала на пол. Губар взвыл, когда с полки свалилась и разбилась вдребезги драгоценная фарфоровая ваза из далекой Вендии. Ее звон подействовал на него сильнее любой физической боли. Из глаз Бела вырвалось красное пламя, заметалось по комнате, ударилось в стену. Раздался грохот, по стене разбежалась паутина трещин.

— Согласен! — вскричал Губар. — Согласен! Прекрати! Будет тебе Лиз, завтра же!

Разбуженное лихо улеглось не сразу. Наконец пламя вернулось в статуэтку. Мокрый от пота и слез, Губар попятился к двери, нажал на нее задом, споткнулся о порог и повалился в коридор. Вскочил и бросился в спальню, чтобы залезть с головой под одеяло и там, выбивая зубами барабанную дробь, дать себе клятву никогда и ни в чем не отказывать идолу.

* * *

Бритоголовый охранник четырежды стукнул в ворота деревянным кольцом. Два раза громко, на третий — тише, и снова громко. Скрипнули петли, в воротах открылось окошко.

— К хозяину от Пуза, — отрывисто сообщил патрульный.

Окошко закрылось, вероятно, один из привратников отправился с докладом к Губару. Спустя довольно много времени оконце открылось вновь. Человек за воротами что-то сказал. Патрульный без звука повернулся, прошел по мосту к повозке и сказал посланнику:

— Подойди к воротам. Хозяин с тобой поговорит.

Конан не опасался, что его узнают. Было за полночь, к тому же его лицо пряталось под соломенной шляпой с вислыми полями, а приметная фигура — под длинным плащом. Чтобы изменить голос, он положил в рот глаз Ониксового. Настоящий гонец Пуза, а также возница, надежно связанные по рукам и ногам, лежали под придорожным кустом в добрых двух полетах стрелы от особняка Губара.

Неторопливой уверенной поступью Конан приблизился к воротам. Телохранитель ростовщика с опаской следовал на почтительном отдалении. Когда повозка остановилась за мостом, он попробовал тайком подкрасться к гостю, приставить к горлу кинжал и отобрать оружие. Но сокрушительный удар в челюсть и острое меча, упершееся в живот, убедили его отказаться от этого намерения.

— Что надо от меня Пузу среди ночи? — недовольно спросил Губар из-за ворот.

— Его шветлошь ужнал, што ты прянешь воровку, — прошепелявил Конан.

— Кого? — изобразил удивление ростовщик.

— Девку, которая шперла у хозяина одну штучку. Шаба ее жовут.

— Ша-аба? — протянул Губар. — Впервые слышу. С чего он взял, что она у меня?

Посланник хмыкнул.

— Пужо предупредил, что ты будешь отпираться. Он не велел тебя упрашивать. Он велел шжечь к шобачьим демонам твое поганое гнездо. А тебя к нему доштавить, и вовше не обязательно живым.

Паквид Губар в ужасе отшатнулся от ворот. У Пуза слово с делом не расходится, когда он угрожает, жди беды. Как теперь быть? Бежать к идолу, молить о защите? Он-то, может, и защитит, а вдруг нет? Что, если головорезы Пуза оцепили особняк и ждут только сигнала? Что, если его лучники, не знающие промаха, уже перебрались через стену, залегли в саду или на крыше и целятся Губару в спину? Рано, рано ссориться с могущественным бандитом. Надо

отдать ему Сабу. Ониксовый, конечно, рассвирепееет, но это сейчас меньшее из двух зол.

— Ежели тебе не терпитша штать покойником,— спокойно произнес посланник,— так и шкажи, чего время тянуть?

— Шаба, Шаба...— растерянно проговорил Губар.— Как она выглядит? Золотистые волосы, длинные ноги, наглый взгляд?

— Она шамая.

— А! Так это ж не Шаба, а Саба,— с притворным облегчением сказал ростовщик.— Просто я тебя неправильно понял. Все верно, у меня эта лисица. Долго я за ней охотился, а уж как обрадовался, когда поймал... Большие у меня к ней претензии. Но уж коли и Пузу она понадобится, буду счастлив оказать ему услугу. Передай его светлости, что Губар с искренним удовольствием...

— Хватит болтать! — грубо перебил посланник.— Веди шуда девку.

* * *

Когда Конан, решивший побывать у Пуза, исчез за дверью кельи, Пролаза занялся реставрацией статуэтки. Но вскоре пришлось покинуть храм кадуцеев, чтобы заглянуть в ближайшую гончарную мастерскую, узнать у хозяина, чем лучше всего склеить разбитую каменную статуэтку, и тут же украсть пригоршню вязкой серой массы. Сразу после этого он вернулся в комнату Сабы, и вскоре перед ним стоял починенный идол с вилайетского острова. Обломки были состыкованы вкривь и вкось, вместо правого глаза блестела красная бусина, на туловище засыхали потеки клея. Но Пролаза был вполне доволен делом рук своих. Он никогда не замечал у себя задатков скульптора.

— Ну что, добился своего? — обратился Пролаза к изваянию.— Теперь дело за малым. — Вор прислушался к себе, но голос Ониксового в голове не звучал.— Интересно, чего ты ждешь? Так долго ныл, упрашивал, чтобы мы тебе вернули распрекрасное тело. Вот оно, полезай!

Ответом было молчание.

«А что, если он вообще про меня забыл? — подумал Пролаза.— Или даже подох? Интересно, может ли бог умереть?»

— Эй, ты, пугало каменное!

Тишина.

— Куда подевался, урод?

«Похоже, ему и впрямь не до меня,— сделал утешительный вывод Пролаза.— А раз ему не до меня, то и мне не до него».

Немедиец воспрянул духом — впервые за несколько дней случилось что-то хорошее. Его взгляд рассеянно скользнул по комнате и остановился на ониксовой фигурке. «А ведь за нее можно выручить неплохие деньги. Если всего за треть идола Лейвон меня озолотил, то за целого...»

У Пролазы глаза зажглись алчностью. «Конечно, есть не-большое “но” — статуэтка не совсем моя. Но если хорошенько спрятаться... Да и вообще с такими деньжищами запросто можно перебраться в другой город. В Арэнджун, например. Зажить по-честному, лавку открыть...» Впервые идея оставить воровской промысел не показалась Пролазе абсурдной.

«О, Бел! Что это со мной? Никак, старею? А может, просто устал прятаться и дрожать за свою шкуру? Кто позаботится о воре, если не он сам? Конану хорошо, у него вон какая силища, женщины точно мухи липнут, удача — как мать родная, да и на что ему этот идол? Скоро он о нем забудет, другие дела появятся».

Так успокаивал себя Пролаза, но в глубине души испытывал стыд, не говоря уже о боязни быть пойманным. Но в конце концов соблазн победил, и немедиец начал собираться в дорогу. Бережно завернул статуэтку в юбку Сабы, положил в холщовый мешок, туда же сунул немного еды, кое-что заботливо оставив для Конана. Уже без зазрения совести побросал в мешок Сабины побрякушки. Поделом ей, будет знать, как друзей обворовывать! Помнится, где-то здесь стояла деревянная фигурка бога воров Бела. Пролаза давно положил на нее глаз, и сейчас она бы вполне пригодилась — как талисман. Но Бел точно в воду канул. «Ну и ладно,— махнул рукой Пролаза.— Налегке приятней путешествовать». Глянув напоследок в зеркало и показав язык

своему узкому лицу с острым маленьким носом и бегающими глазами, Пролаза поспешил к выходу.

Полночь застала его в нищем юго-восточном квартале, где жилые постройки перемежались со старыми и новыми кладбищами для бедняков. Пролаза ни за что бы сюда не сунулся с полным мешком сокровищ за плечами, если бы через этот квартал не проходила дорога на Арэнджун. О трущобах на юго-восточной окраине ходили самые невероятные слухи, кумушки на базаре, боязливо озираясь, рассказывали всякие ужасы о людоедах, оживших мертвецах, оборотнях и прочей нечисти, якобы обитающей там и выползающей по ночам из могил, чтобы терроризировать добропорядочных граждан. Пролаза лишь посмеивался, слыша такие разговоры, — к числу добропорядочных граждан он себя не относил.

Пролаза взглянул на небо — как раз вовремя, чтобы заметить вынырнувшую из облаков громадную полную луну. С пронзительным мяуканьем впереди через дорогу метнулась черная тень. Трижды каркнула невидимая ворона на верхушке кривобокой осины. Как и все, кто живет воровским ремеслом, Пролаза был суеверен, но он прошел почти до конца квартала — что ж теперь, возвращаться и огибать его по бездорожью? Бел с ними, с приметами, сейчас не время. Впереди пустырь, за ним последнее кладбище, а дальше чистое поле, до него уже недалеко, и там бояться некого. Краем глаза немедиец уловил движение на обочине, ойкнул и присел от страха. Но тут же слегка успокоился. Это всего лишь нищий, немой и безногий, протягивает шляпу. Вот тебе медный грошик, нищий, побалуйся винцом за мое здоровье. Пролаза двинулся дальше, перейдя на всякий случай на другую кромку дороги, и с этого момента его не покидало ощущение, что за ним следят. Он то и дело озирался и в освещенных окнах домов за пустырем замечал человеческие силуэты; всякий раз они спешили исчезнуть, словно чувствовали его взгляд. Нищий сгинул в темноте, и Пролаза, оборачиваясь, больше не видел позади ничего подозрительного, лишь один раз ему показалось, что дорогу быстро пересек кто-то высокий и темный. И тут он

обнаружил, что у него трясутся поджилки. Неведомая угроза витала в воздухе, обволакивала липким страхом.

«Глупости, — тщетно успокаивал себя Пролаза. — Мне просто мерещится. Никто не знает, что я несу в мешке, никому до меня нет дела». Он так часто оглядывался назад, что едва не столкнулся с прохожим в черном балахоне. Немедиец отпрянул в сторону; встречный остановился и повернулся к нему лицом. Удаляясь от него почти бегом, Пролаза миновал заросли кустов и за ними увидел костерок; вокруг него неподвижно стояло несколько человек в черных балахонах, лица их прятались под капюшонами.

«Нищие, — сказал себе Пролаза. — Самые обыкновенные бродяги. У них нет денег на ночлег в городе, вот они и греются у костра за околицей. Наверняка они здесь чужие, сами боятся. Если их не задирать, они меня не тронут».

Костер потрескивал. Двое в балахонах безмолвно двинулись наперерез немедийцу. У него мороз побежал по коже.

Он попытался обогнуть зловещих незнакомцев, но один из них совершил неуволимое движение, и Пролаза ощутил, как в предплечье ему, точно железные клещи, впиваются пальцы. Он вскрикнул, рванулся, ударил черного кулаком в лицо. Он промахнулся, но сбил капюшон, и тут же из горла Пролазы вырвался вопль ужаса. Лицо человека в черном было залито кровью и гноем, правый глаз отсутствовал, левый свисал на нерве.

Мертвец!

Второй упырь вцепился в него сзади, и тут же зашевелились остальные. Безмолвно обступили Пролазу со всех сторон. Немедиец снова рванулся, высвободил руку, изо всех сил лягнул мертвеца, который стоял позади, и ударом мешка по голове опрокинул еще одного, который бросился на колени, чтобы схватить его за ноги. Мешок лопнул по шву, на мостовую посыпались обломки ониксового идола. Пролаза кинулся наутек. Ноги предательски подкашивались, он не бежал, а семенил; его догнал бы и ребенок. Упыри густой цепью шествовали следом. Крича благим матом, Пролаза добежал до ближайшего дома, забарабанил кулаками в дверь. Послышались медленные шаги хозяина. Гроз-

ные силуэты преследователей приближались; подпрыгивая от страха, Пролаза уже не кричал, а визжал. Вот они в пяти шагах, поднимают руки, чтобы откинуть капюшоны... Но спасение рядом! Громыкнул засов, отворилась дверь... На пороге стоял упырь в черном балахоне. Пролаза вскрипнул и пустился дальше по улице. Столько домов, должен же в них кто-нибудь жить!

Ему только казалось, что он бежит. На самом деле он едва переставлял ноги, мягкие, как тряпичные жгуты. В конце концов ноги отказали, и он сел в дорожную пыль.

Мертвецы снова окружили его, и одноглазый достал из-за пазухи что-то блестящее. Расправив златотканую шляпу со свалывшимися павлиньими перьями, нахлобучил ее на голову Пролазы. В лунном свете зловеще замерцали павлиньи «глаза».

И тут в мозгу немедийца адским пламенем вспыхнули три слова. Каждое из них само по себе было вполне невинным, но вместе они олицетворяли угрозу, страшнее которой Пролаза не знал.

«Золотой... Павлин... Сабатеи...»

* * *

— В сторону! — Конан схватил Сабу за руку и увлек прочь с дороги. — Всадники!

Они залегли в кустах. В темноте нарастала дробь множества копыт, со стороны Шадизара приближался большой конный отряд. А затем луна осветила не меньше семи десятков седоков — самого что ни на есть зловещего вида лихих молодцов, с ног до головы увешанных оружием. В арьергарде карета, запряженная четверкой крепких коней, везла самого Пузо — даже в темноте лубочная канарейка на дверце сверкала золотом. Судя по злым возгласам и переругиванию всадников, они были подняты среди ночи и оттого настроены более чем агрессивно. Конан знал, что воровскому «герцогу» Ахамуру Байсе Саламбену Давгалою Умбрие Лучимии подчиняются не меньше тысячи «вассалов», и по первому его зову с ближайших кварталов сбегается несколько десятков опытных бойцов. Что же застави-

ло его среди ночи поднять людей и отправиться в поход? И куда он держит путь?

Еще не успев задать себе эти вопросы, Конан понял, что знает ответы. Эта дорога ведет прямо к особняку Паквида Губара. Бандитский главарь за что-то осерчал на ростовщика и решил его наказать. За то, что посланник Пуза не вернулся с Сабой? Вряд ли. Скорее всего, гонец и сейчас лежит в путах и с кляпом во рту. Если и освобожден, добраться до своего господина за это время он никак не мог. Должно быть, что-то случилось, о чем Конан пока не знает. Он похвалил себя за предусмотрительность: правильно сделал, что обратно пошел пешком, оставив повозку гонца неподалеку от особняка. Пешему на ночной дороге легче укрыться от проезжих лиходеев. Когда эти всадники обнаружат повозку, они, скорее всего, задержатся и прочешут ближайшие окрестности.

— Конец Губару, — глухо прошептала Саба. — С Пузом шутки плохи.

— Может, отобьется? У него же не дом, а настоящая крепость. — Но Конан и сам не верил, что Губар победит в войне со всемогущим бандитом. В лучшем случае, он отразит первый штурм, но Пузо обязательно вернется с подкреплением. Он не успокоится, пока не выпустит кишки своему бывшему приятелю.

— Они там всех вырежут, — рассуждала вслух Саба. — Эх, не повезло Фефиму.

— Фефиму? — Конан ошеломленно повернулся к ней. — Разве он там?

— А что, я тебе не сказала? — небрежным тоном спросила Саба. — Ну, виновата, как-то из головы вылетело. Там он, в колодце. Помнишь арену-колодец, где Губар нас в прошлый раз чуть не утопил? Он и сейчас меня туда бросил, такая вот гадина. Это, говорит, чтобы освежить приятные воспоминания. А Фефима там еще раньше заперли.

— А, Кром! — Беспечность Сабы привела Конана в бешенство. — Безмозглая самодовольная курица! Его же убьют из-за тебя!

— При чем тут я? — ощерилась Саба. — У Губара в особняке полторы дюжины вооруженных телохранителей, где нам с тобою их одолеть?

— Я бы потребовал выдать и его, — сказал Конан. — Сказал бы, что Пузо...

— Тут бы тебе и конец, — перебила Саба. — Губар не такой дурак, чтобы дважды попасться на одну уловку. Да плюнь ты, Конан, твоей вины тут нет. Плетью обуха не перешибешь. Может, и спасется Фефим. Он ведь Пузу не враг, за что его убивать?

— В темноте, — глухо произнес Конан, — банда разбиться не будет, кто прав, а кто виноват. Вырежет всех до одного, а дом спалит. Пузу свидетели ни к чему. Я возвращаюсь.

— Зачем? — с искренним удивлением спросила Саба. — Тебя же обязательно убьют. Какая в этом выгода? Стоит ли рисковать ради какого-то ярмарочного артиста? Брось, Конан, это не твоя война. Проклятый идол оставил нас в покое. Наши враги сейчас будут резать друг другу глотки. Все великолепно складывается. Знаешь, о чем я думаю? Давай вернемся в Шадизар и поработаем вдвоем, а? Будем грабить толстосумов. Я, между прочим, такой шикарный налет задумала — самому Пузу не снился. От тебя сущие пустяки потребуются — треснуть сзади по башке кое-кого...

Фраза повисла в воздухе. Недоуменно пожав плечами, молодая женщина смотрела, как силуэт рослого, плечистого мужчины тает в ночном мраке. Потом она сдавленным голосом выругалась и вернулась на дорогу.

* * *

Кресло было обито черным бархатом, подлокотники и спинка украшены причудливой резьбой и позолотой. Это было любимое кресло Паквида Губара, оно всегда стояло в сокровищнице, и ростовщик имел привычку подолгу сидеть в нем, любуясь своими богатствами. Но сейчас Губар сидел напротив кресла прямо на каменном полу, всем своим видом демонстрируя смирение, даже подобострастие, а на черном бархате стояла деревянная статуэтка.

— Губар, я разочарован в тебе, — прозвучало в голове ростовщика.

Это Губар и сам уже понял. От статуетки буквально веяло раздражением. Обратясь к Ониксовому с пустяковой просьбой — подсказать, кто из должников не намерен возвращать ссуду, а решил удариться в бега, — ростовщик не услышал в ответ ни слова. Он несколько раз повторил вопрос, а потом заподозрил, что божок затаил на него обиду.

— Но почему, господин мой? Разве я недостаточно почтителен?

— Да, недостаточно. Почтительность выражается только в голосе и взоре, но не в мыслях. Разве ты забыл, что я способен читать мысли? Я прочел их все до одной. Ты думаешь только о собственной выгоде. Когда же я о чем-нибудь тебя прошу, ты изворачиваешься, как змея на раскаленных углях. Заметь, ты не выполнил еще ни одной моей просьбы. Пузо, при всех его недостатках, никогда не осмеливался так обращаться со мной. Любые мои желания для него были священны.

— Для меня они тоже священны, повелитель, — с напускной робостью произнес Губар.

— Ложь! Сколько раз я просил тебя принести мне жертву? Но ты под любым предлогом тянешь время. Ахамур никогда так не поступал.

«Заладил — Ахамур, Ахамур, — раздраженно подумал Губар. — Что же ты сбежал от своего драгоценного Ахамура?»

— Я не сбежал, меня украли, — ледяным тоном напомнил Ониксовый, и Губар густо покраснел. — Ты прав, мне нельзя грубить даже в мыслях, я этого не прощаю. Так вот, меня украли и разбили, и за это я очень рассердился на Ахамура. Ему следовало хранить мое тело пуще собственного ока. Но в последнее время мне кажется, что он не так уж и виноват. И к тому же он гораздо порядочней, чем один мой знакомый скряга. Сказать по правде, за все эти годы я успел привыкнуть к Ахамуру и теперь даже скучаю слегка. Пожалуй, я готов простить его, если он искренне покается.

— В этом нет необходимости, господин,— залебезил Губар.— Я все понял, полностью осознал свою вину! Впредь я буду сама почтительность, и завтра сразу же после визита к губернатору принесу в жертву Лиз...

— Завтра для тебя не будет, Губар,— будничным тоном проговорил Ониксовый.— Пока ты приставал ко мне со своими дурацкими просьбами, я потолковал с Ахамуром. Все рассказал о тебе. О том, как ты строишь козни против него. Как ты надеешься, что я помогу сжить его со свету. Как ты выдал Сабу Конану, который пришел под видом его слуги...

— Конану?! — вскричал Губар.— Так это был он? Негодйй обманул меня! А ты знал — и молчал?

Идол надменно рассмеялся.

— Да, я знал, а теперь и Ахамур знает. Я же говорил, надо было принести Сабу в жертву. Ты совершил ошибку и за это заплатишься головой. Мы с Ахамуром решили помириться, и сейчас он во весь опор скачет сюда.

Губар вскочил на ноги. Стыдливый румянец успел исчезнуть с его щек, но теперь они снова покраснели — от гнева. Этот подлый истукан предал его! А он-то заботился о проклятой деревяшке, метал перед ней бисер, лез вон из кожи, чтобы понравиться! Губар вдруг поймал себя на том, что нисколько не боится — ни Ониксового, ни Пуза. «Пусть один из них бог, а другой демон во плоти,— мы еще посмотрим, чья возьмет!»

— Не вздумай ко мне прикасаться, недолговечный! — визгливо произнес божок, и Губар безошибочно узнал в его голосе страх.— Иначе твоя смерть будет воистину ужасна!

— Ничего ты мне не сделаешь.— Широко ухмыляясь, ростовщик подошел к стене и снял с нее горящий факел.— Если б мог, уже бы со мной покончил. Ты слишком слаб в чужом теле.

— Слаб? Ошибаешься, недолговечный!

Внезапно все кругом пришло в движение — распахнулись тяжелые сундуки, золото гейзерами ударило в потолок, широкий стол эбенового дерева встал на попу, сбрасы-

вая драгоценную посуду и оружие. Ярко вспыхнул факел, сноп искр ударил Губару в лицо. Он зажмурился, заслонился свободной рукой, и тут затрещали доски пола, одна из них подскочила и саданула его по лодыжке. Ростовщик присел, шипя от боли, а затем выпрямился, воздел факел над головой и оглушительно расхохотался.

— Кажется, сейчас кому-то придется искать себе новое тело,— зловеще проговорил он.

— Не смей ко мне приближаться с огнем! Не смей! Ахамур! Мальчик мой, где ты! Спаси меня! Спаси!

* * *

— Это Конан,— узнал атаман шадизарских бандитов одного из окровавленных мужчин, появившихся впереди в дверном проеме.— А второй кто? А, жонглер.— Он повернулся к своим людям.— Ты, ты и вы двое. Вперед. Я хочу видеть их мертвыми.

Четверо бандитов молча бросились в атаку. Почти тотчас из-под ног у одного вырвались каменные плитки пола. Они сразу же сдвинулись, и на полу осталась только голова, а туловище улетело в подземелье. Затем раздался хруст, и второй разбойник опрокинулся навзничь, его правая лопатка была расколота стальной арбалетной стрелой, вылетевшей из отверстия в стене. Двое избежали ловушек и добрались до Конана и Фефима. Пока жонглер, еле живой от ран и ушибов, сползал по дверному косяку, Конан с обнаженным мечом шагнул навстречу нападающим и в мгновение ока расправился с первым. Второй обратился в бегство. Конан нагнулся, подобрал пику убитого, взвесил на руке, а затем неуловимым движением занес над головой и метнул в спину убегающему. Истощенный вой, точно кнут, хлестнул по высоким сводам.

— Пузо,— крикнул Конан,— ведь ты не ради нас сюда явился. В этом доме полно смертельных ловушек. Стоит ли зря губить людей? Ты и так потерял уже больше половины. Гляди, останешься один, когда доберешься до Губара. Дай нам пройти, и я скажу, где его искать.

Пузо криво улыбнулся.

— Губар уже мертв, киммериец, — спокойно произнес он. — Я хотел взять его живым, но не удалось. Когда мы добрались до сокровищницы, там лежал только скорченный труп. О ростовщике позаботился наш приятель, ты знаешь, о ком я говорю? Но Губар все-таки успел уничтожить его тело. Ониксовый звал меня, молил о помощи, а я не успел его спасти. И теперь я не найду слов, чтобы выразить свое горе. Надеюсь, твоя смерть послужит хоть каким-то утешением.

Он оглянулся на свою шайку. Телохранители Губара унесли с собой в могилу немало ночных татей, еще больше бандитов погибло в разнообразных капканах особняка. Но у Пузо оставалось еще почти три десятка человек. Конан — великолепный боец, но всех ему не одолеть.

— Что вы стоите? Прикончить его!

— Эй, погоди-ка!

Возглас Конана заставил Пузо обернуться. Киммериец протягивал в его сторону знакомую вещицу. Бледно-желтый шарик покачивался на золотой цепочке.

— Узнаешь?

Пузо кивнул.

— И что с того?

— Это все, что осталось от твоего друга, — пояснил Конан. — Старое тело разбито, из медного быка его выгнали, а деревянную статуэтку уничтожил Губар. Ростовщик владел магией и в поединке с Ониксовым здорово измотал его. У твоего бывшего покровителя не оставалось сил на поиски удобного новогоместилища. Их хватило лишь на то, чтобы втиснуться в обломок привычного ониксового тела, который случайно оказался поблизости.

— Что ты хочешь этим сказать? — хмуро спросил Пузо.

— Только то, что твой приятель — здесь. — Конан встряхнул бусину. — В этом кусочке своего любимого камня. Сейчас он очень слаб и мало на что пригоден, но если окружить его любовью и почитанием, если выполнять все его желания, короче говоря, если обращаться с ним, как с божеством, к нему вернутся силы. Он сам мне об этом сказал. А еще сказал, что прощает тебя и ни о чем так не мечтает, как о возвращении в твой дом.

Наступило молчание. Три десятка головорезов оторопело глядели на Конана и своего главаря. Никто из них не понимал ровным счетом ничего. Судя по изумленным мианам на всех без исключения физиономиях, бандитам казалось, что они внимают разговору двух умалишенных.

— Да, — неохотно признал наконец Пузо. — Сейчас я тоже слышу его голос. Отдай мне этот камень. Он тебе уже не понадобится.

— Отдать камень? — Конан расхохотался. — Если как следует ударить им об стенку, от него останется крошево. А что останется от твоего покровителя, а, Пузо? Что останется от твоей власти? Разве ты еще не успел почувствовать, как она, точно вода, убегает между пальцами? Этот камень — не только цена моей жизни, Пузо. Это и цена твоего могущества.

Он умолк и с вызовом посмотрел на толстяка. Было на что смотреть — впервые за многие годы грозный атаман выглядел таким растерянным, даже пришибленным. Плечи его поникли, глаза бегали. «Правило первое, — проговорил он в уме, — не уступай никому никогда. Правило второе: никому никогда не уступай...»

«Ахамур, я умоляю! — раздался в мозгу слабый голос Ониксового. — Не губи нас! Вспомни, кем ты был, пока не встретил меня на острове».

И тут Пузо с содроганием вспомнил ехидный голос капитана «Воли ветров». «Ахамур, напхни в ближайшем порту, чтобы я отвел тебя на невольничий рынок. Попробуем продать тебя какому-нибудь нищему. С паршивой овцы, как говорится...»

«С тех пор, как я встретил Ониксового, никто не издевался надо мной», — подумал Пузо.

— Хорошо, — бесцветным голосом сказал он киммерийцу. — Договорились.

— Фефима ты тоже не тронешь, — потребовал Конан.

— Не трону, — пообещал Пузо. — Давай сюда камень.

— Сначала ты мне дашь клятву, — твердо заявил Конан.

Толстяк выразительно пожал плечами, мол, сколько можно приставать ко мне со всякой ерундой. Но решил не спорить.

— Слово герцога,— буркнул он,— век добычи не видать.

Конан помог Фефиму подняться. Когда они приблизились к Пузу, бледно-желтый шарик на золотой цепочке лег на подставленную жирную ладонь. И сразу исчез в кулаке. Сверля Конана ненавидящими взорами, бандиты уступили дорогу ему и его израненному спутнику.

* * *

— Он его проглотил,— сказал Фефим, когда они вышли в сад.— Ты видел? Он его проглотил.

Конан кивнул. Он тоже заметил, как толстый атаман оторвал цепочку от камешка и сунул его в рот на глазах у оторопевших приспешников.

— Но зачем? — недоумевал Фефим.— Боялся, что украдут?

— Подожди меня здесь.— Киммериец усадил спутника на скамью у пруда и с мечом в руке направился к павильону. Дверь оказалась заперта изнутри. Не раздумывая, Конан изо всех сил ударил ее ногой. Нижняя петля не выдержала. Еще несколько ударов, и дверь с грохотом полетела на пол.

Он шагнул в проем. И застыл как вкопанный.

— Еще шаг,— прошипел Хаггари,— и я перережу ей глотку.

Евнух стоял за спиной у красивой молодой северянки, левой рукой прижимал ее к себе, а правой держал у ее горла длинный и кривой, как серп, нож. Лицо Хаггари было перекошено страхом и ненавистью. Рядом, под толстым деревянным брусом, горизонтально выступающим из стены, на длинной скамейке стояли в ряд три женщины. У каждой на шее была затянута тонкая, как струна арфы, стальная проволока, верхним концом привязанная к брусу. Толстая кривая нога Хаггари упиралась в край скамейки. Конан мгновенно понял: если бритоголовый мерзавец

выбьет скамейку из-под ног своих жертв, они погибнут почти мгновенно. Проволока — не веревка. Она не душит, а перерезает горло.

— Вам всем надо бежать,— спокойно произнес Конан.— В доме Пузо со своими головорезами. Они вот-вот спустятся в сад и всех вас прикончат.

— Хи-хи-хи! — пискливо рассмеялся Хаггари.— Придумал сказочку, чтобы отнять у меня девочок? Я тебе не верю! Они мои! Даже Губар ни одну из них пальцем не тронул, потому что они мои! Я сам буду их убивать! По одной, долго-долго. По капле высосу из них кровь. Убейся!

В глазах евнуха пылало безумие. Это от страха, догадался Конан. Пока бандиты штурмовали замок, этот подлец отсиживался взаперти и под вопли своих умирающих приятелей сходил с ума от ужаса.

— Хи-хи-хи! Но если ты хочешь, чтобы они подошли сразу, сделай шаг вперед. Один-единственный шагок.— Длинный блестящий клинок сильнее прижался к горлу северянки.

— В сторону,— раздался за спиной Конана шепот Фефима.

Киммериец не колебался ни мгновения. Он прыгнул в сторону, и тотчас коридор огласился жутким ревом. Кривой нож со звоном упал на пол. Евнух отпрянул назад и схватился за рукоять короткого метательного кинжала, торчащую из его щеки. Всего шаг отделял Хаггари от скамейки, но страшная боль в щеке, языке и небе помешала ему опомниться и сократить это расстояние, прежде чем Конан своим телом заслонил его от трех полумертвых от страха жертв. А потом боль угасла, но вместе с ней угасла и жизнь.

— Где ты раздобыл кинжал? — спросил Конан у жонглера, когда они оказались за воротами.

— Забрал у одного бритоголового возле пруда. Наверное, при жизни он тоже увлекался метанием ножей. Все-таки, как ты думаешь, зачем Пузо проглотил камень? Для пущей сохранности?

— Что-то вроде этого, — рассеянно проговорил Конан. — Сдается мне, они с божком заключили взаимовыгодную сделку.

— Точно! — осенило ФEFима. — Пузо проглотил камень, чтобы Ониксовому было проще перейти в его тело. Они теперь — одно целое. Каждый получил то, о чем мечтал. Пузо теперь бог в буквальном смысле слова. А Ониксовый наконец-то сможет сам о себе позаботиться, исполнить все свои прихоти. Знаешь, Конан, а ведь мы с тобой легко отделались. И впредь надо быть осторожнее. С этими ребятами лучше не ссориться, особенно теперь.

— Это точно, — ухмыляясь, кивнул Конан. — Только вот незадача: до Шадизара далеко, а с нами, между прочим, дамы. Да и ты слабоват еще для пешей прогулки. Где-то поблизости Пузо спрятал коней. Как думаешь, он не очень обидится, если мы позаимствуем полдюжины лошадок?

СОДЕРЖАНИЕ

Р. Шеппард
ЗЛО ВАЛУЗИИ

Часть первая. Пробуждение зла	7
Часть вторая. Степные скитальцы	53
Часть третья. Смутные дни	107
Часть четвертая. Вознаграждение	163
Часть пятая. Дух Огня	235

Г. Эйлат
РАСКОЛОТЫЙ ИДОЛ

Глава 1. Сыщик, ловец, жонглер	303
Глава 2. Доносчик, охотник, дичь	322
Глава 3. Медведь, юнга, капитан	336
Глава 4. Заказчик, танцовщица, жрица	355
Глава 5. Бык, гладиатор, василиск	375
Глава 6. Вор, горбунья, пленник	393
Глава 7. Маг, евнух, союзник	406
Глава 8. Кумир, павлин, друг	424

Литературно-художественное издание

РАЛЬФ ШЕПАРД

ГИДЕОН ЭЙЛАТ

КОНАН И РАСКОЛОТЫЙ ИДОЛ

Ответственный редактор *Наталья Баулина*

Главный художник *Сергей Шикин*

Художественный редактор *Екатерина Соболева*

Художник *Алексей Федоренко*

Верстка *Елена Посадова*

Технический редактор *Елена Шараева*

Корректоры *Вера Чаленко, Татьяна Мельникова*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 04.05.97.
Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура «Школьная». Печать
высокая с ФПФ. Бумага типографская. Тираж 20 000 экз.
Заказ № 1804.

Издательство «Северо-Запад». Лицензия ЛР № 071380
от 20.01.1997 г.

194352, Санкт-Петербург, ул. Кустодиева, д. 16, корп. 3

Для писем:

197110, Санкт-Петербург, а/я 171

E-mail: sevzap@infoagro.spb.su.

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 729
от 09.02.94. 220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35-305.

При участии МППО им. Я. Коласа. Лицензия ЛП № 82
от 02.04.93. 220005, Минск, ул. Красная, 23.

Минский ордена Трудового Красного Знамени полиграф-
комбинат МППО им. Я. Коласа. 220005, Минск, ул. Крас-
ная, 23.

Качество печати соответствует качеству предоставлен-
ных издательством диапозитивов.

